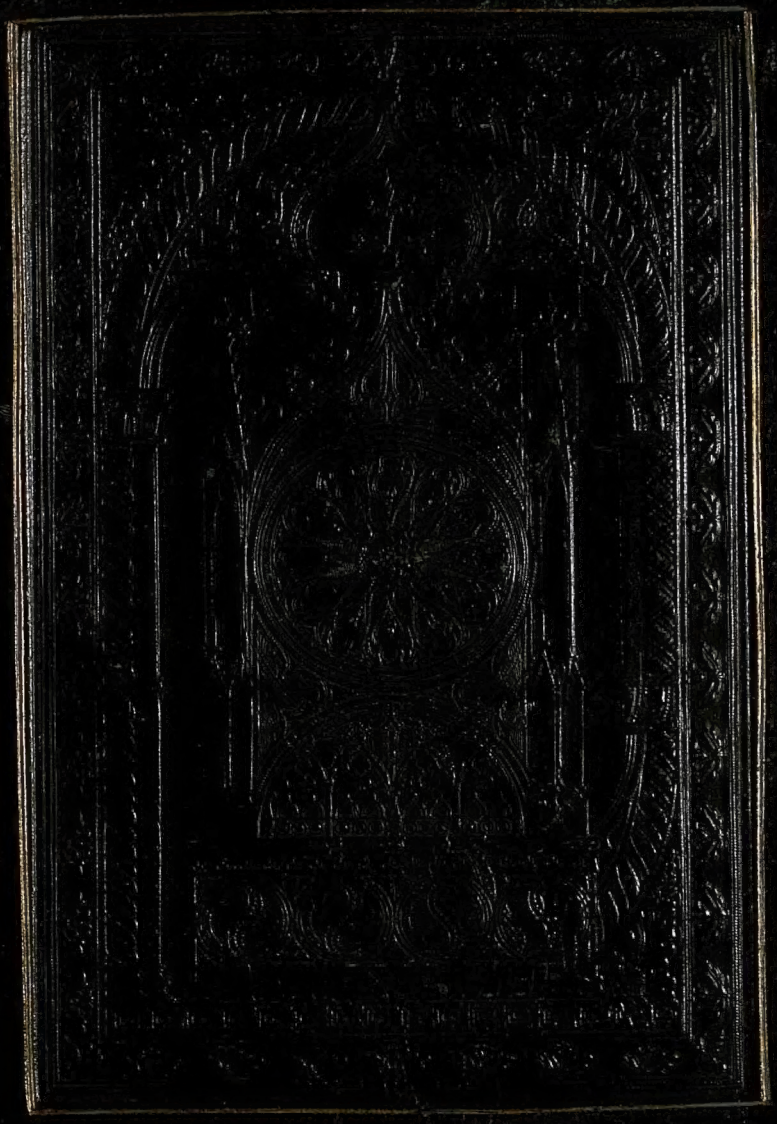
K62 1/46



К 62 1/46

Его Сіятельству

Графу Сергію Семеновичу

Уварову

усердно приносить

Николай Костырь

Адъюнктъ Университета Св. Владиміра.

ПРЕДМЕТЪ

МЕТОДЪ И ЦѢЛЬ

ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ

РУССКАГО ЯЗЫКА.

К62 1/96

ПРЕДМЕТЪ
МЕТОДЪ И ЦѢЛЬ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИЗУЧЕНІЯ
РУССКАГО ЯЗЫКА.

Курсъ читанный въ I-мъ Отдѣл. Философ. Факультѣта въ 1846—1848 годахъ.

Николая Костыря

АДЪЮНКТА УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМІРА.

Первый Семестръ.

Предварительный очеркъ a-priori: чѣмъ можетъ быть филологическое изученіе русскаго языка? — Критическая повѣрка его на томъ: чѣмъ есть филологическое изученіе у насъ. — Павскій. — Катковъ. — Шишковъ.—

—

Steure, muthiger Segler, es mag der Witz dich verhöhnen,
Und der Schiffer am Steu'r senken die lässige Hand!
Immer, immer nach West, dort muss die Küste sich zeigen!..
Schiller.

КІЕВЪ.

Въ Университетской Типографіи.

1848.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи узаконенное число экземпляровъ доставлено было бы въ Цензурный Комитетъ. Апрѣля 1-го дня 1848 года.

Цензоръ *Ѳедотовъ-Чеховскій.*

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 16431
9 X 1931 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРКЪ A-PRIORI.

Стран.

§ 1. *Общій взглядъ на состояніе филологическаго изученія русскаго языка* . . . . . 1.

§ 2. *Изъясненіе понятія: филологическое изученіе русскаго языка* . . . . . 4.

§ 3. *Обозначеніе грамматическаго изученія русскаго языка.* 6.

§ 4. *Обозначеніе филологическаго изученія русскаго языка.* 13.

§ 5. *Чѣмъ есть теперь филологическое изученіе русскаго языка* . . . . . 15.

КРИТИЧЕСКАЯ ПОВѢРКА.

ПАВСКІЙ.

§ 6. *Филологическія Наблюденія Павскаго. Общее обозрѣніе: предметъ, методъ и цѣль сихъ Наблюденій.* 18.

§ 7. *Буквы: ъ и ь. Неопредѣленная, обоюдная природа ихъ: графическая и фонетическая; консонантизмъ и вокализмъ еровъ.* . . . . . 25.

§ 8. *Атомистическій нигилизмъ общаго теоретическаго начала Наблюденій Павскаго (ъ–а). Первоначальное значеніе еровъ въ Кирилловской азбукѣ. Позднѣйшее значеніе ихъ въ русской Кириллицѣ и гражданской азбукѣ* . . . . . 37.

§ 9. *Приложеніе нигилистическаго начала (ъ–ь) къ практикѣ. Основные законы ернаго строенія словъ въ языкѣ русскомъ. Нигилизмъ этихъ законовъ* . . . . 45.

Стран.

§ 10. *Разсужденія: Объ имени существительномъ, О глаголѣ* . . . . . 55.

§ 11. *Заключительное мнѣніе о достоинствѣ Филологическихъ Наблюденій Г. Павскаго въ отношеніи ихъ къ предмету, методу и цѣли филологическаго изученія русскаго языка* . . . . . 67.

КАТКОВЪ.

§ 12. *Объ элементахъ и формахъ Славянорусскаго языка, М. Каткова. Общее замѣчаніе о достоинствѣ сочиненія. Недостатки онаго* . . . . . 71.

§ 13. *Безъотчетность основнаго понятія: элементы языка.* 73.

§ 14. *Безъотчетность понятій: сродство и объособленіе языка* . . . . . 79.

§ 15. *Отсутствіе сознательности въ методѣ и цѣли филологическихъ изслѣдованій Г. Каткова* . . . 82.

§ 16. *Основная мысль Г. Каткова (двогласіе языка) въ отношеніи ея къ идеямъ атомистической и органической системы въ русской и всеобщей филологіи (одногласію и полногласію—Einsylbigkeit, Mehrsylbigkeit).* . . . . . 89.

§ 17. *Судьба основной мысли Г. Каткова о двогласіи языка Славянорусскаго. Два обратно-противоположныя движенія, возможныя въ ней: прогрессивное и ретрогрессивное. Увлеченіе ея послѣднимъ направленіемъ. Результатъ нигилистическій, къ которому она могла бы прійти, будучи развиваема послѣдовательно* . . . . . 96.

§ 18. *Дальнѣйшая судьба основной мысли Г. Каткова о двогласіи въ языкѣ славянорусскомъ. Поворотъ ея отъ результата нигилистическаго въ сторону противоположную: отрицательный результатъ, къ которому она могла бы быть приведена историческими наблюденіями надъ раскрытіемъ двогласія*

Стран.

въ языкахъ Германскаго и Славянскаго племени. Принятіе Авторомъ двоегласія въ языкъ славянорусскомъ, какъ постулята: отрицательная судьба въ цѣломъ развитіи его идеи, какъ слѣдствіе этого. 104.

§ 19. Философія Кириллицы въ Разсужденіи: «Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка». Ернов ученіе Г. Каткова въ отношеніи къ ученію Павскаго и общему источнику того и другого—сочиненію Дорна. . . . . 110.

§ 20. Мнѣніе о достоинствѣ ерологическаго ученія Дорна, въ сравненіи съ ученіями Павскаго и Каткова.— Отсутствіе исторической основы въ кирилловской ерологіи. Нигилистическое значеніе ерологіи вообще въ теперешней системѣ филологическаго изученія нашего языка. . . . . 116.

§ 21. Двойственная сущность еровъ въ ученіи Дорна: консонантизмъ и вокализмъ ихъ. Односторонняя сущность ихъ въ консонантизмѣ оныхъ у Павскаго и вокализмѣ у Каткова. Первая часть философіи Кириллицы: ученіе о ерахъ и буквахъ гласныхъ. Отрицательность результатовъ въ изслѣдованіяхъ Г. Каткова по области сравнительнаго языкознанія. 121.

§ 22. Вторая часть философіи Кириллицы: Ученіе объ ударепіи, Ученіе о буквахъ согласныхъ. Отрицательность результатовъ перваго. Достоинство втораго: положительныя стороны онаго, — стороны отрицательныя. . . . . 134.

§ 23. Историческія наблюденія Г. Каткова надъ консонантизмомъ языковъ славянскихъ и индо-европейскихъ. Противорѣчія его выводовъ, колеблющія основу теперешняго сравнительнаго языкознанія. . . 146.

§ 24. Идеи Г. Каткова о филологическомъ изученіи языковъ, предметѣ онаго, методѣ и проч.—Заключеніе: мѣсто, занимаемое сочиненіемъ Г. Каткова въ

Стран.

общемъ ходѣ русской филологической системы; двоякое значеніе онаго—какъ реакціи и какъ прогресса. Оглядка на предварительный очеркъ нашей задачи: переходъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію . . . . 154.

ШИШКОВЪ.

§ 25. *Нѣсколько словъ въ память Шишкова и эпохи его.—Контрастъ и параллель между Шишковымъ и Карамзинымъ. Фазы филологической дѣятельности Шишкова . . . . . 161.*

§ 26. *Оправданіе передъ читателемъ въ избраніи пути, ведущаго отъ конца русской филологіи къ ея началу. Начало филологическихъ трудовъ Шишкова. 172.*

§ 27. *Происхожденіе русскаго филологическаго изученія: время онаго, поводъ, причина . . . . . 181.*

§ 28. *Очеркъ филологическихъ трудовъ Шишкова въ постепенномъ развитіи основной его идеи о языкѣ и нарѣчіи. Отраженіе этой идеи въ понятіи о корнѣ и вѣтви. Вліяніе синтетической идеи о языкѣ—какъ совокупности всѣхъ нарѣчій—на предметъ филологическихъ изслѣдованій Шишкова . . . . 186.*

§ 29. *Идеи Шишкова о корнѣ и вѣтви. Двойственность корня въ содержаніи его и формѣ: корень—какъ элементъ консонантный,—какъ элементъ вокальный. Вліяніе первой, синтетической идеи о корнѣ—какъ совокупности согласныхъ буквъ, одинаковыхъ во всѣхъ вѣтвяхъ, на первое направленіе въ лексическомъ методѣ Шишкова—синтетическое. Причина онаго, заключавшаяся въ идеѣ о языкѣ, господствовавшей въ системѣ языкознанія, современной Шишкову. . . . . 208.*

§ 30. *Первое направленіе въ лексическомъ методѣ Шишкова—синтетическое. Разсмотрѣніе словопроизводнаго дерева стоящаго на корнѣ:* кр. . . . . *224.*

Стран.

§ 31. *Первое направленіе въ лексикологическомъ методѣ Шишкова—синтетическое. Окончаніе: разсмотрѣніе словопроизводныхъ деревъ, стоящихъ на корняхъ:* мр *и* пин. . . . . 249.

§ 32. *Второе направленіе въ лексикологическомъ методѣ Шишкова—аналитическое. Перечень статей, относящихся къ оному. Первый моментъ аналитическаго направленія: начатки органическаго анализа языковъ въ статьѣ: Сравненіе Краинскаго нарѣчія съ Россійскимъ* . . . . . 266.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	*Читай:*
стран. 67.—строка 7-ая съ низу совершенный	современный
стр. 114., строка 13-ая съ низу Анусвару (т)	Анусвару (м)
стр. 240., 8-ая строка съ низу польнмкъ	польскимъ.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНІЕ РУССКАГО ЯЗЫКА.

§ 1.

Общій взглядъ на состояніе филологическаго изученія русскаго языка.

Филологическое изученіе русскаго языка принадлежитъ къ весьма недавнимъ явленіямъ въ нашемъ ученомъ мірѣ и не успѣло еще образоваться ни *въ науку* ни даже въ систематическое, отчетливое *знаніе* — отъ части потому, что оно, составляя до сихъ поръ еще предметъ исключительнаго посвященія ему *не многихъ*, не пріобрѣло еще права гражданственности въ ученомъ и литературномъ мірѣ русскомъ,— главнымъ же образомъ, отъ того, мнѣ кажется, что существенный *предметъ и цѣль* этаго изученія не приведены еще къ надлежащему сознанію. Съ понятіемъ филологическаго изученія у насъ соединяются различныя, по большей части неопредѣленныя, безъотчетныя и взаимнопротиворѣчащія

идеи: масса людей образованныхъ и даже могу сказать— ученыхъ, руководясь безъотчетнымъ требованіемъ *современности* знанія (Studium) видитъ въ филологіи предметъ сухой и безжизненный, трудъ мелочной, неблагодарный и ежели не безполезный, то по крайней мѣрѣ не имѣющій никакой опредѣленной, положительной цѣли. Весьма ограниченный классъ людей, посвящающихъ себя русской филологіи — напротивъ того — видитъ въ ней предметъ, достойный ревностнаго изученія: но недостатокъ отчетливости, *сознанія* въ филологической дѣятельности этихъ людей и недостатокъ единства въ цѣляхъ ея—не дастъ филологическому изученію установиться и получить самостоятельность науки. Одни— къ нимъ я отношу нашихъ ветерановъ-филологовъ (1)— продолжаютъ спокойно и серіозно заниматься ихъ филологическою работою, не спрашивая, правда, *о современныхъ цѣляхъ*, къ которымъ устремлена она, но не предвѣщая за то и великихъ *современныхъ результатовъ*, къ которымъ она приведетъ насъ. Другіе — къ нимъ я отношу молодое поколѣніе класса русскихъ филологовъ — принимаясь съ горячимъ, но нетерпѣливымъ рвеніемъ юношескихъ силъ за дѣло, — съ одной стороны—разширяютъ до неопредѣленнаго объема наши спеціальныя филологическія изслѣдованія, обращая ихъ въ изслѣдованія славянской и общей сравнительной лингвистики и между тѣмъ—минуя осторожно первую, *матеріальную* (самую копотливую) разработку,—строятъ системы русскаго языкознанія (2), провозглашаютъ идеи о старшинствѣ и превосходствѣ языковъ славянскихъ предъ прочими языками міра (3), о будущемъ назначеніи первыхъ въ эпоху обобщенія Запад-

---

(1) А. Х. Востокова, Проф. Давыдова, М. А. Максимовича, Протоіерея Павскаго и др. Къ нимъ же принадлежалъ покойный Шимкевичъ.

(2) Этимологія русскаго языка *Ѳ. Студитскаго*, М. 1839. Основанія русской Лексикологіи М. 1845. его же. О слово—изъяснительности, Карла Горегляда Вылесскаго Спб. 1847.

(3) Чаромутіе и проч. Платона Лукашевича, Петьгородъ 1846.

наго просвѣщенія (1) съ Восточнымъ, мечты о какой-то славянской наукѣ, — однимъ словомъ, не начавши еще самаго дѣла, торопливо уже выводятъ результаты изъ прекраснаго но еще отдаленнаго и недѣйствительнаго будущаго; съ другой стороны — вдаются въ слишкомъ мелочную, матеріальную разработку, не опредѣливъ напередъ ни *началъ*, ни правильнаго, научно-систематическаго ея *метода*, ни самой цѣли (2).

Такое состояніе филологическихъ занятій русскимъ языкомъ — еще неустановившихся, не опредѣленныхъ, поставляетъ насъ въ довольно затруднительное положеніе. Приступая къ изученію какой-нибудь уже извѣстной, опредѣленной науки, — мы прежде всего уясняемъ себѣ ея *основанія* т. е. *что* мы изучаемъ? *откуда и какъ?* и наконецъ *для чего* мы изучаемъ? Рѣшеніемъ перваго вопроса: *что* мы изучаемъ? опредѣляется предметъ или *содержаніе* науки; рѣшеніемъ втораго: *откуда* мы изучаемъ этотъ предметъ и *какъ?*— опредѣляются источники и методъ науки или, однимъ словомъ, *форма* ея; наконецъ рѣшеніемъ третьяго вопроса: *для чего* мы изучаемъ?—опредѣляется *цѣль* науки или тѣ результаты, которые она имѣетъ въ виду, или ея практическое примѣненіе. Вотъ три основные пункта, на которыхъ опирается всякая наука и съ опредѣленія которыхъ начинается изученіе всякой вообще науки. Но принимаясь за филологическое изученіе русскаго языка, мы не только не можемъ удовлетворительнымъ образомъ изъяснить этихъ трехъ пунктовъ т. е. опредѣлить *содержаніе, форму* и *цѣль* нашей науки,— но даже не можемъ дать самаго простаго, *формальнаго* такъ сказать отвѣта на первый вопросъ: *что мы изучаемъ?* т. е.

---

(1) Исторія русс. слов., Профессора Шевырева. 1 книжка.

(2) Объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка. Магистра *Каткова*, М. 1845. г. Руководство къ преподаванію отечественнаго языка, *Буслаева*, М. 1844.

не можемъ даже назвать нашей науки какимъ нибудь опредѣленнымъ именемъ, потому, что она еще не имѣетъ онаго. Назвать ее *Грамматикой русскаго языка* нельзя, потому, что область ея гораздо шире, нежели область грамматики; названіе *наука о русскомъ языкѣ* будетъ слишкомъ неопредѣленно; названія: *высшая* грамматика, грамматика *критическая, сравнительная, философская* или *умозрительная* — такъ же мало соотвѣтствуютъ ея характеру какъ и главное названіе: Грамматика, потому, что, какъ увидимъ ниже, Грамматика имѣетъ предметомъ своимъ *формальную* сторону языка или формы языка, — а наша наука изслѣдуетъ самую *матерію* языка или его составъ, организмъ. Не будучи въ состояніи дать опредѣленное названіе нашей наукѣ, — мы тѣмъ менѣе имѣемъ возможности дать *опредѣленіе* оной, а вмѣстѣ съ тѣмъ обозначить ея *предметъ* и два остальныя условія ея т. е. *форму* и *цѣль:* ибо послѣднія выводятся непосредственно изъ перваго. И такъ чтобы уяснить предметъ, форму и цѣль нашей науки, — мы должны прежде всего уяснить себѣ сколько нибудь самое понятіе *о филологическомъ изученіи русскаго языка.*

§ 2.

Изъясненіе понятія: филологическое изученіе русскаго языка.

Первое и ближайшее изъясненіе того, что мы должны понимать подъ *филологическимъ изученіемъ* русскаго языка — есть *отрицательное:* филологическое изученіе можно противопоставить обыкновенному или *грамматическому* изученію русскаго языка. Предметъ того и другаго — одинъ: это — *русскій языкъ:* слѣдовательно отличіе одного отъ другаго основывается на томъ, какая часть или какая сторона этаго предмета входитъ въ содержаніе каждаго изъ этихъ двухъ изученій; слѣдовательно мы опредѣлимъ отличіе филологиче-

скаго изученія отъ грамматическаго тогда, когда опредѣлимъ, въ какомъ объемѣ русскій языкъ входитъ въ первое и въ какомъ объемѣ входитъ онъ во второе. Названіе: *русскій языкъ,* принимаемое въ самомъ обширномъ значеніи, представляетъ намъ содержаніе слишкомъ неопредѣленное и огромное: въ кругъ этаго понятія входятъ 1) *письменный и разговорный* языкъ образованнаго русскаго общества 2) языкъ народный; въ первомъ можно отличить еще нѣсколько сторонъ напр. *старый и новый* письменный языкъ или языкъ книжный, церковнославянскій и языкъ *гражданскій* или литературный языкъ (со времени Ломоносова); въ этомъ послѣднемъ можно находить еще болѣе частные оттѣнки напр. языкъ *карамзинскій* и языкъ *современный* и т. п. И такъ, чтобы знать, входитъ ли русскій языкъ во всемъ его объемѣ въ филологическое изученіе или нѣтъ? и, ежели нѣтъ, то въ какомъ именно объемѣ составляетъ онъ предметъ этаго изученія? — мы должны сперва съ возможною точностію опредѣлить: въ какомъ именно объемѣ русскій языкъ входитъ *въ изученіе грамматическое,* какъ уже болѣе намъ извѣстное. Опредѣливъ ту часть или ту сторону русскаго языка, которая составляетъ предметъ грамматическаго изученія — мы будемъ имѣть первую, хотя *отрицательную,* данную для опредѣленія того, что должно составлять предметъ изученія филологическаго т. е. все то, что не войдетъ въ первое, что останется внѣ предѣловъ русской грамматики — останется на долю филологіи. И такъ, для уясненія, разумѣется предварительнаго,—понятія нашей науки, мы 1) обозначимъ *грамматическое изученіе* и увидимъ, что *не есть* предметомъ изученія филологическаго, 2) вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнаемъ, что *можетъ быть* его предметомъ. 3) Бросивъ *критическій* взглядъ на послѣднія систематическія сочиненія русскихъ филологовъ и обозначивъ ихъ *недостатки*—мы увидимъ, съ одной стороны—чѣмъ *есть* уже,—съ другой стороны—чѣмъ *не есть* еще наше филологическое изученіе,—тогда наконецъ 4) сравнивая то, чѣмъ *есть* это изученіе съ тѣмъ, чѣмъ оно *еще можетъ быть*—мы опредѣ-

лимъ, чѣмъ *должно* быть это филологическое изученіе русскаго языка.

§ 3.

Обозначеніе грамматическаго изученія русскаго языка.

Чтобы обозначить съ точностію грамматическое изученіе русскаго языка, мы примѣнимъ и здѣсь три основные вопроса: *что* мы изучаемъ въ русской грамматикѣ? *откуда и какъ?* и *для чего?* т. е. опредѣлимъ *предметъ* русской грамматики, ея систематическую *форму и цѣль.*

1. *Предметъ.* Что составляетъ предметъ или *содержаніе* русской грамматики или, такъ какъ содержаніемъ оной есть русскій языкъ, а въ русскомъ языкѣ мы отличали много частныхъ сторонъ, или, такъ сказать, нѣсколько языковъ напр. *старый* и *новый, письменный* и *разговорный,* то спросимъ лучше такъ: какой именно русскій языкъ составляетъ предметъ грамматики? Отвѣтъ не такъ легокъ, потому что эта сторона въ нашихъ грамматикахъ, какъ руководствахъ болѣе практическихъ, нежели теоретическихъ — предполагается извѣстною, данною и потому не подвергается тому точному *опредѣленію,* которое во всякой систематической, строгой наукѣ составляетъ одно изъ первыхъ условій. И такъ постараемся извлечь искомое нами изъ существующихъ опредѣленій русской грамматики. Ломоносовъ опредѣляетъ Грамматику русскую такъ: «Грамматика Россійская есть знаніе, «какъ говорить и писать *чисто россійскимъ* языкомъ по луч«шему, разсудительному его употребленію». Востоковъ опредѣляетъ Грамматику такъ: «Грамматика есть руководство къ правильному *употребленію* словъ въ разговорѣ и письмѣ». Изъ этихъ двухъ опредѣленій можно вывесть, что въ грам-

матическое изученіе входитъ не *весь* русскій языкъ во всемъ объемѣ его историческаго развитія, но только русскій языкъ *правильно употребляемый;* но правильно употребляемымъ языкъ становится тогда, когда на немъ *одинаково* или *однообразно* пишутъ, сочиняютъ; а *одинаково* пишутъ на какомъ нибудь языкѣ тогда, когда этимологическія и синтаксическія измѣненія языка достигнутъ нѣкотораго *постоянства*, слѣдовательно,—подъ именемъ *правильнаго* языка должно понимать языкъ какой нибудь опредѣленной эпохи *установившійся* въ пишущемъ и читающемъ обществѣ (1), или *общепринятый языкъ какой нибудь опредѣленной эпохи.* И такъ въ грамматическое изученіе языка входитъ только общепринятый языкъ какой нибудь опредѣленной эпохи. Но при этомъ еще неопредѣлено: входитъ-ли этотъ языкъ въ грамматику въ обоихъ его видахъ т. е. какъ *письменномъ* такъ *и разговорномъ* или же только въ одномъ первомъ? Можно, кажется, сказать рѣшительно, что въ грамматику входитъ только одинъ *письменный* языкъ извѣстной эпохи, потому что онъ одинъ только можетъ получить твердое, постоянное *однообразіе* или *правильность;* безконечныя же разности языка живаго, разговорнаго, можно сказать, остаются неуловимыми для грамматики, ибо она тогда только можетъ установить *правило* для такого или инаго измѣненія въ языкѣ, когда это измѣненіе повторяется одинаково *всѣми* или большею частью людей образованнаго класса, — что при раздробленіи нашего образованнаго класса на сословія: высшее, среднее, ученое, гражданское — изъ которыхъ почти каждое имѣетъ идіотизмы въ своемъ разговорномъ языкѣ — рѣши-

(1) Непремѣнно—пишущемъ и читающемъ,—ибо это взаимодѣйствіе только образуетъ общество—публику законодательную. Наши *борзописцы* (въ канцеляріяхъ и другихъ мѣстахъ судебныхъ) *пишутъ* но не читаютъ кромѣ своего писанія ничего (т. е. того, что пишутъ другіе),—наше простонародье грамотное *читаетъ*, но не пишетъ; отъ того ни тотъ ни другой классъ не можетъ быть *обществомъ*, устанавливающимъ то или другое въ языкѣ,—*публикою*.

тельно не возможно. Но съ другой стороны, — ежели принять во вниманіе, что со времени Карамзина, принявшаго за правило: *писать какъ говорятъ и говорить какъ пишутъ*— письменный языкъ нашего образованнаго класса сблизился съ языкомъ разговорнымъ, — то можно сказать, что въ Грамматику входитъ и *разговорный* языкъ, но установившійся въ читающемъ и пишущемъ обществѣ. Впрочемъ, такъ какъ этотъ языкъ не будетъ отличаться существенно отъ языка письменнаго, — то для пополненія нашего опредѣленія — мы скажемъ такъ: въ грамматическое изученіе русскаго языка входитъ *общепринятый литературный языкъ современной намъ эпохи* (т. е. употребляемый какъ въ письмѣ такъ и разговорѣ образованнаго класса, занимающагося литературою или принадлежащаго по крайней мѣрѣ къ читающей публикѣ). Мы опредѣлили *объемъ* русскаго языка входящій въ грамматическое изученіе, но неопредѣлили еще *содержанія* русскаго языка, непоказали, какія изъ тѣхъ составныхъ частей, которыя образуютъ языкъ — входятъ въ изученіе грамматическое. Языкъ состоитъ изъ совокупности *словъ;* каждое слово порознь состоитъ изъ *корня* — матеріи слова, *и окончанія*— формы слова; совокупность всѣхъ корней словъ — будетъ, по этому, *матеріею* языка или лексическою стороною языка; а совокупность всѣхъ окончаній словъ — составитъ *форму* языка или *формальную* сторону его. Итакъ, спрашивается: входятъ ли въ грамматическое изученіе обѣ эти стороны или только одна какая нибудь изъ нихъ? Въ содержаніе Грамматики входятъ только *формы* языка, независимо отъ матеріи его или лексической стороны, такъ что Грамматика по всей справедливости должна быть названа *формальною* наукою о языкѣ. И точно, — Грамматика беретъ массу словъ, употребляемыхъ въ общепринятомъ литературномъ языкѣ нашемъ и обращая вниманіе на измѣняемыя и неизмѣняемыя *окончанія* ихъ—прежде всего распредѣляетъ эти слова на разряды или части рѣчи; потомъ, приводя разнообразныя измѣненія *имени* въ родѣ, числѣ и падежѣ *и глагола* въ на-

клоненіи, залогѣ, времени и т. д. къ нѣкоторымъ общимъ типамъ (склоненій и спряженій) — разсматриваетъ измѣненія словъ *порознь* (этимологія); наконецъ разсматриваетъ измѣненія словъ, взятыхъ въ совокупности, въ ихъ взаимномъ отношеніи, въ рѣчи (синтаксисъ). И такъ, какъ въ этимологіи такъ и въ синтаксисѣ мы видимъ одни *окончанія* или *формы* словъ. Правда, въ началѣ этимологіи можно замѣтить признаки или слѣды чего то бо́льшаго, нежели чисто-формальное изученіе языка: этимологія въ русскихъ грамматикахъ называется *словопроизведеніемъ*, слѣдовательно самое названіе показываетъ, что грамматика должна заниматься не только формами но и *матеріею* языка т. е. должна показать, какъ слова *производятся*, а чтобы показать, *какъ* производятся они, нужно имѣть въ виду и то, изъ чего они *происходятъ* т. е. корни или *элементы* словъ. Но что, между тѣмъ, дѣлаетъ грамматика въ словопроизведеніи? Изложивъ въ систематическомъ порядкѣ раздѣленіе буквъ гласныхъ и согласныхъ и нѣкоторыя правила перехода однихъ въ другія,— грамматика тотъ часъ излагаетъ раздѣленіе словъ на *первообразныя* и *производныя*, потомъ даетъ краткое и весьма неудовлетворительное понятіе *о корнѣ, окончаніи* и приставкѣ или *частицѣ* и наконецъ, говоритъ—что чрезъ присоединеніе къ какому нибудь корню напр. *человѣкъ*'—различныхъ грамматическихъ окончаній образуются слова: *человѣческій, человѣчество* и т. п.—Этимъ общимъ, поверхностнымъ замѣчаніемъ ограничивается все ученіе о *словопроизводствѣ* или о томъ, какъ слова происходятъ. Можно, по этому, сказать, что этимологія показываетъ скорѣе какъ слова *разлагаются* нежели какъ они *составляются*. Ученіе о словопроизведеніи въ точномъ смыслѣ—должно показать не только то, какъ происходитъ слово изъ соединенія *корня съ окончаніемъ*, но какъ происходитъ или, лучше сказать, какъ *произошелъ* въ языкѣ самый корень. Для грамматики достаточно, можетъ быть, знать, что въ словахъ: *зрю, зримый, зрѣніе, зрѣлище*— корень есть *зр;* но филологъ старается объяснить себѣ: от-

куда онъ взялся въ языкѣ, какую форму и какое значеніе имѣлъ онъ въ своемъ первоначальномъ, древнѣйшемъ состояніи? Для этаго онъ беретъ слова: *взоръ, зоря;* сравнивая второе съ *заря,* а это съ словами: *зар-ево, зар-ница, луче-зар-ный*—находитъ сродство корней *зор'-* и *зар'-*; потомъ извлекаетъ отсюда значеніе: *отблескъ, отсвѣтъ,* отраженіе горящаго или свѣтящаго тѣла; наконецъ этимъ опредѣляетъ коренное значеніе глагола *зрѣть* — отражать свѣтъ, бросать отблескъ, лучь свѣта и потомъ—объясняетъ переносное значеніе этаго глагола, выражающаго дѣйствіе глаза, который *видитъ* вещь тогда, когда лучь зрѣнія падаетъ на нее и отражаясь отъ вещи приноситъ, такъ сказать, свѣтовое отраженіе ея снова къ глазу. Такимъ образомъ ученіе о корняхъ словъ состоитъ въ изложеніи исторіи каждаго слова или генеалогіи словъ, — что нисколько не входитъ въ грамматику. Итакъ, присоединяя послѣднюю характеристическую черту, указанную нами выше—къ первымъ, мы можемъ окончательно опредѣлить *предметъ* грамматики, сказавши: «*въ грамматическое изученіе русскаго языка входитъ общепринятый литературный языкъ современной намъ эпохи съ его формальной стороны*».

2. *Источники и методъ грамматическаго изученія.* Откуда почерпаетъ грамматика свое изученіе? Это уже видно изъ предъидущаго: источниками ея суть литературныя произведенія современнаго языка. *Какъ* излагаетъ грамматика свое ученіе? Есть два метода систематическіе: методъ наукъ описательныхъ или *естественныхъ* и методъ наукъ философскихъ или *теоретическихъ*. Задача перваго состоитъ въ томъ чтобы привести въ извѣстность, представить въ порядкѣ то, *что есть;* порядокъ этотъ состоитъ въ общемъ обозрѣніи цѣлаго предмета, въ раздѣленіи его на части и потомъ въ подробномъ и ясномъ описаніи каждой части порознь. Задача втораго — привести заключающіяся въ какомъ нибудь предметѣ частности къ общимъ *началамъ, законамъ, причинамъ,* для

того, чтобы изъ нихъ произвесть или ими *прояснить* частности т. е. дѣйствія, явленія или вообще — *факты*. Система эмпирическая *описываетъ* предметъ, теорія — излагаетъ *происхожденіе предмета*. Грамматика имѣетъ методъ *описательныхъ* наукъ: она — какъ мы видѣли уже — беретъ массу звуковъ, составляющихъ языкъ, распредѣляетъ ихъ по разрядамъ, потомъ *описываетъ* намъ тѣ общія нормы или образцы, по которымъ измѣняются слова каждаго разряда. Въ изъясненіе причинъ Грамматика никогда не входитъ: однаковость, *постоянство* какого нибудь измѣненія словъ, оказывающееся въ бо́льшей части случаевъ — составляетъ для нея *причину*, правило, законъ — далѣе которыхъ она не восходитъ. На вопросъ напр. почему въ нашемъ языкѣ *одинъ, два, три, четыре* сочиняются съ родительнымъ падежемъ числа единственнаго а не множественнаго? Грамматика всегда будетъ отвѣчать: потому, что *всѣ* пишутъ и говорятъ: *два брата, три стула* а не два *братья, три стулья*. Приводя разнообразныя измѣненія словъ къ такъ называемымъ *темамъ* ихъ или какъ выражаются наши Грамматики къ *началу* (именительному падежу именъ и неопредѣленному наклоненію въ глаголахъ), — грамматика и ограничивается показаніемъ того, что такія то формы въ склоненіяхъ и спряженіяхъ происходятъ отъ такой то *темы* или *начала*, но не входитъ въ разсмотрѣніе того, откуда происходитъ самая *тема* или *начало?* Какое значеніе имѣетъ оно? Для нея довольно сказать, что тема именъ существительныхъ *ніе*— принадлежитъ именамъ отглагольнымъ, и склоняется по образцу именъ средняго рода кончащихся на *е*, — тема именъ на *ство* принадлежитъ именамъ собирательнымъ или отвлеченнымъ и измѣняется по образцу именъ средняго рода на *о*. Ежели бы мы захотѣли эти замѣчанія о темахъ: *ніе* и *ство* примѣнить къ фактамъ, къ словамъ, встрѣчающимся въ русскомъ языкѣ съ такими темами, — то увидѣли бы тотъ часъ противорѣчія: возьмемъ напр. слово *производить;* изъ этаго корня составлены у насъ слова *произведеніе* и *производство*.

Первое,—по объясненію грамматики—должно бы означать дѣйствіе производящаго, второе—или совокупность всѣхъ принадлежностей, относящихся къ этому дѣйствію (cf. домоводство, садоводство) или же способность, искуство, навыкъ къ этому дѣйствію (cf. *искуство* — умѣнье что нибудь дѣлать, практика; *художество* (1) — знаніе какого нибудь ремесла, искуства — теорія). Но между тѣмъ — въ языкѣ русскомъ *произведеніе* означаетъ не столько дѣйствіе, сколько результатъ этаго дѣйствія, напр. произведеніе языка, литературы; *производство*—не способность производить или постоянное упражненіе въ произведеніи чего либо а процессъ, порядокъ теченія дѣлъ (напр. *судопроизводство*) и повышеніе въ чинъ. Итакъ грамматика недаетъ намъ отчетливаго, глубокаго знанія и самыхъ формъ языка: она *описываетъ* намъ только тѣ правильныя т. е постоянныя *темы* или *начала*, по которымъ слова измѣняются, слѣдовательно по формѣ или *методу* грамматика есть наука эмпирическая или практическая а не теоретическая или, точнѣе выражаясь, грамматика есть первоначальное руководство или пособіе *къ знакомству* съ формами русскаго языка но не *наука*, дающая намъ *познаніе* формъ русскаго языка.

3. *Цѣль грамматики.* Какая цѣль грамматики? Пояснять это было бы излишнимъ: сказавъ, что цѣль ея *чисто-практическая*, повторимъ обыкновенное опредѣленіе грамматики: «она учитъ правильно писать и говорить по русски», — слѣдовательно учитъ писать и говорить такъ, какъ принято въ образованномъ литературномъ обществѣ, не объясняя намъ, почему именно это принято такъ, а не иначе. Слѣдовательно цѣль грамматики — сообщитъ намъ *умѣнье* употреблять формы русскаго языка а не основательное *знаніе* оныхъ.

---

(1) Я опредѣлилъ такъ значеніе этаго слова изъ древнихъ памятниковъ нашего языка. (XII вѣка.)

§ 4.

Обозначеніе филологическаго изученія русскаго языка.

Опредѣливъ съ надлежащею точностію предѣлы грамматическаго изученія русскаго языка,—мы теперь можемъ видѣть, что остается на долю высшаго изученія нашего языка *филологическаго*. И

I.) *По предмету.* Ежели въ Грамматику входитъ литературный русскій языкъ, общепринятый въ извѣстномъ только классѣ русскаго народа (пишущемъ и читающемъ) и притомъ языкъ эпохи настоящей, современной грамматикѣ,—то въ филологическое изученіе *можетъ войти* литературный языкъ всей предъидущей эпохи какъ *древній* такъ и *новый* и притомъ еще языкъ живой, неписьменный, языкъ *народа*. Далѣе,—ежели въ грамматику входитъ только часть языка т. е. изученіе языка только *съ формальной* его стороны,—то въ филологическое изученіе можетъ войти нетолько форма но *и матерія* языка или *лексическая* его сторона, слѣдовательно цѣлое языка или языкъ въ его огромномъ цѣломъ.

II.) *По источникамъ и методу.* Ежели грамматика изучаетъ языкъ изъ однихъ только литературныхъ произведеній эпохи современной, слѣдовательно изъ источниковъ скудныхъ, односторонніхъ,—то филологическое изученіе почерпаетъ знаніе языка изъ источниковъ болѣе обширныхъ и многосторонныхъ;—оно обращается нетолько къ историческимъ памятникамъ языка, къ мѣстнымъ парѣчіямъ народа, но и къ другимъ соплеменнымъ русскому языку парѣчіямъ т. е. къ языкамъ Славянскимъ и даже къ тѣмъ иноземнымъ языкамъ, съ которыми языкъ русскій и славянскій находятся въ ближайшемъ сродствѣ. Слѣдовательно источникомъ филологиче-

скаго изученія русскаго языка—есть языкъ *Славяно-Русскій* въ сравненіи съ общимъ семействомъ языковъ славянскихъ и съ языками древняго міра, съ нимъ *сродными* или, однимъ словомъ: источникомъ Филологическаго изученія *можетъ быть* языкъ Славяно-русскій во *всесторонних*ъ его отношеніяхъ.—Далѣе,—ежели Грамматика, описывающая намъ однѣ *темы* или *начала* словъ, служащія основою или закономъ разнообразнаго ихъ измѣненія,—не входитъ въ изслѣдованіе происхожденія, причинъ, самыхъ *законовъ* этаго измѣненія,—какъ наука практическая,—то филологическое изученіе можетъ быть *наукою теоретическою,* изъясняющею причины этихъ измѣненій или выводящею эти измѣненія изъ коренныхъ, первообразныхъ началъ языка.

III.) *По цѣли.* Ежели грамматика имѣетъ цѣль ограниченную и практическую т. е. сообщить намъ первоначальное руководство къ правильному употребленію формъ языка,—то филологическое изученіе имѣетъ цѣль болѣе обширную и теоретическую: сообщить намъ знаніе языка глубокое, отчетливое, философское, основанное на логической природѣ самаго языка.

Совокупимъ теперь эти три результата въ одно цѣлое: филологическое изученіе можетъ имѣть предметомъ своимъ весь историческій объемъ языка, съ его матеріею и формою; но матерія и форма составляютъ такъ называемый *организмъ языка,* слѣдовательно, можно сказать, что филологическое изученіе имѣетъ предметомъ своимъ организмъ русскаго языка, разсматриваемаго въ его сродствѣ съ языками общеславянскими и языками древняго міра и въ историческомъ развитіи его отъ древнѣйшей его эпохи до эпохи современной, въ которой онъ становится языкомъ частнымъ, языкомъ не народа, но одного избраннаго общества или языкомъ литературы современной.

§ 5.

Чѣмъ есть теперь филологическое изученіе русскаго языка?

Мы обозначили общими только чертами филологическое изученіе русскаго языка т. е. показали обширный *объемъ*, который оно *можетъ* имѣть, систематическій высшій или ученый *методъ*, который оно *можетъ* себѣ усвоить какъ наука, въ отличіе отъ Грамматики, наконецъ теоретическую цѣль, какую оно *можетъ* себѣ предположить. — Но, чтобы быть наукою въ собственномъ, точномъ смыслѣ,—филологическое изученіе не можетъ довольствоваться общимъ, поверхностнымъ обозначеніемъ предмета, метода и цѣли своей: неопредѣленность, въ этомъ дѣлѣ—какъ увидимъ ниже—ведетъ къ безъотчетности, которая открывая свободное мѣсто произволу мнѣній, влечетъ за собою неминуемо тотъ антилогическій безпорядокъ въ системѣ или *формѣ* науки, то хаотическое смѣшеніе въ ея *содержаніи*, которыя служатъ существенными препятствіями не только ея развитію но даже самому образованію ея въ науку. Итакъ, для устраненія этихъ препятствій — филологическое изученіе русскаго языка должно 1) *опредѣлить* свой предметъ т. е. отграничить существенную, *собственную* часть своего обширнаго объема отъ тѣхъ вспомогательныхъ частей онаго съ которыми оно соприкасается и которыя служатъ пособіемъ, средствами для изученія первой; потомъ, въ этой собственно-ему принадлежащей части или, такъ называемомъ *содержаніи* науки— отличить главныя, существенныя стороны, входящія въ составъ онаго и показать, какая изъ нихъ образуетъ *основаніе* науки и потому должна быть изучаема *прежде*, и какая составляетъ слѣдствіе или *приложеніе* (application, Anwendung) и потому должна быть изучаема *послѣ*. Опредѣливъ съ точ-

постію *содержаніе* свое, — филологическое изученіе должно съ такою же точностію — 2) *опредѣлить* и форму или *методъ* своей; но методъ въ каждой наукѣ бываетъ сообразенъ съ родомъ или характеромъ *предмета* науки такъ напр. въ наукахъ эмпирическихъ или *точныхъ*, изображающихъ предметы въ ихъ спокойномъ, *мѣстномъ* существованіи — какъ-то: въ Географіи, Зоологіи, Ботаникѣ — господствуетъ методъ *описательный*, ведущій отъ цѣлаго къ частямъ, отъ сложнаго къ простому; въ наукахъ историческихъ и философскихъ — которыя представляютъ намъ предметы въ ихъ *движущемся* состояніи, въ ихъ послѣдовательномъ измѣненіи — господствуетъ методъ теоретическій — ведущій отъ частей къ цѣлому, отъ простаго къ сложному. Итакъ, филологическое изученіе должно изъ характера своего предмета вывести тотъ *методъ*, порядокъ, или путь, какимъ оно должно слѣдовать; наконецъ опредѣливъ *предметъ* и *систему*, — филологическое изученіе должно 3) *опредѣлить и цѣль* изученія каждой изъ существенныхъ сторонъ своего содержанія т. е. установивъ для себя извѣстные *предѣлы*, оно должно имѣть постоянно въ виду: какихъ результатовъ оно можетъ ожидать для себя или — къ какимъ результатамъ приведетъ оно при изученіи каждой стороны своего предмета, и какое дальнѣйшее приложеніе будутъ имѣть эти результаты? Выполненіе этаго послѣдняго условія столь же важно какъ и выполненіе перваго, — потому, что ежели съ опредѣленіемъ предмета нашей науки — установляется *начало* ея, то съ опредѣленіемъ цѣли — установляется *конецъ* ея, слѣдовательно, изъ взаимо-отношенія этихъ двухъ полюсовъ возникаетъ связное, строго-опредѣленное, органическое *цѣлое* науки, какъ отчетливой, самостоятельной области знаній извѣстнаго рода. Вотъ что нужно сдѣлать для того, чтобы дать филологическому изученію русскаго языка значеніе науки. Но сдѣлать это сами собою и съ перваго раза — мы не рѣшаемся, и потому обратимся къ пособію нашихъ ученыхъ филологовъ, которые обработываютъ нашъ предметъ систематически, взглянемъ *критически*

на труды ихъ, увидимъ, какой видъ имѣетъ у нихъ система русскаго филологическаго изученія и сравнивъ то, чѣмъ это изученіе *есть* у нихъ съ тѣмъ, чѣмъ оно *можетъ быть*,— узнаемъ, чѣмъ еще оно *не есть* или чего ему еще недостаетъ и тогда наконецъ опредѣлимъ себѣ: чѣмъ *должно быть* филологическое изученіе русскаго языка.

Наука наша, составляющая уже около 25-тилѣтія предметъ серіознаго, ревностнаго занятія нашихъ ученыхъ филологовъ и значительно уже разработанная въ *частяхъ*, едва только въ послѣднемъ десятилѣтіи нашего вѣка (1841—1845) начала получать систематическій видъ *цѣлаго*.—Оставляя, по этому, подробное разсмотрѣніе трудовъ русскихъ филологовъ, которое мы сдѣлаемъ въ послѣдствіи,—здѣсь прежде всего мы займемся разсмотрѣніемъ двухъ сочиненій: 1.) *Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка*— Протоіерея *Павскаго*, Спб. 1841—1842 г. и 2.) *Объ элементахъ и формахъ Славяно-русскаго языка*—Магистра *М. Каткова*, М. 1845. Какъ-то такъ и другое, не смотря на скромныя названія *разсужденій* — представляютъ собою опыты филологической грамматики русскаго языка. Начнемъ разсмотрѣніе этихъ опытовъ вопросомъ: *чѣмъ* представляется намъ филологическое изученіе русскаго языка въ сочиненіяхъ Гг. *Павскаго* и *Каткова?* Является-ли оно какъ наука, какъ отчетливо изложенная система русскаго языка, какъ высшая, *теоретическая* грамматика языка русскаго?— На этотъ вопросъ мы должны отвѣчать такъ: филологическія сочиненія Г. *Павскаго* и Г. *Каткова*, не смотря на наружную форму критической или сравнительной грамматики русскаго языка, въ сущности ихъ, суть ни что иное, какъ *обыкновенная русская грамматика* или, правильнѣе говоря — первая половина обыкновенной, практической русской грамматики т. е. *этимологія* (1), кото-

(1) Синтаксисъ не входитъ ни въ сочиненіе Г. Павскаго ни въ разсужденіе Г. Каткова.

рой нѣкоторыя только статьи или *части* дополнены, или, справедливѣе говоря—*распространены* (по большей части безъ нужды и пользы) антикварными изслѣдованіями, почерпнутыми изъ языка древне-рускаго и сравнительной Лингвистики, но которая все таки не представляетъ систематическаго *цѣлаго* и совершенно чужда еще тѣхъ отчетливыхъ, научныхъ *началъ*, безъ которыхъ самая обширная масса разнороднѣйшихъ свѣдѣній все таки не взойдетъ на степень науки. — Этотъ приговоръ, высказанный нами со всѣмъ безпристрастіемъ, какого требуетъ польза нашей науки — подтвердится даже бѣглымъ обозрѣніемъ каждаго изъ приведенныхъ нами сочиненій. Начнемъ съ перваго.

§ 6.

Филологическія наблюденія Павскаго. Общее обозрѣніе: предметъ, методъ и цѣль сихъ наблюденій.

Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка, *Г. Павскаго.* Подъ этимъ заглавіемъ Авторъ въ 1841—1842 издалъ въ трехъ книгахъ три *разсужденія о составѣ русскаго языка.* Хотя Г. Павскій на первой же страницѣ своего сочиненія оговариваетъ его форму, выражаясь: «разсужденія мои «касаются всѣхъ частей Русской грамматики, кромѣ синтак«сиса, и много на нее походятъ; однакожъ я не смѣю на«зывать ихъ грамматикою» потому, что «Грамматика, какъ «наука, должна быть изложена въ строгомъ порядкѣ» и съ соразмѣрностію частей, а онъ на однихъ предметахъ останавливается долго, другіе проходитъ почти безъ вниманія и т. п., — тѣмъ не менѣе однако же эти три разсужденія представляютъ попытку положить основанія высшей, критической или умозрительной грамматики русскаго языка. *Пред-*

метъ филологическихъ изслѣдованій Г. Павскаго есть не современный литературный русскій языкъ входящій въ грамматику, но *составъ* т. е. организмъ русскаго языка, слѣдовательно *русскій* языкъ во всемъ объемѣ его историческаго развитія; *источниками* оныхъ — сравнительное изученіе этаго состава съ составомъ «всѣхъ однородныхъ языковъ» древнихъ и новыхъ (Славянскихъ, Санскритскаго, Персидскаго, Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго и др.) (1); *цѣль*—отыскать общіе, основные *законы*, по которымъ образовался русскій языкъ, представить ихъ въ правильной *системѣ* и объяснить *причины* уклоненій отъ этихъ законовъ.

«Изучая иноземные языки, древніе и новые, я всегда «имѣлъ въ виду отечественный языкъ, сравнивалъ его съ «ними, и много удивлялся простотѣ и правильности его со- «става; грамматика Русскаго языка не должна опускать изъ «виду сихъ весьма замѣтныхъ качествъ. Въ разсужденіяхъ «моихъ я особенно обращалъ на нихъ вниманіе. Для этаго «я всегда старался выискать *главный законъ*, по которому «происходятъ разныя измѣненія слоговъ и словъ, а въ слу- «чаѣ отступленія словъ отъ сего закона, указывалъ причину, «по чему оно допущено. Я не терплю въ грамматикѣ такихъ «правилъ, которыя допускаютъ множество исключеній, и не «одобряю такихъ грамматистовъ, которые находятъ въ языкѣ «множество неправильныхъ словъ. Правда, въ языкѣ быва- «ютъ свои причуды, какъ уроды въ Природѣ, но ихъ очень «мало. Естьли удастся мнѣ выискать *основные законы*, по «которымъ *образовался нашъ языкъ*, и представить ихъ въ «правильной системѣ, то отъ этого грамматика можетъ по- «лучить *основательность и ясность*, самыя необходимыя ка- «чества всякой науки». Этихъ словъ самаго автора достаточно кажется, для того, чтобы видѣть, что *наблюденія* имѣютъ притязанія не на значеніе обыкновенной грамматики

(1) См. Вступленіе. 1 Разс. стр. 2—4.

русской, излагающей *правила,* по которымъ должно употреблять слова нынѣшняго русскаго языка, но на значеніе высшей, умозрительной грамматики русскаго языка, изслѣдующей общіе, основные законы, установленные историческимъ развитіемъ нашего языка, («по которымъ *образовался* нашъ языкъ»). И такъ, этими требованіями, составляющими задачу филологическаго изученія, будемъ мы опредѣлять достоинство *наблюденій* Г. Павскаго. Взглянемъ на планъ его сочиненія и представимъ хотя въ краткихъ чертахъ содержаніе каждой книги порознь.

Методъ, которому слѣдуетъ Г. Павскій въ изложеніи предмета — есть методъ *теоретическій.* Хотя онъ говоритъ, (вступленіе, стр. 3.) что «въ изложеніи правилъ болѣе при«держивается того *порядка,* какой *обыкновенно* наблюдается «въ грамматикахъ, т. е. сперва говоритъ о составѣ буквъ и «слоговъ, и о письменномъ ихъ изображеніи, потомъ—о со«ставѣ и разныхъ изгибахъ именъ, глаголовъ и частицъ» но основанія или *начала,* на которыхъ утверждается этотъ порядокъ — обнаруживаютъ пріемы ученаго, *теоретическаго* метода, поступающаго путемъ *аналитически—синтетическимъ* т. е. отъ простаго къ сложному, отъ причины къ дѣйствію, отъ закона къ явленію. Поставивъ себѣ главною цѣлію *выискать основный законъ,* по которому происходятъ разныя измѣненія слоговъ и словъ, — Г. Павскій прежде всего отыскиваетъ *начала* или основанія этаго закона и разсматриваетъ простые элементы слоговъ т. е. *буквы* или, точнѣе выражаясь «*составъ буквъ*» (простые и сложные звуки русскаго слова); изъ состава (природы) этихъ звуковъ, наблюдаемаго въ разнообразномъ сочетаніи ихъ другъ съ другомъ—Г. Павскій выводитъ *основные законы,* по которымъ образуются слоги—*элементы* цѣлыхъ словъ. Эти изслѣдованія, изложенныя въ первомъ разсужденіи—составляютъ *общую часть* или введеніе въ умозрительную грамматику русскаго языка. Отыскавши *элементы* словъ *и законы* ихъ образованія, Г. Пав-

скій переходитъ во 2-мъ разсужденіи своемъ къ *цѣлому* словъ или, какъ онъ выражается, *къ составу* (организму) словъ. Сперва онъ разсматриваетъ *матерію* или корни и излагаетъ *образованіе* именъ, потомъ—разсматриваетъ *форму* или измѣненія именъ и излагаетъ *склоненія* ихъ. Въ 3-мъ разсужденіи Г. Павскій разсматриваетъ *глаголы*. Такимъ образомъ, въ этихъ трехъ книгахъ авторъ излагаетъ критическую или умозрительную *этимологію* русскаго языка. Вотъ планъ всего сочиненія. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію каждой части порознь и преимущественно займемся разборомъ первой, которая составляетъ теоретическое *основаніе* науки,—тогда какъ двѣ послѣднія образуютъ ни что иное какъ *приложеніе* онаго.

Первая часть *наблюденій* Г. Павскаго могла бы быть названа философскимъ букваремъ русскаго языка: въ ней дается сперва общее понятіе о простыхъ звукахъ слова т. е. о буквахъ *гласныхъ, согласныхъ и придыханіяхъ;* потомъ излагается историческое происхожденіе буквъ церковно-славянскаго языка или кирилловская азбука, представляется *число, порядокъ* буквъ въ этой азбукѣ и съ подробностію изъясняется происхожденіе каждой буквы то Греческое, то Латинское то Еврѣйское,—наконецъ слѣдуетъ столь же подробное и притомъ философское изслѣдованіе *придыханій и придыхательныхъ буквъ*—этихъ мистическихъ или миѳическихъ существъ древней азбуки: ъ—а и ь—я, на непостижимой природѣ которыхъ утверждается у Автора всеобщій коренной законъ всѣхъ возможныхъ измѣненій русскаго языка—(Гл. I—III.). Въ IV главѣ представлена *система* буквъ т. е. грамматическій порядокъ ихъ и раздѣленіе на 5 разрядовъ: 1) *придыханія* (ъ, ь) 2) *твердыя и мягкія гласныя,* 3) согласныя *чистыя* (губныя, небныя, язычныя, зубныя) и 4) согласныя *придыхательныя* (зубныя ж, ч, ш, щ) и 3) *полусогласныя* (м, н, р, л.). Въ V главѣ излагается *сочетаніе буквъ* или тотъ *основной законъ,* по которому построеваются слоги. Въ VI главѣ изложены: построеніе *многобуквенныхъ слоговъ* и

разныя средства дѣлать слоги *плавными*. Главы: VII-я подъ названіемъ: *самоуправство выговора* и VIII-я: *частныя замѣчанія о произношеніи каждой буквы въ особенности*—составляютъ то, что въ обыкновенныхъ грамматикахъ называется *орѳоэпіею* или *слогоударѳніемъ*. Вотъ обзоръ *общей* или теоретической части *наблюденій* Г. Павскаго. Вникнемъ въ содержаніе ея. Чтобы убѣдиться въ томъ, что эта теоретическая часть грамматики русскаго языка, въ сущности ея, есть не что иное, какъ введеніе въ обыкновенную русскую грамматику, распространенное только антикварными подробностями,—сравнимъ то, что излагается въ началѣ всѣхъ русскихъ грамматикъ, съ тѣмъ, что излагаетъ намъ Г. Павскій и увидимъ, прибавлено ли имъ что нибудь *существенно-новое* къ извѣстному уже предварительному или *элементарному* ученію этихъ грамматикъ. Во всѣхъ грамматикахъ русскихъ, начиная отъ грамматики Ломоносова до грамматикъ Греча, Востокова и Половцева, въ первомъ отдѣлѣ этимологіи излагается ученіе *о буквахъ* и разнообразномъ ихъ измѣненіи, переходѣ однихъ въ другія и соединеніи, изъ которыхъ *выводятся правила* построенія слоговъ. Представивъ простую, незатѣйливую классификацію буквъ или раздѣленіе ихъ *на гласныя, согласныя и полугласныя* (1) (ъ, ь, й) и подраздѣленіе первыхъ на *твердыя и мягкія*, вторыхъ—по органамъ, на *гортанныя, язычныя и зубныя* (2),—наши грамматики излагаютъ потомъ свойства каждой буквы порознь и ихъ взаимное соотвѣтствіе. Показавъ, какія гласныя буквы твердыя замѣняются послѣ извѣстныхъ согласныхъ гласными мягкими и какія мягкія замѣняются твердыми, потомъ,—какъ переходятъ согласныя твердыя въ мягкія,—наконецъ, какъ буквы бѣглыя *о* и *е* замѣняютъ собою полугласныя ь, й, ъ—вставляясь для полноты слога и наоборотъ, какъ

(1) Равд. Гг. Греча и Востокова.

(2) Грѣчъ. Ломоносовъ дѣлитъ ихъ на *твердыя* (к, п, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ), *мягкія* (б, г, д, ж, з), и *плавныя* (в, л, м, н, р).

они замѣняются послѣдними, выбрасываясь изъ слога для благозвучія — наши грамматики подъ эти немногія, ясныя и простыя правила подводятъ все разнообразіе измѣненій, замѣчаемыхъ при образованіи слоговъ. — Г. Павскій смотрѣлъ на русскій языкъ съ весьма односторонней — эмпирической или *атомистической* точки зрѣнія (1): онъ видѣлъ въ немъ совокупность члено-составныхъ звуковъ *образовавшихся не органически* (т. е. сами собою, по непостижимымъ разсудку, самою природою въ нихъ внѣдреннымъ законамъ) но *образованныхъ механически* т. е. по свободному, разсудочному соображенію людей *говорившихъ*, по точнымъ и очевиднымъ правиламъ. И такъ, задачею своихъ филологическихъ наблюденій онъ сдѣлалъ: открыть и изъяснить *вполнѣ* эти правила. Въ обыкновенныхъ грамматикахъ, которыя ученіе о образованіи словъ предваряютъ ученіемъ о взаимноотношеніи, переходѣ буквъ однихъ въ другія и т. д. всѣ эти правила открыты и изъяснены простымъ, натуральнымъ способомъ: грамматики, подмѣтивъ, что въ большей части словъ буквы *б, м, п, в,* напримѣръ — соединяясь съ мягкими или тонкими гласными *я, ю,* принимаютъ для благозвучія букву, *л,* (люблю, травлю) находятъ, что въ этихъ случаяхъ обнаруживается коренное свойство языка русскаго, нелюбящаго стеченія сихъ буквъ согласныхъ съ мягкими гласными и отсюда выводятъ общее правило: «*губныя буквы при соединеніи съ мягкими гласными принимаютъ для благозвучія плавную букву: л.*» — Но послѣдуя этому обыкновенному, грамматическому способу въ изложеніи состава языка, — Г. Павскій не могъ *открыть* ничего новаго, не могъ предложить никакихъ *новыхъ* правилъ: для отличія своихъ *филологическихъ наблюденій* отъ обыкновенныхъ *грамматическихъ изысканій*, — Автору хотѣлось обыкновенныя, давно уже извѣстныя, общепринятыя *правила* образованія слоговъ и словъ — *вывести* инымъ путемъ и *изъяснить* не простымъ, но высшимъ, философскимъ способомъ.

(1) Ниже мы поясним, что понимаемъ подъ этимъ терминомъ: при разборѣ сочиненія Г. Каткова, § 16.

Что же ему оставалось дѣлать въ такомъ случаѣ? Грамматика основываетъ свое начало на *правилахъ*,—Филологу должно утвердить оное *на законахъ*; въ грамматикѣ правилъ *много*,—Филологъ долженъ привести ихъ къ *одному* закону; но чтобы привести *сложныя, разнообразныя* грамматическія правила къ философской *простотѣ и единству* закона,—для этого нужно отыскать *одно* какое нибудь *начало* и изъ него вывести *основной законъ* совсѣми его видоизмѣненіями. И такъ, предположивъ себѣ задачею: образованіе (составъ) словъ русскаго языка вывести изъ образованія *слоговъ*, образованіе слоговъ изъ разнообразныхъ *измѣненій* частей или элементовъ слоговъ т. е. *буквъ*, измѣненія буквъ изъ извѣстныхъ *правилъ* (нормъ), по которымъ измѣняются *буквы*, а правила измѣненія буквъ изъ природы или (выражаясь словами Автора) *состава* буквъ (1),—Г. Павскій самый составъ буквъ долженъ былъ вывести изъ *одного* какого-нибудь простаго, элементарнаго, недѣлимаго *начала*.—Это начало, изъ котораго проистекаютъ всѣ возможные звуки, какъ простые такъ и сложные, на которомъ опираются измѣненія этихъ звуковъ въ *слогахъ*, *словахъ* и слѣдовательно весь составъ или *организмъ* русскаго языка—есть какое то *миѳическое*, неразгаданное существо, называемое Авторомъ *придыханіемъ* и являющееся въ двоякомъ образѣ: *ъ-а* и *ь-я*. Выражаясь такъ, мы ни сколько не придаемъ словамъ нашимъ шутливаго тона, столь неумѣстнаго въ серіозномъ дѣлѣ науки и столь не сообразнаго съ тѣмъ уваженіемъ, какое она должна имѣть и *будетъ всегда имѣть* къ трудамъ почтеннаго Филолога: нѣтъ,—называя основное начало Г. Павскаго *миѳическимъ* существомъ, мы основываемся на томъ, что Авторъ (какъ покажемъ ниже) не далъ ему никакой, ни *видимой* (для мысли), ни ощутительной или *осязаемой* (для слуха) сущности, не далъ ему, однимъ словомъ, ни какой *опредѣленной* личности, приписавъ ему качества

(1) т. е. «простыхъ и сложныхъ звуковъ человѣческаго слова» Смот. Разс. 1-е, Вступл., стр. 5.

всѣхъ *гласныхъ* и *согласныхъ*, слѣдовательно всѣ возможныя измѣненія звуковъ, входящихъ въ составъ словъ русскаго языка.—Ежели мы, съ другой стороны, говоримъ что на этомъ началѣ (ъ и ь) утверждается у Автора весь *организмъ* русскаго языка,—то основываемся на томъ, что всѣ измѣненія (какъ увидимъ въ послѣдствіи) въ составѣ словъ, слоговъ и буквъ или звуковъ русскаго языка, производятся, объясняются и совершаются посредствомъ одного этого начала (ъ+ь), которое является подъ всѣми возможными видами, превращеніями и получаетъ роль какого-то fac-totum или *пантеистическаго* существа древней миѳологіи, — потому что во всякомъ видѣ, во всякомъ превращеніи это начало является только заступникомъ, намѣстникомъ, представителемъ какого нибудь *чужаго звука*—само оставаясь невидимымъ, безличнымъ, неуловимымъ.—Перейдемъ теперь къ характеристикѣ этого начала, какую можно извлечь изъ словъ самаго Автора.

§ 7.

Буквы: ъ и ь. Неопредѣленная, обоюдная природа ихъ: графическая и фонетическая; консонантизмъ и вокализмъ ерovъ.

Буквы ъ и ь, на которыхъ Г. Павскій построеваетъ организмъ словъ русскаго языка, въ первомъ періодѣ русской грамматики имѣли значеніе простыхъ письменныхъ знаковъ и служили только къ обозначенію степеней *согласныхъ звуковъ* т. е. твердаго и мягкаго произношенія ихъ: потому въ Грамматикѣ *Ломоносова* (Спб. 1799) (1) они названы *безгласными*.—Послѣдующіе наши грамматики и преимущественно *Гречъ* придали этимъ буквамъ (письменнымъ знакамъ) — значеніе *звуковъ* и назвали ихъ *полугласными*. — *Греча* болѣе всего

(1) § 90 § 120.

должно обвинять въ томъ, что онъ, гоняясь за новизною и увлекаясь, какъ кажется, притязаніями на ученость, нѣсколькими намеками на *гласность* (звучность) ъ-а и ь-я, далъ жизнь той странной идеѣ, которая Г. Павскимъ была развита и доведена до послѣднихъ крайностей. — *Въ Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ* (Спб. 1840 г., I ч. стр. 183.) Гречъ признаетъ ъ, ь, *й полугласными*, потому что они состоятъ изъ половины гласной, какъ бы *недоговоренной* и равняетъ ъ половинѣ *о*, ь и й половинѣ *и:* мнѣніе это, рѣшительно не подтверждающееся примѣрами, какіе приводитъ Гречъ изъ русскаго языка и бросающееся въ глаза людей, довѣрчивыхъ къ авторитету учености, только потому что грамматистъ сравниваетъ ъ съ французскимъ e (muet), Еврейскою *шевою* (. .) а ь съ j (Француз.) и т. д., — навело, какъ кажется, Г. Павскаго на ту мысль, что въ этихъ буквахъ заключаются элементы не только *гласныхъ* звуковъ но и *согласныхъ*. Такимъ образомъ *одностихійная* природа ъ-а и ь-я, признанныхъ Гречемъ *полугласными*, — въ системѣ Г. Павскаго явилась *двустихійною* т. е. ъ и ь, по мнѣнію Г. Павскаго, не только *полугласны* но и *полусогласны*, или: они занимаютъ средину между гласными и согласными звуками, содержа въ себѣ скрытно (im Aufgehobenseyn, statu latente) элементы тѣхъ и другихъ.

Такова, кажется, общая точка зрѣнія Автора *Филологич. наблюд.* на эти буквы, — сколько мы можемъ угадать ее изъ всего сочиненія, вопреки даже признанію самаго Автора, который (1 разс. § 35), протестуя противъ названія ихъ *безгласными* и *полугласными*, высказываетъ мысль, что они ближе къ *согласнымъ* (1) нежели къ гласнымъ. — Отъ этого предварительнаго замѣчанія о взглядѣ Г. Павскаго на ъ и ь перейдемъ къ *отысканію* того, что понимаетъ почтенный Авторъ подъ этими знаками. — Но это не такъ легко: Авторъ понимаетъ подъ ними *все* и *ничего*. Чтобы видѣть на самомъ дѣлѣ

(1) Ср. еще § 32 и § 33.

эту *всеобщую* и *нулевую* природу еровъ — послѣдуемъ шагъ за шагомъ за всѣми объясненіями Автора. — Предложимъ ему вопросъ: *что такое: ъ?* Есть ли это одинъ только письменный *знакъ*, или же живой *звукъ* человѣческаго голоса, и, если онъ *звукъ*, то какой именно: *простой*, самостоятельный, *гласный*, или же несамостоятельный, *согласный?* Ежели бы, желая рѣшить эти вопросы, собрали мы во едино все, что ни говоритъ Г. Павскій въ разныхъ мѣстахъ своего 1-го разсужденія, то дали бы двоякій отвѣтъ: 1) ъ есть *знакъ*, есть и звукъ *гласный*, и звукъ *согласный*; 2) ъ не *есть* ни *знакъ*, ни звукъ *гласный*, ни звукъ *согласный*. — Мы увидимъ это сей часъ же.

1, — ъ *есть письменный знакъ*. Выводя *исторически происхожденіе* ъ-а (1) — Авторъ указываетъ сперва на Еврейское гортанное придыханіе *Хетъ* (ח), изображавшееся въ Греческомъ языкѣ буквою Н и перешедшее въ Латинскій буквою h, по разсѣченіи этой буквы на двѣ половины ⊦ и ⊣ (видимыя теперь въ греческихъ знакахъ: ‘ и ’) для обозначенія разности между придыханіемъ *густымъ* и *тонкимъ* (твердымъ и мягкимъ звукомъ) и говоритъ: «Св. Кириллъ замѣтилъ, что и въ славянскомъ языкѣ есть тоже твердый и мягкій *выговоръ* гласныхъ (?) и согласныхъ буквъ, зависящій отъ *придыханій* (?). — «Для изображенія придыханій онъ употребилъ туже букву «(Н)» и проч. «только изображая дебелое придыханіе онъ «давалъ ей слѣдующій видъ: ъ, а изображая тонкое, писалъ «такъ: ь, и назвалъ ихъ *еръ* и *ерь*. Въ примѣчаніи къ § 18. Г. Павскій говоритъ:» послѣ согласныхъ буквъ въ срединѣ «и въ концѣ словъ Изобрѣтатель нашей азбуки тоже писалъ «ъ или ь, чтобъ знали, какой *выговоръ* дать буквамъ, твердый «или мягкій.» — Въ § 48 (1 Разс.): «Онъ видѣлъ, что согласныя буквы получали твердый или мягкій выговоръ, смотря

(1) 1 Разс. § 17 стр. 25.

«по тому, какая гласная стоитъ при нихъ, твердая или мяг-«кая . . . .» «но согласная буква часто лишается гласной по «разнымъ причинамъ, и потому для сохраненія твердаго или «мягкаго произношенія согласныхъ буквъ, лишившихся своей «гласной, Изобрѣтатель славянской азбуки на мѣстѣ опущен-«ной гласной оставлялъ по крайней мѣрѣ ея придыханіе. «Когда опускалась гласная твердая, тогда онъ оставлялъ на «мѣстѣ ея ъ; когда мягкая, тогда ь.» Изъ этихъ мѣстъ чи-татель заключитъ, что ъ и ь суть ни что иное какъ *письмен-ные знаки,* не имѣющіе никакого самостоятельнаго, имъ соб-ственнаго звука, но служащіе только къ обозначенію двухъ степеней выговора: *твердаго* и *мягкаго.* Но онъ ошибется— потому, что

2-е,—*ъ есть звукъ опредѣленный и именно-согласный.*—Въ примѣчаніи къ § 35 (1 Разс. стр. 43)—Г. Павскій говоритъ: «У нынѣшнихъ нашихъ Грамматиковъ Гг. Греча и Востокова «буквы ъ и ь названы *полугласными.* Судя по этому названію, «иной можетъ подумать, что ъ и ь ближе къ гласнымъ буквамъ «нежели къ согласнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые «вздумали увѣрять насъ, будто буквы ъ и ь въ древнемъ «Словенскомъ языкѣ были тоже, что краткія гласныя *о* и *е.*» Этими словами Авторъ отрицаетъ что ъ и ь суть звуки глас-ные,—слѣдовательно они должны быть *согласные.* Авторъ сперва не даетъ имъ этого названія, считая ихъ какимъ то неопредѣленнымъ, *безкачественнымъ,* едва примѣтнымъ звукомъ согласнымъ или *придыханіемъ.* Вотъ его мудреное изъясне-ніе (1). «Весьма остроумно называютъ гласныя буквы душею, «а согласныя ихъ тѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, гласныя буквы «суть не что иное, какъ дыханіе проходящее изъ груди чрезъ «болѣе или менѣе открытыя уста. При открытыхъ устахъ «дыханіе, проходя свободно, производитъ звукъ *а,* при болѣе «или менѣе сжатыхъ устахъ оно слышно, какъ *о, у, ы, и, е.*

(1) 1 Разс. § 32, § 33.

«Однакожъ всѣ сіи звуки образуются *не безъ согласныхъ*. (?!?). «Гласныя буквы *не могутъ быть слышимы*, доколѣ дыханіе, «выходящее изъ груди, не приразится къ которой либо части «устъ, и не получитъ *опредѣленнаго* звука (1). — Звукъ про- «изшедшій отъ прираженія дыханія къ устамъ, естьли онъ «слабъ и едва примѣтенъ называется *придыханіемъ* (aspiratio); «естьли же твердъ и совершенно ясенъ, называется *согласною* «*буквою*. Изъ сего понятія (2) о придыханіяхъ и согласныхъ «буквахъ выходитъ то заключеніе, что придыханія близки «къ согласнымъ буквамъ, и отличаются отъ нихъ только «лишь меньшею степенью ясности и опредѣленности.» Прочитавъ эти строки, въ которыхъ почтенный Авторъ, между прочимъ, высказываетъ диковинное мнѣніе, отрицая самостоятельность гласныхъ,—читатель едва ли пояснитъ себѣ природу или сущность придыханій ъ и ь темною идеею того, что они не суть полныя согласныя буквы (см. 41 стр. въ концѣ); онъ захочетъ, конечно, знать: имѣютъ ли они какое нибудь физическое, ощутительное для слуха *качество?* соотвѣтствуютъ ли они какимъ нибудь изъ извѣстныхъ согласныхъ звуковъ? — . . . . и находитъ: а) что ъ (I. § 18.) замѣняется иногда буквою *в;* иногда соотвѣтствуетъ буквѣ *г*, стоя передъ гласными а, о, у, при которыхъ хотя «не пишется но подразумѣвается,» такъ, что эти гласныя-ъа, ъо, ъу, тоже что Лат. ha, ho, hu, или Греческія ἁ, ὁ, ὑ; б) что ъ, образующійся въ гортани при самомъ выходѣ дыханія изъ груди—близокъ къ гортанно-небнымъ согласнымъ *г*, *к*, *х*, и нерѣдко ими замѣняется (§ 34); тотъ же ъ, который «служитъ основаніемъ «согласныхъ буквъ, но самъ остается дебелымъ, неопредѣ- «леннымъ и едва примѣтнымъ» дѣлается тонкимъ ь-емъ— «когда дыханіе, вышедъ изъ груди и оставаясь гортаннымъ, «частію приразится къ верхней части устъ и когда придыха- «ніе получаетъ больше опредѣленности и сжатости;» но ь

(1) Что это? Тождесловіе (idem per idem) или новая идея, отрицающая бытіе гласныхъ или *самогласныхъ*?

(2) § 33, разс. 1.

(который, какъ увидимъ ниже = і, й и в) по § 75, 76 — 77 соотвѣтствуетъ не только буквамъ *г, к, х*, но даже буквамъ: *т* и *с;* буква же *с* (зубное придыханіе) соединяясь съ буквами *г, к, х* — передѣлываетъ ихъ на *ж, ч, ш, щ;* слѣдовательно *ъ = т, с, ж, ч, ш, щ* — и такъ в) тотъ же *ъ = т, с, ж, ч, ш, щ;* наконецъ, — въ § 33 Авторъ, давъ общее понятіе о придыханіяхъ и согласныхъ, выводитъ изъ него, что «у всякаго «органа устъ есть свое придыханіе, равно какъ есть свои «согласныя буквы» и что, между прочимъ, «зубное придыханіе изображается буквами *с, р*, язычное буквою *л*, носовое «буквами *м, н;*» въ § 95 (стр 109): буква *с* замѣняетъ букву *д (дадтъ = дастъ, пряд – прясло)* и букву *з (маз – масло, вяз – вясло);* слѣдовательно, — мы можемъ высказать какъ общее заключеніе, что *ъ* и *ь = в, г, д, ж, з, к, л, м, н, р, с, т, х, ч, ш, щ* т. е. что они соотвѣтствуютъ всѣмъ согласнымъ звукамъ кромѣ четырехъ: *б, п, ф, ц.* — И такъ *ъ* и *ь* заключаютъ въ себѣ элементы всѣхъ почти согласныхъ звуковъ русскаго языка, не имѣя сами по себѣ никакого опредѣленнаго, постояннаго звука: *ъ есть согласный звукъ и не есть согласный звукъ.*

3, — *ъ есть звукъ гласный.* Читатель видѣлъ изъ предъидущаго, что Г. Павскій рѣшительно отрицаетъ въ *ъ*—ѣ и *ь*—ѣ *гласность* звуковъ, признавая ихъ не опредѣленными, не ясными, не полными *согласными* звуками или *полусогласными.* Изъ всѣхъ темныхъ, мутныхъ опредѣленій загадочной природы этихъ буквъ, какія читатель находитъ въ приведенныхъ нами мѣстахъ, онъ выведетъ по крайней мѣрѣ то заключеніе, что *ъ* и *ь* суть ни что иное какъ различныя степени въ *выговорѣ* каждаго согласнаго звука, слѣдовательно твердость или мягкость какой бы то ни было согласной буквы. Но въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ читатель, къ изумленію своему, находитъ, что *ъ* и *ь* означаютъ, или, лучше сказать, *производятъ* твердый или мягкій выговоръ не только согласныхъ звуковъ но даже и *гласныхъ.* Читателю съ пер-

ваго раза это покажется просто парадоксомъ: что гласные звуки во всѣхъ языкахъ бываютъ *твердые* и *мягки*,—въ этомъ читатель не будетъ имѣть никакого сомнѣнія; но что твердость и мягкость ихъ происходятъ не отъ самой природы этихъ звуковъ а отъ соединенія съ ними ъ-а или ь-я—это покажется всякому страннымъ, потому, что первообразныя, коренныя гласныя (твердыя): *а, о, е, и, у* произносятся по опыту вѣковъ *сами собою*, чистымъ голосомъ, безъ всякаго напряженія; производныя же или *мягкія* образуются изъ первыхъ при помощи острой гласной: *и*. Такъ напр. иа=я, ио=ё, ие=ѣ, ии=і, иу=ю. Но Г. Павскій, какъ читатель помнитъ, не безъ умысла оговорилъ (§ 32) самостоятельность гласныхъ, сказавши: «всѣ сіи звуки, однако- «же, образуются не безъ согласныхъ. Гласныя не могутъ «быть слышимы, доколѣ дыханіе, выходящее *изъ груди*, не «приразится къ которой либо части устъ и не получитъ опре- «дѣленнаго звука» т. е. не станетъ *придыханіемъ* (едва примѣтною *согласною*). Эту диковинную оговорку автору необходимо было сдѣлать для того, чтобы дать реальность мнимымъ звукамъ ъ-у и ь-ю и при *гласныхъ* буквахъ русскаго языка. Въ § 18 1-го разс. Г. Павскій, сказавши о придыханіяхъ въ Еврейскомъ языкѣ: четырехъ гортанныхъ буквахъ *алефъ, ге, хетъ* и *аинъ*, изображающихъ 4-е степени гортаннаго придыханія, и о двухъ буквахъ: *вавъ* и *іодъ* (по выговору подобныхъ латинскимъ w и j) замѣняющихъ также мѣсто придыханія,—говоритъ: «въ славянскихъ языкахъ «Св. Кириллъ примѣтилъ и отмѣтилъ только два придыха- «нія, дебелое (ъ) и тонкое (ь), изъ которыхъ первое замѣ- «няется иногда буквою *в*, второе буквою *і* или *й*. Отъ сихъ «двухъ придыханій, *неотступно* сопровождающихъ всякую «гласную букву, и сами наши гласныя раздѣлились на два «класса: на гласныя *твердыя*, предъ которыми *пишется* или «*подразумѣвается* (авторъ не смѣлъ сказать: «слышится», потому что всякому показалось бы страннымъ то, что одному ему воображается) «ъ и на гласныя *мягкія*, предъ ко-

«торыми пишется или подразумѣвается *ъ*, или служащая ему «замѣною буква і (лат. j) (1). Для сокращенія письма, при- «дыханія *ъ* при твердыхъ гласныхъ мы не пишемъ, и проч.» «*Рьшившись* признавать гласныя буквы твердыми безъ вся- «кой отмѣтки, *изобрѣтатель* азбуки счелъ за необходимость «отмѣтить по крайней мѣрѣ мягкій ихъ выговоръ. Это онъ «могъ бы сдѣлать при помощи ь-я;» (а почему же не сдѣ- лалъ?) «однакожъ въ замѣну *ь*-я употребилъ *і*, вѣроятно «по примѣру Латинскихъ миссіонеровъ, которые мягкій вы- «говоръ Славянскихъ гласныхъ означали Латинскою буквою і. «Они писали *iako, iaz,* и онъ ⷡАКО, ⷡАЗЪ. Такимъ образомъ «отъ соединенія мягкаго придыханія *і* (=ь) съ гласными «*а, е, о* произошли старинныя мягкія гласныя буквы ⷡ, Ѥ, «Ю,—изъ которыхъ въ нынѣшней азбукѣ уцѣлѣли только «двѣ: *я* (=ⷡ) и *ю*. Въ сихъ трехъ гласныхъ буквахъ сто- «ящее впереди мягкое придыханіе *і* почти не слышно. *Съ* «*твердыми* гласными оно слилось въ *одинъ* звукъ, передѣ- «лавъ ихъ только на *мягкія*». Здравый смыслъ всякаго чита- теля, просмотрѣвъ внимательно эти строки, найдетъ, что *ъ* и *ь*—эти воображаемыя (пишемыя или подразумѣваемыя) *придыханія* гласныхъ, кромѣ запутанности въ простомъ по- нятіи о гласныхъ твердыхъ и мягкихъ, рѣшительно не вно- сятъ ничего новаго, потому что *ъ*=о (нулю), а *ь*=і. Замѣ- тимъ здѣсь однакоже, что Авторъ, отрицающій *гласность ъ*-а и *ь*-я, вопреки себѣ, долженъ былъ признать въ *ь*-рѣ эле- ментъ гласнаго звука, уравнивъ его здѣсь и уравнивая во всѣхъ другихъ мѣстахъ своей книги гласной буквѣ *і* и Ла- тинскому j (2). Но уравнить *ь* одной только гласной буквѣ

(1) Ежели бы авторъ сказалъ: . . . «гласныя *мягкія* т. е. тѣже твердыя, предъ которыми пишется или подразумѣвается буква *і*» это было бы и понятно и справедливо, потому что при ⷡ, Ѥ,—буква і пишется предъ *а, е*; а при Ѧ, ѩ, Ю она подразумѣвается предъ твердыми *а, е, у*— съ которыми она соединилась въ одномъ почеркѣ.

(2) Читатель можетъ, при чтеніи книги Г. Павскаго видѣть, что вездѣ, гдѣ только идетъ рѣчь о *ь*-рѣ, не какъ письменномъ знакѣ (смягчающемъ

было для автора недостаточно, потому что при помощи этаго одного гласнаго звука не было возможности изъяснить всѣхъ метаморфозъ въ строеніи словъ русскаго языка, которыя, какъ извѣстно, происходятъ то чрезъ *вставку* гласныхъ между согласными, то чрезъ *опущеніе* ихъ, то чрезъ *переходъ* одних гласныхъ и согласныхъ въ другія, имъ соотвѣтствующія и т. п. И такъ, Автору необходимо нужно было разширить тѣсную область *ь-я*, какъ *гласнаго* звука, подобно тому какъ онъ разширилъ область того же *ь-я*, какъ *согласнаго* звука. Мы видѣли, что говоря о ъ-ѣ и ь-ѣ, какъ *придыханіяхъ*, Г. Павскій сперва сказалъ, что «они *иногда* изо«бражаются буквою *в*», потомъ нашелъ, что они близки къ буквамъ: *г, к, х,* далѣе—что «каждый органъ устъ имѣетъ »свое придыханіе» и что, слѣдовательно, ъ и ь=*с, р, л, м, н,*— наконецъ, что они равны *всѣмъ почти* согласнымъ буквамъ. Такъ же постепенно разширяетъ Авторъ область ь-я, уравнивши его сперва *одному* гласному звуку: *і*. Въ примѣчаніи къ § 35 (1 разс. стр. 43.), въ которомъ Г. Павскій критикуетъ названіе своихъ миѳическихъ буквъ *полугласными* и *безгласными* и защищаетъ данное имъ отъ себя названіе *придыханій*, онъ выражается такъ: «Какая охота была Изо«брѣтателю азбуки вносить въ нее буквы безгласныя или «беззвучныя? Чтобъ увѣриться, что ъ и ь не безъ *голоса*, «стоитъ только сравнить произношеніе словъ, имѣющихъ у «себя ъ и ь, съ словами, не имѣющими ихъ. Напр. такъ ли «звучатъ слова: *сълъ, князья,* какъ *сѣлъ, князя?* Смотрицкій, «одинъ изъ старинныхъ Словенорусскихъ Грамматиковъ, «буквы ъ и ь назвалъ *припряжногласными*. Имя конечно «грубо, но подъ нимъ заключается понятіе довольно близкое «къ истинѣ. Названіе *придыханій,* какое я даю ъ-у и ь-ю, «тѣмъ удобно, что оно указываетъ вмѣстѣ и на происхожде«ніе и на *значеніе* сихъ буквъ.» (т. е. какъ придыханій?)

согласную букву) но какъ о *придыханіи*, какъ о реальномъ звукѣ, Авторъ не осмѣливается иначе писать этотъ знакъ какъ поставляя тотчасъ же при немъ въ скобкахъ: (=і) или (=й).

«Въ прочемъ употребленіе ъ-а и ь-я въ *нашемъ* (?) языкѣ об-«ширнѣе, нежели употребленіе придыханій въ другихъ язы-«кахъ. У насъ онѣ обязаны не только предшествовать глас-«нымъ, но и служить *замѣною ихъ* въ случаѣ ихъ отсутствія «и по этому сопутствуютъ всѣмъ согласнымъ, не имѣющимъ «при себѣ гласныхъ. По крайней мѣрѣ эта обязанность ле-«жала на нихъ встарину (1)». Въ § 34 Г. Павскій тоже отдѣляетъ ъ и ь отъ буквъ согласныхъ и приближаетъ ихъ къ буквамъ гласнымъ: «въ грамматическомъ порядкѣ буквъ» говоритъ онъ на стр. 42, «придыханіямъ: ъ и ь я далъ «первое мѣсто, и поставилъ ихъ не на ряду съ *согласными* «буквами, съ которыми онѣ въ *близкой связи,* но впереди «гласныхъ. Это потому, что онѣ въ нашемъ *правописаніи* (2) «сдѣланы безотлучными *спутниками* и даже *памятниками* «гласныхъ. Отъ нихъ зависитъ твердый или мягкій выго-«воръ всѣхъ нашихъ гласныхъ, и онѣ, *видимо* или *невидимо* (3) «присоединяясь къ гласнымъ, дѣлятъ ихъ на два класса,

(1) Кто хочетъ видѣть безпрерывныя противорѣчія, въ которыя впадаетъ Авторъ, отъ полунамековъ, оговорокъ и недоговорокъ—какія для него не обходимы были потому, что этимъ только *двусмысленнымъ* изъясненіемъ могъ онъ оградить бытіе ъ-а и ь-я, какъ *звуковъ* а не какъ *знаковъ* ореографическихъ,—тотъ пусть сравнитъ приведенное нами мѣсто съ § 62. 1 разс., въ которомъ Г. Павскій прямо отрицаетъ, что ъ и ь были замѣною гласныхъ *о* и *е*, ссылаясь на то, что слова въ Остромировомъ Евангеліи: *сьрдцьмь, мнѣ, дньсь* должны бы быть выговорены: *сердцеме, денесе, монѣ* и проч. Какъ же написать слова: «служить «*замѣною ихъ* въ случаѣ ихъ отсутствія»!

(2) Читателю необходимо здѣсь обратить вниманіе на это выраженіе: «въ *правописаніи*», чтобы видѣть какъ постоянное сознаніе слабой стороны въ теоріи ъ-а заставляетъ Автора то *недоговаривать* то *оговаривать* мысль. Выше Г. Павскій выразился: «употребленіе ъ-а и ь-я въ нашемъ *языкѣ*» (т. е. живой рѣчи вообще) потому, что опровергая мнѣніе, что ъ и ь—*безгласныя* буквы или письменные знаки,—хочетъ доказать, что это суть звуки, что они не безъ *голоса*. Здѣсь онъ говоритъ: «въ нашемъ *правописаніи*» потому, что въ живой рѣчи нельзя найти никакого подтвержденія этимъ воображаемымъ качествамъ ъ-а и ь-я.

(3) Эти слова опять обличаютъ эту неопредѣленную, двойственную природу ъ-а и ь-я какъ *знаковъ* ореографическихъ и какъ *звуковъ*, и притомъ какъ звуковъ *согласныхъ* такъ и звуковъ *гласныхъ*.

«соотвѣтствующіе другъ другу» (т. е. твердыя и мягкія). Въ слѣдующемъ за симъ § 35 Г. Павскій, чувствуя противорѣчія, проистекающія изъ *недоговорокъ* о томъ, что̀ суть собственно ъ и ь? (согласныя или гласныя?), выражаетъ свое мнѣніе слѣдующею полною, обоюдною оговоркою: «наблю-«дая за придыханіями тотчасъ примѣтишь, что при глас-«ныхъ буквахъ онѣ слышны *впереди*, а при согласныхъ *на-«зади* буквъ. Стоя предъ гласными, онѣ являются только «въ собственномъ своемъ видѣ, какъ придыханія, а стоя «послѣ согласныхъ, онѣ служатъ и придыханіями и вмѣстѣ «намѣстниками гласныхъ. Дебелое придыханіе ъ *замѣщаетъ* «гласную твердую, а тонкое ь гласную мягкую, *какую бы «то ни было*». Послѣднихъ словъ Г. Павскаго достаточно, кажется, для того, чтобы видѣть что ъ равенъ не нулю, (какъ видѣли мы въ началѣ), а ь= не *і*, но всякой гласной буквѣ. Въ прочемъ, для большей убѣдительности мы приведемъ здѣсь факты, примѣры. Въ § 44 (стр. 53., разс. 1) Авторъ говоритъ: «если бы мягкому придыханію приходилось стать «предъ гласною твердою въ началѣ слова или между двумя «гласными, гдѣ *по законамъ правописанія* ь-ю стоять *не удобно*, «вмѣсто его мы употребляемъ *й, j*». Такъ вмѣсто Маьеръ, Деьекъ или Маьоръ, Деьокъ мы пишемъ: Майоръ, Дейокъ или Маіоръ, Дейокъ (1). Итакъ ь=*й*. Въ § 92 Авторъ говоритъ: «пропускъ всѣхъ вообще гласныхъ въ срединѣ словъ, «также пропускъ гласныхъ на концѣ словъ послѣ гласной «буквы, вознаграждается однимъ и тѣмъ же ь-емъ (=й); а «потому нѣтъ возможности опредѣлить, которая именно глас-«ная опущена, и чье мѣсто занимаетъ ь. Въ словахъ: *бью, «ученье, дать, перье*, онъ замѣняетъ потерю *и;* (2) въ словахъ: «*рукой, твоей* замѣняетъ *ю;* въ словѣ: *нашей* (род. пад.) за-«мѣняетъ *я* и т. д.» и такъ ь=*и, ю, я*. Въ § 91 Авторъ говоря о замѣнѣ ъ-омъ и ь-емъ гласныхъ *существенныхъ* и *бѣглыхъ*

(1) Сравни еще § 47 и §§ 75, 76.
(2) См. § 86, стр. 101.

замѣчаетъ: «изъ бѣглыхъ гласныхъ въ права существенныхъ «входятъ только двѣ, *о* и *а*, и то въ рѣдкихъ случаяхъ. «Именно, гласная *о* въ замѣну себя требуетъ *ь*-я только въ «глаголахъ при полусогласныхъ *л*, *р*, а бѣглая гласная *а* «въ замѣну себя требуетъ ь-я только при *л*. Такъ, отъ ко- «лоть, пороть — *колю*, *порю*, а не колу, пору. Отъ слать, «стлать — *шлю*, *стелю* а не слу, стелу». И такъ ь = а, о. Въ томъ же §-ѣ (въ началѣ онаго) Авторъ говоритъ, что «въ срединѣ словъ пропущенныя гласныя *твердыя* и *мягкія* «замѣняетъ одинъ и тотъ же ь»—слѣдовательно ь=і, и, й, а, е, о, ю, я — однимъ словомъ, всѣмъ почти гласнымъ (1), кромѣ *ъ* и *у*. Такое же соотвѣтствіе съ *гласными* указываетъ Г. Павскій и въ ъ-ѣ. Въ приведенномъ нами §-ѣ (91) онъ говоритъ: «на концѣ словъ пропущенныя гласныя замѣняетъ ъ»; въ § 90: «гдѣ опущена гласная твердая, тамъ можетъ оста- «ваться ея мѣстоблюстителемъ ъ». Въ § 86 Г. Павскій говоритъ: «при встрѣчѣ ъ-а съ ь-емъ, ъ переходитъ въ *ы*. «Какъ отъ *синь* по прибавленіи ь-я (= й) образуется *синій*, «такъ отъ *добръ*—(добрый) *добрый*». Въ томъ же §-ѣ (въ началѣ онаго) Авторъ говоритъ, что при подобной же встрѣчѣ ъ-а съ ь-емъ (й) «между ними мы должны вставить твердую «дополнительную гласную *о*, и вмѣсто *мый*, *пустый* сказать: «мой, пустой (2).» И такъ,—повторимъ здѣсь, какъ общее заключеніе, что ъ+ь, по словамъ Г. Павскаго=а, о, е, і, й, и, ы, ю, я,—т. е. всѣмъ почти гласнымъ звукамъ, кромѣ (3) *ъ*. Слѣдовательно, *ъ* и *ь* заключаютъ въ себѣ элементы всѣхъ гласныхъ звуковъ, не будучи исключительно ни какимъ опре-

(1) См. § 96 примѣч. 1. «Какъ придыханіе *ъ* служитъ замѣною всякихъ «гласныхъ, такъ буква *е* передъ *т* вступаетъ на мѣсто разныхъ согласъ- «ныхъ» и проч.

(2) Читатель можетъ спросить Автора: какъ же, вмѣсто пустой, мой,—можно выговорить эти миѳическія: мъй, пустъй? Не ужели: м–й, пуст-й ??

(3) Въ § 61. (1 разс. стр. 74.) Г. Павскій, говоря о буквахъ бѣглыхъ, выражается: «бѣглыми и вмѣстѣ помогательными гласными у насъ въ раз «ныхъ случаяхъ бываютъ всѣ твердыя *а*, *о*, *ы*, *у*, изъ мягкихъ только «двѣ: *е*, *и*. А средняя *ѣ* никогда не бываетъ бѣглою».

дѣленнымъ гласнымъ звукомъ, слѣдовательно какъ ъ такъ и ь есть *гласная буква и не есть гласная буква.*

§ 8.

Атомистическій нигилизмъ общаго теоретическаго начала Наблюденій Павскаго (ъ-а). Первоначальное значеніе еровъ въ Кирилловской азбукѣ. Позднѣйшее значеніе ихъ въ русской кириллицѣ и гражданской азбукѣ.

Изъ предъидущаго §-а можно видѣть, что ъ и ь, — на которыхъ, какъ увидимъ сей часъ же, основывается и которыми изъясняется всякое строеніе слоговъ, а потому и словъ, русскаго языка, — суть не что иное какъ выдуманные Авторомъ, *мнимые* элементы состава словъ или алгебраическіе знаки, символы всѣхъ возможныхъ грамматическихъ измѣненій въ этомъ составѣ: потому что эти ъ и ь сами по себѣ, какъ мы уже показали, ничего опредѣленнаго, существеннаго не имѣютъ, а между прочимъ они разрѣшаются во всѣ возможные гласные и согласные звуки, — и съ другой стороны, всѣ гласные и согласные звуки обращаются въ оные, сокращаются въ оные, приводятся къ нимъ. Г. Павскій нашелъ, конечно, *единое* и *всеобщее* начало, изъ котораго все въ образованіи словъ русскаго языка происходитъ и къ которому все приводится; — но есть ли это начало живое, *органическое?* Едва-ли; слова: *корабьь, журавьь* (т. е. кора*бль* журав*ль*) построеваемыя по этому началу Г. Павскимъ (1) показываютъ, что изъ этаго элемента произошли бы какія-то уродливыя, безмысленныя, *механическія* сцѣпленія или слѣпки звуковъ а *не органическіе* составы *словъ*. Имѣетъ ли начало

(1) См. 1 разс. стр. 59.

Г. Павскаго значеніе (по крайней мѣрѣ) начала отвлеченнаго, *философскаго?* Рѣшительно нѣтъ. Начала философскія бываютъ *эмпирическія* (1) *и мысленныя* (2), но всѣ они должны имѣть два аттрибута или двѣ принадлежности: 1) простоту или недѣлимость *реальную* т. е. чтобы по отнятіи отъ нихъ всего случайнаго, частнаго, многообразнаго, сложнаго—въ соединеніи съ коимъ эти начала являются въ предметахъ—въ нихъ было бы нѣчто, уже не имѣющее частей, далѣе уже недѣлимое, простое, или однимъ словомъ, чтобы они по самомъ глубокомъ анализѣ, раздѣленіи, разложеніи ихъ мыслію—оставались все таки *чѣмъ-то;* 2) начала философскія должны имѣть *разумность* и *свободу* или разумно-свободную силу, ибо ею только можно изъяснить творческую, зиждущую дѣятельность этихъ началъ въ образованіи вещей, порядкѣ или системѣ ихъ и т. п. Ежели бы философы давали своимъ эмпирическимъ или идеальнымъ началамъ одну *логическую разумность,* не допустивъ неопредѣленной свободы и проистекающей изъ нея творческой мощи (Vermögen),—то они должны были бы изъяснить все находящееся въ мірѣ и происходящее въ немъ, самымъ удовлетворительнымъ, точнымъ, математически—отчетливымъ образомъ. Но они до сихъ поръ еще не смогли этого *изъяснить* такъ; а хотя и старались *изъяснять,* то явленія міровыя представлялись то слѣпымъ, случайнымъ, то разсчитаннымъ, механическимъ сцѣпленіемъ очевидныхъ причинъ и дѣйствій, которыя все таки не удовлетворяли *нашъ человѣческій разумъ,* ибо и онъ, подобно *разуму* природы, есть живая, свободная, творческая сила, а не механически-движущаяся сила искуства. Этихъ двухъ принадлежностей совершенно лишено начало Г. Павскаго, потому что 1) ъ и ь не имѣютъ ничего *реальнаго,* ибо взятые

(1) Напр. атомы, вода (Ѳалесова), огонь (Гераклитовъ), гомоіомеріи (Демокритовы) и проч.

(2) Напр. *матерія* (Аристотелева), *разумъ* (νοῦς) нѣкоторыхъ философовъ древнихъ, *силы* природы, *идеи* (философовъ германскихъ) и проч.

въ самомъ первообразномъ, простомъ, элементарномъ ихъ видѣ, захваченные въ самомъ ихъ зарожденіи, они суть (не смотря на двусмысленныя, мутныя изъясненія Автора) не слышный человѣческому уху шумъ (1), происходящій отъ прираженія дыханія къ устамъ, *шумъ* не заключающій въ себѣ никакого реальнаго элемента звуковъ человѣческаго голоса т. е. ни элементовъ гласныхъ ни элементовъ согласныхъ буквъ; съ другой стороны, ъ и ь взятые въ ихъ *образующемъ* процессѣ т. е. въ ихъ *переходѣ* или, точнѣе выражаясь, ихъ *превращеніяхъ* во всѣ возможные звуки гласные и согласные—являются *намѣстниками* или *мѣстоблюстителями* то тѣхъ то другихъ и потому, по приведеніи всѣхъ согласныхъ къ буквѣ *с* (§ 96, стр. 110), буквы с и всѣхъ гласныхъ къ ь-ю (ibid.), который служитъ замѣною оныхъ, а самаго ь-я къ ъ-у,—какъ видоизмѣненія послѣдняго,—сей послѣдній оказывается *намѣстникомъ намѣстника, мѣстоблюстителемъ мѣстоблюстителя* т. е. мертвымъ письменнымъ знакомъ, ощутительнымъ для глазъ или воображенія но не для уха. 2) ъ и ь не имѣютъ въ себѣ ни *разумнаго* ни *свободнаго*. Не имѣютъ *разумнаго* потому, что слѣпо-случайныя, безмысленныя ихъ появленія, встрѣчи другъ съ другомъ (мъою, ръою, тростьь, коньь, (2) мъй) не имѣютъ ни разумной причины или разумной

(1) § 32. I. разс. стр. 41. Напрасно Г. Павскій говоритъ: «звукъ происшедшій «отъ прираженія *дыханія* къ устамъ»,—нужно было бы сказать: шумъ, шелестъ, *вѣяніе* а не звукъ, потому что дыханіе само собою, не восходя на ту степень (не изъяснимую ни какимъ образомъ), на которой оно образуетъ гласныя буквы: а, о, е и проч., ни когда не дастъ никакого звука *приражаясь къ устамъ* (разумѣется открытымъ). Г. Павскій отметая самостоятельность гласныхъ, образуемыхъ (будто бы) только при помощи *придыханій*, эти послѣднія считаетъ *первою* ступенью звука человѣческаго голоса: пусть же всякій читатель попробуетъ *приразить* дыханіе къ устамъ, такъ, чтобы оно не производило гласныхъ и согласныхъ (т. е. по словамъ Автора «звука твердаго и совершенно яснаго»,—онъ *ощутитъ* слухомъ «слабый и едва примѣтный» но не звукъ а шумъ, въ которомъ, конечно, найдетъ онъ и *гъ*, и *къ* и *хъ*, потому что въ этомъ сплошномъ шумѣ онъ не въ состояніи будетъ *различить* никакихъ степеней, мотивовъ.

(2) См. 1 разс. стр. 76.

цѣли ни разумнаго слѣдствія; не имѣютъ *свободнаго* потому, что ъ и ь являются и пропадаютъ въ словахъ не *сами собою* но по волѣ филолога или, лучше сказать, они *являются* тамъ, гдѣ какой нибудь согласной или гласной буквѣ по правиламъ грамматики *нужно* явиться для образованія падежа, рода, числа имени или такой или иной формы глагола и проч.; они *пропадаютъ* тамъ, гдѣ какой нибудь согласной или гласной буквѣ *нужно* выпасть или перейти въ другую, ей соотвѣтствующую, по правиламъ же грамматики. Довольно, кажется, будетъ этаго серіознаго, научнаго разсужденія о ъ-ѣ и ь-ѣ, какъ всеобщихъ началахъ состава словъ русскаго языка: скажемъ прежде, откуда вывелъ Г. Павскій то *значеніе* или, лучше сказать, ту *роль* fac-totum'-овъ, какую далъ онъ этимъ *орѳографическимъ* знакамъ въ *фонетическомъ* (1) организмѣ словъ русскаго языка. Г. Павскій желая, какъ мы сказали уже выше, обще-извѣстныя и обще-принятыя грамматическія *правила* привесть къ основному *закону* и изъяснить ихъ причиннымъ образомъ, *философически*, — воспользовался *неопредѣленнымъ* значеніемъ ъ-а и ь-я въ первоначальной, неустановившейся кирилловской орѳографіи, упустивши изъ виду противоположный ей характеръ новой, современной орѳографіи, орѳографіи языка грамматически установившагося, — рѣшился навязать нашему языку мнимыя качества древняго ъ-а и ь-я и темнымъ, мутнымъ, миѳическимъ ихъ значеніемъ придать отдаленный, глубокій смыслъ тѣмъ простымъ правиламъ грамматики, которыя сами по себѣ ясны. Въ нашей орѳографіи ъ есть *письменный* знакъ, служащій 1) для обозначенія твердаго выговора согласныхъ буквъ на концѣ и въ серединѣ словъ предъ гласными (2)

(1) т. е. звуковомъ — я отличаю этимъ словомъ физическую сторону организма языка отъ *логической*.

(2) Въ послѣднемъ случаѣ, можно сказать, ъ имѣетъ значеніе паузы, разстановки голоса въ произношеніи буквы согласной, которая отдѣляется отъ послѣдующей за нею гласной буквы, начинающей другой слогъ; наприм. объемлю, необъятный, изъящный=об-емлю, необ-ятный, из-ящный;

2) для означенiя именительнаго падежа или мужескаго рода именъ существительныхъ; ь есть такой же *письменный* знакъ, который служитъ 1) для обозначенiя мягкаго выговора согласныхъ на концѣ словъ и въ серединѣ, когда онѣ стоятъ какъ предъ гласными такъ и предъ согласными буквами (1), 2) для означенiя рода именъ мужескаго и женскаго 3) для сокращенiя гласныхъ е и і, которыя для благозвучiя выбрасываются изъ темы слова (полной, первообразной формы его) и замѣняются ь-емъ, напримѣръ: *Софья* вмѣсто Софiя, преимущественно же въ косвенныхъ падежахъ: *благодатью, братья, братьями* — вмѣсто: благодатiю, братiя, братiями, *льна, львами,* — вмѣсто тематическихъ: ленъ–лена, левъ–левами и проч. — Въ Кирилловской же орѳографiи оба эти знака имѣли болѣе обширное или, точнѣе выражаясь, *менѣе опредѣленное* значенiе и употребленiе. Въ первомъ перiодѣ языка церковнославянскаго (2) (IX—XIII вѣкахъ) ъ и ь были *письменные* знаки служившiе 1) для обозначенiя твердаго и мягкаго выговора согласныхъ буквъ, родовъ именъ мужескаго и женскаго, — какъ и у насъ; 2) не зависимо отъ того, они ставились въ серединѣ словъ какъ между согласною и гласною буквою такъ имежду двумя согласными, какъ мнѣ кажется, съ двоякою цѣлiю и по двумъ причинамъ: а) Кирилловскiе грамматисты, соображая церковнославянскую орѳографiю не съ произношенiемъ по съсловопроизводствомъ, старалисьзнаками ъ и ь указывать на коренныя или тематическiя гласныя буквы а, о, е, и проч. и чрезъ это самое на *письмѣ* по крайней мѣрѣ отдѣлять корен-

что въ произношенiи этихъ словъ ъ служитъ предохраненiемъ согласныхъ буквъ: б, з, отъ сліянiя съ тонкими гласными е, я—это можно видѣть изъ того, что ежели бы мы произносили слоги оканчивающiеся буквами б, з—слитно, нераздѣльно съ послѣдующими, то приведенныя слова звучали бы: обѣмлю, (обьэмлю), необлятный (необьатный), изящный или изьащный.

(1) Напр. льва, семья, статья, льна, *польза, серьга,*— въ прочемъ въ двухъ послѣднихъ только словахъ ь является знакомъ смягченiя согласныхъ: л предъ з, р—предъ г; во всѣхъ прочихъ онъ есть знакъ не только смягченiя но и сокращенiя гласныхъ бѣглыхъ е, і — что увидимъ сей часъ же.

(2) По дѣленiю Востокова, см. его *разсужденiе о Славянскомъ языкѣ,* Труды Общ. Люб. Рос. Слов., Ч. XVII 1820. Москва.

ной или тематическій (первообразный) остовъ словъ отъ грамматическихъ окончаній и приростовъ, съ которыми въ живомъ *выговорѣ* онъ сливается или въ сліяніи съ которыми иногда теряется, изчезаетъ. Такимъ образомъ слова *что, кто, сей мнѣ* — въ современной ореографіи являющіяся простыми и пишущіяся безъ всякихъ знаковъ въ срединѣ, въ старинной нашей ореографіи писались: чъто, къто, сьй, мьнѣ. Здѣсь ъ и ь вездѣ отдѣляютъ тематическую основу слова отъ приростовъ грамматическихъ: то, й, нѣ. *Чъто* составлено изъ *чо* (quod? сохранившагося въ Польскомъ со=цо и Словацкомъ чо) и *то* (hoc?, отбрасываемаго въ косвенныхъ падежахъ въ нашемъ языкѣ (1). Г. Максимовичъ весьма остроумно ставитъ въ паралель это чъ-то съ малороссійскимъ сь-чо (се-чо, это что?), въ которомъ приростъ нашъ *то* сократился въ сь (се) и съ задняго мѣста перешелъ напередъ, къ слову чо.—*Къто* составлено изъ *ко* (quis? *кой*?) и частицы *то* (hoc, се, это), отбрасываемой въ косвенныхъ падежахъ (2); сьй—изъ сь или се-вотъ (остатка темы, или корня указательнаго мѣстоименія) и й сокращеннаго личнаго мѣстоименія: *и*, мѣстоим. церковнослав. язык., означающаго третее лице: *онъ*, что видно изъ косвенныхъ падежей этаго *и* въ сложномъ его видѣ: пже (и-же), его же, ему же; мьнѣ изъ мь или мя, ми, ме (3).— Вставляя вмѣсто коренныхъ, тематическихъ буквъ а, о, е—ъ и ь, нетолько въ косвенныя или производныя формы словъ въ которыхъ о, е, а исчезаютъ, но и въ тематическія формы, въ которыхъ онѣ всегда стоятъ,—Кирилловскіе грамматисты хотѣли всегда указывать *читателю* составъ слова т. е. хотѣли, чтобы онъ зналъ, какая буква въ тематической формѣ

(1) См. Ист. Рус. Слов. *М. Максимовича.* Кіевъ, 1839 I. Ч. стр. 141—143.

(2) У Иллирцевъ это *то* сокращается въ *тъ* и ставится въ передн· *tko* (quis? wer?) У славенъ заодерскихъ *кто выговаривается като.* См. Ист. Слов. *Максимовича* ibidem.

(3) Ср. Польское mię,—m, (въ 1. лицѣ врем. прошедшаго глаголовъ: byłem, dałem=był ja, dał ja) = мь, *марск.* ме-нѣ, ме-не вмѣсто мнѣ, мьнѣ, меня, мя.

исчезаетъ (становится бѣглою) въ производной, и какая гласная буква, исчезающая въ производныхъ формахъ-возстановляется въ тематической. — Такимъ образомъ, они писали не только *львомъ, зъла* (человѣка), но и *львъ, зълъ (левъ, золъ)* и этимъ, конечно, облегчали *читателямъ* склоненія именъ, потому, что они, *видя* гдѣ должна быть буква тематическая и гдѣ остался только слѣдъ ея, могли ее-по догадкѣ-то вставлять въ слогъ и выговаривать, то опускать.—Это была первая цѣль и первая причина вставки ъ-а и ь-я въ срединѣ словъ. б) Кромѣ этой причины и цѣли можно подозрѣвать еще другую: *въ древнемъ* періодѣ нашего письменнаго языка, въ которомъ разговорный языкъ не совершенно отдѣлился еще отъ книжнаго и «непрестанно и невольно входилъ въ составъ» послѣдняго (1), — строеніе слоговъ и словъ не могло быть еще установлено, не могло быть *правильнымъ*, грамматическимъ: одно и тоже слово произносилось и *полно и сокращенно* (напр. сребро и серебро, берегъ, брегъ), въ одномъ и томъ же словѣ извѣстная гласная буква могла стать и послѣ извѣстной согласной и впереди ея напр. плъть могло читаться и *плоть* (тѣло) и *полть* (половина свиньи) или *полоть* (2), въ одномъ и томъ же слогѣ гласная могла произноситься твердо: и мягко напр. сьй — Великоруссъ произноситъ какъ *сый* а Южноруссъ твердо: сэй, какъ и теперь произноситъ; мый — первый произноситъ мой, — второй и теперь говоритъ мôй (мій), *добрый* — первый произноситъ мягко: *доброй*, второй твердо-добрый.—Итакъ, при неизвѣстности: *гдѣ* именно должна быть тематическая гласная и какая именно: дебелая или тонкая — Кирилловскіе грамматисты ставили ъ и ь,— предоставляя догадкѣ или произволу Великорусса или Южнорусса, Поляка или Чеха, ставить гласныя тамъ, гдѣ каждый

(1) См. Ист. Рус. Слов. Максимовича. Гл. VIII стр. 172.

(2) Названіе древняго божества славянъ, встрѣчаемое въ памятникахъ литерат. нашей Древняго Періода: *Хърсъ* — читаютъ *Хорсъ* и *Хросъ*. См. статью О. Бодянскаго въ Чтеніяхъ Москов. Общ. Ист. и Др. М. 1846 № 2.

привыкъ ихъ выговаривать (1).—Вотъ первоначальное значеніе ъ-а и ь-я въ древней Кирилловской орѳографіи, строго державшейся словопроизводства и потому *разумно* (съ цѣлію) употреблявшей ъ и ь. Но въ нашемъ отечествѣ, кажется, не было Кирилловскихъ грамматистовъ а вмѣсто нихъ были только *грамотѣи*. Отъ того-ли что они не понимали толкомъ Кирилловской орѳографіи или отъ того, что списывали рукописи съ рукописей задунайскихъ (Болгарскихъ и Сербскихъ), въ которыхъ первообразная Кирилловская орѳографія уже исказилась, — только произволъ и неопредѣленность ъ-а и ь-я въ нашихъ книгахъ дошли до безсмыслія; напр. писали безъ нужды *дъвъ, кънигы, сълньце, дългы* вмѣсто Кирилловскихъ *двь, книгы, слнце, длгы* (2). Изъ Остромірова Евангелія видно, что грамотѣй-писецъ ставилъ, не долго думая, ъ и ь при всякой буквѣ: отъ туда то и вышли эти безграмотныя слова: *сърдьцьмь, дължникомъ,*—на неопредѣленномъ, мнѳическомъ значеніи въ которыхъ ъ-а и ь-я Г. Павскій утвердилъ ту непонятную мнѳическую роль, какую даетъ онъ этимъ письменнымъ *знакамъ* церковнославянской орѳографіи, какъ элементамъ фонетическимъ нынѣшняго русскаго языка. Г. Павскій самъ *ясно* сознаетъ (3), что ъ и ь въ древней орѳографіи были только

(1) На это не обращаютъ филологи наши вниманія: я не считаю случайнымъ напр. писаніе *плькъ*. Ежели бы здѣсь ъ стоялъ вмѣсто о,—то должно бы выговаривать *плокъ* а не *полкъ*. Въ словѣ: *крькъ* (cervix, шея, крестцы) ъ равнымъ образомъ не есть намѣстникомъ *о* (=крокъ). Это слово въ сербскомъ выговаривается *кынкъ* (к-ркъ), въ Польскомъ kark, въ цквнслав. (кажется) *коркъ* (См. Словарь Акад. подъ словами: *корко*-носый и *коркъ*, 1792. ч. III.) и *крокъ* (см. Miclosich. Radic. ling. Slav. подъ словами. крькъ и крок-); изображая это слово *крькъ* Кирилловскіе грамматисты не обнаружили ли этимъ неизвѣстность, какъ именно должно оно выговариваться въ нарѣчіяхъ славянскихъ и не предоставили ли этимъ самымъ произволу каждаго Славянина, какъ мѣсто на которомъ онъ долженъ вставлять гласную, такъ и самый родъ гласной? Не видно ли того же въ орѳографіи *плькъ*, которое выговаривается въ русскомъ языкѣ полкъ, въ Чешскомъ pluk, въ польск. pólk (пулкъ), а въ Млрс. поўкъ (=повкъ)?

(2) См. Ист. Р. Слов. Максимовича I ч. стр. 176 примѣч. 5.

(3) См. 1 разс. § 62. стр. 75.

письменные знаки, не болѣе, служившіе,—въ качествѣ *нѣмыхъ* показателей *(а не намѣстниковъ)* гласныхъ звуковъ: бѣглыхъ или неопредѣленно-стоявшихъ или неопредѣленно выговаривавшихся,— облегченіемъ для читателя, не могшаго знать грамматическаго употребленія такой или иной формы слова, тѣмъ болѣе, что въ древнемъ языкѣ письменномъ, еще неустановившемся, оно и не существовало. Г. Павскій, конечно, еще яснѣе сознавалъ, что въ нынѣшней ореографіи, или, лучше сказать, при нынѣшнемъ строеніи литературнаго нашего языка, вполнѣ установившагося *лексически* (въ корняхъ) и *грамматически* (въ словоизмѣненіяхъ или окончаніяхъ) ъ и ь суть чисто-письменные, *безгласные* знаки (1): но желая облечь туманомъ учености смыслъ простыхъ, натуральныхъ правилъ грамматическихъ, — Авторъ Филологическихъ Наблюденій воспользовался однакоже двуличневымъ бытіемъ ъ–а: *письменнымъ* и *мнимогласнымъ* и назвавъ его *придыханіемъ* гласныхъ и согласныхъ буквъ, основываетъ на ономъ тѣ многосложныя, темныя, непатуральныя *превращенія* первыхъ во вторыя и обратно,—которыя названы у него *основными законами* устроенія слоговъ русскаго языка.—Взглянемъ теперь на эти законы и приведемъ нѣкоторые изъ нихъ, чтобы видѣть на дѣлѣ, въ *приложеніи* филологическія начала Г. Павскаго, которыя мы съ такою подробностію разсматривали въ ихъ *теоретическомъ* видѣ.

§ 9.

Приложеніе нигилистическаго начала (ъ—ь) къ практикѣ. Основные законы ернаго строенія словъ въ языкѣ русскомъ. Нигилизмъ этихъ законовъ.

Изложивъ въ IV Главѣ (Грамматическій порядокъ буквъ и раздѣленіе ихъ на разряды) новую систему буквъ, раздѣля-

(1) Потому что и ь даже какъ сокращеніе е, і, не имѣетъ никакого голоса, *смягчая* только ту согласную, которая стоитъ предъ выпущенною или сокращенной гласною статья, льва).

емыхъ имъ на I, *придыханія* (ъ, ь (ї)) II, *гласныя* III, *согласныя чистыя* (1) IV, *согласныя придыхательныя зубныя* (ж, ч, ш, щ) и V, *полусогласныя* (м, н, р, л) и сказавъ о каждомъ изъ этихъ разрядовъ порознь, — въ V Главѣ (Сочетаніе буквъ или построеніе слоговъ) Г. Павскій излагаетъ законы, по которымъ сочетаваются *придыханія съ придыханіями, гласныя съ гласными* и наконецъ *согласныя и полусогласныя съ придыханіями и гласными*. — Всѣ эти законы, большею частію суть законы *отрицательные*, несуществующіе т. е. примѣняемые къ тому чего *нѣтъ* и что *не бываетъ* въ русскомъ языкѣ, однимъ словомъ это чистыя созданія ученой фантазіи Филолога; они на всякомъ шагу обличаютъ себя противорѣчіями грамматическимъ фактамъ и не имѣютъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Напротивъ того, они приводятъ къ отрицательнымъ, безполезнымъ и даже вреднымъ грамматикѣ русской слѣдствіямъ, потому что смѣшивая ореографію словъ съ этимологіею ихъ — грамматическимъ *изключеніямъ* даютъ силу *правилъ, законовъ*, а грамматическія *правила* низводятъ на степень изключеній, наконецъ,—излагая чрезвычайно сложный, мелочнодробный *процессъ* въ образованіи слоговъ, совершающійся при посредствѣ перехода однихъ буквъ въ другія, запутываютъ, затемняютъ смыслъ болѣе *простыхъ* грамматическихъ правилъ и искажаютъ чистую *тонику* словъ русскаго языка уродливыми, произвольными построеніями слоговъ. Возьмемъ на выдержку нѣсколько этихъ мнимыхъ законовъ.

Первый законъ. «Придыханіе предъ придыханіемъ *по пынѣшнимъ законамъ нашего правописанія* (2) не можетъ стоять

(1) *Губныя*: б, п, *небныя*: г, к, х,
в, ф, *язычныя*: д, т,
м. *зубныя*: з, ц, с

(2) Зачѣмъ же *не языка?* Вѣдь Авторъ въ этой главѣ разбираетъ сочетаніе элементовъ слоговъ, какъ основаніе построенія оныхъ, излагаемаго въ слѣдующей главѣ? Не обнаруживаетъ ли онъ здѣсь, на первомъ шагу, *мнимости* ъ-а какъ придыханія, считая его однимъ ореографическимъ знакомъ и прежде писавшимся, но *не произносившимся*.

«ни въ началѣ словъ, ни въ срединѣ. Гдѣ прежде *писывали*: «*ъй* или *ьй, ьь* (1) (напр. добрѣй, сьй) тамъ нынѣ мы должны «писать: *ый, ой, ей,* то есть, между придыханіями должны «ставить бѣглыя гласныя *ы, о, е,* требуемыя выговоромъ.» Не значитъ ли весь этотъ законъ слѣдующаго: «въ старин- «ныхъ книгахъ писали вмѣсто *ый, ой, ей*—ъй, ьй, по неопре- «дѣленности или неустановимости твердыхъ и мягкихъ глас- «ныхъ въ окончаніяхъ прилагательныхъ именъ; теперь пишутъ: «ый, ой, ей, — потому что окончанія прилагательныхъ уста- «новились въ грамматикѣ.» Но за чѣмъ же это *изключеніе* старинной *орѳографіи* получило силу *закона*—въ этимологіи *современнаго* языка?

Второй законъ. «Дебелое придыханіе ъ въ срединѣ словъ «не можетъ устоять предъ гласными, какія бы онѣ ни были (2), «а тонкое ь можетъ; и потому здѣсь ъ или уступаетъ свое «мѣсто ь-ю (напр. лгунъ, лгунья), или особенными сред- «ствами, о которыхъ скажемъ послѣ, предохраняетъ себя отъ «уничтоженія (3). Въ томъ же самомъ случаѣ, гдѣ слова:

---

(1) Почему Г. Павскій не привелъ примѣра изъ древнихъ книгъ на этотъ *небывалый* даже въ безтолковой старинной орѳографіи случай: *ьь*? Это чистая выдумка почтеннаго Филолога, которая нужна была ему для подтвержденія небывалаго, имъ же изобрѣтеннаго случая: встрѣчи двухъ ь-ей (ьь), какъ увидимъ ниже.

(2) Почему же? читатель причины или основанія этому не видитъ: что̀ же за законъ, въ которомъ нѣтъ причины? Не потому ли почтенный Филологъ не указываетъ ни причины ни основанія для этаго закона, что онъ самъ не имѣлъ ни причины ни основанія выставлять этотъ небывалый законъ?

(3) Чтобы читатель не обольщался по-пусту надеждою узнать что нибудь *невѣдомое*,—скажу, что это-чистая мистификація ъ-а, какъ знака падежей и мужескаго рода именъ существительныхъ. Въ словахъ напр. *дуть* (стар. *духать*), *слушать, сѣять* (разсѣвать), *значить*—ежели нужно возстановить коренную, тематическую форму имени, то по отдѣленіи окончаній: *ть, ать, ить*,— нужно вставить тематическую согласную, которая или совсѣмъ изчезла (напр. въ *дуть*) или же перешла въ другую, ей соотвѣтствующую (ш, ч,),—а для обозначенія рода имени, само собою разумѣется,—прибавить ъ.—Такимъ образомъ мы получимъ слова: духъ, слухъ, сѣвъ, знакъ. Г. Павскій толкуетъ явку ъ-а здѣсь, иначе: «если правило

«*бить, лить* измѣняются *на бью, лью,* подобныя имъ слова: «*мыть, рыть* передѣлываются (терминъ къ стати!) не *на мъю,* «*ръю,* а на *мою, рою.* То есть, ъ, не имѣя здѣсь *права* усту- «пить мѣсто ь-ю, (что̀ за право, на чемъ оно основано?) и не «могши самъ устоять (почему-же?), въ помощь себѣ прини- «маетъ бѣглую гласную *о.* Ибо *мою, рою* по § 18 тоже что «*мъою, ръою.*» Это—*законъ* и законъ основной!! Но нѣтъ правила безъ изключенія, и хотя Г. Павскій «выискивая «основной законъ» (см. введ. въ 1 разсужд.) сказалъ, что онъ «нетерпитъ въ грамматикѣ такихъ правилъ, которыя допу- «скаютъ множество изключеній,»—но за вышеприведеннымъ закономъ тотъ часъ же слѣдуетъ и изключеніе. «Въ *однихъ* «*только* предлогахъ, приложенныхъ къ словамъ, начинаю- «щимся съ гласныхъ буквъ, предъ *всякими* гласными можетъ «держаться ъ, хотя предъ гласными твердыми не *пишется.* «Такъ *пишемъ: объятія, подъемъ, съизнова, въѣздъ,* но въ сло- «вахъ: *вз-алкать, вз-орать, раз-умъть, слышимъ* ъ (?) (1) «только въ выговорѣ, а на письмѣ не видимъ его. Отступле- «ніе отъ *общихъ* правилъ допущено въ пользу предлоговъ «потому, что предлогъ все таки остается отдѣльнымъ словомъ, «несмотря на то, что по принятымъ законамъ *правописанія* «онъ приписанъ къ другому слову.» Не явно-ли, что почтен- ный ученый Авторъ морочитъ здѣсь бѣднаго читателя, кото- рый при всемъ напряженіи вниманія и мысли (какихъ тре-

«грамматическое» говоритъ онъ въ § 45 «потребуетъ удержать твердое при- «дыханіе ъ послѣ гласной, то въ промежутокъ между гласною и ъ-омъ «*вставить можно* помогательныя буквы: *в, к, х,* которыя и предохраняютъ «ъ отъ уничтоженія. Такъ изъ корней *ду, слу, слы, сѣ, смѣ, зна,* когда «къ нимъ *надобно было* приложить ъ, произошли слова: *духъ, слухъ,* «*слыхъ, сѣвъ, смѣхъ, знакъ;*» что здѣсь къ чему прилагается: ъ ли къ в, к, х, или в, к, х къ ъ-у, что для чего?.. — ъ-ли для в, к, х, входящихъ въ корень (тему) словъ, или в, к, х, для ъ-а (какъ думаетъ Авторъ)?—Пусть рѣшитъ здравый смыслъ читателя. Ср. еще §§ 75—77.

(1) Отъ чего же слышимъ ъ а не букву *з*??? Съ такою же основательностію я могу сказать, что въ словахъ: торга, гроза, ежели я раздѣлю чер- точкою слоги: торг-а, гроз-а, я *слышу* ъ только въ выговорѣ а на письмѣ *не вижу.*

буютъ филологическія наблюденія Г. Павскаго), я увѣренъ, никакъ не войдетъ въ толкъ, о чемъ здѣсь дѣло?—Онъ никакъ *не можетъ* войти, потому что здѣсь, собственно говоря, нѣтъ дѣла, или дѣло, если угодно, идетъ *о ничемъ*. Посмотрите: Авторъ повелъ дѣло *о сочетаніи придыханій съ гласными*. Выведенъ законъ: «ъ не можетъ стоять ни предъ какою «гласною въ серединѣ словъ»; хорошо,—но такихъ словъ вовсе нѣтъ въ русскомъ языкѣ: за чѣмъ же говорить, что то или другое не *можетъ быть* въ языкѣ, тогда когда оно не *есть*, не бываетъ *никогда* въ немъ? Не такъ же ли это безплодно, какъ и то, когда бы я сказалъ: три а, три у, пять, семь согласныхъ не могутъ устоять ни въ началѣ, ни въ серединѣ, ни въ концѣ словъ русскихъ? Къ чему говорить, что въ такомъ случаѣ («здѣсь»—да гдѣ-же?) ъ уступаетъ *свое* мѣсто ь–ю, когда онъ не можетъ *самъ* стоять, слѣдовательно *самъ* не имѣетъ никакого мѣста? или,—къ чему говорить, что слова: *мыть, рыть* передѣлываются не на *мъю, ръю* (м–ю, р–ю) а не *мою, рою*,—когда *иначе* они и не передѣлываются и не могутъ, не уродуясь органически, какъ звуки просто, передѣлаться? И такъ весь законъ, столь громозвучно, догматически выраженный «ъ не можетъ устоять» и проч. сводится къ нулю: это законъ того, что не *есть*, что *никогда* не бываетъ, не *было*, не *будетъ*, не можетъ быть и не можетъ не *небыть* въ русскомъ языкѣ. Но въ *изключеніи*, такъ скромно высказанномъ (въ однихъ только предлогахъ) и между прочимъ, простирающемся на самую большую массу словъ т. е. на предложныя имена, глаголы, нарѣчія,—«предъ *всякими* гласными можетъ дер- «жаться ъ, хотя впрочемъ предъ гласными твердыми не пи- «шется» (1). Для чего, скажите, *правило* орѳографіи, подтверждаемое цѣлою *массою* словъ одного рода,—получило

(1) Предъ *а*, точно, не пишется, потому что почти нѣтъ русскихъ словъ на эту букву; но предъ о, у не можетъ не писаться напр. *съузить, съумѣть, съорать*—не ужели можно написать: *узить, умѣть, орать*?

значеніе *изключенія*,—а отрицательный, небывалый, невозможный *случай* силу *основнаго закона?* Однимъ словомъ, для чего здѣсь viel Lärm um Nichts? Весь вопросъ, существенно, заключается въ томъ: писать ли *ъ*, или: раздѣлять ли знакомъ твердымъ предлоги отъ словъ, начинающихся съ гласной буквы или нѣтъ? А Авторъ обратилъ его въ другой: *быть*-ли ъ-у тамъ, гдѣ онъ никогда не *бываетъ* и не *можетъ быть?* Такое же отрицательное значеніе имѣетъ и *третій основной законъ* сочетанія *ъ*-а и *ь*-я. «Ни дебелому «придыханію ъ-у, ни тонкому ь-ю не возможно устоять предъ «гласными и согласными въ началѣ словъ. Стоящія въ на«чалѣ словъ придыханія всегда сливаются съ гласными и «производятъ наши гласныя твердыя и мягкія. Такъ вмѣсто «*ъа* пишемъ просто *а*, вмѣсто *ьа* пишемъ *я* и т. д.» Да развѣ это сочетаніе придыханій, когда дѣло идетъ о томъ, какъ мы *пишемъ* ихъ? Но довольно о ъ-ѣ. Приведемъ еще какой нибудь законъ о сочетаніи *ь*-я.

Третій законъ. «Тонкое придыханіе ь, имѣющее право «стоять въ срединѣ словъ предъ гласными (1), можетъ сто«ять только предъ гласными мягкими. И потому, естьли «случится ь-ю стоять предъ гласною твердою, то она должна «измѣниться на мягкую. Имена Julianus, Tatiana, Σοφια, ко«гда въ нихъ предъ гласною твердою *а* появился ь» (2)

(1) Какими: твердыми или мягкими? Выше Авторъ говоритъ: «дебелое ъ «не можетъ устоять предъ гласными, какія бы онѣ ни были (слѣд. какъ «твердыми такъ и мягкими) а тонкое ь можетъ» слѣдовательно то же предъ гласными какія бы онѣ ни были? слѣд. можетъ предъ твердыми и мягкими стоять? Но ниже это ограничивается, выходитъ плеоназмъ: «тонкое *ь*, имѣющее право стоять въ срединѣ словъ предъ гласными «мягкими, можетъ стоять только предъ гласными мягкими».

(2) Какъ? когда? гдѣ? за чѣмъ? Авторъ, просто выдумалъ для оправданія своего небывалаго закона, формы: Ульянъ, Татьяна, Софья. Гдѣ, въ какихъ книгахъ укажетъ онъ намъ эти небывалыя формы, которыя послѣ (будьто бы) передѣлались въ Ульянъ, Татьяна, Софья. За чѣмъ умалчиваетъ онъ объ этихъ истыхъ, старинныхъ формахъ Іуліаній, Татіана, Софія—до сихъ поръ еще сохраняемыхъ въ святцахъ—которыя послѣ

(? не ужели писали когда либо прежде Іульанъ, Софьа ?), «у «насъ передѣлались на *Ульянъ, Татьяна, Софья*». Авторъ, собственно, долженъ бы былъ сказать: «когда тонкое і, находясь предъ гласными буквами а, е въ старинныхъ, церковно-славянскихъ формахъ словъ, для благозвучія, сокращается въ ь, то гласная *а* смягчается, переходя въ гласную *я*.» Или,—такъ какъ собственно-русскихъ словъ, въ которыхъ і стоитъ предъ *а* мало (1), да притомъ всѣ они давно уже, безъ труда грамматика и филолога, народнымъ выговоромъ передѣланы въ *ья*, то, не имѣя нужды выискивать для словъ съ *іа*, существующихъ только въ святцахъ, *основнаго закона* ихъ передѣлки,—Авторъ могъ только сказать: «*і* предъ мягкими гласными *е, я, ю, и*, для благозвучія, со«кращается въ ь; напр. *благодатью, милостью, судьи, судьею, «судья*,—вмѣсто: *благодатію, милостію, судія, судіи, судіею*». Однимъ словомъ, *ь* не стоялъ *никогда* и *нигдѣ* не стоитъ предъ гласными твердыми: за чѣмъ же говорить *о случаѣ*, когда ему приходится стоять предъ ними, за чѣмъ изъ небывалаго случая извлекать правило, что тогда твердая гласная передѣлывается на мягкую? За тѣмъ, чтобы ясное, какъ день, правило—путать, затемнять двусмысленностями, обоюдными оговорками, недоговорками и, однимъ словомъ, морочить вниманіе терпѣливаго, бѣднаго читателя; за тѣмъ, чтобы *простое грамматическое* правило, невольно выказывающееся въ заключеніи, имѣло видъ болѣе сложнаго, филологическаго наблюденія или закона, который не даетъ съ разу понять себя но можетъ быть постигнутъ только глубокимъ размышленіемъ? Изложивши законъ: «ь можетъ стоять только предъ мягкими, а стоя предъ твердыми—передѣлываетъ ихъ па мягкія буквы»,—Авторъ указываетъ изключеніе: «но въ словахъ иноземныхъ, неподчинившихся закону

уже, чрезъ смягченіе *а* въ *я* не ради ь-я но ради і и сокращеніе і въ ь,—передѣлались на Юльянъ, Ульянъ, Татьяна, Софья.

(1) і предъ а стоитъ только въ именахъ святыхъ и собственныхъ именахъ иностранныхъ напр. Веспасіанъ, Тертулліанъ и проч.

«нашего языка, и послѣ мягкаго придыханія позволяется «удержать твердую гласную». Какъ?—подумаетъ изумленный читатель: въ орѳографіи русской возможны слоги: *ьо, ьа, ьу?* Но онъ еще болѣе изумится, читая далѣе: «въ этомъ «случаѣ, если бы мягкому придыханію приходилось стать «*предъ* гласною твердою (??) въ началѣ слова (???) или «между двумя гласными (??), гдѣ по закону правописанія «ь-ю стоятъ *неудобно,* вмѣсто его мы употребляемъ подоб- «ные ему й, j». Тайна раскрыта: ь= всему, слѣдовательно гдѣ говорится о придыханіи, нужно понимать всѣ буквы. Дѣло въ томъ, что имена иностранныя: *Майоръ, Дейокъ, Йоркъ,* по этому основному закону нельзя писать: ни *Маеръ, Деекъ, Еркъ,* ни *Маьеръ, Деьекъ, Ьеркъ,* ни *Маьоръ, Деьокъ, Ьоркъ.* И только всего? Только.

Четвертый законъ. § 49. «Позади губныхъ буквъ мо- «гутъ стоять оба придыханія: ъ и ь. Но послѣднее изъ нихъ «стоитъ *по неволѣ,* то есть, въ такихъ случаяхъ, гдѣ из- «вѣстная форма словопроизводства непремѣнно требуетъ *ь-я.* «Поелику же губнымъ буквамъ трудно сочетаться съ тон- «кимъ придыханіемъ, то изъ этой неволи, которой подвер- «гаетъ ихъ правописаніе, освобождаетъ ихъ произношеніе. «Хотя пишется: *голубь, червь, грабь, славь, семья,* но говорится: «*голупъ, черфъ, грапъ, слафъ, семъя.* Естьли и одинъ ь не «стерпимъ для губныхъ буквъ, то *два тьмъ болье* (1). — Въ «случаѣ встрѣчи двухъ ь-ей, при губныхъ буквахъ, первый «превращается въ *л,* или принимаетъ въ помощь бѣглую «гласную *е.* Вмѣсто *корабьь, журавьь* (2) говорится: *корабль,* «*журавль. А скорбь, червь* и т. п., поприложеніи новаго ь-я, «или, что тоже, *й* передѣлываются въ *скорбей, червей.*» На этотъ законъ можно замѣтить Автору, что онъ хорошъ, но не полонъ: если Авторъ отмѣтилъ встрѣчу двухъ ь-ей, то я

(1) Отношу читателя къ примѣч. 4. на стр. 47.

(2) Да развѣ эти губо-свистящіе звуки могутъ *выговориться?*

удивляюсь, какъ упустилъ онъ изъ виду встрѣчу трехъ ь-ей, которую должно предположить по собственной же его системѣ. Ежели *журавль, корабль=журавьь, корабьь*,—то *журавлей, кораблей* (й, л, е, = ь) = *журавььь, корабььь*.

Пятый законъ. § 50. «Небныя буквы *г, к, х* могутъ со-«четаться съ однимъ только дебелымъ придыханіемъ ъ. «У насъ *нѣтъ* на коренныхъ, ни производныхъ словъ» (слѣд. *во все нѣтъ* словъ . . ?), «въ которыхъ бы слышны были «звуки: *гь, кь, хь*. Естьли же по требованію *словопроизвод-«ства* буквы *г, к, х* должны будутъ стать предъ ь-емъ, то *ь* «превращается при нихъ въ зубное придыханіе *с* (разъ!), и, «сливаясь съ ними, передѣлываетъ ихъ на придыхательныя «буквы *ж, ч, ш,* (два!) см. §§ 37 и 38. Такъ вмѣсто *логь, «текь, ветохь* (т. е. вмѣсто того, чего *нѣтъ вовсе* въ русскомъ «языкѣ) отъ корней *лг, тек, ветх,* говорятъ: *ложь, течь, «ветошь.*» Вы думаете, что здѣсь всего два превращенія? Ошибаетесь: филологическій процессъ *превращательнаго* построенія словъ не такъ простъ и коротокъ какъ обыкновенный, грамматическій: онъ гораздо *сложнье*. Въ приведенномъ примѣрѣ этотъ процессъ представляетъ цѣлыхъ 6 моментовъ: возьмемъ темы или корни: *лг, тк, втх* (1), изобразивъ ихъ съ придыханіями, получимъ 1-й м. *лъгъ, тькъ, вътъхъ* = логъ, текъ, ветохъ; 2-й м. давъ имъ *ь*—получимъ: *логь, текь, ветохь;* но ь долженъ перейти въ с,—и такъ 3-й м.—логс, текс, ветохс; но с безъ придыханія стоять неможетъ,—слѣдуетъ 4-й м. логсъ, тексъ, ветохсъ; но с + к, г, х = ж, ч, ш, — и такъ будетъ 5-й м. лож, теч, ветош . . . но все таки не получаемъ мы именъ женскаго рода: ь слился съ *с* и потерялся въ *ж, ч, ш;* и такъ нужно взять новый *ь* и наконецъ мы получаемъ 6-й мом. *ложь, течь, ветошь*.—Вотъ филологическій процессъ: а грамматика просто говоритъ намъ: «буквы: *г, к, х* переходятъ,

(1) Я это дѣлаю безъ всякой ироніи, сообразуясь съ законами словопроизводства, которые Авторъ излагаетъ во II. Разс.

«*гдѣ нужно*, въ *ж, ч, ш!*» — Вотъ послѣдній примѣръ: (§ 90. стр. 103—104)—«Отъ пропуска гласной въ срединѣ слова «и отъ появленія ь–я предъ гласною мягкою должны про«изойти здѣсь перемѣны въ предшествующихъ буквахъ. Для «объясненія возьмемъ напр. три глагола: *писать, просить, лю«бить*, и поставимъ ихъ въ первомъ лицѣ ед. числа, котораго «признакъ есть *у*. По свойству нашего языка, любящаго «краткость, передъ *у* должно опустить *а* (=ъа) и *и* (=ьи) (¹).— «По опущеніи твердой гласной *а* намѣстникомъ ея долженъ «бы остаться *ъ*, а по опущеніи мягкой *и–ь;* и вышло бы «1-е лице *писъу, просьу, любьу*. Но какъ *ъ* въ срединѣ словъ «не можетъ устоять предъ гласною, то онъ и уступаетъ «мѣсто ь-ю (§ 43). По этому во всѣхъ трехъ глаголахъ предъ «гласною *у* явится *ь*. А *ь* по § 44-му твердую гласную *у* «перемѣнитъ на мягкую, скрывающую въ себѣ другой *ь*. Про«исшедшая отъ сего встрѣча двухъ *ь*-ей при чистой зубной «буквѣ *с* потребуетъ преобразованія одного изъ нихъ въ *с*, «и произведетъ изъ чистой *с* зубную придыхательную букву «*ш* (см. § 82). При губной буквѣ первый изъ двухъ *ь*-ей «долженъ перемѣниться на *л* (см. § 81). — Отъ того и вы«ходитъ первое лице: *пишу, прошу, люблю*, а не писью, просью, «любью, и не письйу, просьйу, любьйу.»—Этимъ мы заключимъ разсмотрѣніе теоріи строенія словъ русскаго языка, созданной фантазіею Г. Павскаго (²). — Скажемъ нѣсколько словъ о двухъ остальныхъ его разсужденіяхъ.

(¹) т. е. шесть моментовъ: отбросивъ ть,—получимъ—
1) писа-у, проси-у, люби-у,
2) писъу, просьу, любьу,—но по § 43—
3) письу, просьу, любьу,—но по § 44—
4) письь, просьь, любьь или: писью, просью, любью или: письйу, просьйу, любьйу. Но по § 88—
5) писсьу, проссьу, люблю—наконецъ
6) пишу, прошу, люблю.

(²) Три послѣднія главы 1-го Разсужд. *Построеніе многобуквенныхъ словъ, Самоуправство выговора* и *О произношеніи* каждой буквы порознь,—

§ 10.

Разсужденія: Объ имени существительномъ, О глаголѣ.

Второе разсужденіе Г. Павскаго: «Объ именахъ сущест-«вительныхъ» и третее: «О глаголѣ,»—могли бы быть названы критическою или философскою Этимологіею грамматики русской,—судя по той задачѣ, которую Авторъ сдѣлалъ предметомъ этихъ разсужденій. Обыкновенная грамматика, какъ мы видѣли,—въ Этимологіи излагаетъ *формальное* ученіе о языкѣ т. е. разсматриваетъ только *формы* или *измѣненія* словъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, не касаясь съ такою же подробностію самой *матеріи* словъ т. е. ихъ корней. Г. Павскій разсматриваетъ не только формы но и корни словъ русскаго языка. Вотъ его мнѣніе объ этомъ предметѣ. «Пере-«числять корни словъ» говоритъ онъ (I Гл. § 3) «и отдѣлять «чисто Русскія слова отъ иноземныхъ есть дѣло не грамма-«тики, а этимологическаго Русскаго словаря (1).—Грамматикъ, «взявъ изъ словаря корни словъ, долженъ только наблюдать, «какіе появляются на нихъ наросты и по какой причинѣ. Но «я пишу не грамматику, и потому имѣю право говорить и о «корняхъ словъ и объ отрасляхъ ихъ.» И такъ, предметомъ филологическихъ изслѣдованій Г. Павскаго суть и *матерія* и *формы* словъ русскаго языка, слѣдовательно составъ, *организмъ* словъ языка русскаго.—Въ этомъ читатель еще болѣе можетъ

содержатъ въ себѣ много превосходныхъ отдѣльныхъ замѣчаній, которыя всегда будутъ имѣть почетное мѣсто въ наукѣ русскаго языка,—но всѣ они принадлежатъ къ области грамматики а не филологическаго изученія и потому мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ права говорить здѣсь объ нихъ.

(1) По чему же не высшей, сравнительной грамматики? Словарь располагаетъ только по алфавитному порядку то, что первая перечисляетъ по порядку *словопроисхожденія*.

убѣдиться, читая начало вступленія во II разс., заключающаго въ себѣ *общій взглядъ на составъ русскихъ словъ*. «Въ первомъ разсужденіи моемъ» — говоритъ Г. Павскій— «я осмотрѣлъ *внѣшнюю* сторону языка. Тамъ сказалъ я, ка«кіе звуки сносны и несносны для Русскаго уха, какіе удоб«ны и не удобны для выговора, не обращая вниманія на «соединенныя съ ними *понятія*. А теперь предполагаю осмо«трѣть *внутреннюю* сторону тѣхъ же самыхъ звуковъ, то есть, «стану наблюдать, какія *понятія* у насъ соединены съ много«численными звуками нашихъ устъ, и какъ мы разнообразимъ «сіи звуки, передавая другъ другу *разныя чувства и мысли.*» Послѣ такого обѣщанія, читатель имѣетъ полное право ожидать отъ Г. Павскаго раскрытія внутренняго т. е. *логическаго* построенія, логической основы, ткани языка русскаго: изъ послѣднихъ словъ Автора онъ выведетъ заключеніе, что Г. Павскій обратитъ вниманіе прежде всего на тѣ простыя, элементарныя или первоначальныя *идеи* (1), которыя соединились съ извѣстными звуками (т. е. корнями языка) и обозначивъ ихъ,—потомъ будетъ наблюдать дробленіе, разложеніе, размноженіе этихъ *идей* въ различныхъ отрасляхъ или развѣтвленіяхъ корней (производныхъ словахъ) (2). Но справедливое ожиданіе читателя будетъ обмануто: Авторъ занимается не *понятіями* корней по одними только *корнями,* и то не въ первообразномъ, чистомъ ихъ видѣ, а въ тѣхъ разнообразныхъ измѣненіяхъ, въ какихъ они являются, принимая на себя типы именъ: мужескаго, женскаго, средняго рода, отвлеченныхъ, собирательныхъ и т. д.—На первой только страницѣ своего *Вступленія* Г. Павскій упоминаетъ, и то какъ бы

(1) Или, какъ у Автора: «*понятія*, которыя соединены съ многочисленными «звуками» и проч.

(2) Или, какъ у Автора: «какъ мы разнообразимъ сіи звуки», (съ которыми соединены понятія) «передавая другъ другу разныя чувства и мысли»,— слѣдовательно дробя, разлагая, видоизмѣняя различнымъ образомъ соединенныя съ ними *понятія*, подъ вліяніемъ особенной мысли и особеннаго чувства.

мимоходомъ, вскользь, *о понятіи,* которое должно быть основною точкою «осмотрѣнія внутренней стороны звуковъ» по его предположенію: «въ первообразныхъ словахъ скрывается «*то первое понятіе,* какое *угодно было* (1) человѣку соединить «съ извѣстнымъ звукомъ. Напримѣръ *огонь, вода, земля* суть «слова первообразныя. Въ производныхъ словахъ къ перво- «начальному понятію присоединяется *нѣчто новое.* Такъ, «естьли бы я сказалъ: *огонекъ, водица,* то къ понятію объ «огнѣ и водѣ присоединилъ бы уже новое понятіе о *малости* «или о маломъ количествѣ огня и воды». Вотъ все, что предложено въ основаніе «осмотрѣнія внутренней стороны «звуковъ:» самаго же осмотрѣнія, повторяемъ, нѣтъ. — Разставшись съ перваго раза съ *понятіемъ,* которое соединено съ звуками, на всегда — Авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ своего Вступленія опредѣленію *корня,* способовъ какъ выискивать оный, и нѣсколько страницъ 1-й главы (18—25) опредѣленію того, какъ корни глагольные переходятъ въ первообразныя существительныя имена (§ 6. II Разс.) и какъ корни словъ, кончащіеся на гласную, переходятъ въ имена. Этимъ и ограничивается все ученіе *о корняхъ.* Потомъ разсматриваются группы или, какъ Авторъ называетъ ихъ, *породы* словъ, имѣющихъ одно какое-нибудь окончаніе, напримѣръ *ьба, ова, ево, тарь, икъ, щикъ,* и при приведеніи самыхъ словъ, правда, всегда почти обращается вниманіе на корни ихъ; но въ чемъ, собственно говоря, состоитъ дѣло Автора? Обезобразивъ слово изключеніями изъ него такихъ буквъ, которыя мѣшаютъ сблизить оное съ словомъ какого-нибудь иностраннаго языка, — Авторъ установляетъ свой *отвлеченный* корень слова и ставитъ его въ параллель

(1) Прошу читателя обратить вниманіе на это слово: оно составляетъ характеристику взгляда Г. Павскаго на образованіе языка, взгляда, который (какъ увидимъ далѣе) можно назвать *атомистическимъ* или *эмпирическимъ.* — Г. Павскій, подобно многимъ эмпирикамъ-лингвистамъ, думаетъ, что люди *по произволу* соединяли *понятія* съ звуками; наука философская языка показываетъ, что *понятіе* по законамъ *логической* или *предметной* необходимости соединялось съ звуками.

съ словомъ напримѣръ Санскритскимъ, Латинскимъ, Греческимъ, Готскимъ, Литовскимъ, Шведскимъ, Французскимъ, Англійскимъ, — однимъ словомъ, съ звуками всѣхъ языковъ міра (1). Но поставить обезображенныя частицы слова въ параллель съ двумя, четыремя иноязычными словами,—значитъ-ли это показать *корень* слова т. е. *то*, откуда оно происходитъ? Можемъ-ли мы сказать, что *треб'* или *мусат'* происходятъ отъ слова Греческаго, Еврейскаго или Французскаго,—когда въ каждомъ изъ многихъ паралельныхъ ему иноязычныхъ словъ мы находимъ только *части*, куски скелета слова, остова его: тамъ *рев* (см. 1-ю выноску), тамъ *trp*, тамъ *tzst* (wetzstein), тамъ *asa*, (βκσκνος)? Эти разорванные *куски* остова слова можно ли считать *корнемъ* слова, который — въ сущности его — есть не только *цѣлый остовъ* но и цѣлый *составъ* звуковъ, имѣюшихъ какой-нибудь опредѣленный, предметный, а не отвлеченный смыслъ? И такъ, въ этимологіи Г. Павскаго нѣтъ ни *понятій*, скрывающихся въ первообразныхъ словахъ и дающихъ *корни* словъ, ни самыхъ *корней*. Куда же дѣвались эти *понятія*, разнообразя которыя мы разнообразимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самые звуки? спроситъ изумленный читатель; всѣ они сосредоточились въ неопредѣленныхъ, отвлеченныхъ *значеніяхъ*, выражаемыхъ *окончаніями* словъ. Покажемъ это. Изложивъ во Вступленіи и 1-й главѣ

(1) Вотъ пока на выдержку нѣсколько примѣровъ. § 57. «Въ словахъ *шелуха* и *требуха* окончаніе *уха* оказывается производственнымъ, когда сравнить ихъ съ корнями *шел* (ср. Нѣмец. Schale, Франц. écaille) и *треб* (=чрево; Евр. керев, Франц. trip, tripaille, Англ. tripe). По окончанію и ударенію съ ними сходно и получужое имя *чепухл* (кор. *чеп*= Греч. *κομπ* ср. *κομπος λογων*, пустой наборъ словъ).—§ 60. Окончаніе *ать* находится въ словахъ: *ушать*, *бархать*, *халать* (слово чужое, ср. Латинск. aclassis, Нѣм. Kleid), *мусать*. Корень 2 го барх= Фр. friser. Въ имени *мусать* (=Wetzstein) буква *т* принадлежитъ корню. Ср. Нѣм. глаголь wetzen=wezten, мусатить. Въ нашемъ имени *мусать* буква *м* преобразовалась изъ Нѣм. w, Гречес. *β*–(ср. *βασανος*=мусать, брусокъ)» etc. etc чтобы видѣть въ словѣ мусать Wetzstein и *βασανος* нужно такъ его обрѣзать: *муст*, *мст*; но м=w, *β*, след. (м)*ст*. Вотъ корень Г. Павскаго!

ученіе о корняхъ и частяхъ рѣчи (1). — во 2-й главѣ Г. Павскій прямо переходитъ къ именамъ существительнымъ и въ *пяти* главахъ обозрѣваетъ ихъ тематическія окончанія, а въ двухъ послѣднихъ (8-й и 9-й) излагаетъ склоненія ихъ или падежныя окончанія. Послѣднія главы относятся просто къ грамматикѣ русской, а первыя пять (2—7), занимающіяся, между прочимъ, изъясненіемъ логическаго значенія или того *понятія*, которое содержится въ тематическихъ формахъ именъ, составляютъ принадлежность философской или филологической грамматики и потому на нихъ только мы и обратимъ здѣсь вниманіе. Прежде всего Г. Павскій *устанавливаетъ* раздѣленіе именъ существительныхъ (2), весьма *зыбко* разграниченныхъ по матеріи или составу ихъ (корнямъ), на *первообразныя* и *производныя*. Это раздѣленіе основывается на формѣ тематической именъ существительныхъ или на окончаніяхъ. Одни имена русскаго языка, по мнѣнію Автора (2 Разс. § 9.) приняли на себя типъ члена или постоянныя, характеристическія черты рода т. е. *ъ* (муж.), *а* (женск.), *о* (средн.), или *ъ* съ его измѣненіями: *ь, й, а* съ изм. *я* и *о*

(1) Ихъ четыре разряда: I. названія чувственныхъ впечатлѣній и ощущеній (междометія) II. Изображеніе *понятій* (мѣстоименіе, имя прилагат. существительн., числит.) III. Изображеніе мыслей (глаголъ) IV. Частицы, произшедшія отъ именъ и глаголовъ и служащія сокращеніемъ рѣчи (нарѣчіе, предлогъ, союзъ).

(2) По матеріи или корнямъ они раздѣлены у него на *первообразныя* и *производныя*, но ни какой существенной, характеристической черты, по которой можно было бы отличить послѣднія отъ первыхъ въ самомъ составѣ ихъ,—Авторъ не указалъ. На 2-й только страницѣ своего Вступленія дѣлаетъ онъ какое-то отличіе между *производственными* буквами, не существовавшими въ первообразномъ словѣ, и первообразнымъ видомъ слова или *корнемъ* его; но такъ какъ *корень* у Автора весьма неопредѣленъ, потому что иногда можетъ состоять изъ *одной* только гласной или согласной буквы (2-е Разс. стр. 4.) а иногда изъ половины гласной (напр. *йм= иму*, *ять*, стр. 3.),—то какъ можно узнать составъ производнаго слова, распознаваемый по тѣмъ буквамъ, которыя *не существовали* въ корнѣ?—По этой чертѣ едва ли не бо́льшая часть первообразныхъ словъ низойдетъ на степень производныхъ, будучи обнажаема по системѣ корней Автора, до *одной* буквы.

съ измѣн. *е.* Другія же имена, хотя являются подъ тѣми же самыми окончаніями, — но сіи послѣднія не составляютъ въ нихъ постоянной, типической черты или *изключительнаго* признака рода, но усвоиваются или двумъ или всѣмъ тремъ родамъ безъ различія, напр. *ь* какъ типъ мужескаго и женскаго рода именъ *(день, тынь), о* какъ типъ мужескаго и средняго *(объѣдало, жердило), я* какъ типъ мужескаго, женскаго и средняго рода (напр. *дядя, судья, постеля, дитя).* На этомъ основаніи Г. Павскій раздѣляетъ всѣ имена существительныя русскаго языка на два класса: *имена членныя* и *имена безчленныя.* Потомъ, обращая вниманіе на новыя буквы и слоги, которые появляются у нихъ предъ буквами означающими ихъ родъ, — (напр. въ словахъ на *а: да, ода, ада, ба:* правда, слобода, громада), — Г. Павскій дѣлитъ еще каждый классъ именъ на *породы,* хотя не изчисляетъ ихъ и по мѣстамъ только характеризуетъ чертами весьма зыбкими, такъ, что нѣтъ возможности удержать въ памяти отличіе одной отъ другой. Изложивши это раздѣленіе, къ сожалѣнію, весьма неопредѣленно обозначенное въ короткомъ §-ѣ, не смотря на всю его важность, — Г. Павскій обозрѣваетъ породы именъ сперва *членныхъ* а потомъ *безчленныхъ.* Но нѣтъ возможности уловить той системы или порядка, въ какомъ онъ дѣлаетъ это обозрѣніе, равно какъ угадать *основаніе* и *цѣль* съ какими онъ это дѣлаетъ. Авторъ разсматриваетъ *породы* словъ не породамъ, какъ бы слѣдовало это сдѣлать въ систематическомъ, научномъ разсмотрѣніи, т. е. раздѣливъ имена на *классы, классъ членныхъ* именъ на *роды* и роды на *породы:* во 2-й главѣ онъ разсматриваетъ породы членныхъ именъ мужескаго и женскаго рода, въ 3-й, 4-й и 5-й породы именъ и мужескаго и женскаго и средняго родовъ. Кажется, что систематическою основою этого обозрѣнія служатъ не только *окончанія* но *и производственныя* буквы (1), которыя стоятъ въ заглавіи каждой главы. Но какое значе-

(1) Напр. *д, т, ц, с, ж, ч, ш, щ* — въ 4 й главѣ; *м, н, р, л* — въ 5-й.

ніе имѣютъ онѣ въ разсмотрѣніи именъ? Этого рѣшительно не возможно опредѣлить, при самомъ внимательномъ чтеніи книги Г. Павскаго. Такимъ образомъ, соединеніе двухъ различныхъ *основаній* систематическаго разсмотрѣнія именъ, производящее два *порядка*, въ которыхъ Авторъ разсматриваетъ ихъ, — производитъ большую затруднительность для читателя, который никакъ не можетъ мелкихъ *частей* филологическаго разсмотрѣнія совокупить въ *цѣлое*. Что́ же представляетъ намъ самое разсмотрѣніе? Въ каждой главѣ, на каждой почти страницѣ безпрерывный *перечень* голыхъ именъ одного какого-нибудь окончанія, перемежаемый потомъ сличеніемъ или *параллелью* каждаго порознь имени съ именами иноязычными, *обнаруживающею* въ Авторѣ большую начитанность, — ревностный, исполинскій трудъ, *показывающею* по мѣстамъ много остроумія, — по большею частію *основанною* на натяжкахъ, на насильномъ навязываніи словамъ русскаго языка иноземнаго происхожденія Санскритскаго, Готскаго и т. д. Изрѣдка только Г. Павскій обращаетъ вниманіе на то логическое значеніе или на то *понятіе*, которое соединяется съ извѣстнымъ окончаніемъ или извѣстною породою именъ, — но онъ выражаетъ это понятіе такими общими, мало опредѣлительными, зыбкими и *многими* чертами, что нѣтъ возможности по нимъ составить въ умѣ *характеристику* этой породы, и потому по не волѣ сливаешь однѣ породы съ другими. А между тѣмъ изъясненіе логическаго значенія тематическихъ формъ или логическая характеристика ихъ, должна быть главною, основною задачею философской или филологической этимологіи русскаго языка. Приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ. Въ 3-й главѣ, разсматривая значеніе производственныхъ буквъ губныхъ и небныхъ и разные слоги (*ьба, оба, ва, ава* и проч.), — Авторъ останавливается на буквѣ *б*. «Буква *б* съ предшествующею *ь*» — говоритъ онъ — «образуетъ имена *отвлеченныя*. Онѣ означаютъ *дѣйствіе* или «*явленіе*, и производятся обыкновенно отъ глагольныхъ кор«ней. Вотъ примѣры: *орьба, гоньба, молотьба, гостьба, тать-*

«*ба, косьба, городьба, пальба, рѣзьба, ходьба, судьба, просьба, «свадьба, похвальба* и проч.» Характеризуется-ли для филолога значеніе окончанія: *ьба* тѣмъ, что оно образуетъ имена *отвлеченныя*, означающія *дѣйствіе* или *явленіе?* Ежели бы Авторъ, оставивъ безполезное сличеніе словъ съ иноземными корнями, вникалъ бы по глубже въ *смыслъ* именъ, то онъ *различилъ* бы ихъ болѣе характеристическими чертами. Онъ нашелъ бы въ приведенныхъ словахъ не *отвлеченныя* имена, но нѣсколько видовъ или степеней именъ *отвлеченно-собирательныхъ* (1). Именно, въ этихъ словахъ можно отличить имена, 1) которыя означаютъ *продолжительность* дѣйствія постоянно или непрерывно совершающагося или же *напряженность* онаго, однимъ словомъ *экстенсивность* или *интенсивность* его: такъ *гоньба, гостьба, пальба, ходьба* значатъ не *гонъ* лошадей, гощеніе, хожденіе вообще, но *скорую* или *частую* ѣзду на лошадяхъ, долгое пребываніе въ гостяхъ (непрерываемое возвратомъ въ домъ свой), долгое хожденіе, непрерывно слѣдующіе одни за другими выстрѣлы изъ *одного* орудія или выстрѣлы изъ *многихъ* орудій вдругъ; потомъ такія, 2) которыя выражаютъ опредѣленно-совокупное или *опредѣленно-собирательное* дѣйствіе, т. е. такое, которое состоитъ изъ многихъ пріемовъ, часто повторяемыхъ или чередующихся, но имѣющихъ опредѣленное начало и конецъ: такъ *орьба, молотьба, косьба, городьба, свадьба,* значатъ не веденіе плуга или сохи по полю, удары цѣпомъ, маханіе косою, оплетеніе жердей, сватаніе жениха, — но весь промежутокъ времени, когда пашутъ поле, молотятъ хлѣбъ, косятъ сѣно, дѣлаютъ заборъ, плетень, — совершаютъ бракъ, и совокупность всѣхъ тѣхъ дѣйствій, и даже положеній селянина, которыя сопрягаются съ этимъ временемъ; далѣе 3) такія, которыя обозначаютъ неопредѣленно-совокупное или *не-*

(1) А это такъ полезно, такъ необходимо для русской грамматики, которая по старымъ преданіямъ до сихъ поръ еще считаетъ напр. *лекарство, воровство* именами отвлеченными, тогда какъ они въ первообразномъ значеніи суть *собирательныя*.

опредѣленно-собирательное дѣйствіе и которыя, по этому, могли бы быть названы *отвлеченными* или *отвлеченно-собирательными* именами, — равными съ именами на *ство* напримѣръ: *татьба* значитъ не столько кражу, дѣйствіе человѣка когда нибудь что нибудь укравшаго, сколько учащаемость кражи, продолжительность ея, наклонность къ ней, *воровство; рѣзьба* — умѣнье, искуство рѣзать на деревѣ, металлѣ (такъ сказать *рѣщичество*). *Судьба, похвальба, просьба* должны быть оговорены или поставлены отдѣльно, потому, что хотя въ нихъ и есть слѣды то *совокупности* то *учащаемости* дѣйствія: *судьба* — все то, что присуждено, *просьба* — частое прошеніе, *похвальба* — частыя похвалки, — но не смотря на то, за ними удержано значеніе особенное, такъ сказать, *единичное*, строго опредѣленное. Такой анализъ логическаго значенія *окончаній* именъ былъ бы интересенъ и полезенъ въ такой трудной и утомительной наукѣ, какова этимологія— наука *формальная* о языкѣ. Приведемъ еще два, три примѣра изъ книги Г. Павскаго. Авторъ, продолжая разсмотрѣніе того же слога *ьба*, говоритъ: «изрѣдка слогъ *ьба* прилагает-«ся къ имени и даетъ ему силу имени *собирательнаго*. Отъ «*гридинъ* (стар.—придворный), — *гридьба* (придворные); отъ «*холостый* — *холостьба* (люди холостые). Такъ же образо-«вано и слово *гурьба*. Сравни Нѣм. Heer, множество, толпа, «Heerde, стадо и Лат. hors, cohors, cohortis». § 22. «Отъ *ьба* «отлично приращеніе *оба*, хотя впрочемъ сродно съ нимъ; «потому что и имъ выражается *отвлеченность* дѣйствія, напр. «*жалоба* отъ глагольнаго корня *жал* (жаловаться). Но *оба* «собственно отмѣчаетъ *отвлеченность* качества, и по этому «прикладывается къ корнямъ именъ прилагательныхъ Отъ «*худъ, золъ* происходятъ *худоба, злоба*. Такимъ же образомъ «произведено и слово *утроба* (= внутренность) отъ затерян-«наго прилагательнаго имени *утръ* (= Греческ. *ενтερος* Латин. «internus). Срав. *внутръ, нутръ*». Какая неопредѣленная характеристика: *оба* отлично отъ *ьба* но и сродно съ нимъ; *оба* выражаетъ отвлеченность *дѣйствія* и собственно отмѣ-

чаетъ отвлеченность *качества!* И какая, притомъ, *не вѣрная* характеристика: что за *отвлеченность* дѣйствія въ *жалобѣ*, которая есть «изъявленіе неудовольствія за обиду нанесенную отъ «другаго» (1),—слѣдов. означаетъ извѣстнаго рода устную или письменную рѣчь? Что за отвлеченность качества въ *худобѣ* (2), означающей состояніе тѣлеснаго организма въ человѣкѣ, или въ *злобѣ* — означающей состояніе нравственнаго организма, расположеніе души непріязненно настроенной? Какое, наконецъ, дѣйствіе или качество выражается словомъ *утроба*, которое значитъ брюхо, чрево, матку (3)? Въ § 26. Авторъ говоритъ о слогѣ *тва:* «слогъ *тва* прилагается всегда къ «глагольнымъ корнямъ и производитъ отъ нихъ отвлеченныя «имена означающія *дѣйствіе, вещь* сдѣланную, *время* дѣйствія «и *орудіе*. Вотъ онѣ: *жертва* (отъ жр.), *жатва* (отъ жн.), «*молитва, клятва, бритва* и пр.» Въ § 28. «Производствен«ный слогъ *ство* очень употребителенъ. Онъ прилагается къ «корнямъ глаголовъ, къ причастіямъ, къ существительнымъ, «прилагательнымъ, числительнымъ именамъ и даже къ на«рѣчіямъ. Приложенный къ глаголамъ означаетъ *дѣйствіе* и «*явленіе,* наприм. *убійство* (отъ убить), *чувство* (отъ чуть), «*лукавство* (отъ лукавить), *воровство* (отъ воровать). Прило«женный къ именамъ означаетъ качество, состояніе, званіе, «и иногда производитъ имена собирательныя.» и т. д. Довольно будетъ этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, какъ неопредѣленна, зыбка и не вѣрна логическая характеристика *окон-*

---

(1) См. Словарь Акад. Спб. 1790. ч. II. 1041. стран.

(2) Должно отличать слово: *худобá* (непристойность, порокъ, худое, дурное состояніе—Слов. Акад.) отъ употребляемаго теперь такъ часто слова *худóба*—худощавость. Г. Павскій не отмѣтилъ ударенія на *бá*, и потому я принимаю приведенное имъ слово въ послѣднемъ значеніи.

(3) Въ церковно-славянскомъ языкѣ оно значило, правда, *милосердіе, нѣжность*, какъ видно изъ словъ: *благоутробный* или изъ Посл. 2-го къ Кор. *утроба его излиха къ вамъ есть* (VII. 15.). Но это значеніе—метафорическое и притомъ существовавшее въ одномъ *церковномъ* языкѣ но не въ *русскомъ*, надъ составомъ котораго Г. Павскій дѣлаетъ свои филологическія наблюденія.

чаній словъ, основывающихся на однихъ и тѣхъ же чертахъ: *дѣйствіе, качество, состояніе* и проч. — Въ двухъ послѣднихъ главахъ 2-го разсужд. Авторъ, какъ мы сказали, излагаетъ склоненія именъ. Дѣло грамматики русской разсмотрѣть его систему съ надлежащею критикою а Филологія русскаго языка (системы которой мы теперь пишемъ) скажетъ только, что крайнее филологическое мудрованіе Г. Павскаго, съ какимъ онъ старается открыть сходство между знаками падежей русскихъ словъ и окончаніями падежей въ языкѣ Санскритскомъ, — не можетъ и не должно имѣть мѣста въ критической или филологической Этимологіи языка русскаго, которая должна вывести генетическіе типы падежей (*а, аго, яго, му, омъ* и проч.) изъ языка же русскаго или славянорусскаго, но не изъ языка Санскритскаго или какого нибудь другаго. — Мы не будемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе третьяго Разсужденія Г. Павскаго: о *глаголѣ*. Скажемъ только, что это единственное изъ всѣхъ трехъ разсужденій Автора сочиненіе, которое, какъ богатый *матеріалъ*, даетъ намъ надежду имѣть со временемъ настоящую филологическую *этимологію* (Formenlehre oder Flexionslehre).— Говорить здѣсь о достоинствѣ этаго труда, заслуживающаго полное уваженіе по необъятной, всесторонней *матеріальной* разработкѣ русскаго глагола, — я считаю излишнимъ: нужно было бы изложить исторію этой разработки отъ установленія нашего гражданскаго языка до нынѣшняго времени, чтобы опредѣлить то мѣсто, какое занимаетъ въ ней книга Г. Павскаго, и тѣ заслуги, какія имѣетъ нашъ Филологъ, какъ завершитель этой разработки.— Тѣмъ не менѣе однако же мы должны сказать, что 3-е Разсужденіе Г. Павскаго представляетъ намъ обширную массу русскихъ глаголовъ въ ихъ внѣшнемъ, *формальномъ* а не внутреннемъ, *логическомъ* систематическомъ видѣ. — И здѣсь существенный взглядъ Автора на языкъ, взглядъ *атомистическій* или формалистическій не измѣнилъ своему характеру: и на этотъ разрядъ словъ Г. Павскій смотрѣлъ такъ же, какъ и на имена существительныя.

Подобно тому, какъ при обозрѣніи послѣднихъ ему казалось, «что всякая отличительная *буква,* присоединившаяся къ корню «имени, вноситъ въ имя новое понятіе» (1) и на основаніи этихъ отличительныхъ буквъ Авторъ распредѣлялъ породы именъ, — такъ и въ глаголахъ Авторъ изслѣдуетъ, «какія «глагольныя *понятія* успѣли выразиться въ первообразныхъ «глаголахъ, и какія предоставлены на долю глаголовъ про- «изводныхъ» и на основаніи буквъ или примѣтъ *а, и, ѣ, н, в* — раздѣляетъ глаголы на 2 разряда: I-й разрядъ — первообразные (раздѣленные по *окончаніямъ*) (2), II-й разрядъ—глаголы *производные* (раздѣленные на породы) (3). Потомъ Авторъ разсматриваетъ каждую породу, показываетъ (такъ же неопредѣленно-характеристически какъ и въ именахъ) значеніе окончаній ея, способы построенія и то, какимъ образомъ глаголы переходятъ изъ одной породы въ другую (4). Въ 6-й и 7-й главахъ Авторъ излагаетъ спряженія русскихъ глаголовъ. Не говорю о новой и оригинальной мысли Г. Павскаго, будто глаголы русскіе способны выражать не только *краты* (моменты) *времени* но и *пространства,* и объ основанномъ — на этой двойственности ихъ значенія — раздѣленіи глаголовъ I) по отношенію къ *времени* дѣйствія (на *мгновенные, продолжительные:* неопредѣленные, дальніе, прерывистые, *начинательные, окончательные*) II) по отношенію къ *пространству* (5) (на *однообразные, разнообразные-неопредѣленные* и *разнооб-*

---

(1) См. Разсужд. III § 18. 50 стр.

(2) См. § 17. 1) на гласную *(дать, быть)* 2) *согласную* (кромѣ небныхъ): *везть, плесть,* 3) согласную небную (течь, сѣчь) 4) полусоглас. *м, н,* (мять, жать) 5) полусоглас. *р, л (тереть, колоть)* 6) съ помогательною *а* (брать, драть) 7) съ помогательною *у* (минуть).

(3) Съ сократимою примѣтою *а* (я) 2) съ несократимою *а̀,* 3) съ примѣтою *и,* 4) съ сократимою *ѣ* 5) съ несократимою *ѣ,* 6) съ отметаемою *н (ну)* 7) съ неотметаемою *н* 8) съ полусогласною *в* (ов, ев,).

(4) И здѣсь, какъ въ именахъ существительныхъ, Г. Павскій сравниваетъ породы русскихъ глаголовъ съ породами глаголовъ иноземныхъ языковъ; и здѣсь такія же утонченности и натяжки этого сравненія какъ и тамъ.

(5) Чего? дѣйствія или мѣста, на которомъ оно совершается?

разные–дальніе). Это раздѣленіе *не проведено* Авторомъ или не оправдано фактами: оно раждаетъ сбивчивость, неизбѣжную въ формалистической системѣ, дробящей все, часто безъ нужды, безъ разбора, и уничтожающей въ дробности анализа цѣлость, общность начала систематическаго. Этимъ мы заключаемъ разсмотрѣніе сочиненія Г. Павскаго.

§ 11.

Заключительное мнѣніе о достоинствѣ Филологическихъ Наблюденій Г. Павскаго, въ отношеніи ихъ къ предмету, методу и цѣли филологическаго изученія русскаго языка.

Соображая теперь все то, что мы видѣли въ содержаніи трехъ разсужденій Г. Павскаго съ тѣми тремя пунктами, которыми мы опредѣлили предварительно систему филологическаго изученія русскаго языка, какъ съ общею, основною и необходимою нормою нашей науки, — мы имѣемъ право сказать, что трудъ Г. Павскаго—не смотря на многія частныя его достоинства, далекъ еще отъ степени труда научнаго, систематическаго. Ему не достаетъ отчетливости или опредѣленности какъ въ *предметѣ,* такъ въ *методѣ,* такъ и въ самой *цѣли.* Предметомъ филологіи можетъ быть языкъ, взятый не во всемъ его объемѣ но только въ двухъ главныхъ его видахъ: *литературномъ древнемъ и новомъ,* за исключеніемъ языка грамматически установившагося, современнаго и *народномъ:* но у Г. Павскаго въ область филологическихъ наблюденій входитъ и древній и новый и совершенный литературный русскій языкъ и языкъ народный и притомъ такъ непостояненъ онъ въ объемѣ своемъ, что напр. въ первой половинѣ 1-го Разсужденія—въ ученіи о *ерахъ* или придыханіяхъ—составляетъ основу изключительно одинъ *древній* языкъ и притомъ только *книжный,* церковный,—независимо отъ народнаго литературнаго современнаго и новаго; во второй половинѣ—

только новый языкъ и сначала одинъ письменный (въ ученіи о построеніи слоговъ), потомъ совокупно съ народнымъ или простонароднымъ (въ ученіи о произношеніи); во 2-мъ Разсужденіи — въ изученіе входитъ частію древній языкъ но большею частію новый; въ 3-мъ Разсужденіи—одинъ только новый. *Предметъ* Филологическихъ наблюденій Г. Павскаго не имѣетъ *опредѣленнаго объема*. Предметомъ Филологіи—далѣе—долженъ быть языкъ во всемъ его *содержаніи* (Inhalt) т. е. языкъ, взятый какъ *цѣлое*, какъ совокупность *матеріи* и *формъ;* но Г. Павскій въ 1-й книгѣ занимается только *буквами*, во второй *окончаніями* именъ существительныхъ, въ третьей *окончаніями* глаголовъ, слѣд. одними *формами* словъ, но не обращаетъ никакого вниманія на *матерію* ихъ (ибо въ корняхъ, во 2-мъ Разсужденіи, Авторъ ищетъ только буквъ а не смысла); и такъ, *предметъ* Филологическихъ наблюденій Г. Павскаго не имѣетъ *опредѣленнаго содержанія*. Филологія — наконецъ — должна разсматривать организмъ русскаго языка въ отношеніи его къ *сплеменнымъ* ему языкамъ — Славянскимъ, и въ сравненіи съ другими древними языками, съ которыми онъ находится въ сродствѣ или подъ вліяніемъ которыхъ онъ развивался: Славянскія нарѣчія не получили у Г. Павскаго никакого значенія, никакого мѣста, а изъ древнихъ (сколько видно изъ сличенія нашихъ корней съ иноземными во 2-мъ Разсужденіи) получаютъ мѣсто и значеніе не столько языки *ближайшіе*, къ предположенію сродства и вліянія которыхъ на русскій есть еще *кое-какая* возможность историческая или фактическая напр. Еврейскій, Санскритскій, Греческій, Готскій и др. но *и отдаленные*, ни сродства, ни вліянія которыхъ нельзя допустить напр. областныя Нѣмецкія нарѣчія, Англійскій, Французскій, Италіанскій и др. языки. И такъ *предметъ* Филологическихъ наблюденій Г. Павскаго не имѣетъ опредѣленныхъ источниковъ. Совокупляя эти три вывода, мы имѣемъ право сказать, что въ сочиненіи Г. Павскаго *нѣтъ опредѣленности предмета*. Нѣтъ въ немъ такъ же и сознательнаго *метода*, ибо методъ проистекаетъ изъ общаго,

элементарнаго *начала*, а начало Г. Павскаго — *буквы* или *придыханія*, которыми можно иногда изъяснять нѣкоторыя измѣненія въ *формальной* сторонѣ языка, но никакъ нельзя пояснить *состава* языка, его произхожденія или первоначальнаго образованія и дальнѣйшаго развитія. При отсутствіи основнаго, требуемаго всякою наукою *начала* — Авторъ безпрерывно сбивается съ пути *философскаго* на обыкновенную, эмпирическую тропу грамматиста, отъ пріема *синтетическаго* безпрерывно переходитъ къ *аналитическому;* идя первымъ (въ 1-мъ Разсужденіи, въ построеніи формъ языка) — Авторъ не получаетъ изъ придыханій — слоговъ, слѣдовательно не приходитъ къ *синтезу* цѣлаго изъ взятыхъ имъ въ основаніе элементарныхъ частей (еровъ); идя вторымъ (во 2-мъ разсужденіи, въ анализѣ словъ по корнямъ и окончаніямъ) — Авторъ не получаетъ все таки опредѣленныхъ элементарныхъ *частей словъ* т. е. корней, а только одни корневыя буквы, слѣдовательно не приходитъ къ *анализу* . . . . и такъ, сочиненіе Г. Павскаго не имѣетъ отчетливаго, сознательнаго *метода*. Нѣтъ въ немъ такъже и *цѣли:* хотѣлъ ли Авторъ раскрыть намъ *строеніе* языка русскаго? Но изъ всѣхъ трехъ книгъ его мы узнаемъ только строеніе *слоговъ, склоненій* и *спряженій* а не языка, и притомъ узнаемъ то, что давно уже знаемъ изъ грамматики и знаемъ короче, проще, легче при помощи *правилъ*, нежели при помощи *законовъ*, держащихся на элементахъ: ъ и ь. — Хотѣлъ ли Авторъ извѣстное уже намъ *строеніе* словъ русскихъ *прояснить* философски, умозрительно, высшими причинами ?— Но его *еры* и падежи Санскритскихъ склоненій — не въ обиду ему говорю — не только затемнили, но заволокли непроницаемою темнотою то, что всякому было извѣстно и притомъ, кто знаетъ? этою темнотою, можетъ быть запугали не одного юношу, съ жаромъ любознательности принявшагося за филологію русскую, не въ одномъ юношѣ и даже мужѣ ученомъ поселили невыгодную идею о филологіи вообще—какъ наукѣ сухой, безжизненной, безблагодарной и безполезной. — Хотѣлъ ли Авторъ прояснить намъ

историческое происхожденіе или образованіе нашего языка? Но изъ сличенія корней его, въ которомъ *нѣтъ почти ни одного* русскаго слова, которое бы прямо или косвенно, явно или глухо не выводилось изъ какого нибудь иностраннаго языка, — читатель мыслящій долженъ вывести одно изъ этихъ двухъ заключеній: или а) русскій языкъ образовался изъ обрывковъ всѣхъ извѣстныхъ *историческихъ* языковъ, или же, что б) обрывки, начатки русскаго языка разсѣяны по всѣмъ *историческимъ* языкамъ древняго и новаго міра (Азіи и Европы), — какъ думалъ прежде ученый нашъ Шишковъ. *Сочиненіе Г. Павскаго не имѣетъ ни научнаго предмета, ни метода, ни цѣли.*

Да проститъ мнѣ Авторъ рѣзкость этаго приговора, который произношу я не отъ моего лица, но отъ имени Науки, которой посвящаю себя съ такою же любовію какъ и онъ,— не по моему свободному произволу но по требованію тѣхъ необходимыхъ началъ, тѣхъ общихъ, непреложныхъ условій, которыя составляютъ краеугольную основу всякой вообще науки, права которыхъ признаны отъ вѣка безспорно—всѣми учеными, и въ отношеніи къ которымъ нѣтъ мѣста *мнѣнію*, ни произволу. Но говоря, что сочиненіе Г. Павскаго не имѣетъ *системы научной*,—я этимъ нисколько не высказываю ничего противъ того, что оно имѣетъ свои частныя, особенныя достоинства, и скажу по правдѣ совѣсти—достоинства высокія и теперь еще *неоцѣнимыя*, — потому что оно заключаетъ въ себѣ богатую *матеріальную* разработку для науки новой и еще только готовой созидаться. А въ такой наукѣ, въ которой еще самое *содержаніе* неопредѣлено—нельзя же *первому* начать работу правильно и послѣдовательно: Г. Павскій, правда, не былъ въ этомъ случаѣ *первымъ* дѣлателемъ, въ строгомъ смыслѣ слова, потому что еще прежде его началъ работать въ области нашей филологіи *Шишковъ*. Но ежели взять во вниманіе, что тотъ и другой начали разрывать сокровенную золотую руду древняго языка русскаго съ раз-

ныхъ концевъ или сторонъ,—то Г. Павскому, по всей справедливости, принадлежитъ почтенное титло *перваго дѣлателя* наравнѣ съ Шишковымъ. Шишковъ началъ свой филологическій анализъ съ *корней* и шелъ, такъ сказать, сверху внизъ и наконецъ потерялся въ лабиринтѣ подземномъ (языкѣ первобытномъ); Г. Павскій началъ свой анализъ съ противоположной стороны—съ буквъ, съ грамматическихъ *формъ* языка и зарывшись, такъ сказать, въ самую глубь древняго русскаго языка — шелъ снизу вверхъ и вышелъ на свѣтъ. Онъ взрылъ вѣками устоявшееся, нетронутое основаніе языка русскаго и хотя его *открытія* (названныя имъ скромнымъ именемъ *наблюденій*), разсѣянныя въ необычайномъ множествѣ отрывочныхъ и частныхъ замѣтокъ по его книгѣ — представляются намъ нестройными глыбами, нагроможденными одна на другую,—но въ этихъ глыбахъ именно и скрываются тѣ самородные, цѣльные слитки золота, которые позднѣйшіе воздѣлыватели русской филологіи откроютъ свѣту и внесутъ въ факты науки. Перейдемъ къ разсмотрѣнію втораго систематическаго опыта русской филологіи — сочиненію Магистра *Каткова:* Объ элементахъ и формахъ языка русскаго.

§ 12.

Объ элементахъ и формахъ Славянорусскаго языка, М. Каткова. Общее замѣчаніе о достоинствѣ сочиненія. Недостатки онаго.

Сочиненіе Г. Каткова: *Объ элементахъ и формахъ Славянорусскаго языка,*—подобно *Филологическимъ наблюденіямъ* Г. Павскаго, есть опытъ филологической грамматики русской или, точнѣе говоря, филологической Этимологіи языка русскаго. Примѣняя къ этому сочиненію тѣ условія или тѣ требованія, которыми мы опредѣлили *филологическое* изученіе рус-

скаго языка и которыми мы отличили оное отъ изученія *грамматическаго*,—мы имѣемъ право видѣть въ сочиненіи Г. Каткова опытъ филологической этимологіи: 1) потому, что въ филологическое изученіе входитъ русскій языкъ не въ современномъ литературномъ его видѣ, но въ болѣе обширномъ его объемѣ, заключающемъ въ себѣ языкъ *литературный древній* и *новый* и языкъ *народный*, т. е. языкъ книжный и живую рѣчь народа съ разными ея особенностями (нарѣчіями) и притомъ какъ съ *матеріею* его такъ и съ его *формою*. Это первое требованіе выполнено Г. Катковымъ: предметомъ сочиненія его есть *языкъ Славяно-русскій*, разсматриваемый какъ со стороны *элементовъ* его такъ и со стороны *формъ*; 2) въ филологическомъ изученіи русскій языкъ разсматривается въ отношеніи его къ соплеменнымъ ему нарѣчіямъ (Славянскимъ) и въ отношеніи къ тѣмъ иноземнымъ языкамъ, съ которыми языкъ Славянскій, а потому и русскій, находятся въ ближайшемъ сродствѣ. И это требованіе выполнено Г. Катковымъ, который разсматриваетъ Славянорусскій языкъ сравнительно съ нарѣчіями: Чешскимъ, Сербскимъ, Польскимъ, притомъ съ языками древними: Санскритскимъ, Латинскимъ, Греческимъ, наконецъ съ языками: Литовскимъ и Готскимъ; 3) филологическое изученіе разсматриваетъ *организмъ* языка русскаго въ *историческомъ* его развитіи: и Г. Катковъ предложилъ себѣ задачу: уяснить тотъ путь, какимъ русскій языкъ *обособлялся* т. е. отдѣлялся сперва отъ семейства сродныхъ съ нимъ языковъ Индо-европейскихъ, а потомъ отъ семьи нарѣчій Славянскаго языка. По этимъ тремъ чертамъ мы имѣемъ право смотрѣть на сочиненіе Г. Каткова не какъ на *спеціальный* трудъ или *спеціальное* изслѣдованіе въ области русскаго языка, подобно *наблюденіямъ* Г. Павскаго, — но какъ на опытъ систематическій, обнимающій *цѣлое*, достоинства котораго мы имѣемъ право опредѣлять примѣнительно къ систематическимъ же *началамъ* науки.

Прежде, нежели мы представимъ обозрѣніе содержанія

сочиненія Г. Каткова и критическій разборъ главныхъ филологическихъ выводовъ Автора, мы должны сказать, однакоже, что не смотря на всю наружность системы или на всѣ *признаки научныхъ пріемовъ*, — сочиненіе Г. Каткова не имѣетъ *системы научной*. — Прочитавши съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, безпрерывно теряющимся въ дробности неуловимыхъ филологическихъ данныхъ, книгу Г. Каткова, совокупивши въ одну массу эти мелкія, но всегда почти вѣрныя, часто глубокія наблюденія и выводы Автора, обнявши мыслію это многосложное цѣлое фактовъ филологическихъ, — читатель все таки найдетъ, что въ основѣ этаго цѣлаго не пролегаетъ путеводная нить *идеи*, что исходною точкою, основнымъ *началомъ* (Prinzip) вездѣ служатъ Автору какія то *данныя*, принятыя безъусловно, безъотчетно, какъ *постуляты* или, однимъ словомъ — въ книгѣ Г. Каткова нѣтъ 1) отчетливо, — сознательно-опредѣленныхъ *началъ*, нѣтъ 2) сознательно опредѣленнаго *метода*, нѣтъ 3) сознательной, отчетливо-опредѣленной *цѣли*. Чтобы не быть обвинену въ томъ, что мы, произнося на первомъ же шагу столь строгій приговоръ, руководимся нашимъ произвольнымъ, личнымъ *мнѣніемъ* о томъ, *какъ* должно быть составлено сочиненіе подобнаго рода, — и чтобы показать, что мы осмѣливаемся *судить* книгу Г. Каткова отъ имени Науки, *общія* требованія которой непререкаемы — мы объяснимся, что̀ разумѣемъ подъ безъотчетностію или безсознательностію *началъ* и проч., какія мы находимъ въ сочиненіи Г. Каткова.

§ 15.

Безъотчетность основнаго понятія: элементы языка.

Я сказалъ, что сочиненіе Г. Каткова не имѣетъ отчетливо, сознательно-опредѣленныхъ *началъ* т. е. оно не имѣетъ

отчетливости, сознательности въ тѣхъ *понятіяхъ*, которыя составляютъ *сущность* науки и на которыхъ опирается развитіе какъ главныхъ ея истинъ такъ и малѣйшихъ подробностей ея содержанія. Подъ такимъ *понятіемъ* — читатель я думаю догадается,—я разумѣю не какое бы то ни было понятіе вообще, составляемое умомъученаго человѣка, не *взглядъ*, не это туманно-неопредѣленное, безхарактерное существо, называемое теперь *идеею*, — но понятіе въ тѣсномъ, точномъ значеніи этого слова, обозначающее *объемъ* и *содержаніе* всякой точной науки, заключающее въ себѣ то *простое* начало, изъ котораго выводятся какъ первый такъ и послѣднее.—Таково напр. понятіе о *числѣ, единицѣ*—изъ котораго выводится все содержаніе Ариѳметики, понятіе о *геометрическомъ измѣреніи* или *пространствѣ*, изъ котораго выводится все содержаніе Геометріи, понятіе о *мышленіи*, изъ котораго выводится содержаніе Логики и т. п. Въ характерѣ понятія науки заключается судьба цѣлой науки: ежели оно будетъ точное, сознательное — и наука будетъ точнымъ, опредѣленнымъ, мыслящимъ цѣлымъ; ежели оно будетъ зыбко, неопредѣленно, безъотчетно — наука непремѣнно сдѣлается хаотическимъ сбродомъ данныхъ, которыя будутъ вѣчно толкать другъ друга, не находя для себя надлежащаго мѣста, вѣчно будутъ блуждать, не зная сами куда онѣ идутъ? и какъ сами никогда не придутъ къ концу, такъ не приведутъ къ концу и мысли читателя. Живѣйшимъ тому доказательствомъ служатъ систематическія сочиненія по предмету наукъ не-точныхъ (историческихъ, философскихъ и словесныхъ). И такъ, въ основѣ всякой науки, всякаго систематическаго сочиненія по предмету какой-нибудь науки — должно лежать *понятіе* науки, отечетливо, точно опредѣленное. Въ наукахъ точныхъ (sciences exactes) эти *понятія*, большею частію, уже опредѣлены и ученому не зачѣмъ предварительно уяснять ихъ: ученый можетъ сослаться на оныя какъ на *данную*, какъ на *фактъ*. Но въ тѣхъ наукахъ, которыя не имѣютъ *точнаго* содержанія, или въ которыхъ точное содержаніе неопредѣ-

лено надлежащимъ образомъ, — ученый не можетъ принимать какихъ бы то ни было *понятій*, хотя бы и господствующихъ въ современной наукѣ — *безъусловно*, не имѣетъ права ссылаться на опыя какъ на фактъ доказанный, неподверженный сомнѣнію, а тѣмъ болѣе не имѣетъ права безъусловно примѣнять эти понятія къ предмету еще новому, не установившемуся. Послѣднее преимущественно должно отнести къ *языкознанію* — наукѣ, имѣющей характеръ самый неопредѣленный и противорѣчащій, потому что въ одной ея области — *грамматикѣ* — эта наука точна, положительна до того, что отнимаетъ почти у ученаго всякое право на *мнѣніе*, ограничивая оное на всякомъ шагу фактами, данными извѣстнаго языка; въ другой же ея области — *философскомъ* и *всеобщемъ* или *сравнительномъ* изслѣдованіи языковъ — эта наука неопредѣленна, идеальна, до того, что отнимаетъ почти у ученаго право на *фактъ*, — на всякомъ шагу предоставляя ему произволъ мнѣнія. Занимаясь какимъ бы то ни было *общимъ* но не спеціальнымъ изслѣдованіемъ въ наукѣ такого рода, — ученому прежде всего нужно съ точностію, съ сознательностію опредѣлить тѣ собственныя или господствующія въ современной наукѣ *понятія*, на которыхъ онъ утверждаетъ или основываетъ свои изслѣдованія и подвергнуть опыя внимательному, критическому анализу. Но принимать эти понятія безъусловно, какъ результатъ несомнѣнный, примѣнять ихъ безъ всякой оговорки, оправданія, основываясь на одномъ авторитетѣ *давности* или *современности* этихъ понятій, — значитъ отнять у разсматриваемаго предмета *самосознаніе* т. е. отчетливое знаніе о томъ, *что* онъ такое и *для чего* онъ? Къ сожалѣнію, такую судьбу видимъ мы въ прекрасномъ трудѣ нашего ученаго и мыслящаго Филолога, примѣнившаго къ русскому языку *понятія* и *результаты* сравнительнаго языкознанія, которые сами по себѣ еще довольно зыбки и безъотчетны и имѣютъ значеніе однихъ *мнѣній*, но далеки еще отъ того, чтобы быть основными *понятіями науки*. Авторъ говоритъ, что задачу труда его со-

ставляетъ уясненіе *элементовъ* и *формъ* языка русскаго. Но что́ такое *элементы* языка? Авторъ не говоритъ, — но изъ книги его видно, что элементами языка онъ почитаетъ *буквы* и преимущественно *гласныя* буквы. Не ужели, въ самомъ дѣлѣ, можно *утверждать*, что *элементы* языка—буквы, что *языкъ* или *слова*, изъ массы которыхъ составляется языкъ, *происходятъ* изъ буквъ? Предоставимъ нашимъ грамматикамъ принимать механически или графически (т. е. на письмѣ) отдѣляемыя *части* словъ за органическіе *элементы* ихъ, смѣшивать *образованіе* словъ съ *происхожденіемъ* ихъ; предоставимъ грамматикамъ утѣшаться тою невинною мыслію, что щепетильно-подробная классификація буквъ, раздѣленныхъ по всѣмъ органамъ голоса и названныхъ приличными терминами, да механически-построенная лѣствица слоговъ или *складовъ*—раскрываютъ намъ фонетику языка или звуковой организмъ его и т. д; грамматика не есть наука въ строгомъ смыслѣ слова и можетъ безнаказанно, безъотчетно выдавать ученіе о *буквахъ* и *словоизмѣненіяхъ* за науку о языкѣ. Но Филологія есть *наука* и потому должна знать не буквы, словоизмѣненія и *склады*, а *языкъ*, *слова*, органическіе *слоги*,—должна тщательно отличать буквы отъ элементовъ, образованіе и составъ слоговъ изъ буквъ—отъ происхожденія и организма словъ изъ элементовъ. Я говорю: *должна* т. е. обязана, потому, что она не можетъ поступать съ своимъ предметомъ по произволу, потому что *понятіе*, на которомъ она опирается, изъ котораго она разработываетъ все богатство своего содержанія—не находится въ ея исключительномъ и безъотчетномъ обладаніи: оно существуетъ не въ идеяхъ или мнѣніяхъ науки но въ натурѣ вещей, оно принадлежитъ, по этому, не ей одной но и цѣлой системѣ другихъ наукъ, въ которыя входитъ эта натура вещей, слѣдовательно наука *обязана* понимать, выразумлять свое понятіе такъ, какъ выразумляютъ оное и всѣ другія науки, не искажая онаго по произволу мысли. Воротимся къ понятію нашего Филолога объ *элементахъ* языка. Согласно ли это

понятіе объ *элементахъ,* какое мы видимъ въ примѣненіи онаго къ буквамъ, какъ элементамъ языка—съ тѣмъ понятіемъ, какое даютъ намъ точныя, натуральныя науки объ *элементѣ* вообще? Нѣтъ: *элементъ*—есть 1) простое, единичное недѣлимое вещество природы, служащее субстратомъ(основою) всѣхъ измѣненій въ физическихъ тѣлахъ извѣстнаго рода: слѣдовательно, 2) элементъ долженъ содержать въ себѣ все то, что *проявляется* въ тѣлѣ, какъ общая причина онаго или источникъ, изъ котораго тѣло происходитъ, возникаетъ, слѣдовательно, элементъ, 3) наконецъ, долженъ быть *реальнымъ, опредѣленнымъ* началомъ т. е. не отвлеченною, мыслимою совокупностію всего того, что мы замѣчаемъ въ явленіяхъ физическаго тѣла, но совокупностію точныхъ, *реальныхъ* признаковъ, которые только *проявляются* въ тѣлѣ, но заключаются не въ тѣлѣ а въ самомъ элементѣ, которые мы можемъ наблюдать и не зависимо отъ тѣлъ, въ коихъ эти признаки обнаруживаются. И такъ, ежели буквы суть *элементы* языка, то въ нихъ должно заключаться все то, что мы находимъ въ словахъ, или изъ нихъ должно *происходить* все то, что мы наблюдаемъ въ составѣ словъ: но это положеніе ни сколько не оправдывается на самомъ дѣлѣ. Въ составѣ словъ каждаго языка мы находимъ: 1) *физическую* сторону—ощутимую, слышимую для уха, 2) *логическую* сторону—видимую только для воображенія или мысли. Физическая сторона словъ составляется изъ разныхъ видоизмѣненій голоса—*звуковъ* или буквъ согласныхъ и гласныхъ; эти буквы сами по себѣ, порознь взятыя, не составляютъ еще ничего: для того, чтобъ образовалось изъ нихъ *слово*—нужно еще прежде того, чтобы изъ нихъ образовался *слогъ,* а для образованія слога нужно, чтобы эти буквы извѣстнымъ образомъ (органически) *сочетались* одна съ другою; и такъ слогъ происходитъ не изъ буквъ, но изъ извѣстнаго сочетанія буквъ, а такъ какъ послѣднее имѣетъ своимъ основаніемъ какой-то опредѣленный, органическій (т. е. въ живой природѣ каждаго языка лежащій) типъ или законъ, по которому оно происходитъ, — то мы можемъ сказать, что слоги

происходятъ изъ извѣстнаго, органическаго типа или нормы, по которымъ сочетаваются звуки или буквы. И такъ слоги хотя и составляются, но все таки не *происходятъ* уже изъ буквъ. Наконецъ, чтобы слогъ сдѣлался словомъ,—необходимо его тѣлесному составу получить *душу* т. е. извѣстный смыслъ, извѣстное значеніе—предметное или мысленное,—а это значеніе равнымъ образомъ приходитъ къ слогу изъ какой-то другой стороны но не содержится само собою въ буквахъ или звукахъ, потому что сами по себѣ взятыя (не смотря на мнѣнія физіологическихъ психологовъ) ни гласныя, ни согласныя не имѣютъ ни какого значенія ни предметнаго, образнаго, ни мысленнаго, умо-представляемаго. Ежели же ни органическія формы или сочетанія звуковъ—*слоги,* ни логическая матерія слоговъ—*смыслъ*,—двѣ стороны, изъ которыхъ образуется составъ каждаго слова а слѣдовательно и весь составъ языка,—не происходятъ изъ буквъ,—то какъ же можно называть буквы—*элементами языка?* Ясно, что въ этомъ обыкновенномъ понятіи нашихъ грамматиковъ-филологовъ, усвоенномъ Г. Катковымъ, смѣшанъ механическій составъ или механическія сочлененія звуковъ съ живымъ, органическимъ ихъ соединеніемъ,—механически-отдѣляемыя *части* звуковъ, изъ которыхъ слова *составляются,* на которыя они разлагаются, съ органически-нераздѣльными (члено-составными), простыми *элементами,* изъ которыхъ слова происходятъ и образуются. Въ живущемъ организмѣ какого-нибудь тѣла мы находимъ и части *соединяемыя* (тѣло, кости, жилы и проч.) и части *соединяющія* (кровь, соки питательные и проч.), и жизненныхъ *дѣятелей* и жизненную *дѣятельность* въ гармонической ихъ цѣлости, въ гармоническомъ единствѣ. Въ анатомированномъ организмѣ мы находимъ только части *соединяемыя* но безъ силы ихъ соединяющей, *дѣятелей* безъ самой дѣятельности, *части* безъ цѣлаго, скелетъ, остовъ—безъ тѣла и жизни. Можно-же ли называть скелетъ органическаго тѣла—его организмомъ, кости этаго скелета, связываемыя проволокою—элементами? А буквы, на

которыя грамматики наши разлагаютъ составъ словъ,—суть це *скелетъ* словъ по *кости* этаго скелета.

§ 14.

Безъотчетность понятій: сродство и объособленіе языка.

Вотъ первое безъотчетное, безсознательное понятіе, которое мы находимъ въ книгѣ Г. Каткова подъ именемъ элементовъ языка. Второе, стольже безъотчетное понятіе, это—*обособленіе* языка.—«Уяснить элементы и формы языка русскаго» говоритъ Г. Катковъ—«значитъ—уяснить тотъ путь, какимъ онъ *обособлялся*» т. е. (какъ можно заключать изъ связи съ предъидущими мыслями Автора) тотъ путь, какимъ русскій языкъ *отдѣлялся* отъ языковъ, съ которыми онъ находился въ *сродствѣ* и съ которыми онъ нѣкогда составлялъ одну семью. — Но что такое *сродство* языковъ, какую силу имѣетъ оно въ историческомъ образованіи ихъ, что́ такое *объособленіе* языка, отдѣляющагося отъ сродственныхъ ему языковъ, въ чемъ именно состоитъ, какъ происходитъ или происходило это отдѣленіе?—На все это Г. Катковъ не даетъ никакого поясненія: онъ принимаетъ *за данную*, что «русскій «языкъ, какъ членъ Славянской семьи въ несомнѣнномъ «сродствѣ состоитъ съ семьею языковъ Индоевропейскихъ,» потомъ—какъ видно изъ самыхъ изслѣдованій его—это положеніе обращаетъ въ фактъ: русскій языкъ, какъ славянорусскій, произошелъ и образовался изъ языка Санскритскаго, и на основаніи этого показываетъ только, какъ совершалось это образованіе или объособленіе т. е. какъ гласныя и согласныя буквы и корни языка Санскритскаго, измѣняясь, переходили въ слова языка славяно-русскаго. И въ этомъ понятіи о *сродствѣ* и *объособленіи* языка мы находимъ такую же безъотчетность и такое же *противорѣчіе* съ понятіями наукъ натуральныхъ, какое мы нашли въ по-

нятіи объ элементахъ *языка*. Наши Филологи и Лингвисты приписываютъ, кажется, слишкомъ много силы и значенія *сродству* языковъ, заключая тотъ часъ по большей или меньшей степени онаго въ двухъ или многихъ языкахъ—*о происхожденіи* одного изъ другаго. Но имѣетъ ли это заключеніе надлежащее, точное основаніе?—Сродство служитъ началомъ не только въ исторіи языковъ но и въ исторіи естественной: посмотримъ, какое значеніе имѣетъ оно въ послѣдней.—*Сродство* въ наукахъ натуральныхъ есть *типическое сходство* или совокупность общихъ, постоянныхъ, родовыхъ чертъ или признаковъ, которые одинаково повторяются въ цѣлой массѣ предметовъ природы. На основаніи этихъ признаковъ натуралисты раздѣляютъ цѣлое природы на *царства*, царства на *классы, порядки, семейства, роды, разности, виды*, наконецъ *недѣлимыя*.—Основою всей этой системы служитъ одинъ и тотъ же родовой типъ *бытія* и *жизни*, постепенное развитіе котораго естественная исторія слѣдитъ, переходя съ одной ступени на другую, отъ одного царства къ другому, высшему, отъ класса къ порядку и т. д. пока не приходитъ къ недѣлимымъ извѣстнаго рода. Но развитіе или видоизмѣненіе генетическаго типа служитъ натуралистамъ только къ опредѣленію той *постепенности*, въ какой *стоятъ* недѣлимыя одно *подлѣ* другаго въ этой обширной галлереѣ природы, или въ какой они *слѣдуютъ* другъ *за* другомъ по этой невидимой лѣстницѣ творческаго процесса природы,—но нисколько не служитъ къ опредѣленію постепенности исторической, постепенности *происхожденія* одного рода или недѣлимаго *изъ другаго*, ему предшествующаго.—Ежели Зоологъ говоритъ намъ, напримѣръ, что *кошка* составляетъ родъ, виды котораго суть: *левъ* (felis leo), *леопардъ* (felis pardus) и т. п.—то не смѣшно ли бы ему показалось, если бы мы вздумали утверждать, на основаніи этой естественной исторіи сихъ животныхъ, что левъ происходитъ изъ кошки и т. п.?—Тоже самое находимъ мы и въ языкахъ: и Лингвисту огромное цѣлое языковъ человѣческихъ представляется царствомъ орга-

ническихъ звуковъ природы, которое онъ раздѣляетъ—основываясь съ своей стороны на извѣстномъ генетическомъ типѣ—на языки *односложные* (einsylbige Spr.) и *двусложные* (mehrsylbige): Азіатскіе, Европейскіе, Индо-европейскіе и т. д. Но *постепенность*, въ какой онъ можетъ расположить эти языки, смотря по большему или меньшему совершенству основнаго типа, такъ же мало можетъ служить ему нитью историческаго происхожденія этихъ языковъ одного отъ другого,—какъ и натуралисту постепенность классовъ, порядковъ, семействъ и т. д. Правда, Лингвистъ имѣетъ болѣе чисто-фактическихъ данныхъ для своей исторіи, нежели натуралистъ: животныя, растѣнія производитъ одна Природа, которая не имѣетъ лѣтописцевъ,—а языкъ образуетъ не только Природа но и *человѣкъ*, который имѣетъ свою исторію, слѣдовательно такъ какъ слова произходятъ отъ *человѣковъ* (народовъ) а человѣки произошли отъ другихъ же человѣковъ, изъ коихъ нѣкоторые сохранили память своего происхожденія, то, конечно, Лингвистъ можетъ *попытаться* выводить и происхожденіе одного языка изъ другаго. Но попытка вывода не есть еще самый выводъ, потому что онъ требуетъ для себя въ основаніе *фактовъ*, того что *было*, а не гипотезъ,—того, что *могло быть*. О нарѣчіяхъ извѣстнаго племени можно бы еще сказать, что они произошли изъ языка этого племени, потому что самые народы, говорящіе этими нарѣчіями произошли изъ размноженія этого племени; но о языкѣ племени нельзя сказать, что онъ произошелъ изъ другаго языка на прим. Санскритскаго, ежели мы не докажемъ фактически, что первое племя произошло изъ втораго, которое говорило языкомъ Санскритскимъ. *Сродство* одного языка съ другимъ, по этому, не даетъ еще права выводить происхожденіе перваго изъ втораго, ежели оно не есть всецѣлое, совершенное (въ корняхъ и окончаніяхъ словъ) какъ напр. въ нарѣчіяхъ языка Славянскаго; ежели оно представляетъ нѣкоторое *сходство* языка разсматриваемаго съ *нѣсколькими* языками,—то изъ этого можно заключать только, что *нѣсколько* этихъ языковъ *нѣкогда могли* принад-

лежать къ одному корню, одному языку,—но принадлежали ли они въ самомъ дѣлѣ, *былъ* ли этотъ одинъ языкъ, произошли ли они изъ этаго *языка*, какъ именно, когда?—Объ этомъ ничего нельзя сказать въ наукѣ.—Г. Катковъ принялъ сродство языка Славянскаго съ языками Индо-Европейскими и преимущественно съ языкомъ Санскритскимъ, *указанное* только нѣкоторыми лингвистами но ни сколько *не доказанное*—какъ фактъ, какъ сродство «несомнѣнное.» Положимъ, онъ могъ опереться на авторитетъ знаменитаго Гримма, Боппа и другихъ Лингвистовъ; но принимая его нужно все таки оправдать оный *фактами:* за чѣмъ же давать ему безъусловную, догматическую силу и производить слова Славянорусскаго языка прямо изъ языка Санскритскаго, на томъ только основаніи, что Гриммъ или Боппъ замѣтили сходство между гласными и согласными звуками перваго съ послѣднимъ, что они признали *сродство* между тѣмъ и другимъ (1)?

§ 15.

Отсутствіе сознательности въ методѣ и цѣли филологическихъ изслѣдованій Г. Каткова.

При недостаткѣ сознательности въ *началахъ*, само собою разумѣется, не зачѣмъ искать *сознательности* ни въ *методѣ* ни въ самой *цѣли* филологическаго труда Г. Каткова, потому

(1) Это тѣмъ болѣе удивительно, что у Гримма Авторь не могъ найти той *безъотчетной* вѣры въ сравнительное языкознаніе, которой онъ такъ слѣпо держится. Гриммъ считаетъ сравнительное языкознаніе только *пособіемъ* для изученія языка но не *основаніемъ*. «Глупо было бы» говоритъ онъ въ предисловіи къ своей грамматикѣ (1840 I. XIV) «отрицать или «признавать маловажными тѣ выгоды, какія пріобрѣтены и для нашего «языка изъ сравненія его съ другими, на различныхъ степеняхъ сродства «съ нимъ стоящими языками; мы чрезъ то не только можемъ лучше по«знакомиться съ нашимъ роднымъ достояніемъ,—внезапно, неожиданно

что какъ тотъ такъ и другая вытекаютъ непосредственно изъ первыхъ—какъ ихъ единаго, общаго источника, въ отношеніи къ которому они суть то же самое, что члены организма къ цѣлому организму или разнообразныя жизненныя отправленія къ общему процессу жизни. Всякая наука или система (ибо эти понятія тождественны), разсматриваемая въ надлежащемъ ея видѣ—есть *организмъ* въ его нормальномъ т. е. здоровомъ и жизненномъ состояніи: что̀ въ организмѣ тѣло, сосуды, кровь, питательные соки,—то въ системѣ факты, данныя, мысли, идеи,—принадлежащія разнымъ Авторамъ, разнымъ другимъ системамъ; что̀ въ организмѣ душа или жизненная сила,—то въ наукѣ *мысль* или мыслящее: *Я*, которое проникаетъ собою каждый фактъ, каждую мысль, которое *усвоиваетъ* себѣ ихъ, какъ животное усвоиваетъ себѣ питаніемъ части другихъ, животныхъ и растительныхъ, веществъ, которое—наконецъ—во всѣхъ своихъ *образованіяхъ* и *преобразованіяхъ* помнитъ себя, ощущаетъ, *сознаётъ* себя. Въ книгѣ Г. Каткова всякій безпристрастный читатель находитъ элементы организма: 1) съ одной стороны значительный запасъ мыслей, фактовъ и данныхъ филологическихъ, частію собранныхъ имъ во множествѣ лучшихъ иностранныхъ сочиненій (І. Гримма, Боппа, Бенари, Бюрнуфа, Бетлинка) и трудахъ филологовъ славянскихъ и русскихъ, частію же найденныхъ имъ самимъ при изученіи прилѣжномъ, хотя къ сожалѣнію и довѣрчивомъ, нашихъ филологическихъ источниковъ (Остроміра, Актовъ Археогр. Экспед. и др.); 2) съ другой стороны, всякій читатель, ежели только онъ не поскупится на время и трудъ—прочитать книгу Г. Кат-

---

«разъяснить при этомъ то, что прежде было для насъ непонятнымъ, но «проложить вмѣстѣ съ тѣмъ стези и мосты къ тѣмъ далекимъ вѣкамъ и «краямъ, съ которыми мы *нѣкогда* ближе, тѣснѣе соединялись. По было «бы безразсудно этой *колеи*, конечно, явственной и ведущей къ узнанію «въ нѣмецкомъ языкѣ необходимаго звѣна одной огромной цѣпи—давать «такое значеніе, чтобы по ней вездѣ построевать и опредѣлять полно- «жизненное единство нашего языка»

кова отъ начала до конца и притомъ не разъ а два и три,—найдетъ въ ней присутствіе и глубокой, здравой и вѣрной идеи или мысли, которая дѣлаетъ честь молодому Филологу и которая, будучи разсматриваема въ связи съ настоящимъ положеніемъ вопросовъ славяно-русской филологіи, является какъ органическое восполненіе, какъ моментъ дальнѣйшаго развитія теперешней филологической системы. Въ сочиненіи Г. Каткова, повторяю, есть *элементы* организма,—но, къ сожалѣнію, нѣтъ самаго *организма*, т. е. нѣтъ соединенія этихъ элементовъ въ одно цѣлое, потому, что глубокая, свѣтлая идея Г. Каткова, вмѣсто того, чтобы подчинить себѣ, *усвоить* себѣ факты современной филологической системы, — напротивъ того—подчинила себя имъ, была *усвоена*, поглощена этими фактами, въ хаотической грудѣ которыхъ одинъ только терпѣливый, самоотверженный Филологъ, (дорожащій мыслящимъ намекомъ на новое и лучшее, болѣе нежели цѣлымъ безмысленно-филологическимъ хламомъ прежняго)—найдетъ отрывочный, но все таки смѣлый и могучій очеркъ *системы*, появленіе которой дастъ жизнь и самобытность нашей славяно-русской филологіи—этой до сихъ поръ бѣдной, не всѣми признанной, ежели не отверженной наукѣ. Система Г. Каткова, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ весьма замѣчательное явленіе той борьбы между новымъ, здравымъ, но *начинающимъ* только созрѣвать *духомъ* науки и между старымъ, ветхимъ, болѣзненнымъ, но начинающимъ только разрушаться ея *тѣломъ*,—борьбы, которая въ послѣднемъ своемъ кризисѣ, въ послѣдней схваткѣ здраваго смысла съ застарѣлыми, вѣковыми заблужденіями школы—оканчивается по бо́льшей части тѣмъ, что здравая мысль, потрясая, подобно Самсону, столбы громаднаго зданія—падаетъ наконецъ сама подъего развалинами; такъ и мысль Г. Каткова, поколебавъ завѣтные, и безъ того уже шаткіе, авторитеты Гримма, Павскаго, Добровскаго, Максимовича и другихъ Филологовъ, голосъ которыхъ такъ догматически рѣшалъ всѣ вопросы славяно-русскаго языкознанія—сама наконецъ изчезла въ развалинахъ этихъ авторитетовъ.

Она изчезла въ нихъ именно потому, я думаю, что *стояла* на той же общей имъ почвѣ, раздѣляя съ ними—вопреки самой себѣ—одну и ту же основу, тогда какъ для того, чтобы сохранить себя невредимою, ей нужно было отдѣлиться отъ *ветхой* основы, стать на своей собственной, новой почвѣ и *начинать* разработку или переработку стараго по новому плану *а* не *продолжать* старой работы съ новыми цѣлями, потому что при этомъ столкновеніе стараго плана съ новымъ кончится тѣмъ, что старый все таки останется на своемъ мѣстѣ, внутри зданія, а новый выкажется развѣ въ яркопестрѣющихъ заплатахъ на стѣнахъ его или обозначится только прихотливостію рисунка наего окопечностяхъ—крышѣ, карнизахъ колоннъ и т. п.;—а это будетъ говорить болѣе о безсиліи таланта архитектора, не совладѣвшаго съ своею работою, нежели о смѣлыхъ попыткахъ его ввести новый вкусъ, новый стиль въ архитектуру. Просматривая первую половину книги Г. Каткова, точно, мы прежде всего встрѣчаемъ *груду* филологической системы,—обломки ея развалинъ: здѣсь—основное положеніе Гримма, что *A, I, U*—эти *Urkürzen* (ископныя, первообразныя краткія)—на которыхъ опирается весь скелетъ языковъ Германскихъ,—подрытое тѣмъ, что краткость гласныхъ—вопреки Гримму—есть явленіе позднѣйшее; тамъ—положеніе Боппа, согласившагося съ Гриммомъ, равнымъ образомъ опровергнутое противоположеніемъ Автора, что если A, I, U—ископныя краткости, то *O, E*—ископныя долготы; далѣе—положеніе Павскаго что «*ъ* и *ь* суть придыханія», опровергнутое доказательствомъ ихъ *гласности,* потомъ—мнѣніе Максимовича, что «*полногласныя* формы словъ (городъ, голодъ) древнѣе сокращенныхъ (градъ, гладъ)»—обрушенное краткимъ, но здравымъ замѣчаніемъ что «обѣ формы испоконь вѣка бытовали въ языкѣ Русскомъ, и равно ему принадлежатъ» и т. д. Но нигдѣ почти не видно собственной мысли Г. Каткова, которой, я увѣренъ, никто, кромѣ собратовъ его по наукѣ и не будетъ подозрѣвать, при всемъ томъ, что она *есть,*—только искать ея нужно въ концѣ обѣ

ихъ частей разсужденія, гдѣ она высказывается хотя не ясно но понятно для того, кто любитъ искать мысли даже подъ тѣми формами, которыя ее заслоняютъ и искажаютъ. Однимъ словомъ, въ первой половинѣ книги Г. Каткова мы находимъ массу господствующихъ теперь филологическихъ мнѣній, которыя Авторъ какъ бы принимаетъ и отвергаетъ, съ которыми онъ не соглашается и которымъ, между тѣмъ, даетъ мѣсто и вѣсъ въ своей книгѣ: что это значитъ? Отъ чего Авторъ приводитъ эти мнѣнія отрывочно, безъ связи, безъ пространнаго объясненія, безъ критической ихъ повѣрки,—какъ факты, какъ результаты науки и между тѣмъ сомнѣвается въ нихъ, не вѣритъ имъ? Тотъ былъ бы весьма несправедливъ, кто бы подумалъ, что Г. Катковъ взявъ Гримма, Боппа и другія ученыя сочиненія, прочитавъ ихъ внимательно, падѣлалъ себѣ выписокъ, присовокупилъ къ каждой свои критическія замѣчанія, подкрѣпленныя свѣжими филологическими фактами древняго русскаго языка и всю эту массу скомпилировалъ въ одно цѣлое, названное имъ «*Разсужденіемъ* объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка». Тотъ былъ бы несправедливъ, повторяю, потому что хаотическій безпорядокъ въ сочиненіи Г. Каткова, при всей наружности ученой компиляціи, происходитъ не отъ компилированія но отъ того, что Авторъ совмѣстилъ въ одномъ и томъже моментѣ *боренiе* съ старыми началами филологической системы и *раскрытiе* новыхъ, имъ весьма вѣрно и глубоко угаданныхъ;—ежели бы онъ раздѣлилъ эту многосложную работу на два пріема т. е. сперва отдѣльно разсмотрѣлъ бы прежнюю систему а потомъ уже изложилъ бы свои новыя понятія,—то онъ далъ бы свободный просторъ своей мысли, далъ бы возможность обозначиться ей со всею ея характеристическою особенностію, далъ бы ей сознательность и отчетливость, однимъ словомъ—живую душу, Я—въ которомъ бы соединились отдѣльные элементы организма: *мысленный и фактическій* въ одно органическое цѣлое. Но, къ сожалѣнію, вышло совсѣмъ другое: вмѣсто того, чтобы указать намъ новыя, болѣе вѣрныя и

основательныя начала филологической грамматики или, собственно, филологическаго языкознанія русскаго, — Авторъ прямо началъ строить (подобно Г. Павскому) филологическую грамматику языка славянорусскаго, какъ бы забывши, что *примѣнять* къ малоизвѣстному *неизвѣстное*, то же самое, что повѣрять какую-нибудь ариѳметическую сумму, не зная единицъ, изъ которыхъ она составляется. Грамматическая рамка системы—сама по себѣ уже тѣсная, оказалась еще тѣснѣе для мысли Г. Каткова, которая, пося въ себѣ отъявленное противорѣчіе *грамматическому, буквенному* взгляду на организмъ языка, безпрерывно выходитъ за предѣлы этой рамки; но это стѣсняющее вліяніе обнаружило все таки свои пагубные результаты: оно сковало, опутало собою со всѣхъ сторонъ мысль Автора, такъ, что уловивши первые ея проблески на страницахъ: 4-й, 6-й, и 16-й—мы видимъ, преслѣдуя ее со страницы на страницу, что она болѣе и болѣе вязнетъ въ буквенномъ грузѣ Санскрито-Латино-Летско-Германо-Славяно-русскомъ, въ концѣ первой части (на стр. 106—116.) блещетъ еще послѣдними потухающими искрами, во второй части совсѣмъ уже замираетъ и только въ концѣ всего Разсужденія, въ замѣчаніяхъ на мнѣнія о образовательномъ процессѣ языка (высказанныхъ на стр. 249—253.) является намъ въ полномъ но туманномъ очеркѣ, какъ тѣнь, какъ призракъ существа, нѣкогда жившаго здѣсь и приходящаго къ намъ изъ другаго міра. Вотъ гдѣ источникъ той безсознательности, той безъотчетливости, которыя мы усматриваемъ какъ *въ методѣ* такъ и въ *цѣли* разсужденія Г. Каткова: Авторъ думаетъ, что ведетъ насъ путемъ *историко-сравнительнымъ* (по его выраженію), т. е. *аналитическимъ*, опытнымъ,—но между тѣмъ изъ за этаго пути вездѣ обнаруживается другой—*синтетическій*, основныя положенія котораго хватаютъ гораздо дальше и глубже и которыя получены не столько чрезъ отвлеченіе отъ сравнительнаго изученія языковъ Индо-Европейскихъ, сколько выведены изъ общихъ идей объ организмѣ натуральномъ въ самомъ обширномъ его

значеніи—примѣненныхъ къ организму языка; Авторъ думаетъ, что цѣль его—«уяснить элементы, изъ конхъ сложи«лись рѣченія и развились формы языка Русскаго»,—а между тѣмъ приходитъ къ тому, что въ языкѣ русскомъ и языкахъ Индо-Европейскихъ можно открыть одни развалины нѣкогда цѣльнаго но теперь сокрушеннаго организма, въ которыхъ тщетно будемъ искать живой связи и постепеннаго, *періодическаго* развитія частей, тогда какъ самыя части (элементы) этаго организма покрыты обломками этихъ развалинъ. Къ чести Филолога нашего скажемъ, что мысль его, хотя поздно, восторжествовала однако же надъ схоластикою науки, и хотя то, что сказано на послѣднихъ шести страницахъ его книги есть явное противорѣчіе всему Разсужденію,—но идея, свободно сознанная человѣкомъ мыслящимъ, все таки, не смотря на противорѣчія, остается идеею мыслящею, слѣдовательно будетъ имѣть всегда мѣсто въ движеніи науки. И такъ мы оставляемъ фактическое, болѣе подробное проведеніе безъотчетности *метода и цѣли,* которые мы уже обозначили хотя краткими но существенными чертами: это сторона *отрицательная* для нашей науки и потому въ теперешнемъ именно случаѣ—для нея мало полезная; лучше обратимъ вниманіе на сторону *положительную*—на основную мысль Г. Каткова, обозначимъ ее—сколько намъ можно было уловить ее изъ тѣхъ немногихъ ея чертъ, которыя не заслонены сравнительно-лингвистическимъ грузомъ и покажемъ, гдѣ именно эта свѣтлая и глубокая мысль свернула съ прямаго, истиннаго пути на ложно-схоластическій, приведшій ее къ самоуничтоженію.

§ 16.

Основная мысль Г. Каткова (двоегласіе языка) въ отношеніи ея къ идеямъ атомистической и органической системы въ русской и всеобщей филологіи (одноглазію и полноглазію — Einsylbigkeit, Mehrsylbigkeit).

Мы сказали выше, что основная мысль Г. Каткова, будучи разсматриваема въ связи съ настоящимъ положеніемъ вопросовъ славяно-русской филологіи — является какъ органическое восполненіе, какъ моментъ дальнѣйшаго развитія теперешней филологической системы. Въ нашей филологіи теперь существуютъ двѣ системы: одна старая, другая новая, одна доживающая свой вѣкъ, другая — зачинающая свою жизнь; мы подробнѣе характеризуемъ эти системы ниже, а здѣсь ограничимся краткимъ ихъ обозначеніемъ и назовемъ первую *атомистическою,* вторую — *органическою.* Первая система названа нами атомистическою, потому что она ищетъ первичныхъ, метафизическихъ началъ языка или *атомовъ* его: она находитъ эти атомы въ *буквахъ* и потому построеваетъ изъ буквъ весь организмъ языка; признакомъ болѣе характеристическимъ этой системы есть понятіе *о корнѣ:* корень, по ея мнѣнію — *согласныя* буквы, наприм. въ словахъ: *смерть, обморокъ, морочить* и проч. корень — есть *мр;* этой системы держатся, сколько мнѣ извѣстно, всѣ иностранные филологи, кромѣ Гримма, изъ Славянскихъ — ей слѣдовали: *Добровскій, Линде, Колларъ, Миклошичъ* и другіе; между Русскими Филологами она нашла себѣ послѣдователя отъ части въ *Шишковѣ;* по первымъ полнымъ ея представителемъ и, вѣроятно, послѣднимъ — явился ученый Павскій. Въ приложеніи своемъ къ историческому изслѣдованію языка русскаго—эта система

отдаетъ преимущество историческое языку церковно-славянскому предъ языкомъ русскимъ, утверждая, что полногласныя, народныя формы (городъ, голодъ) позднѣе, что онѣ произошли изъ сокращенныхъ (гладъ, градъ) чрезъ разбавленіе ихъ вставкою гласныхъ буквъ.—Назовемъ, по этому, эту систему—системою односложности или *одногласія*. Другую систему мы называемъ *органическою,* потому что она, не гонялась за первичными началами языка, ускользающими отъ опыта и исторіи, довольствуется разсмотрѣніемъ его *вторичныхъ* началъ, обнаруживающихся уже тогда, когда Богъ-вѣсть откуда взявшіеся въ устахъ народа звуки, безъ помощи построеній метафизическихъ, при помощи одной матери-природы—*образовали* уже цѣлое, составили *языкъ*. Такъ какъ эти начала представляютъ уже готовые, изъ атомовъ фонетическихъ (буквъ) *организованные* составы языка, — то эту систему приличнѣе всего назвать *органическою*. Она принимаетъ за корень словъ языка не буквы согласныя но *слогъ,* или — какъ выразился одинъ изъ весьма немногихъ послѣдователей этой системы между учеными Европейскими I. Гриммъ: «ежели въ нѣкоторомъ отношеніи *гласныя* корня могутъ быть названы *женскимъ* началомъ, *согласныя* — мужескимъ, то можно сказать «такъ же что рожденіе всякаго корня происходитъ чрезъ соединеніе обоихъ» (Deut. Gram. 1840. 1. 30) и другой—между учеными Славяно-русскими — Шимкевичъ, (Корнесловъ русс. языка 1842)—«основу корней составляютъ не одни согласныя буквы но и гласныя.»—Въ приложеніи своемъ къ историческому изслѣдованію языка русскаго, эта система—въ противоположность атомистической отдаетъ преимущество народному русскому языку предъ церковно-славянскимъ и утверждаетъ, что *полногласныя* формы словъ древнѣе сокращенныхъ, что послѣднія произошли изъ первыхъ чрезъ опущеніе гласныхъ буквъ. (Развитіе этой мысли принадлежитъ Г. Максимовичу, смот. его Исторію Русской Словесности, 1839).—Назовемъ эту систему—системою многосложности или *многогласія* (такъ перевожу я нѣсколько неопредѣленный тер-

мнѣ Г. Максимовича: *полногласіе*).—Хотя послѣдняя система гораздо ближе къ здравому смыслу и опыту, исторіи,—но и она не достаточна потому, что принимаетъ открытое ею свойство языка русскаго за *первое* начало его, признавая *сокращенность* вторымъ, позднѣйшимъ явленіемъ, и—что хуже всего—слѣдствіемъ полногласія, какъ причины. — Въ этихъ двухъ противоположныхъ мнѣніяхъ мы можемъ ясно видѣть отраженіе двухъ основныхъ понятій, давно уже существующихъ въ системѣ всеобщаго или сравнительнаго языкознанія, именно, понятій объ *односложности* (Einsylbigkeit) *и многосложности* (Mehrsylbigkeit)—какъ двухъ главныхъ моментахъ въ организмѣ всякаго человѣческаго языка, на которыхъ основано раздѣленіе всѣхъ языковъ на *односложные* и *многосложные* и которыми до сихъ поръ еще опредѣлялась постепенность въ періодическомъ образованіи каждаго языка вообще, потому что сравнительное языкознаніе (какъ система чисто-эмпирическая) считаетъ *односложность* признакомъ первоначальнаго, грубаго состоянія языка, слѣдовательно примѣтою древнѣйшаго періода въ его развитіи, а *многосложность*—считаетъ примѣтою болѣе образованнаго, усовершенствованнаго состоянія языковъ, слѣдовательно явленіемъ позднѣйшаго періода въ ихъ развитіи. Споръ, возникшій между *одногласіемъ* атомистической системы въ языкѣ славяно-русскомъ и *многогласіемъ* системы органической, одинаковая основательность, съ которою та и другая признаетъ каждое изъ этихъ свойствъ *первымъ*, древнѣйшимъ—есть уже самая очевидная примѣта того, что эмпирическая система языкознанія приходитъ къ внутреннему противорѣчію съ самой собою и слѣдовательно къ своему концу, ибо въ одинаковой невозможности каждой изъ спорныхъ системъ доказать какъ-то, что *сокращенность* есть первое, древнѣйшее явленіе а *полногласность* позднѣйшее, такъ, съ другой стороны то, что *полногласіе* есть первое, а сокращенность—позднѣйшее явленіе,—сама собою обнаруживается уже та мысль, что эти два рѣзкораздѣляемые общею системою періодическіе моменты языка

суть нѣчто нераздѣльно-совмѣстное, *одновременное*. Выразумленіе этой мысли и будетъ живою срединою между двумя крайностями, примиреніемъ противоположныхъ системъ, слѣдовательно зародышемъ новой системы. Но какъ, чѣмъ примирить ихъ? — Ежели бы этой новой системѣ можно было вдругъ сбросить съ себя заблужденія эмпиризма, ежели бы она могла увѣрить прежнія филологическія системы въ томъ, что прямое дѣло филологіи — изслѣдованіе не историческаго *происхожденія* языка, но историческаго *образованія* или историческихъ переворотовъ въ его организмѣ, что споръ о томъ, что произошло изъ чего: полногласіе изъ сокращенности или сокращенность изъ полногласія? — собственно говоря, есть споръ ребяческій, похожій на споръ о томъ, напр., что́ произошло изъ чего въ растительномъ и животномъ царствѣ: береза изъ дуба, левъ изъ кошки, камни изъ растѣній или на оборотъ?—Ежели бы, повторяемъ, новой примирительной системѣ можно было вдругъ отстать отъ эмпиризма атомистическаго и метафизическаго въ языкознаніи,—то она даже оставила бы въ сторонѣ напрасный и безполезный трудъ мирить противорѣчія, примиреніе которыхъ, во всякомъ случаѣ, не привело бы ни къ какому лучшему результату: новое примирительное положеніе все таки было бы не новое, *простое* цѣлое но старое же, *составленное* только изъ двухъ прежнихъ половинокъ, соединенныхъ въ одну массу. Но наука, видно, вездѣ и всегда соблюдаетъ строгій, діалектическій порядокъ въ развитіи идеи: отъ заблужденія или старой идеи переходитъ къ новой истинѣ (а кто знаетъ? можетъ быть и новому заблужденію) не вдругъ, — но посредствомъ меньшаго или болѣе умѣреннаго заблужденія. Такъ было и въ настоящемъ дѣлѣ нашей филологіи: когда старая (атомистическая) система не могла доказать что ея *сокращенность* есть исключительно—*первое* явленіе языка русскаго не происходящее ни изъ какого другого, а новая (я считаю ее съ 1838 года: смотри статью Максимовича въ Ж. М. Н. Пр. *О языкѣ русскомъ*) сказала только, но не доказала что ея *полногласность*

есть явленіе *первое*,—которое, равнымъ образомъ, *не произошло* изъ какого нибудь другаго, предъидущаго, то вмѣсто того, дабы той и другой сказать, что оба эти явленія равно-первыя, равно не происходятъ ни изъ какого другого источника, кромѣ самаго языка или природы, организма его, что искать третьяго, высшаго начала, изъ котораго можно было бы произвесть какъ *сокращенность* такъ и *полногласіе* — безполезно, такъ же точно какъ въ Этикѣ — искать единаго начала *счастія*, въ Алхиміи — *философскаго камня*, что *единаго*, общеславянскаго языка, о которомъ двадцать три года тому назадъ мечталъ нашъ умный Полевой (1), для отысканія котораго чрезъ десять лѣтъ потомъ нашъ ученый Глаголевъ указалъ даже *способы* и *средства* (2) — не было никогда, такъ же точно какъ нѣтъ единаго, первобытнаго языка человѣческаго, нѣтъ единой вещественной природы а три ея вида: минеральная, растительная, животная и т. д., вмѣсто всего этого необходимо было прежде того сказать еще, что какъ *одногласіе* такъ и *многогласіе* произошли изъ *двоегласія*, какъ самаго древняго и первоначальнаго свойства языка, которое, въ слѣдствіе различныхъ переворотовъ, въ однихъ нарѣчіяхъ славянскихъ изчезло совсѣмъ, оставивъ по себѣ слѣдъ въ односложныхъ но протяжныхъ словахъ (съ буквою *а*—градъ, гладъ), — въ другихъ же сохранилось въ многосложныхъ но непротяжныхъ словахъ (съ буквою *о* и *е* городъ, голодъ).— Это *двоегласіе* составляетъ, сколько я понимаю, основную идею Г. Каткова; но, къ сожалѣнію, эта оригинальная идея такъ заслонена оторванными положеніями сравнительнаго языкознанія, которыя ее перепутываютъ на каждой страницѣ, такъ затемнена фрагментарнымъ, странно-оригинальнымъ, какъ бы умышленно-непонятнымъ способомъ изложенія,—что одно только самоотверженіе ради интересовъ науки, заставитъ Филолога искать въ этой ученой путаницѣ чужихъ и собственныхъ мыслей Автора—расторгнутыхъ чле-

(1) См. труды Общ. Люб. Рус. Слов. М. 1824.

(2) См. Умозрит. и опыты, основ. Слов. 1834 Гл. III.

новъ его основной идеи и возстановлятъ ея органическую цѣлость. Не буду приводить здѣсь собственныхъ словъ и выраженій Автора: для уразумѣнія ихъ нуженъ комментарій самаго Автора; притомъ, я не хочу получить отъ него упрекъ въ привязчивости къ словамъ, при всемъ томъ, что понять большую часть мыслей его и найти между ними послѣдовательную связь—для меня было труднѣе, нежели доискаться смысла въ цѣлыхъ статьяхъ Гегелевой эстетики. Я ограничусь здѣсь, по этому, очеркомъ того, какое приложеніе дѣлаетъ Авторъ изъ основной идеи своей къ языку Славянорусскому. Г. Катковъ начинаетъ свое разсужденіе положеніемъ Гримма, который, основываясь на языкѣ Санскритскомъ и Готскомъ, утверждаетъ, что *первообразными* гласными звуками (по Автору: исконно-краткими) суть только три *краткія* гласныя буквы (или элементы, какъ называетъ ихъ Г. Катковъ): а, і, у,—долгія же гласныя: *о* и *е* произошли мало по малу изъ краткихъ и потому должны быть относимы къ позднѣйшей эпохѣ языка. Въ приведеніи этого положенія, которое Авторъ тутъ же опровергаетъ тѣмъ, что ежели бы *долгота* была позднѣйшаго происхожденія, то и законъ *количества,* основывающійся на отношеніяхъ долготы и краткости, признаваемый Гриммомъ древнѣйшимъ явленіемъ языка Нѣмецкаго, оказался бы такъ же позднѣйшимъ,—заключается implicite та цѣль, чтобы съ перваго шага поставить на видъ зыбкость современной филологической системы, считающей *краткогласіе* языковъ Индоевропейскихъ древнѣйшимъ *долгогласія.* За этимъ положеніемъ слѣдуетъ шесть страницъ, наполненыхъ весьма дѣльными но, къ сожалѣнію, фрагментарными и, по видимому, нисколько между собою не связанными замѣчаніями о свойствахъ гласныхъ буквъ въ языкахъ Санскритскомъ, Славянскомъ и т. п., изъ совокупности которыхъ, кажется, можно видѣть что въ соотвѣтствіе положенію Гримма Г. Катковъ старается утвердить *противоположеніе:* «буквы «*о* и *е,* изъ которыхъ первая произошла изъ соединенія *а*+*у,* «вторая изъ *а*+*і*—должны быть признаны такими же перво-

«образными гласными какъ и 3 Urkürzen Гримма: *a, i, y*». Въ этомъ противоположеніи—implicite—заключаются, хотя не высказанныя ясно и раздѣльно по всякому при соображеніи этихъ мѣстъ съ дальнѣйшимъ ходомъ разсужденія довольно явственныя, слѣдующія мысли: что 1) долгогласіе или, точнѣе выражаясь—*двоегласіе* есть такое же ископное, первообразное свойство языковъ какъ и Гриммовъ *кратко-*или *одногласіе*, 2) что двоегласіе заключаетъ въ себѣ зародышъ *согласныхъ* звуковъ, потому что долгая *о* соединяя *а* съ *у*, склоняетъ элементъ гласный *у* къ буквѣ *в* и потому образуетъ переходъ къ губному порядку буквъ согласныхъ, долгое же *е*, которое есть ни что иное какъ *а*+*і*—склоняетъ гласный элементъ *і* въ іоту (х, ж, дж?) и слѣдовательно образуетъ переходъ къ небному порядку согласныхъ (см. стран. 6—въ срединѣ и 10—въ началѣ), 3) что *двоегласіе*—по этому самому—должно признать древнѣйшимъ и *первымъ* свойствомъ языковъ *нашего поколѣнія*, «склоненіе же чистаго и полнаго «голоса къ органамъ» т. е. *кратко-*или *одногласіе* «есть пер«вый фактъ, въ которомъ обозначилось ослабленіе *вокализма*, «есть *первый* слѣдъ того начала движенія и розни, котораго «дѣйствія такъ ощутительны во всѣхъ языкахъ историче«скихъ». Эти три мысли—я долженъ признаться—не *извлечены* но *отвлечены* мною отъ всего того, что высказываетъ Авторъ на первыхъ десяти страницахъ своей книги: Г. Катковъ установляетъ вопреки современной системѣ одногласія—систему *двоегласія*, считаетъ это свойство первообразнымъ, древнѣйшимъ и изъ него выводитъ всѣ прочія,—такъ я думаю, и Авторъ, полагаю, не станетъ опровергать того, иначе я предложу ему такой вопросъ: ежели все сказанное на 10 страницахъ выражаетъ не то, что я здѣсь приписываю Автору,—то какую связь со всѣмъ этимъ имѣютъ слова его, слѣдующія въ концѣ третьей, послѣдней мысли: «теперь «спрашивается,—какую судьбу имѣли въ нашемъ языкѣ слож«ные элементы: ô, ê и вообще какъ *раскрылось*, или лучше, «гдѣ *скрылось* у насъ двоегласіе»?

§ 17.

Судьба основной мысли Г. Каткова о двоегласіи языка славянорусскаго. Два обратно-противоположныя движенія, возможныя въ ней: прогрессивное и ретрогрессивное. Увлеченіе ея послѣднимъ направленіемъ. Результатъ нигилистическій, къ которому она могла бы прійти, будучи развиваема послѣдовательно.

Въ этомъ вопросѣ—какъ онъ, повидимому, ни натураленъ и обыкновененъ—можно видѣть гораздо болѣе, нежели въ цѣлой книгѣ Г. Каткова, изъ которой едва ли кто нибудь извлечетъ какую-нибудь опредѣленную идею: въ немъ можно найти сущность цѣлаго разсужденія, изъ него можно видѣть и судьбу, которая постигла идею Автора или развитіе его системы. Обратите вниманіе на формулу основнаго положенія, скрытую въ этомъ вопросѣ и преимущественно на эти два послѣдніе термина: «какъ *раскрылось,* или лучше, гдѣ *скрылось* у насъ двоегласіе»? Эти термины, повидимому, однозначительны у Автора, который связалъ ихъ этою обоюдною частицею: *или,* которая въ нашемъ языкѣ иногда служитъ символомъ тождественности словъ и понятій, иногда же составляетъ рубежъ діаметральной противоположности между ними. Здѣсь она имѣетъ—вопреки Автору—значеніе послѣдняго, она показываетъ *совмѣстность* тѣхъ двухъ обратно-противоположныхъ точекъ отправленія, въ которыхъ заключалось начало двухъ обратно-противоположныхъ движеній его идеи: *одного*—вверхъ, впередъ, къ апогею органической системы, *другого*—внизъ, назадъ, къ хаосу атомизма, къ совершенному уничтоженію системы органической, подъ знамена которой Г. Катковъ сталъ такъ смѣло и рѣшительно.

Такимъ образомъ здѣсь именно видимъ мы не Standpunkt но Vendepunkt идеи Автора, которая—по непостижимому случаю—отказалась на первыхъ же порахъ отъ самой себя и пошла противъ самой же себя. Объяснимъ наше мнѣніе подробнѣе. Утвердивъ свое положеніе *о двоегласіи*, какъ столь же коренномъ свойствѣ языковъ Индоевропейскихъ, какъ и *одногласіе*, Авторъ предлагаетъ себѣ вопросъ, выраженный *двойственно* но, по его мнѣнію, простой, одинакій: «какъ *раскрылось* или гдѣ *скрылось* у насъ двоегласіе»? Но въ этой двойственной формулѣ мы видимъ два существенно различные вопроса: отдѣлимъ ихъ другъ отъ друга и посмотримъ, какъ могъ бы Авторъ отвѣчать на каждый порознь и куда повело бы его разрѣшеніе того и другаго. Положимъ, Авторъ предложилъ бы себѣ сперва вопросъ: «какъ *раскрылось* въ нашемъ языкѣ двоегласіе»? Едва ли бы онъ далъ себѣ какой нибудь отвѣтъ на эту трудную задачу, предполагая даже, что у него была уже подъ рукою вся та груда филологическихъ данныхъ, которыя онъ собиралъ въ области сравнительнаго языкознанія. Невозможность — не только трудность—отвѣчать на этотъ вопросъ, заставила бы его вдуматься въ самый вопросъ, въ которомъ, при всей простотѣ его, implicite—потаенно, заключается уже и другой, ибо показать, какъ *раскрылось* двоегласіе въ языкахъ славянскихъ—нельзя, не обозначивъ, прежде того, момента, который предшествовалъ этому раскрытію, не обозначивъ того заглушеннаго, полускрытаго двоегласія, которое существовало въ языкѣ прежде, нежели явилось двоегласіе полное, совершенное, раскрывшееся. И такъ, вопросъ: *какъ* раскрылось *двоегласіе*—перешелъ бы самъ собою въ другой: *изъ чего* раскрылось двоегласіе? Но самый этотъ вопросъ былъ бы уже противорѣчіемъ основному положенію Автора: *двоегласіе* признано имъ явленіемъ *первообразнымъ*, наравнѣ *съ краткогласіемъ* (а, і, у,), слѣдовательно не *происходящимъ* изъ другого, древнѣйшаго начала,—а въ вопросѣ: изъ чего, откуда раскрылось двоегласіе—очевидно—оно признается явленіемъ *производнымъ*, позднѣйшимъ! Не знаемъ

остановился ли бы Авторъ на первой безплодной попыткѣ отыскать въ какомъ-нибудь языкѣ человѣческомъ такое первое, простое и *единое* начало, изъ котораго можно было бы вывести всѣ прочія, позднѣйшія свойства языка и которое само не производилось бы ни изъ какого другого, высшаго, древнѣйшаго; не знаемъ, убѣдился ли бы онъ тутъ же, что эти два полярныя свойства языковъ Славянскихъ (да вообще и человѣческихъ): *одногласіе* и *многогласіе* съ третьимъ—примиряющимъ ихъ: *двогласіемъ*,—даны были природою въ одно и то же время (подобно двойственнымъ полюсамъ всякаго организма, слѣдовательно и явились *вмѣстѣ* а не происходили послѣдовательно, одно *прежде*, другое *послѣ*,—что, наконецъ, филологу не зачѣмъ искать *источниковъ* языка а достаточно ограничиться изслѣдованіемъ того, какое изъ этихъ трехъ свойствъ языка *преобладало* болѣе, когда и отъ чего именно, какую печать положило оно на цѣлый организмъ языка и т. д.;—не знаемъ, повторяю, убѣдился ли бы Авторъ во всемъ этомъ на первыхъ же порахъ: но можемъ сказать, что ежели бы онъ и не бросилъ безплодной попытки своей рѣшить вопросъ неразрѣшимый, то продолжая свою операцію онъ все таки пришелъ бы къ тому заключенію, которое мы обозначили. Встрѣтивъ—какъ мы видѣли—противорѣчіе собственной своей идеѣ, Авторъ нашелся бы въ затруднительномъ положеніи: ему оставалось бы одно изъ двухъ, или 1) остановиться на этомъ противорѣчіи, слѣдовательно признать, что *двогласіе* не есть явленіе первообразное и, въ такомъ случаѣ, поискать для него высшаго начала, къ которому можно было бы возвести оное или изъ котораго можно было бы произвести это *двогласіе*, или же 2) оставить это противорѣчіе въ сторонѣ, возвратиться опять къ основной идеѣ своей о первообразности *двогласія* и, въ такомъ случаѣ, вникнуть въ то отношеніе, въ какомъ находится это коренное свойство языковъ къ другимъ, равнымъ образомъ кореннымъ же его свойствамъ. Предположимъ сперва первый случай: «двогласіе раскрылось мало по малу въ языкѣ»,—

слѣдовательно ему должно было предшествовать *иѣчто,* изъ котораго оно раскрылось, произошло; въ чемъ же состояло это *иѣчто,* какъ зародышь, какъ субстратъ *двоегласія?* Ежели *двоегласіе* — какъ самое слово показываетъ — есть удвоеніе *(duplicatio)* или, точнѣе выражаясь — *раздвоеніе (displicatio) гласныхъ* элементовъ, то само собою разумѣется, основою, субстратомъ этого раздвоенія будутъ а.) гласные элементы *а, у* впроч. б.) согласные мотивы голоса и преимущественно гортанные и губные, которые приставая къ простымъ, обнаженно-стоящимъ элементамъ гласнымъ не *удвояютъ* ихъ, не дѣлаютъ ихъ *двойными,* совершенно-*сложными,*—но только *раздвояютъ* ихъ, дѣлаютъ ихъ полу-сложными, *полуторными* гласными, – изъ чего уже въ послѣдствіи, мало по малу, развивается *двоегласіе.* Въ примѣръ этого *раздвоенія* гласныхъ, какъ явленія, предшествовавшаго самому *двоегласію,* въ которомъ оно только полнѣе раскрылось—можно отыскать много словъ не только въ языкахъ славянскихъ, но и въ языкахъ: Нѣмецкомъ, Англійскомъ и др.; мы ограничимся здѣсь однимъ словомъ языка славянскаго: *ухо.* Ежели взять въ соображеніе различныя формы этого слова въ языкахъ: Нѣмецкомъ: *Oh-r,* Латинскомъ: *au-ris,* Литовскомъ: *au-s-is,* Греческомъ *οὖς*; изъ нарѣчій Славянскихъ: Босн. *uhho,* въ Сло., Раг., Далм. и Кра. *uho;* Мрс. *вухо,* Илуз. *hucho,* въ Цвносл.—*оухо,* Серб. *ȕво,* въ Польскомъ и Русскомъ *ȕхо,* — то вездѣ можно явственно замѣтить, что во всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ одного корневаго типа главную роль играетъ одна и та же гласная *у*, которая, чтобы получить *тѣло,* образовать слогъ — принимаетъ сперва въ помощь себѣ то согласныя гортанныя *г – х,* то согласную губную—*в;* вмѣстѣ съ согласною она образуетъ *полътора* слога, но такъ какъ половина звука (г, х, в) и притомъ неяснаго, нераздѣльнаго, глухаго—представляетъ несоразмѣрность съ цѣльнымъ, единичнымъ звукомъ (у), — то для уравновѣшенія послѣдняго — эта приставшая половина вынуждаетъ еще такую же половину, сцѣпляется съ нею и такимъ образомъ изъ *полутора* слога вы-

ходитъ *два* но не совершенно раздѣльныхъ а такъ сказать слитныхъ или спаянныхъ: отъ того-то нѣтъ возможности съ надлежащею точностію въ приведенныхъ словахъ отдѣлить корневой элементъ отъ окончанія грамматическаго. Но на образованіи — такомъ простомъ, механическомъ — не останавливается формація слова: двѣ согласныя половины даютъ въ сложности *единицу* но искуственную, а не натуральную, органическую, равную гласному звуку; потому языкъ восполняетъ этотъ органическій недостатокъ новымъ преобразованіемъ: въ однихъ изъ приведенныхъ языковъ оно совершается въ концѣ словъ, въ другихъ — въ началѣ ихъ; именно — въ первыхъ двѣ *половины* т. е. двѣ согласныя раздѣляются, одна оставляется на мѣстѣ, но такъ какъ сама по себѣ составляла бы все таки только полътора слога и не могла бы заключить его удобнымъ образомъ, то къ ней присоединяется *гласная,* другая же согласная съ конца переносится къ начальному слогу слова (языки Слав.) и облекаетъ, прикрываетъ обнаженно-стоящее *у;* во вторыхъ (яз. Латин., Литов., Нѣмецкомъ, Греч.) одну изъ наконечныхъ половинъ (согласныхъ) измѣняютъ въ болѣе дебелую или ясную, а другую обращаютъ въ гласную (а или о) и ставятъ ее — совершенно на оборотъ — въ началѣ слова, передъ *у;* но въ этомъ случаѣ опять происходитъ несоразмѣрность: двѣ гласныя слишкомъ перевѣшиваютъ одну согласную, — по этому *у* сокращается въ полугласную и она въ сліяніи съ наконечною половиною — образуетъ *слогъ.* —Чтобы яснѣе раскрыть нашу мысль, — отвлечемъ отъ всѣхъ приведенныхъ нами словъ такіе элементы, которые имъ общи, слѣд. которые, какъ можно полагать, составляютъ первообразную основу или субстратъ ихъ; это будетъ *полутораслогъ: uh,* который представляется намъ въ слѣдующихъ четырехъ постепенныхъ метаморфозахъ: 1) въ *первичной* или первообразной т. е. въ полномъ, чистомъ видѣ его выказывается въ нарѣчіяхъ: Боснійскомъ *(uhho),* Сла., Рагуз., Далм. Кро. uho); въ полупоглощенномъ или полузакрытомъ видѣ является въ языкѣ Нѣмецкомъ *(Oh-r,)* наконецъ

въ совершенно – поглощенномъ или совершенно – закрытомъ видѣ представляется въ языкѣ Латинскомъ, въ которомъ *у* не только утратило гортанную *г* ($\overset{o\text{-}(h)\text{-}r}{au - r\text{-}is}$), сохранившуюся въ половину въ Нѣмецкомъ *(Oh-r),* но даже утратило собственный полно-гласный свой звукъ, поглощенный предшествующею ему *а;* 2.) въ метаморфозѣ *вторичной* т. е. въ склоненіи твердой гортанной *г* къ болѣе мягкой—*х*, которое мы находимъ въ Црквносл., Польск., Врус., Малор. и Нлуз. (ухо, оухо, вухо и hucho), 3.) въ метаморфозѣ *третичной* т. е. въ склоненіи мягкой гортанной *х* къ зубной *с*—которое мы находимъ въ Литовскомъ *ausis,* Греческ. *αὖς*, наконецъ 4.) въ метаморфозѣ *четверичной* или послѣдней, въ которой тотъ же корневой *полутораслогъ* какъ бы возвращается къ своему первообразному виду съ замѣною только гортанной согласной *г* на губную *в:* это Сербская форма этаго корня: *уво.* Ежели, теперь, обращать вниманіе на то, какимъ образомъ изъ этого соединенія гласной *у* съ половиною звука т е. съ согласною, образовывался слогъ, то мы найдемъ, что въ нѣкоторыхъ изъ языковъ это образованіе происходило преимущественно или, лучше сказать, сосредоточивалось въ *концѣ* словъ, въ другихъ — напротивъ того—въ *началѣ* оныхъ: отъ того въ первыхъ органическимъ измѣненіямъ подверглись накопечныя *согласныя,* гласная же *у* осталась въ чистомъ, первообразномъ своемъ видѣ, во вторыхъ—наоборотъ—гласная *у* подверглась измѣненіямъ кое-гдѣ совсѣмъ пропавши или перешедши въ согласную, (O-h-г , кое-гдѣ сократившись въ полугласную (*αὖς* , а явившіяся вмѣсто ея гласныя *а, о* остались вездѣ въ чистомъ, первообразномъ ихъ видѣ.— Беремъ Боснійское слово: *uhho,*—въ немъ примѣтнѣе всѣхъ прочихъ словъ сохранился слѣдъ того первоначальнаго образованія, зародышемъ котораго мы считаемъ *раздвоеніе* гласныхъ элементовъ, происходящее въ слѣдствіе сліянія гласнаго звука (=1) съ согласнымъ мотивомъ голоса (=½). Буква *у* въ сліяніи съ *г*—давала только полътора слога: *уг,* въ которомъ едва можно слышить за полнымъ и протяжнымъ *у*—глухое, подавляемое имъ *г;* для того, чтобы сдѣлать его болѣе яв-

ственнымъ, — нужно его усилить, прибавить къ нему еще половину т. е. согласную — выйдетъ *uhh:* но для одного *у* этихъ двухъ *г (hh)* слишкомъ уже много, ибо они могутъ заглушить собою гласную, такъ же точно какъ она, прежде, собою заглушала одну согласную *h;* и такъ, нужно раздѣлить ихъ,— но въ такомъ случаѣ второе *h* останется безъ опоры, слѣд. изчезнетъ: и такъ, чтобы сохранить его — нужно 1) или присоединить къ нему гласную напр. *o = uhho* или же, какъ въ другихъ языкахъ находимъ — 2) измѣнить его на болѣе твердую и явственную согласную, въ которой голосъ, ударяя на первый полутораслогъ *уг* не издыхалъ бы, поглощая и ее съ протяженіемъ перваго *г* (напр. не на *х,* или *к = уг - х, уг – к),* но чтобы, такъ сказать, спотыкался, переломлялся бы на ней и давалъ бы *отголосокъ;* эта болѣе твердая согласная — есть *r:* при помощи ея въ Нѣмецкомъ языкѣ вмѣсто = *uhh* - образовалось *Oh – r,* въ Латинскомъ *aur - is,* или— собственно—ежели начальныя гласныя *о* и *а* считать позднѣйшими органическими приростами, *O - hr,* a - ur (is)— (мы нисколько не опасаемся такъ раздѣлять первое слово, потому, что при всемъ томъ, что *hr* на *письмѣ* не составляетъ слога, но въ произношеніи онъ образуетъ почти цѣлый слогъ: *Ohr* произносится не какъ *or,* но протяжно, какъ французское *aure,* такъ, что ежели бы нужно было изобразить эти три буквы русскими письменными знаками, то мы написали бы это слово: *о͡ур,* считая стоящую въ срединѣ гласную *h = y* сокращенному). — Полученныя такимъ образомъ два слова: *uhho* и *ур* (изобразимъ такъ предполагаемую нами первую форму Нѣмец. *O–hr* и Латин. *a – ur (is)*) не представляютъ еще органической соразмѣрности звуковъ: согласныя наконечныя (*hh, r*) все таки пересиливаютъ собою одинокую гласную *у,* которая, какъ гласная губная, углубленная въ голосовомъ органѣ, всегда будетъ уступать болѣе острому, открытому звуку голоса въ слогѣ *ho* или яркому излому его въ звукѣ *r:* и такъ нужно опять уравновѣсить эти наконечныя согласныя облеченіемъ обнаженно - стоящей *у;* Славянскія

нарѣчія употребили для этого въ помощь согласныя и съ одной стороны — *сократили* согласное окончаніе, то выбросивъ одно *h (uho)*, то смягчивъ его въ *х (ухо)*; съ другой—*протянули у* прибавкою *в* или *г* въ словахъ: *вухо, hucho;* Нѣмецкій, Латинскій, Литовскій, Греческій языки — чтобы усилить *у* — поставили предъ нимъ первообразныя, болѣе полныя гласныя *о, а,* при которыхъ оно сократилось въ полугласную, почти приближающуюся къ нашимъ *в* и *й (Ohr* (1) = *оўр* = *овръ;* auris = аврисъ; *αὖς* = айсъ). — Изъ такого *раздвоенія* гласныхъ элементовъ, производимаго въ нихъ вліяніемъ согласныхъ — можно думать — произошло и *удвоеніе* гласныхъ или *двоегласіе.* — Но, ежели двоегласіе произошло изъ раздвоенія гласныхъ, а раздвоеніе гласныхъ изъ разложенія ихъ, происходящаго при сліяніи съ согласными звуками, — то за этимъ слѣдуетъ опять вопросъ: что́ чѣмъ разлагается: гласныя ли разлагаютъ собою согласные звуки, слѣд. содержатъ уже въ себѣ ихъ зародыши, или же — напротивъ того — согласныя разлагаютъ собою элементы гласные и, слѣд., заключаютъ въ себѣ зародыши послѣднихъ? — Ежели бы Автору пришлось преслѣдовать дальнѣйшее рѣшеніе этаго вопроса, то онъ, вѣроятно, отдалъ бы предпочтеніе элементамъ (не буквамъ) согласнымъ, потому что въ неопредѣленной сущности нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. *в* — которая у насъ и въ другихъ языкахъ признается *полугласною,* или *р,* которая въ Санскритскомъ и Сербскомъ языкахъ играетъ роль *гласной,* сущности, зыблющейся между *гласностію* и *согласностію* чистою, настоящею — въ самомъ дѣлѣ какъ бы таятся уже элементы *гласные.* — Но и тутъ нельзя еще остановиться — ежели разложеніе гласныхъ происходитъ отъ *полугласности* звуковъ, то на чемъ держится эта *полугласность,* откуда *она* происходитъ, что̀ составляетъ субстратъ — элементарную основу

(1) Вотъ различныя формы этого слова въ языкахъ Германскихъ: въ Нѣмецкомъ — у Псидора: *Oro,* у Керо: *Ora,* у Таціана: *Hora;* въ Нижнесакс. и Голландскомъ — *Oor,* въ Англосакс. *Eare,* въ Англійскомъ *Ear,* въ Шведск. *Oera,* въ Исландскомъ *Eyra.* (См. Adelung's Wörterb.).

ея? По необходимости пришлось бы Автору принять *отвлеченныя*, метафизическія *придыханія* Г. Павскаго т. е. то, что останется въ органическомъ, голосовомъ звукѣ, по отнятіи отъ него гласныхъ членовъ—за самый первый, простой субстратъ, изъ котораго развиваются всѣ фонетическіе элементы языка. Такимъ образомъ *двогласіе* происходило бы изъ *полутрогласія*, полутрогласіе изъ *одногласія* и *полугласія*, одногласіе изъ *полугласія*, полугласіе изъ *придыханій* т. е. *безгласія* = изъ ничего. Такъ какъ безгласія Авторъ не рѣшился бы выводить изъ начала еще болѣе глубокаго, отдаленнаго, метафизическаго—подобно Г. Павскому,—то онъ убѣдился бы, что полученный имъ *нулевой* результатъ служитъ лучшимъ доказательствомъ безплодности попытокъ въ рѣшеніи того, *какъ раскрылось двогласіе* въ языкахъ Славянскихъ.

§ 13.

Дальнѣйшая судьба основной мысли Г. Каткова о двогласіи въ языкѣ славянорусскомъ. Поворотъ ея отъ результата нигилистическаго въ сторону противоположную: отрицательный результатъ, къ которому она могла бы быть приведена историческими наблюденіями надъ раскрытіемъ двогласія въ языкахъ Германскаго и Славянскаго племени. Принятіе Авторомъ двогласія въ языкѣ славянорусскомъ, какъ постулята: отрицательная судьба въ цѣломъ развитія его идеи, какъ слѣдствіе этого.

И такъ, онъ возвратился бы къ прежнему своему положенію: «двогласіе есть первообразное свойство Славянскаго

«языка и не можетъ быть выведено ни изъ какого другого, «ему предшествовавшаго». Это положеніе, какъ мы видѣли уже въ самомъ началѣ разсужденія Г. Каткова—находится въ противорѣчіи съ положеніемъ Гримма, который первообразными гласными считаетъ краткія: *a, i, y;* долгія же гласныя вообще считаетъ произшедшими изъ краткихъ, слѣд. явленіемъ позднѣйшимъ въ развитіи языка. Противорѣчія двухъ основныхъ положеній, изъ которыхъ одно (о двоегласіи) при всей скудости *фактическаго* основанія—имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ здраваго смысла и здраваго взгляда на языки Славянскіе,—а *другое* (о краткогласіи), при всемъ недостаткѣ общаго, разумно-натуральнаго основанія (трудно повѣрить, чтобы гласныя *a, i, y,* были *первыя* и могли существовать безъ другихъ, въ послѣдствіи уже изъ нихъ произшедшихъ!), имѣетъ на своей сторонѣ перевѣсъ *фактическій,* доводы историческіе, почерпнутые изъ памятниковъ языка многихъ столѣтій—такое противорѣчіе, повторяю, не могло быть оставлено безъ болѣе глубокаго вникновенія въ основаніе каждаго положенія порознь. Ежели бы Авторъ, довѣряя, положимъ, своему мнѣнію болѣе нежели Гриммову положенію, обратился бы прежде всего къ повѣркѣ послѣдняго, то онъ могъ бы предварительно остановиться на такихъ соображеніяхъ: или 1) Гриммово положеніе *вполнѣ* справедливо т. е. имѣетъ не только общее фактическое но и общее философское основаніе,—въ такомъ случаѣ оно должно подтверждаться всѣми языками и, между прочимъ, языками Славянскими, слѣд. должно быть признано закономъ общимъ для всѣхъ языковъ, слѣд. причиною и *двоегласія* языковъ Славянскихъ; если же оно не оправдывается языками Славянскими, то 2) Гриммово положеніе имѣетъ только частное, относительное достоинство т. е. въ приложеніи его къ однимъ языкамъ Германскимъ, слѣд. для языковъ нашего племени не имѣетъ никакой законодательной силы. Въ первомъ случаѣ *двоегласіе*—утраченное или скрывшееся въ нашихъ языкахъ по сознанію самаго же Автора—было бы какимъ то не изъясненнымъ

переворотомъ, раздѣляющимъ *первообразную* древнѣйшую краткость словъ, которая должна была бы произходить изъ простыхъ, элементарныхъ краткихъ *(a, i, y)* отъ *вторичной*, позднѣйшей краткости, произшедшей изъ сокращенія двугласныхъ; во второмъ случаѣ—*двогласіе*, все таки только *бывшее* но уже давно переставшее существовать въ языкахъ Славянскихъ—потребовало бы у Автора бо́льшихъ изысканій о себѣ, о времени и причинахъ своего появленія,—бо́льшихъ доказательствъ своего историческаго существованія, нежели тѣ гипотетическія данныя, на которыхъ онъ опираетъ оное; наконецъ, обратило бы его идеи на совершенно другую сторону языка, нежели та, которой разработкою онъ занялся. Что положеніе Гриммово не имѣло всесторонннихъ основаній, что при твердомъ, фактическомъ основаніи ему не доставало однакоже общаго, философскаго—Авторъ могъ видѣть это съ перваго взгляда, ибо, повторяю, всякому, занимающемуся языкомъ, трудно повѣрить, чтобы первоначальный организмъ какого бы то ни было языка держался на какихъ-то трехъ первократкихъ гласныхъ *(Urkürzen)* и чтобы въ этой древнѣйшей эпохѣ языка не было еще остальныхъ гласныхъ, составляющихъ полную лѣстницу гласныхъ звуковъ. Но ежели бы Г. Катковъ не упустилъ изъ вида присмотрѣться и къ *фактической* основѣ Гриммова положенія, то онъ нашелъ бы что и она односторонна т. е. не только имѣетъ приложеніе къ одному только Готскому языку но даже къ *одному* только періоду его развитія—именно къ періоду *письменнаго* образованія этаго языка: извѣстно, что Гриммъ, составляя свою *филологическую* Нѣмецкую Грамматику, принималъ за основаніе только языкъ *письменный*—прозу и стихи, риѳмами которыхъ онъ пользовался для открытія гласныхъ долгихъ и краткихъ,—по совершенно упускалъ изъ вида языкъ *народный*, живой. «Народный языкъ *(Der Volks-*«*dialect)*» говоритъ Гриммъ «имѣетъ нѣкоторыя особенно-«сти, которыхъ нѣтъ въ нашемъ письменномъ языкѣ. Для «изученія нравовъ, вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ языка нашихъ

«древнихъ временъ, основательное познаніе народныхъ діалек-
«товъ имѣетъ такую же занимательность, какъ познаніе дру-
«гихъ остатковъ народной жизни: но для непосредственнаго
«восполненія нашей поэзіи и языка эти источники недостато-
«чны Историческая грамматика — какъ мнѣ кажется — не столь-
«ко должна обращать вниманіе на пеструю смѣсь фонетиче-
«скихъ отношеній (*lautverhältnisse*) въ нарѣчіяхъ народныхъ,
«сколько на отрывки отдѣльныхъ флексій, словообразованій
«и даже построеній, которыя повсюду сохранились между
«народомъ (1)». — И такъ, ежели Гриммово положеніе есть
фактъ, извлеченный имъ изъ одного только языка письмен-
наго, установленіе котораго во всякомъ случаѣ есть позд-
нѣйшее явленіе и притомъ болѣе искуственное нежели на-
туральное, ежели-далѣе-этотъ фактъ ни сколько неможетъ
быть признанъ нормальнымъ, первообразнымъ и древнѣйшимъ
свойствомъ языка въ періодѣ его *органическомъ* (до-письмен-
номъ), — то можно ли было Г. Каткову и *двоегласіе* - оста-
вившее едва замѣтные слѣды свои въ нашемъ письменномъ
языкѣ — признавать, подобно *краткогласію* языковъ Герман-
скихъ — явленіемъ первообразнымъ, древнѣйшимъ? — Мож-
но ли было ему примѣнять аналогію послѣднихъ къ языкамъ
Славянскимъ, тогда, какъ письменное образованіе первыхъ —
богатое, разностороннее (въ прозѣ и поэзіи) представляетъ
судьбы совершенно-противоположныя письменному образо-
ванію нашего церковнаго нарѣчія, бѣдному, крайне односто-
роннему, притомъ еще не находившемуся въ рукахъ просвѣ-
щенныхъ, образованныхъ писателей, но предоставленному ли-
тераторамъ-самоучкамъ или доморощеннымъ грамотѣямъ?

Эта скудость матеріаловъ, представляемыхъ нашимъ пись-
меннымъ языкомъ, не должна ли была бы заставить Г. Кат-
кова — не оставляя перваго — обратиться къ болѣе богатому
языку—народному и соплеменнымъ ему нарѣчіямъ Славян-
скимъ, для того, чтобы въ нихъ искать первообразныхъ,

(1) Deut. Gramm. 1840. I. 24—25.

нормальныхъ свойствъ языка Славянорусскаго? — Отсутствіе *исторической* почвы, основы, на которой можно бы было утвердить какое бы то ни было первообразное свойство — не заставляло ли его оставить подъ сомнѣніемъ и открытое имъ свойство до тѣхъ поръ, пока фактическія изслѣдованія не оправдали бы его? Я думаю, что всѣ эти соображенія привели бы Автора къ сознанію того, что 1) ежели не возможно и безполезно стараться выводить *двоегласіе* изъ чего нибудь предшествовавшаго ему, — то тѣмъ еще невозможнѣе и безполезнѣе выводить изъ *двоегласія* что нибудь послѣдовавшее, слѣд. 2) что лучше искать въ *извѣстномъ* (языкѣ Славянорусскомъ) чего нибудь неизвѣстнаго (напр. двоегласія), нежели изъ этого *неизвѣстнаго* — выводить *извѣстное* (элементы и формы языка Славяно-русскаго) или, другими словами: гораздо полезнѣе и сообразнѣе съ существомъ дѣла (характеромъ языка нашего) разсматривать языкъ и, опредѣляя мало по малу организмъ его, въ самомъ языкѣ искать *формъ* этаго организма, нежели, пересматривая обрывки какихъ то старыхъ, давно отжившихъ органическихъ *формъ* одного изъ діалектовъ языка, въ этихъ обрывкахъ искать и *элементовъ* и *формъ* языка Славяно-русскаго и изъ нихъ выводить и изъяснять его огромный, долго слагавшійся, установлявшійся и не такъ легко разложимый *организмъ;* 3) вмѣсто того, чтобы за склейкою одного обломка съ другимъ бѣгать по широкимъ областямъ Санскрита, Зенда, Латинскаго, Греческаго, Летскаго, Готскаго и другихъ языковъ, — не лучше ли было бы оставить всѣ эти скелеты въ покоѣ и сосредочиться на нарѣчіяхъ Славянскихъ: тогда вмѣсто органическихъ обломковъ можно было бы отыскать полные, цѣльные, самородные слитки, которые гораздо лучше бы прояснили организмъ языка Славяно-русскаго, нежели *ъ* и *ь*, связываемые перержавѣлою проволокою Санскритскаго или Летскаго вокализма съ гласными и двоегласными языковъ Славянскихъ? — Вотъ результатъ того перваго движенія, къ какому пришла бы идея Автора, выходя отъ вопроса: *какъ раскрылось двоегласіе*

въ нашемъ языкѣ? — Я не навязываю здѣсь моихъ мыслей Г. Каткову, не утверждаю, что онъ *шелъ* бы такимъ путемъ, какъ я себѣ предполагаю его и какъ я изобразилъ его, — готовъ не утверждать, что онъ *пришелъ* бы къ тому, что я только-что высказалъ, — но буду утверждать смѣло и несомнѣнно, что ежели бы онъ пошелъ *путемъ мыслящимъ* отъ перваго своего вопроса, — то не рѣшился бы писать филологической этимологіи языка Славяно-русскаго, для которой до сихъ поръ еще нѣтъ рѣшительно ни какихъ матеріаловъ, кромѣ избитой *кириллицы* и *еровъ*, тѣни которыхъ (ежели только они сами были что нибудь *живое*) возмущены Г. Павскимъ въ ихъ девятивѣковомъ гробовомъ покоѣ. — Но едва только Авторъ успѣлъ установить задачу свою — какъ ту же минуту свернулъ съ прямаго пути: не находя для себя выгоднымъ или интереснымъ показать намъ сперва: есть-ли въ нашемъ языкѣ *двоегласіе,* онъ предположилъ въ одинъ пріемъ, что оно *было,* пришло въ нашъ языкъ изъ языка первобытнаго и Санскритскаго (см. стр. 4—6.) и *прошло,* и— преспокойно занялся отысканіемъ слѣдовъ этого не *раскрывшагося* но только *скрывшагося* двоегласія. Во что же обратилась выставленная въ предисловіи цѣль цѣлаго разсужденія: «уяснить элементы, изъ которыхъ сложились рѣчепія и «развились формы языка Русскаго?» Она обратилась—будемъ отвѣчать словами самаго Автора — въ разъясненіе «судьбы, ка«кую имѣли въ нашемъ языкѣ сложные элементы: *б, ѣ*» (т. е. а+у, а+і, увы, намъ совершенно чуждые!), въ отысканіе дифтонговъ Санскрита, Зенда и К° подъ нашими ерами (ъ, ь), однимъ словомъ, въ изслѣдованіе организма или, правильнѣе говоря, органическихъ обломковъ языка индоевропейскаго— въ кириллицѣ. До такой степени, отъ вліянія схоластизма въ наукѣ, можетъ извращаться прямая, существенная цѣль ученаго изслѣдованія о какомъ нибудь предметѣ, что пособіе или вспомогательное средство – становится *предметомъ* изслѣдованія, *цѣлію,* а самый предметъ *средствомъ* вспомогательнымъ, орудіемъ этой цѣли; что—далѣе—путь, которымъ

ученый долженъ идти *къ своему предмету*, чтобы его открыть, разъяснить—становится путемъ, которымъ онъ уходитъ *отъ* своего предмета, какъ бы для того, чтобы его совершенно закрыть, затемнить; наконецъ,—*начала*, которыя должны ему служить опорою, основаніемъ—служатъ ему, вмѣсто того, опроверженіемъ: Г. Катковъ ставши сперва во главѣ *органицизма* нашей филологической системы, взошедши на самую вершину его, съ которой онъ здравымъ и свѣтлымъ взглядомъ мысли обозрѣвалъ горизонтъ нашего языкознанія (1)—потомъ вдругъ очутился въ главѣ *атомизма*, у той темной пропасти, въ которой оканчиваются, прерываются послѣднія нити органической ткани языковъ Славянскихъ. Изъ разсужденія *объ элементахъ и формахъ языка Славянорусскаго*—вышла философія Кириллицы, раскрытой при свѣтѣ Санскритологіи или философія *гласности* еровъ и юсовъ, въ которыхъ Г. Катковъ нашелъ и *элементы* и *формы* нашего языка.

§ 19.

Философія Кириллицы въ разсужденіи: «объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка.» Ерное ученіе Г. Каткова въ отношеніи къ ученію Павскаго и общему источнику того и другого—сочиненію Дорна.

Сдѣлаемъ очеркъ этой философіи Кириллицы. Она раздѣляется на двѣ части: 1) на *метафизику* Кириллицы или,

(1) Это увидитъ всякій—изъ многихъ его мыслей, высказанныхъ противъ мнѣній Павскаго, Добровскаго, Максимовича и др., мыслей, предложенныхъ, къ сожалѣнію, въ *концѣ* каждой изъ частей его Разсужденія, въ видѣ легкихъ отрывочныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ мимоходомъ, не хотя, совершенно изчезающихъ подъ грудою мелочныхъ буквенныхъ выводовъ, слѣд. не на надлежащемъ ихъ мѣстѣ, ибо собственное ихъ мѣсто—во главѣ всего Разсужденія.

проще выражаясь, *ученіе о буквахъ*, состоящее изъ трехъ отдѣловъ: а) о буквахъ гласныхъ, б) объ ударенiи, в) о буквахъ согласныхъ, и II). на *физику* Кириллицы или *ученіе о формахъ*, составляющееся изъ двухъ отдѣловъ: а) о происхожденiи падежей, б) о глагольныхъ формахъ. — Что сдѣлалъ Г. Катковъ для метафизики Кириллицы или, собственно, для метафизики *еровъ*— послѣ Г. Павскаго? Это самый первый вопросъ, который предложитъ здѣсь всякій, чуть только замѣтитъ, что Авторъ нашъ коснулся того же самаго предмета, которымъ—какъ нежданнымъ открытіемъ — Г. Павскій оглушилъ русскихъ филологовъ (1) и которымъ—пусть пожалѣетъ наука—онъ запечаталъ на вѣки двѣ первыя свои книги даже для ученой, не только образованной публики русской. Мы признаемъ несправедливымъ мѣрять изслѣдованія Г. Каткова наблюденіями Г. Павскаго, потому что первая часть книги Г. Каткова стоитъ непзмѣримо выше первой книги Г. Павскаго; по этому укажемъ лучше на общій источникъ, изъ котораго черпали равно какъ Г. Павскій такъ и Г. Катковъ,— но замѣтимъ, что ежели послѣдній лучше воспользовался этимъ источникомъ и сдѣлалъ *больше* для *еровъ* нежели первый, то все таки сдѣланное имъ едва-ли не было вреднѣе для успѣховъ нашей филологіи, нежели затемненіе ея ерами Г. Павскаго; потому, что Г. Павскій *внесъ* ерологію въ современный, грамматически — установившійся языкъ, слѣд. по неволѣ выставилъ ее къ *свѣту* опыта, тотъ часъ же и обличающему ея химерическую сущность, а Г. Катковъ *перенесъ* эту ерологію въ древній Славянорусскій языкъ, въ туманномъ прошедшемъ котораго еры могли сохранять ихъ призрачность и подобно блудящимъ огонькамъ, могли не одного довѣрчиваго адепта филологіи завлекать въ тинистую почву,

(1) Ни одинъ изъ нихъ (я разумѣю здѣсь ученаго *Давыдова* и *Надеждина*, рѣшившихся подвергнуть книгу Г. Павскаго критическому изслѣдованію) не осмѣлился присмотрѣться къ основаніямъ метафизики *еровъ* въ 3-хъ разсужденіяхъ Г. Павскаго.

изъ которой онъ едва ли могъ выбраться на свѣтъ. Возвратимся къ упомянутому нами источнику. За пятнадцать лѣтъ предъ симъ ученый Оріенталистъ, бывшій Профессоръ Харьковскаго Университета Г. А. Б. *Дорнъ* написалъ разсужденіе: De affinitate linguæ Slavicæ et Sanscritæ, напечатанное имъ въ Харьковѣ, въ 1833 году. Не буду распространяться здѣсь о достоинствахъ этаго сочиненія, потому что оно болѣе принадлежитъ всеобщему или сравнительному языкознанію, нежели филологическому изученію русскаго языка, о системѣ котораго я пишу мою книгу; но долгомъ безпристрастнаго филолога—критика считаю сказать, что изъ всѣхъ сочиненій по этому предмету—это есть единственное образцовое сочиненіе, далеко превосходящее фрагментарныя сличенія Гримма, Боппа и другихъ,—потому что оно есть *цѣлое*, что оно проводитъ паралель между Славянскимъ языкомъ и Санскритомъ (не примѣшивая къ сему другихъ) отъ начала его—*буквъ* до конца т. е. до цѣлыхъ словъ или лексическаго состава ихъ, проводитъ эту паралель съ щепетильною подробностію по всѣмъ изгибамъ склоненій, спряженій, слово-и формо-образованій и даже касается отъ части *лексическаго* сродства (§ IV. Affinitas in Lexico obvia стр. 142—154). Что это сочиненіе, теперь покажется всякому не безъ парадоксовъ, странныхъ натяжекъ—объ этомъ нечего говорить; но что оно обнимаетъ въ себѣ *все то, что* только можно найти *Санскритскаго* въ какомъ нибудь изъ извѣстнѣйшихъ нарѣчій Славянскихъ, и притомъ обнимаетъ это въ стройной, сжатой, послѣдовательной, чисто-ученой системѣ—это увидитъ всякій, кто только прочтетъ книгу Дорна. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не изумляться такому удачному концентрированію всѣхъ крохъ и обломковъ Санскритизма, которые Авторъ тщательно собиралъ по безбрежнымъ полямъ Славянскаго языка и которые онъ—хотя при помощи еровъ,—все же таки связалъ въ кое-какой но цѣльный грамматическій костякъ, напоминающій собою грамматическій остовъ Санскрита; нельзя не удивляться, повторяю, этому довольно

связному цѣлому органическихъ обломковъ, ежели принять во вниманіе, что Авторъ только не задолго до сочиненія своей диссертаціи принялся за изученіе языка Славянскаго, что первымъ и единственнымъ руководителемъ его былъ *Пенинскій* (Слав. Грам. 1827.), что единственными пособіями ему были: *Христоматія Пенинскаго* (Спб. 1828.), Славянскія Библія и Несторова Лѣтопись (1), что незнаніе Польскаго языка (см. 4 стр.) закрывало для Автора не только Польскія но и другія филологическія сочиненія, что наконецъ *Institutiones Linguæ Slavicæ* знаменитаго *Добровскаго* попалось въ руки Автора *случайно* уже тогда, когда его рукопись была на станкѣ типографскомъ. — Мы считаемъ долгомъ упомянуть, здѣсь обо всѣхъ этихъ подробностяхъ для того, чтобы показать, что̀ значитъ отчетливая, сознательная, ученая *система*, прилагаемая къ изученію языковъ: Дорнъ, приступивъ съ систематическими строго-обдуманными пріемами Нѣмецкаго ученаго къ изученію языка Славянскаго, сдѣлалъ для открытія въ немъ сродства съ Санскритомъ въ тысячу разъ болѣе, нежели Гг. Павскій и Катковъ, обладавшіе совершеннымъ знаніемъ языка Славянскаго и Русскаго и хорошо знакомые съ прочими нарѣчіями Славянскими—принявшись за это дѣло какъ бы на *обгумъ*, безъ плана, безъ цѣли.—Въ этомъ сочиненіи *Дорнъ* первый у насъ открылъ и систематически изложилъ сродство нашихъ еровъ съ Индѣйскими придыханіями: *Анусварою* (: = *s* или *h*) и *Висаргою* (м). — Приведемъ здѣсь его мнѣніе. — «Твердый или дебелый знакъ ъ—еръ» говоритъ онъ на VIII страницѣ своего предисловія «находится въ такомъ соотвѣтствіи съ Висаргою Индійцевъ: 1) Индійская «Висарга (:) которую по правиламъ грамматическимъ можно

(1) Accinximus igitur nos ad Slavici sermonis studium, quanquam per multum tempus præter grammaticam *Peninskii* nihil ad manus esset. Deinceps, lectione et Bibliorum Slavicorum et Chrestomathiæ absoluta, Nestoris annalibus, aliisque libris percurrendis vacavimus. — Impressis autem plagulis circiter quatuor — quod per sex menses frustra nisi fueramus — forte fortuna accidit, ut nobis subveniret liber ille eximius *Dobrowskii* etc.

«изображать то буквою *s* то буквою *h* (и *r*) у Славянъ вездѣ «почти выражается знакомъ ъ, который нужно бы произ- «носить какъ h,—почему вмѣсто Висарги мы вездѣ ставили h, «выключая тѣхъ случаевъ, въ которыхъ другіе діалекты «требовали вмѣсто того *s;* ибо Летскій языкъ изображаетъ «Висаргу буквою *s;* ср. Слов. *четверть,* (полн. и болѣе «употр. =) *четвертый;* Лит. *zettorts,* Санскр. *tschaturthah* или «*tschaturthas;* Славянское *къ* (auct. *кый),* Лит. *kas,* Санскр. «*kah, kas.* — Но иногда ъ раскрывается въ *о* и *е* напр. въ «первомъ лицѣ множественнаго числа глаголовъ, такъ, что «вмѣсто Санскритскаго smah, smas, (вм. *asmah, asmas*)—*гово-* «*рятъ*: *есмъ* и кромѣ того: *есме, есмо,* что часто встрѣчается «у Нестора и что преимущественно встрѣчается, по свидѣтель- «ству Добровскаго, у Южныхъ Славянъ: Иллирійцовъ, Кро- «атовъ и Карніолійцевъ. Санскритское же окончаніе *as* въ «языкѣ Палійскомъ чаще выражается буквою ô, (ср. Бюрнуфа «и Лассена *Essai sur le Pali*, Par. 1826 стр. 80); Индійцы «во многихъ случаяхъ обращаютъ даже эту *ô* въ *ō,* такъ «что *Nalô* произносится не только *Nalas* но и *Nalah,* по Слав. «*Налъ.* (Ворр. *Lehrgeb.* § 75 и слѣд.).» — Такимъ образомъ ъ имѣетъ двоякое свойство: закрытое, *поглощенное* (ъ *clausum*) и явное, открытое (ъ *apertum*): въ первомъ случаѣ онъ=*h, s, r,* во второмъ=*о.* «II.) ъ выражаетъ Анусвару (т) и завершаю- «щіяся ею окончанія словъ. Поляки, впрочемъ, вмѣсто «Анусвары (но не вездѣ) употребляютъ посовой звукъ, подобно «тому какъ и Бенгальцы такъ же выражаютъ Анусвару «звукомъ посовымъ. Въ примѣръ можно привести Санскрит- «скій предлогъ *sam* (съ), Бенгальскій *song,* Польскій *są* т. е. «*song* въ словѣ *sąsiad* (Слав. *сусѣдъ* или *съсѣдъ*), Рус. *сосѣдъ;* «Слав. *съ* (весьма рѣдко *сон*-напр. только въ словахъ: сонмъ= «сон+яти=спяти, супругъ=со+і+пругъ вм. сон-пругъ, «сумракъ=со+і+мракъ вм. сон-мракъ), *со;* санскр. *dātum,* «Лат. *datum,* Слав. *датъ;* Санскр. *sthātum,* Лат. *statum,* Слав. «*статъ*» (древняя форма,—тоже, что: *для того, чтобы дать, стать*). — «Но болѣе мягкое окончаніе средняго рода имень

«въ языкѣ Санскритскомъ на *от* (ам) не выражается зна-«комъ *ъ*, но онъ раскрывается въ *о*, такъ что Санскр. *navam*, «по Славянски нужно *написать: ново;* но окончаніе мужескаго «рода будетъ *новъ*, Санскр. *navah*, *navas*. Но въ полныхъ «или склоняемыхъ окончаніяхъ именъ прилагательныхъ Сан-«скритское *am* выражается буквою Слав. *е*, потому что послѣ «*о* (въ *ново* напр.) другое *о* не можетъ имѣть мѣста напр. «Санскр. *navjam*, Славян. *новое*, такъ сказать *новоег (novojeh)*, «гдѣ *jeh* (=е) соотвѣтствуетъ Санскритскому *jam*, хотя звукъ «буквы *м* у Славянъ совершено утраченъ. То же можно за-«мѣтить и о Санскритскихъ именахъ средняго рода, окапчи-«вающихся на *nam* и *tam*, напр. Санскрит. *vi* + *daranam*= «Слав. *вы*+*диранiе*, Санскр. *pra*+*tapanam*, Слав. *про*+*топ-«леніе* (1), Санскр. *pra* + *danam* = Слав. *пре* + *даніе;* Санскр. «*prati* + *vatschanam* = Слав. *противо* + *вѣщаніе*. III.) — *ъ* за-«ступаетъмѣсто Санскритскихъ окончаній: *n*, *an* и др.—Санскр. «*sunun*, *(filios)*, Слав. *сыны;* Санскр. *babhuv-an*, Слав. *быв-ъ;* «Санскр. *teniv-an*, Слав. *тонив-ъ* (тонившь, тонившій ? !). «IV.) *ъ* употребляется вмѣсто индійскаго *t* въ окончаніяхъ «словъ. Чистая буква а=Санскр. ā не терпитъ послѣ себя ни «*ъ*-а ни *ь*-я, будутъ ли они заступать мѣсто Висарги или «Анусвары. И такъ *ъ* есть *о (clausum); о* — гласная твердая «*(corroborata); е* — гласная острая; *ь*—гласная умягченная и «проч.» — Вотъ мнѣніе Дорна представленное нами въ его только общихъ, краткихъ, такъ сказать, *теоретическихъ* чер-тахъ, въ какихъ оно изложено Авторомъ въ предисловіи къ его Разсужденію,—внѣ тѣхъ многосложныхъ подробностей, съ какими оно является у него въ самомъ приложеніи, на практикѣ (2).

---

(1) Жаль что это не Славянскія а Русскія формы.

(2) Это потребовало бы отдѣльной статьи а притомъ не удовлетворило бы цѣли нашей, съ какою мы приводимъ это мнѣніе здѣсь т. е. мы не видѣли бы при этомъ элементарныхъ основаній этой теоріи еровь, потому что они очень часто теряются въ тѣхъ многосложныхъ комбинаціяхъ и формулахъ, какія выводитъ Авторъ для объясненія преобразованій какой

§ 20.

Мнѣніе о достоинствѣ ерологическаго ученія Дорна, въ сравненіи съ ученіями Павскаго и Каткова.—Отсутствіе исторической основы въ Кирилловской ерологіи.—Нигилистическое значеніе ерологіи вообще въ теперешней системѣ филологическаго изученія нашего языка.

Что сказать объ этомъ мнѣніи ученаго Оріенталиста по отношенію къ самому мнѣнію непосредственно и, потомъ, по отношенію его къ ерологіи Г. Павскаго и Каткова? — По отношенію къ самому мнѣнію Г. Дорна можно сказать то, что оно вполнѣ оправдываетъ себя основаніями грамматическими, потому что теорія *еровъ* у Г. Дорна приходится какъ разъ въ уровень съ *практикою* т. е. съ приложеніемъ ихъ при объясненіи склоненій, спряженій и другихъ слово-измѣненій: опредѣливъ сущность еровъ въ самомъ началѣ нѣсколькими основными пунктами,—Авторъ ни разширяетъ потомъ области ера (подобно Г. Павскому), ни уменьшаетъ ея, слѣд. не противорѣчитъ самому себѣ а остается вездѣ вѣрнымъ одинъ разъ установленнымъ имъ для себя началамъ. Особенное довѣріе къ себѣ внушаетъ эта теорія тѣмъ именно, что Г. Дорнъ не считаетъ еровъ чѣмъ-то существеннымъ, элементарнымъ въ языкѣ Славянскомъ, но видитъ въ нихъ одно *соотвѣтствіе* съ Индійскими *Висаргою* и *Анусварою*, которое ведетъ не къ тому, что грамматическій составъ нашего языка образовался

нибудь Санскритской флексіи въ Славянорусскую напр. *домъ*, род. *дому* такъ выводится: дбму (*domu-s, des Haus-es*)=домъ+ъ, это=домъ+ъ т. е. *domu h* или *domu-s;* но это *s* послѣ гласной переходитъ въ *ъ;* по такъ какъ ъ (о)+ъ (i)=у, подобно тому какъ въ Греческомъ языкѣ *о+ν* переходитъ въ *ου*, то и будетъ родит. падежъ *дóму* и проч.

изъ передѣлки грамматики Санскритской (какъ думаютъ Г. Павскій и Катковъ), — но къ тому, что какъ Славянская такъ и Индійская граммагики образовывались *изъ одного и того же* источника (1). — Но въ историческомъ отношеніи теорія Г. Дорна заключаетъ въ себѣ противорѣчія, которыя сами собою выступаютъ наружу, чуть только мы вникнемъ въ то обстоятельство, что *историческое* существованіе еровъ въ языкѣ Славянскомъ, появившихся, сколько до сихъ поръ извѣстно въ IX вѣкѣ, съ изобрѣтеніемъ кириллицы, отдѣлено отъ *историческаго* основанія или происхожденія ихъ (т. е. грамматики или письменности Санскритской) промежуткомъ покрайней мѣрѣ восьми столѣтій (2). — Какъ же согласить это противорѣчіе? Здѣсь по неволѣ должно допустить одно изъ двухъ предположеній: или 1) еры получили свое *начало* и, слѣд., имѣли свое *основаніе* только въ письменномъ употребленіи языка Церковнославянскаго, въ Кириллицѣ, или 2) еры имѣли свое начало гораздо прежде, задолго и задолго до Кирилла. Допустивъ, что еры *изобрѣтены*, выдуманы Св. Кирилломъ въ подражаніе Еврейскимъ придыханіямъ (какъ безъ основаній думаетъ Г. Павскій) или въ соотвѣтствіе Индійскимъ Висаргѣ и Анусварѣ (какъ *основательнье* можно заключить изъ мнѣнія Г. Дорна) нужно предположить вмѣстѣ съ тѣмъ: а) что Кириллъ не только зналъ *филологически* языкъ Еврейскій такъ, какъ Г. Павскій и Санскритскій такъ, какъ Г. Дорнъ, но что онъ сверхъ того занимался наблюденіемъ сродства между грамматическими формами этихъ языковъ и формами языка Славянскаго (не забудьте, обязаннаго ими все таки тому же Автору!!) и въ слѣдствіе этихъ

(1) Приводимъ здѣсь слова Г. Дорна: «Est enim certa quædam affinitas grammaticalis.... quam generalem dictam in linguis comparandis nihil probare ducimus, distinctam illam ab affinitate speciali, quæ ad unam solum linguarum familiam restricta, earum inter se mutuum connexum, *ex eodemque fontem originem* indicat—§ III. De affinitate grammaticali,—pag. 12.

(2) Ежели предположить, что Славяне въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Хр. вышли изъ малой Азіи или Индіи въ Европу.

филологическихъ наблюденій выдумалъ знаки: ъ и ь, что б) вводя знаки славянскому языку до того времени чуждые и неизвѣстные—Кириллъ имѣлъ въ виду не распространеніе Христовой Вѣры и Слова Божія между Славянами а ученаго грамматическаго знанія языка Славянскаго, в) что вмѣсто того, дабы сдѣлать доступнымъ чтеніе Славянской Библіи всему народу, — онъ хотѣлъ именно открыть къ тому путь однимъ только *грамотѣямъ* и проч. Нелѣпость всѣхъ этихъ выводовъ ведетъ, конечно, къ тому болѣе основательному *предположенію*, (но все таки не *положенію*) что еры не выдуманы Кирилломъ въ соотвѣтствіе индійскимъ Висаргѣ и Анусварѣ, слѣд. открываемое въ нихъ теперь соотвѣтствіе, вѣроятно, было уже прежде. Но какъ, однакоже, это соотвѣтствіе могло *образоваться* и *раскрыться*, когда еры — это отвлеченное, алгебраическое выраженіе этого соотвѣтствія, могшаго существовать только на бумагѣ а не въ живомъ выговорѣ, слѣд. эти только видимые, воображаемые но не фонетическіе элементы словъ и грамматическихъ окончаній, не существовали до Кириллицы, потому что Славяне до IX вѣка не имѣли письменъ а ежели и пользовались рунами или же, по Храбру: *нуждахуся письмены* Греческими и Латинскими, — то все таки ни въ тѣхъ ни въ другихъ не находятъ ничего подобнаго *ерамъ*? Странное дѣло: *соотвѣтствіе* нашихъ еровъ съ Висаргою и Анусварою по изысканіямъ Г. Дорна есть фактъ, почти не подверженный сомнѣнію; еры, которые еще при Кириллѣ начали становиться какими-то миѳическими призраками, чуждыми существеннаго, реальнаго содержанія (XI в. Кирилл. письменност.), теперь уже совершенно позабывшіе ихъ происхожденіе фонетическое, — эти еры, повторяю – представляютъ и теперь ясное соотвѣтствіе съ Висаргою и Анусварою и, между тѣмъ, все таки нѣтъ возможности вывести ихъ оттуда прямо и натурально, безъ натяжекъ, безъ органическихъ уродованій тѣхъ словъ, какія намъ могутъ раскрыть это соотвѣтствіе!! что же намъ дѣлать въ такомъ случаѣ? — Ежели двѣ вещи сходны между собою

въ чемъ нибудь и ежели это сходство не можетъ быть объяснено тѣмъ, что *одна* вещь произошла изъ *другой*,—то не льзя-ли объяснить этого сходства тѣмъ, что какъ одна такъ и другая произошли изъ *одного* общаго начала? Ежели такъ, то для изъясненія происхожденія еровъ и соотвѣтствія ихъ съ Висаргою и Анусварою намъ остается допустить только одно,—что началомъ, источникомъ еровъ было *нѣчто общее*, единое съ началомъ, источникомъ Висарги и Анусвары. Выражусь другими словами: *ерь* не произошелъ изъ Анусвары, но произошелъ изъ того и въ слѣдствіе того, въ слѣдствіе чего и изъ чего произошла и Анусвара. Ежели же Анусвара произошла изъ сокращенія или совлеченія (*circonflexion*) согласныхъ слоговъ и полуслоговъ (т. е. буквы гласной съ согласною или одной согласной), стоявшихъ то въ серединѣ то въ концѣ слова и своею твердостію затруднявшихъ выговоръ,—то не произошли ли и наши еры изъ той же причины? Ежели *Nalŏ* то же что: *Nalah* или *Nalas*, ежели и во Французскомъ языкѣ *tête* тоже что *testa*, *bête* = *bestia*, aimât = *amavit*,—то наши: *домъ*, *день*—или—какъ основательнѣе изображаетъ ихъ Дорнъ: дом-ъ, ден-ь,—не звучали ли, въ самомъ дѣлѣ, прежде—*домг*, *домаг*, *денг*, *днег* или мягче: *домх*, *домах*, *денх*, *днех*—въ пользу чего много говорятъ: отыскапная Срезневскимъ старинная форма *дъжница* (= депгница или, если ен = о, = догница т. е. денница), *днешній*, *домашній*, въ которыхъ внезапно появившихся буквъ: *ж*, *ш* ни какъ нельзя объяснить изъ *исторически* намъ извѣстныхъ темъ: *день*, *домъ*, ежели не предположить въ нихъ первообразныхъ: *г*, *х*—скрытыхъ или поглощенныхъ этими темами.—И такъ наши *еры* были знаками сокращавшихся или поглощавшихся для благозвучія твердыхъ, дебелыхъ согласныхъ или гласныхъ? Но въ этомъ предположеніи скрывается уже *положеніе*, что темы нашихъ словъ въ самомъ дѣлѣ имѣли *когда-то* на концѣ или въ срединѣ это стеченіе, котораго теперь и слѣда неосталось (*мг-нг?*): а чѣмъ доказывается это *положеніе?* До сихъ поръ пока еще ровно ничѣмъ: при анализѣ языка славяно-

русскаго мнѣ пришлось найдти на кое-какіе слѣды этой древнѣйшей органической формаціи нашихъ словъ, — но я не смѣю еще и пока не хочу утверждать ничего; притомъ я разсматриваю здѣсь не *мое* а чужое мнѣніе и такъ какъ историческихъ основаній въ пользу его не вижу никакихъ,— то имѣю полное право сказать, что система или теорія еровъ вообще не имѣетъ прочнаго основанія и потому не можетъ быть принимаема какъ *фактъ* въ организмѣ языка Славянорусскаго (1); ежели же она сама не имѣетъ еще основанія, то всякій безпристрастный ученый согласится со мною: можно ли эту безъосновательную сущность еровъ дѣлать *основаніемъ* для дальнѣйшихъ выводовъ и какихъ еще?— выводовъ органическаго образованія цѣлаго языка?! Вотъ почему я, основываясь на изложенныхъ мною причинахъ, по которымъ имѣю право утверждать, что *еры* имѣютъ нѣчто существенное или реальное только въ до-кирилловскомъ періодѣ нашего языка, до-историческомъ и что они, со временемъ, *могутъ* получить или показать очамъ нашимъ это реальное значеніе, которое откроется при анализѣ этаго смутнаго періода, (до сихъ поръ еще не тронутаго изслѣдованіями нашей филологіи),—утверждаю, что въ *историческомъ* періодѣ языка Славянорусскаго они не имѣютъ уже ничего реальнаго, органическаго, звуковаго; вотъ почему и всю вообще *ерологію*, какъ Г. Павскаго такъ и Г. Каткова, я считаю въ ученомъ, систематическомъ отношеніи *ничтожною* т. е. = о. — Вотъ мое мнѣніе объ этомъ—къ сожалѣнію—теперь единственномъ и краеугольномъ пунктѣ нашей филологіи: вполнѣ увѣренъ, что ни Г. Павскій, ни Г. Катковъ *не зазрятъ ми* приговора моего, можетъ быть рѣзкаго, не уполномоченнаго ни лѣтами, ни заслугами филологіи нашей, но оправдываемаго откровенностію честнаго ученаго, любовію къ истинѣ слѣд. и нашей наукѣ. Возвращаюсь теперь къ прежнему предмету.

---

(1) Въ письменности его—она имѣетъ полное и законное право факта.

§ 21.

Двойственная сущность еровъ въ ученіи Дорна: консонантизмъ и вокализмъ ихъ. Односторонняя сущность ихъ въ консонантизмѣ оныхъ у Павскаго и вокализмѣ у Каткова. Первая часть философіи Кириллицы: ученіе о ерахъ и буквахъ гласныхъ. Отрицательность результатовъ въ изслѣдованіяхъ Г. Каткова по области сравнительнаго языкознанія.

Въ понятіи о ерахъ, которое мы видѣли въ приведенномъ нами мѣстѣ изъ Разсужденія Дорна—мы могли видѣть также, что сущность этихъ элементовъ *двойственна;* ъ имѣетъ два грамматическіе фаза: ъ *apertum,* ъ *clausum,* т. е. ъ въ *поглощенномъ* видѣ содержитъ въ себѣ согласные звуки: h, s, r, m, t,—въ растворенномъ же или *разрѣшенномъ* видѣ онъ превращается въ *o, e, i.* Теперь читателю легко видѣть, что въ этой полной *обосторонней* Дорновой теоріи еровъ, какъ *вокальносогласныхъ* элементовъ,—заключались зародыши двухъ позднѣйшихъ *односторонних* нашихъ теорій: теоріи Павскаго, который находитъ въ ерахъ *придыханія,* т. е. элементы *консонантизма* и теоріи Г. Каткова, который видитъ въ ерахъ *гласныя* и ищетъ въ нихъ элементовъ древнѣйшаго, до-историческаго *вокализма,* образовавшагося въ слѣдствіе *обособленія* языковъ Славянскихъ отъ Индоевропейскихъ и послужившаго основою организму языка Славянорусскаго или *элементамъ* и *формамъ* его. Что сдѣлалось съ ерами у Павскаго, у котораго они явились сперва скромными *придыханіями* (в, г,) и *безгласными,* потомъ мало по малу превратились во всѣ согласныя и гласныя и дали намъ цѣлую азбуку,

наконецъ дали намъ изъ себя грамматическій составъ языка русскаго—это мы уже видѣли; теперь посмотримъ, что сдѣлалъ съ ерами Г. Катковъ. Онъ ищетъ въ нихъ поглощеннаго или *скрывшагося* въ эти еры двоегласія, слѣд. признаетъ оные—вопреки Павскому—*гласными* и притомъ еще «*элементами*, которые сомнительнѣе и темнѣе всѣхъ прочихъ». стр. 11. Опровергнувъ, какъ водится, мнѣніе Г. Павскаго о ерахъ, какъ придыханіяхъ, упомянувъ глухо о самомъ дѣльномъ изъ всѣхъ орологическихъ мнѣній — мнѣніи Максимовича (1), Г. Катковъ заключаетъ свои опроверженія *согласности* еровъ, которыя въ послѣднемъ пунктѣ (противъ формъ: *ha, hi,=a, i*) говорятъ явно противъ него самаго такъ: «древнѣйшіе памят«ники Славянской письменности, уцѣлѣвшіе слѣды въ нынѣш«нихъ нарѣчіяхъ Русскихъ, сравненіе съ родственными язы«ками—все явно свидѣтельствуетъ, что спорныя буквы эти «(ъ, ь) принадлежатъ къ разряду гласныхъ». За симъ Авторъ начинаетъ описывать употребленіе еровъ по древнѣйшимъ кодексамъ, и преимущественно Остромірову Евангелію. Вспомнимъ себѣ, что по мнѣнію Г. Дорна—извѣстнаго Оріенталиста—ъ соотвѣтствуетъ въ именительномъ падежѣ именъ существительныхъ санскритскимъ согласнымъ *h, s, r;* Г. Катковъ отдѣляется отъ этого мнѣнія тѣмъ, что а) находитъ со-

(1) «Есть и такіе, которые готовы принять ихъ (ъ, ь) за гласныя, не отдавая себѣ однако яснаго отчета за какія стр. 12». Отъ имени Максимовича скажу Автору, что въ *Исторіи Русской Словесности* данъ весьма ясный отчетъ въ томъ, что ъ въ Кирилловской письменности не есть звукъ органическій или *элементъ*, но просто письменный знакъ, слѣд. не есть ни гласная ни согласная буква, но только замѣстникъ (а не *замѣстникъ* какъ думаетъ Павскій) гласныхъ *о, е,* и др. которыя *кое когда и кое гдѣ* выбрасывались изъ полногласныхъ Великорусскихъ формъ: *семерет долог=съмерть, дълг.* Во всѣхъ этихъ случаяхъ ъ и ь не были *замѣстники* гласныхъ, потому что не заступали *мѣста* какой-нибудь *опредѣленной* гласной, но обозначали только пустое, промежуточное мѣсто оставленное для гласныхъ—но какихъ именно? это предоставлено было догадкѣ читавшаго: *добрѣй* значило: (я думаю) *добрый, добруй* (област. и теперь еще сохранившееся), *добрій* (малр.), *добрбй* (ряз.), *добрай* (москв.), слѣд. ъ = ы, *у, і, о, а* и т. д.

отвѣтствіе ъ-ра не между этими согласными, но между *гласными*, которыя предшествуютъ онымъ, б) что онъ разширяетъ тѣсную область сродства еровъ тѣмъ, что вмѣсто одного санскритскаго языка, въ которомъ Дорнъ искалъ *аналогіи* для объясненія еровъ, Г. Катковъ принимаетъ въ соображеніе и прочіе языки Индоевропейскаго семейства: Зендъ, Греческій, Латинскій, Литовскій, Готскій и многіе другіе. Такимъ образомъ «буквѣ ъ отвѣчаютъ: въ Санскритѣ равно и *a* «и *y*, въ Зендѣ тоже, въ Греческомъ *o*, *υ*; въ Латинскомъ *u* «(= древнѣйшему *o*) и собственное *u* четвертаго склоненія; «въ Готскомъ *u*, и *теоретически*—возстановленная (??) *a*; въ «Литовс. *a*, *u*. Вотъ примѣры, подтверждающіе (по мнѣнію «Г. Каткова) это соотвѣтствіе: Санскр. *вріка-с*, литовс. *wilka-s*, «Готск. *wulf*—(а) *s* = (1) *волкъ*; Санскр. *сунү-с*, Готск. *sunu-s*, «сынъ и проч. *Domu-s* = домъ и проч. Санскрит. *та-с*=тъ.— «Буква ь соотвѣтствуетъ, прежде всего, гласной *i* въ дру- «гихъ языкахъ: Скр. *агні-с*, *пati-с* = огнь, господь; литов. «*szi-s*=*сь*. Указать на ея другія соотношенія—теперь трудно....» потому, что ь какъ и ъ не суть элементы только гласные по вмѣстѣ съ тѣмъ и согласные; отъ того Авторъ — какъ честный Филологъ, не боящійся говорить правды, хотя бы и противъ самаго себя, продолжаетъ: «по скажемъ пока, что «она (т. е. буква ь) является также и тамъ, гдѣ въ другихъ «языкахъ согласная буква заключаетъ тему слова: *Pastor*— «*пастырь* — и проч. (2). Здѣсь встрѣчается языкъ нашъ съ

---

(1) А за чѣмъ здѣсь это незаконно въ скобкахъ стоящее *a* ?—Не говоритъ ли законно—стоящее нослѣ *f*'—*s* болье (какъ Дорнъ думаетъ) въ пользу того, что оно заступило мѣсто *h* Санскритской (врка-с, Персы произносили врко́ (= вркаг.) см. Ф. Набл. Павскаго 2. 180)»? А если нашъ волкъ т. е. вол-к или, еще лучше польское *wil-k обращать* въ первичные его элементы, считая *л* превращеніемъ буквы *р*, то и выйдетъ: *wirk*-ъ т. е. *wirk-h* или, чрезъ перенесенную для благозвучія гласную *i* (въ русскомъ *о*, въ сербск. *у* = вукъ): *wrkih*, *wrkuh*, *wrkoh*; а это послѣднее очень близко къ Персидкому *вркō* (– *вркаг*, *вркас*, или, какъ пишетъ его Г. Катковъ: вріка-с).

(2) Почему бы Г. Каткову, какъ знающему Польскій языкъ, не принять въ

«Зендомъ, который въ подобно-построенныхъ темахъ ставитъ «особую гласную букву, равную, по объясненіямъ Раска, «краткому *е*, на прим. *датарѣ—датель*». Это изъясненіе прибавлено, какъ читатель видитъ, для противовѣшенія *(Gegengewicht)* предъидущему невольному *сознанію* Автора въ *согласности* буквы ъ. Мы не будемъ приводить того, что слѣдуетъ у Автора далѣе, на стр. 16, 17, 18, 19 и 20-й, потому, что для фрагментарнаго, обоюднаго и крайне безъотчетливаго изложенія Автора нуженъ комментарій самаго Автора; замѣтимъ только, что 1) Авторъ своими обоюдными выраженіями о ъ-ѣ и ь-ѣ предоставляетъ читателю полное право находить въ нихъ соотвѣтствіе какъ съ гласными такъ и съ согласными (1) буквами сродныхъ языковъ; 2) Авторъ слишкомъ довѣрчиво смотритъ на наши старинные письменные кодексы, считая оные, безъ дальнихъ оговорокъ, *классическими*, первообразами грамматическаго употребленія нашего языка церковно-славянскаго, наравнѣ съ тѣми класси-

---

соображеніе Польской формы: *pasterz* (пастерж), въ которой *z* наконецъ *r* явно гласитъ о *гь* (= пастыр-гь = пастыр-ь)? А это *r* явно свидѣтельствуетъ въ пользу мнѣнія Дорна.

(1) Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ у Автора: «творит. падежъ един. числа «принимаетъ ь букву, для завершенія своего суфикса, согласной б. м. «Это окончаніе творит. на *мь* вполнѣ соотвѣтствуетъ Литовскому, твор«ительному же, *mi*. Въ мѣстномъ прилагательныхъ, ь (мь) соотвѣчаетъ «Санскритскому і (мі-н.)»? Чему же по большей вѣроятности соотвѣчаетъ здѣсь *мь* въ скр. *мін?* согласнымъ ли буквамъ—*мн* или гласной: *(м) і (н)*, стоящей между сими буквами? Не смотря на раздѣленный у Автора (въ скобкахъ стоящій) слогъ *мі-н*,—всякій скорѣе будетъ держаться перваго мнѣнія, тѣмъ болѣе, ежели мы приведемъ здѣсь формы старинныхъ творит. падежей, до сихъ поръ еще сохранившіяся въ народныхъ пѣсняхъ Владимірской и Костромской губерній (см. пѣсни, собр. *Ал. Смирновымъ*, М. 1847):

«Подъ воротинку *барзыемъ* кобелемъ», «По улицѣ *удалыемъ* молодцомъ» . . . . здѣсь буква *е* разбавляющая слогъ *ым*, ясно показываетъ, что *онъ* именно заступила мѣсто і въ Санскр. мін; буква же *ъ*—мѣсто носовой *н* или другой какой-нибудь *согласной*. *Удалыемъ* можетъ быть прежде было удалымен, потомъ или 1) удалыемн, наконецъ—*удалыем-ъ*,—или же 2) *удалымн*, наконецъ, *удалым-ъ*.

ческими кодексами Виргилія и Горація, на основаніи которыхъ филологи дѣлаютъ поправки въ изданіяхъ, отыскиваютъ *spuria* и т. п. Но можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, предполагать филологическое знаніе языка Кирилловскаго въ незабвенномъ для нашей науки *Григоріи*, который *переписывалъ прилежно* (какъ соглашается и самъ Авторъ)—но что? какой-то Болгарскій кодексъ Евангелія, въ которомъ,—нельзя того отрицать—сохранились *слѣды* первоначальной, весьма ученосоображенной Кирилловской орѳографіи, но уже исказившейся подъ произволомъ или безграмотностію славянскихъ Филологовъ—переписчиковъ? Вотъ почему можно вывести только *кое-что* изъ *ерныхъ* словъ, попадающихся въ Остромірѣ, но рѣшительно нельзя выводить *чего-либо* а тѣмъ болѣе точнаго, опредѣленнаго. Согласенъ, что *бѣсъмь* написано для того, чтобы читатель не забывалъ,—что здѣсь сложена тема: *бѣсъ* съ окончаніемъ *омь* (1); но неужели другія безграмотныя начертанія: *избытъкъ*, *овьца*—(при послѣднемъ Авторъ ставитъ въ скобкахъ Лат. *ovis*, Лит. *avis*) тоже скрываютъ въ себѣ *идею:* показать читателю, что первое сложилось изъ темы (не существующей, увы!) *избытъ*+*окъ*, второе же изъ Латинскаго или Литовскаго корня *ов (ov-is, av-is)*?? Не ужели Авторъ не шутя говоритъ намъ эти слова: «вотъ при«мѣры, гдѣ бб. *ъ, ь*, образуютъ слогъ съ другими согласны«ми: *къніга, дъщи, дъждити, съпъ, сътъ*» и проч.? Что здѣсь значатъ слова Г. Каткова: «буквы *ъ* и *ь образуютъ* слогъ»? Ежели не *обоюдность*, подобную выраженіямъ Павскаго (буквы *ъ* и *ь видимо* или *невидимо* присоединялись къ гласнымъ и проч.),—то я читаю первыя два слова: *ко-нига, до-щи;* два же послѣднія: *сопо, сото*. А къ какому человѣческому языку прикажетъ Авторъ отнести ихъ? Притомъ, по его положенію, *ъ* какъ «тематическая, удерживаемая передъ падежными

(1) Хотя, какъ я сказалъ уже, въ описаніи еровъ при разсмотрѣніи сочиненія Павскаго, можно думать, что *бѣсъмь* написано для того, чтобы Русскій прочелъ—бѣсомъ а другой Славянинъ напр. Полякъ—*biesem* (бѣсемъ), какъ и теперь онъ выговариваетъ этотъ падежъ.

и образовательными приростами» (стр. 17.) должна здѣсь отдѣлять корень отъ окончанія: что же прикажетъ Г. Катковъ считать корнемъ: *ко* или *нига, до* или *щи, со* или *но* (это-*сонъ*), *со* или *то?*—3) Въ подтвержденіе гласности *еровъ* Авторъ приводитъ два факта: а) нѣсколько фразъ изъ нашихъ стихирарей, въ позднѣйшихъ спискахъ которыхъ вмѣсто ъ и ь и крюковыхъ нотъ подъ буквами этими—вездѣ ставились *о* и *е*: «*сомиримося предо богоме мытарескы*» и проч. вмѣсто: *съмиримъ-ся прьдъ богомь мытарьски.* Не спорю, что въ первыхъ двухъ словахъ ъ и ь *могли* произноситься *гласно,* ибо и теперь Малоросіянинъ скажетъ: *помíримось, помíримося* вмѣсто: помиримся; мы всѣ и теперь еще говоримъ: *предо-мною* вмѣсто предъ мной; но изъ стихирарныхъ формъ: *богоме, мытарескы, постоме* (т. е. постомь) и другихъ,—заключать «о присутствіи еровъ не въ одномъ письмѣ по и въ живомъ выговорѣ» (стр. 23.) не много странно; какой выговоръ или что за *живой* выговоръ въ пѣніи и особенно такомъ протяжномъ, какъ наше церковное старинное пѣніе? Прислушайтесь къ пѣнію нашихъ деревенскихъ дьячковъ, когда они осиплымъ голосомъ начинаютъ растягивать каждый слогъ стиха церковной пѣсни: вы можете ясно считать такты каждаго слога и слышать, вмѣсто: *иже херувимы тайно образующе*—такіе слоги: *и-и-же хе-е-рувимы та-а-йно* и проч. Теперь, ежели бы какому нибудь *переписчику* вздумалось, для удобнѣйшаго уразумѣнія своихъ братій подъ нотными знаками выставить: *и и же, таайно,*—то неужели это могло бы послужить *данною для филолога?* Не будемъ забывать, что филологія—хотя и беретъ въ пособіе даже *буквы* старинныхъ кодексовъ но *осмысленныя* чѣмъ нибудь, и не должна профанировать себя, занимаясь всякимъ *буквеннымъ хламомъ;* б) другой фактъ приведенъ изъ юридическихъ памятниковъ, между которыми находится, точно, много куріозныхъ грамматическихъ или лучше сказать *грамотѣйныхъ* особенностей; это такія напр. слова: *Маркс, Ѳедоро* вм. Маркъ, Федоръ; *послухо* вм. послухъ (свидѣтель).... *псало* вм. псалъ

(писалъ) и проч., которыя Авторъ нашелъ въ Новгородскихъ купчихъ XIV вѣка:—не будемъ входить здѣсь въ разборъ этихъ примѣровъ; которые Авторъ считаетъ «тѣмъ болѣе «важными, что они взяты изъ такого памятника, который «прямо списанъ съ рѣчи народной»; эти примѣры, состоящіе большею частію изъ собственныхъ именъ, ровно ничего не доказываютъ, какъ нынѣшнія *Михайло, Михайла, Кирило, Кирила*—нисколько не могутъ служить для филолога фактомъ, доказывающимъ переходъ ъ-ра въ *о* или въ *а* и т. д. Ежели наши Филологи-переписчики, еще въ XI вѣкѣ, когда—какъ по всему видно—Кирилловскіе кодексы (изъ Болгаріи) были у нихъ подъ рукою, писали: *кънига, дълъгы* и, слѣд., сбивались уже на безграмотную орѳографію; то какъ можно въ какомъ нибудь Новгородскомъ канцеляристѣ XIV вѣка—вѣка совершеннаго упадка Кириллицы—подозрѣвать «замѣну «ъ-ра и ь-ря буквами подобно-звучными, вынужденную на- «стоятельною потребностію выговора»...? Что сдѣлалось бы изъ нашей Филологіи, ежели бы она съ такою довѣрчивостію ко всему *писанному* въ старину, съ какою на это смотритъ Г. Катковъ,—принимали въ соображеніе всѣ безграмотныя особенности нашего *дѣловаго* слога, хоть на примѣръ купчихъ и контрактовъ, совершенныхъ въ прошломъ вѣкѣ? Притомъ, не будемъ упускать изъ виду и того, что бо́льшая часть примѣровъ, приведенныхъ Авторомъ въ доказательство гласности еровъ, показываетъ намъ, что ъ и ь замѣнялись гласными *о* и *е*—какъ это еще въ 1839 г. доказывалъ *Максимовичъ*. Откуда же Авторъ выводитъ эти два неожиданныя заключенія: «доселѣ, можно, кажется, безспорно «согласиться въ томъ, что обѣ нынѣшнія *litteræ aphonæ* за- «ступали, въ древнѣйшій періодъ Славянскаго языка, мѣсто «гласныхъ: ъ—преимущественно гласной губной (у), ь—неб- «ной (і)...»? стр. 21. Потомъ на стр. 25. «Кажется можно «заключить положительно, что ъ буква не только стояла на «мѣстѣ губной гласной, но сама была ни что иное какъ крат-

«кость (¹) этаго элемента. Переходя въ букву *в* (церкви—церкы, «молвилъ—молылъ), она составляетъ съ нею какъ бы одно «цѣлое....?» За симъ слѣдуетъ нѣсколько превосходныхъ сличеній нашей буквы *ъ* (предполагаемой Авторомъ губной: *y*) 1) съ Латинскимъ краткимъ *u*, составлявшимъ то средину между *i* и *u* (какъ видно изъ двойственныхъ формъ: *maximus* и *maximus*, *optimus* и *optimus*), то заглушенное *u* (=ъ), какъ видно изъ Греческихъ формъ: Ῥήγλος, Λέντλος, Κατλος, въ которыхъ выброшено *u*, стоящее въ подлинныхъ римскихъ *Regulus*, *Lentulus*, *Catulus*, 2) съ Греческимъ *υ* напр. ὕπνος (*hypnos* – сонъ), Санскритское: *свап* и прич. *сун - та* и наше *сънъ* (сонъ): Санскритск. *с* перешло въ дигамму *h*—означенную значкомъ ˇ, поставленнымъ надъ *υ*, такимъ образомъ изъ *сун* стало ὕπ-νος, у насъ *сън=сон*, *сън–нъ* (сопу=съплю)=сънъ=сонъ, по Лат. *somn – us*; или—еще лучшій примѣръ: Греч. υἱός (*hyios*) и наше *сынъ* т. е. разложенное такъ: съ-і-нъ = сынъ = сынъ; 3) съ Французскимъ *u* и Англійскимъ *u* въ словахъ: *but*, *gun*, *run*, *full* и проч.—Всѣ эти сличенія обнаруживаютъ въ Авторѣ свѣтлое остроуміе, *показываютъ*, что онъ все читалъ съ *мыслящимъ* вниманіемъ, но—все таки нужно сказать правду—*не доказываютъ* нисколько губной гласности нашего *ъ*-ра,—подобно тому наприм. какъ названіе нашего города *Ромны*, которое въ Лѣтописяхъ и Пѣсни Игорю писалось: *Римъ* (я думаю съ произношенія малороссійскаго, въ которомъ ô = *u*; Рôмны = Римны = Римъ), при всемъ томъ, что въ немъ звучитъ это яркое, гордое имя міродержавнаго, вѣчнаго: *Roma*—не-

(¹) Почему не сказать: «полугласная, составляющая переходъ къ согласной: *в*.?» — Выраженія: *краткость* и *долгота*, которыя Авторъ старается находить въ вокализмѣ языка русскаго (имѣющемъ — какъ доказано Востоковымъ — *пиррихическое* настроеніе) и которыя ему совершенно чужды — дѣлаетъ во многихъ мѣстахъ мысли Автора совершенно непонятными. Слова: «*в* была краткость *у*» темны и для филолога; ежели бы сказать: «ъ = ў — тому, которое занимаетъ средину между открытымъ ў «и буквою *в*, въ нѣкоторыхъ словахъ малорос. нарѣчія, наприм. *воўкъ* «вм. *вовкъ* (волкъ), *пришоўъ* вм. *пришовъ* (пришелъ)» —то это было бы и нагляднѣе и вразумительнѣе.

доказываетъ однако же никакого соотвѣтствія, кромѣ *случайной* встрѣчи, произшедшей безъ всякаго родства, сродства и симпатіи...: Отъ ъ-а Авторъ переходитъ къ изслѣдованіямъ сложенныхъ изъ него буквъ: *ы, оу, ю,* въ которыхъ онъ ищетъ затаеннаго *двоегласія;* далѣе—къ буквѣ *ь,* которая, по мнѣнію его, должна занимать средину между *і-е* или *е-і,*— отъ ь-ря къ буквѣ *ѣ,* которая сначала является тождественною съ ь-ремъ и имѣетъ одно *количественное* различіе т. е. есть *долгота,*—потомъ мало по малу разширяетъ свою тѣсную орбиту «при свѣтѣ сравненія съ однородными языками,» обнаруживая въ своей двустихійной или *двоегласной* природѣ и Латинскія буквы *ие* (въ хорутанской рукописи напр. *vieron,* вѣру, Польск. *wiarę*), и Нѣмецкое *ee (lobnoie meesto*—лобное мѣсто), и Санскритскія ê, â, т. е. ei, ai, ā [напр. *tê* (Литовск. tai-tas)— *мьна, млаі* — *мльть, вâтара* — *вьтеръ*] наконецъ Славянскія буквы: *а, я, и* и проч. *Юсами* т. е. Ѫ, Ѧ = он, ен., заключается первое отдѣленіе Метафизики Кириллицы т. е. *ученіе о буквахъ гласныхъ.*—Мы не будемъ слѣдовать за Авторомъ въ его пространныхъ и подробныхъ изысканіяхъ объ этихъ буквахъ,—потому что пишемъ не критику его книги, но дѣлаемъ критическій анализъ нашей филологической системы, съ одною вѣтвію которой мы уже познакомились достаточно, при сдѣланномъ нами до сихъ поръ разборѣ основныхъ, главныхъ положеній Г. Каткова, слѣд. мы не *должны,* не *обязаны* слѣдовать за остальными подробностями ихъ развитія. Притомъ, я и не хочу за ними слѣдовать, потому что сущность самаго предмета — мелкія филологическія данныя, на которыхъ опираются эти изысканія — требовала бы не *слѣдовать,* но въ строгомъ смыслѣ слова — *идти* шагъ за шагомъ *по слѣдамъ* Автора; а идя такъ — я буду вести за собою и читателя, для котораго это филологическое *странствованіе* покажется утомительнымъ. Употребляю это выраженіе по правдѣ совѣсти, безъ всякаго худаго умысла: движеніе идеи Г. Каткова въ этой отвлеченной, безбрежной, истинно-метафизической области, какую представ-

ляютъ наши Кирилловскія *гласныя*, сохранившія въ себѣ остатки огромнаго, но сокрушеннаго организма или, правильнѣе говоря, *вокализма* языковъ Славянскихъ; это движеніе—въ самомъ дѣлѣ—можно назвать странствованіемъ по равнинамъ нѣкогда цвѣтущей и жилой, но отъ безвѣстнаго переворота давно одичавшей странѣ. Путешественникъ-естество-испытатель, посѣщая эту безлюдную, безпріютную страну, съ пожирающею жаждою мысли: найти въ ней слѣды *органическаго, живаго,* бродитъ по кочкамъ земли, спотыкается на каждомъ шагу на грудахъ камней, долго-праздно останавливается надъ какимъ нибудь полусгнившимъ корнемъ растенія, торчащимъ между слоями земли или надъ щепками кости—принадлежавшей не извѣстно кому: мамонту или человѣку?... Вотъ—на далекой горѣ ему виднѣются какіе то обломки: быть можетъ, это остатки человѣческихъ жилищъ? Благочестивый пилигримъ науки бредетъ туда—усталый но неутомимый, по обрывистымъ бокамъ горы, задыхаясь, взбирается на самую вершину (1) и находитъ здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, не обломки камней, но цѣльныя каменныя глыбы, которыя не свалены въ кучу, но расположены съ нѣкоторою симметріею: въ серединѣ стоятъ онѣ ребромъ, одна на другой, какъ кирпичи, и образуютъ довольно правильную купу,—по одаль этой купы разбросаны мелкіе камешки, составляющіе какъ бы тропинку,—наконецъ въ концѣ этой тропинки—пещера.... «что это?—думаетъ путникъ; эта купа—«жертвенникъ какого нибудь грубаго идолопоклоническаго «народца? Эта пещера—убѣжище, жилище жрецовъ или ора«куловъ, прорицателей??... А можетъ быть все это—слѣдъ «потопной струи, которая пробивши ребро горы, вырвала «оттуда камни, образовала пещеру, потомъ, закрутившись ви«хремъ (водоворотомъ) поставила эти камни ребромъ одинъ

(1) Эта картина не импровизирована мною, но снята съ разсказа одного изъ ученыхъ естествоиспытателей, дѣлавшаго геологическія наблюденія въ здѣшнемъ краѣ.

«на другомъ?!..» И труженикъ науки погружается въ лѣнивое раздумье, отводитъ глаза отъ камней и самой горы, забывается... невольно онъ топитъ взоръ свой въ безбрежномъ пространствѣ, его окружающемъ, полною грудью вбираетъ въ себя освѣжительный, нагорный воздухъ: «это то самое «пространство, тотъ самый воздухъ—которые были на этомъ «мѣстѣ до потопа и другихъ переворотовъ».... говоритъ ему поэтически мысль — вотъ одно заключеніе, которое ему достается въ утѣшеніе души!... Правда, въ этомъ печальномъ странствованіи бываютъ свои радости: иногда между глыбами камней вдругъ попадается дикая роза или какой-нибудь не открытый еще видъ растенія, иногда звонкой голосъ залетной птички очаруетъ оцѣпенѣвшій слухъ странника, иногда внезапно занесенный вѣтромъ ароматъ какихъ то далекопахучихъ луговъ—упоитъ его обоняніе.... но все это для голодной, усталой мысли, ищущей не теперешней по *прошлой жизни*,—что капля въ морѣ! Въ такомъ же точно положеніи находился бы и читатель, ежели бы отправился вмѣстѣ со мною по слѣдамъ Г. Каткова въ далекое и безвѣстное странствованіе по той *воздушной*, *невидимой* равнинѣ, какую представляютъ намъ остатки Славянскаго вокализма, заронившіеся въ Кирилловскихъ гласныхъ—какъ радужный цвѣтъ солнца въ ошлифованной глыбѣ здѣшняго лабрадора. Это странствованіе, хотя и безцѣльно, но-кто посмѣетъ сказать противъ того?—*вполнѣ достойно* науки и достойно тѣмъ болѣе, что оно было трудно и безвѣстно, что оно требовало *самоотверженія* т. е. отреченія отъ всякой опредѣленной цѣли: найти то именно или другое, требовало слѣпаго предаянія себя на произволъ судьбы, требовало неутомимаго движенія впередъ и впередъ,—хотя бы оно не привело ни къ *чему*. Для науки нѣтъ этого: *ни къ чему*, нѣтъ отрицательныхъ результатовъ, ежели только они получаются путемъ мыслящимъ, послѣдовательнымъ: ежели мореплаватель, открывая безвѣстныя страны сѣвера приходитъ наконецъ къ непроходимой стѣнѣ льдинъ, то развѣ онъ приходитъ къ *ничему*? Нѣтъ,—онъ

приходитъ къ конечному *предѣлу* такой то широты или долготы, слѣд. къ *чему-либо,* которое въ послѣдствіи времени и дѣлается основаніемъ дальнѣйшихъ развитій науки. Повторимъ еще разъ: странствованіе Г. Каткова въ области до-Кирилловскаго вокализма языковъ Славянскихъ—есть дѣло вполнѣ достойное науки и потому вполнѣ заслуживающее справедливое признаніе ея тружениковъ; но ежели бы это странствованіе принесло какіе нибудь опредѣленные, положительные *результаты*—они приняты были бы съ благоговѣніемъ наукою: а такъ какъ результатъ его все таки есть только *отрицательный* т. е. что въ гласныхъ Кирилловскихъ или, собственно, элементахъ ихъ: *ъ* и *ь можно видѣть* соотвѣтствіе съ двугласными и гласными разныхъ Славянскихъ нарѣчій и всѣхъ почти языковъ Индоевропейскихъ—то наука всегда имѣетъ право сказать, что этотъ отрицательный результатъ не выкупаетъ терпѣнія, какого требуетъ слѣдованіе за Авторомъ по всѣмъ извилинамъ его изысканій. Это слѣдованіе крайне *утомительно:* вмѣсто того, чтобы полнымъ, сжатымъ, *конкретнымъ* изложеніемъ помогать памяти читателя въ такомъ атомистически-дробномъ предметѣ, изчезающемъ безпрерывно въ *представленіи,* не только въ памяти его—Авторъ какъ бы умышленно затрудняетъ своего бѣднаго читателя этимъ фрагментарнымъ, алгебраическимъ или *стенографическимъ* изложеніемъ, этими безпрерывными поворотами назадъ, въ сторону, впередъ—при которыхъ изъ вниманія читателя безпрерывно изчезаютъ точки опора *(points d'appui)* и безъ того уже едва-едва примѣтныя, наконецъ этими неизбѣжными натяжками, въ которыхъ не знаешь наконецъ, что́ натягивается на что: Санскр. ли *vēç-ajîtum* (вводить) на *впс-ить, чінд-мас* (раздѣляю) на нашу *чѦсть* (т. е. ченсть, будтобы, = часть) или наши на Санскритскія. Правда, между этими истлѣвшими, при малѣйшемъ прикосновеніи осыпающимися косточками, когда-то отломившимися отъ разбитаго костяка, на которомъ держался *вокализмъ* языковъ не только Славянскаго но и всей Индо-европейской семьи,—попадают-

ся иногда такіе крошечные почти цѣльные суставчики, которые можно бы хоть сей часъ вынять изъ организма нашего языка и вставить въ греческій языкъ или оттуда перенести въ нашъ: такъ ловко, плотно они приходятся какъ къ тому такъ и къ другому, что кажется, будто природа Божія, которая въ основу всѣхъ языковъ положила *единый* творческій, нормальный типъ (уже въ послѣдствіи времени уклонившійся отъ самаго себя въ произвольныхъ разностяхъ)—только что окончила свое дѣло; напр. сличеніе Греческаго *μέθυ* и медъ (собственно: медь = медвь (1), что выказывается въ прилагательномъ: медв-яный), Санскр. *гб* (быкъ) и разрѣшенной ето формы: *гав* . . . ., которая выказывается у насъ въ словѣ: *гов* (ядо)—быки и коровы вообще и проч..—Отъ всякихъ такихъ (хотя, къ сожалѣнію, рѣдкихъ) находокъ,—тотъ часъ *пахнетъ* свѣжимъ дыханіемъ и теплотою *органическаго:* но увы! это *дыханіе,* эта *теплота*—тѣ-ли самыя именно, которыя проникали эти органическія части тогда, когда онѣ зрѣли и крѣпли подъ однимъ небомъ Азіи, или же тѣ, которыя проникаютъ ихъ и *теперь* въ цѣломъ составѣ языковъ? . . . Воздухъ, которымъ мы теперь дышемъ—есть тотъ же самый, который былъ и прежде, еще до созданія человѣка—кто въ этомъ сомнѣвается? А органическое дыханіе и теплота, которыя проникали собою всѣ *языки*—еще тогда, когда они были нормальны, первозданны, *можетъ быть* даже и *едино-кровны,* развѣ не остались *тѣми же* и теперь, когда они продолжаютъ проникать собою тѣ же языки, только *разъединившіеся,* забывшіе кровное родство? И такъ при всѣхъ этихъ сличеніяхъ результатъ все таки отрицательный: «въ жилахъ каждаго изъ языковъ и теперь еще течетъ одна и та же кровь»... Постараемся теперь очертить содержаніе остальныхъ частей разсужденія Г. Каткова и заключить нашу статью.

(1) Въ подтвержденіе мѣткой догадки Автора скажу, что въ Кіевской губерніи не разъ случалось мнѣ слышать слово: *медъ* въ формѣ *мéдя* или *мéди*—такъ называютъ женщины медъ грудным ребенкамъ, когда несутъ ихъ къ Св. Причащенію.

§ 22.

Вторая часть философіи Кириллицы: ученіе объ ударенiи, уч. о буквахъ согласныхъ. Отрицательность результатовъ перваго. Достоинство втораго: положительныя стороны онаго,—стороны отрицательныя.

За ученіемъ *о буквахъ гласныхъ* слѣдуютъ еще двѣ статьи: *объ ударенiи* и *о буквахъ согласныхъ*. Мы не будемъ много говорить о первой: она заключаетъ въ себѣ какой то намекъ, неясную *догадку*, не имѣющую, съ одной стороны, достаточнаго *основанiя*, — съ другой стороны, не развивающую изъ себя никакихъ послѣдствій или *результатовъ*. Авторъ говоритъ, что «изученіемъ древнихъ памятниковъ нашей словес«ности и сравненіемъ съ соплеменными языками — онъ на«веденъ былъ на ту мысль, что Русскій (общепринятый) «языкъ смѣшалъ *удареніе* слоговъ съ ихъ *количествомъ;* что «хотя теперь *повышеніе* и *протяженіе* голоса совпали въ на«шей рѣчи, но напрасно филологи наши думаютъ, что про«тяженіе слоговъ вездѣ условлено ударенiемъ» — есть, полагаетъ Авторъ, болѣе основаній въ пользу того мнѣнія, что удареніе т. е. повышеніе голоса на извѣстномъ слогѣ условливается *протяженіемъ* слоговъ. «Народный выговоръ, осо«бенно въ областяхъ отдаленныхъ, гдѣ болѣе сохранилось «исконныхъ элементовъ, — потомъ, — народная поэзія, на«конецъ самый складъ древней русской рѣчи, уцѣлѣвшій въ «нашихъ памятникахъ» — все это убѣждаетъ Г. Каткова въ томъ, что въ вокализмѣ языка русскаго, независимо отъ *ударенiя* (*accentus*) существуетъ *количество* (*quantitas*) или *долгота* и *краткость* слоговъ, — это отличительное свойство древнихъ языковъ, преимущественно же классическихъ (Греческаго и Латинскаго), которое оставило едва примѣтные

слѣды свои въ языкахъ Германскихъ и которое довольно живо сохранилось въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ языка славянскаго — въ Чешскомъ (какъ думаетъ Шафарикъ (1), и русскомъ (какъ полагаетъ Г. Катковъ). — Изложивъ такимъ образомъ свое мнѣніе о *количествѣ* языка русскаго — о которомъ читатель все таки остается въ недоумѣніи, потому что не знаетъ въ чемъ именно состоитъ это свойство и чѣмъ именно отличается оно отъ *ударенія* — Авторъ сличаетъ нѣсколько десятковъ русскихъ словъ съ чешскими *долготами* и *краткостями* (напр. *krāwa* — *корова*, *mrāz* — моро́зъ, и *mrăk* мо́рокъ, *mlăd* мо́лодъ) и выводитъ, между прочими, такія заключенія, что въ русскихъ двусложныхъ и тресложныхъ рѣченіяхъ, соотвѣтствующихъ чешскимъ *односложнымъ* и *двусложнымъ* (напр. *mrāz*, морозъ, *wrăbec*, воробей) существенная гласная есть не первая *а вторая*; что ежели въ чешскомъ ей соотвѣтствуетъ долгота, то она вездѣ удерживаетъ на себѣ удареніе и слѣдовательно удареніе на ней является *постояннымъ*, ежели же въ Чешскомъ словѣ — *краткость*, то удареніе не остается на существенной гласной но является *бѣглымъ* т. е. переходитъ либо на 1-й слогъ, либо на 3-й (напр. *klăs* — ко́лосъ, *brăda* — борода́) и проч. Но не смотря на эти примѣры, самъ Авторъ сознается однакоже, что «найдутся рѣченія, не подходящія подъ выраженное правило» что «совершенной правильности въ этихъ случаяхъ ожидать «и невозможно,» ибо «русскій языкъ давно уже *забылъ о количествѣ* (т. е. долготѣ и краткости) своихъ гласныхъ; «къ тому же и въ чешскомъ языкѣ безъ сомнѣнія долгота и краткость не всегда удержались на своихъ мѣстахъ.» — Къ чему же — спрашивается — установлять *начало*, для котораго нѣтъ достаточныхъ фактическихъ основаній? Къ чему мнѣніе Шафарика, которому вмѣсто *тонизма* въ чешскомъ языкѣ видится *метризмъ (quantitas)*, которому хочется замѣ-

(1) См. его Gesch. der Slavischen Sprache und Litteratur nach allen Mundarten. Ofen. 1826.

нить этимъ мнимымъ метризмомъ—болѣе натуральное тоническое стопосложеніе даже въ языкѣ Сербскомъ,—къ чему—спрашиваю—это *мнѣніе* Патріарха Славянскихъ Филологовъ, фактически не доказанное—навязывать языку русскому безъ нужды?—Къ чему—вопреки мнѣнію русскихъ Филологовъ (1), которые вмѣсто *метризма* и *тонизма* находятъ въ народной русской рѣчи, особенно же поэтической, *пиррихизмъ*, и этимъ пиррихизмомъ изъясняютъ такъ просто и удовлетворительно нашу древнѣйшую просодію—усиливаться возстановить ученіе о *количествѣ*, которое ни откуда не *выходитъ* (у Автора вовсе не видать начала онаго) и изъ котораго тоже, равнымъ образомъ, ничего *не выходитъ?*—Изъ всѣхъ остальныхъ наблюденій Г. Каткова, между которыми, подобно тому какъ и между наблюденіями надъ двугласностію Кирилловскихъ *ѣ, ю, я*—попадаются порою весьма остроумныя, хотя *случайныя*, открытія—изъ всѣхъ этихъ наблюденій надъ *количествомъ* языка русскаго выходитъ только то, что въ русскомъ языкѣ *что-то было*... но изъ этого: *что-то* можно-ли выводить цѣлое ученіе?—Не долженъ ли былъ Авторъ прежде, нежели онъ приступилъ къ изложенію мыслей своихъ о древней нашей просодіи т. е. предполагаемомъ имъ въ нашемъ языкѣ *количествѣ*—привесть къ отчетливому сознанію самое понятіе о *количествѣ*, какъ свойствѣ гласныхъ, не зависящемъ отъ *ударенія* или повышенія голоса? А приводя къ отчетливому сознанію понятіе о *количествѣ*,—для чего необходимо было бы обратиться къ ученіямъ о *количествѣ* и вообще просодіи языковъ классическихъ (Греческаго и Латинскаго),—Авторъ не нашелъ ли бы, что даже въ классической теоріи имѣющей основою своею не нѣсколько десятковъ словъ (долгота которыхъ доказывается только чертою поставленною учеными надъ слогомъ, по ихъ мнѣнію, долгимъ) по цѣлую область языка *мѣрнаго* (стихотворнаго и ораторскаго), что даже въ этой теоріи, повторяю—это ученіе представляется въ выс-

(1) *Востокова* и *Дубенскаго*.

шей степени зыбкимъ, сомнительнымъ и неопредѣленнымъ? Пусть Г. Катковъ справится съ тѣмъ, что говоритъ одинъ изъ лучшихъ новѣйшихъ филологовъ — *Фр. Авг. Вольфъ* о *количествѣ* и *ударенiи* въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ (¹): «объ удареніяхъ существуютъ весьма ошибочныя понятія: «думаютъ напр. что тамъ, гдѣ стоятъ ударенія—слогъ дол-«женъ быть долгій; но *долгота (Quantität)* и *ударенiе* не «находятся между собою ни въ какой связи. Римляне про-«износили по удареніямъ, хотя не имѣли никакихъ особен-«ныхъ для того знаковъ. Всѣ древніе языки, образовавшіеся «въ юности народа, имѣютъ чрезвычайное множество удареній: «напротивъ того, позднѣйшіе языки, образованные болѣе при «помощи разсудка имѣютъ очень мало удареній или же вовсе «не имѣютъ ихъ, нѣкоторые устроили *ударенiе* въ словотече-«нiи совершенно особеннымъ образомъ, такъ что оно вполнѣ «почти основывается на *чутьи (auf der Empfindung)* и тѣсно «граничитъ съ тактомъ живой разговорной рѣчи. Въ нѣмец-«комъ языкѣ рѣдко можно отличить, гдѣ *ударенiе* и гдѣ «*долгота,* тогда какъ у Древнихъ различенiе того и другого «было однимъ изъ главныхъ пунктовъ. Ударенiе вовсе не «есть *протяженiе* слога, но нѣкотораго рода *повышенiе,* ударъ, «толчекъ голоса на слогѣ, падающій иногда на долгій, иногда «на короткій слогъ» и проч. «Ударенiе въ Латинскомъ и Грече-«скомъ языкѣ господствуетъ еще болѣе нежели у насъ. Не «было ни одного слова, которое не произносилось бы съ уда-«реніемъ. Римляне, такъ же точно какъ и Греки, читали по «удареніямъ; не нужно выводить ничего противнаго этому «изъ того, что эти ударенія не писались надъ словами: это «ученіе оставалось только въ школахъ. Римляне имѣли *тя-«желое (gravis), острое, (acutus) и облеченное (circumflexus)* «ударенія, такъ что независимо отъ долготы и краткости «(количества) всегда все таки соблюдались эти возвышенія

(¹) Fr. Aug. Wolf's Vorlesungen über die Alterthums—Wissenschaft, herausgegeb. von I. D. Gürtler und Dr. S. F. W. Hoffmann, Leipzig, 1839 I. Bd. ss. 152,—209.

«и ослабленія голоса.—Но какія правила для *ударенія* уста-«новимъ мы?—Нужно прежде всего изучить Греческую про-«содію и потомъ обратиться къ древнимъ грамматикамъ. Но «такъ какъ Греческая *акцентуація* есть нѣчто такое, что «наши уста едва могутъ передать, то въ такомъ же положе-«ніи находимся мы и при изученіи Латинской,—хотя бы мы «и знали правила. Въ этомъ заключается главная причина того, «почему мы не можемъ возстановить для себя настоящаго «выговора Латинскаго. Мы не можемъ отличить *остраго* слога «отъ *долгаго*. *Dominus* Римлянинъ выговаривалъ *domminus;* «*homines*—выговаривалось коротко: *hŏmines* а не *hōmines*. «Нѣтъ возможности опредѣлить съ точностію древнее про-«изношеніе» и т. д. Это откровенное сознаніе лучшаго изъ филологовъ классическихъ, который не нашелъ возможности опредѣлить общее, натуральное основаніе, на которомъ утверждается *долгота* и *краткость* (количество) слоговъ и существенное отличіе оныхъ отъ *возвышенія* и *пониженія* (или ударенія), — могутъ служить, кажется, лучшею порукою въ томъ, какъ безплодно искать *количества* въ древнемъ языкѣ русскомъ, особенно же при отсутствіи всѣхъ фактическихъ основаній для того, кромѣ косвенныхъ, посредственныхъ указаній, представляемыхъ нарѣчіемъ Чешскимъ и языкомъ Летскимъ, изъ которыхъ Авторъ *наводитъ* (аналогируетъ) тѣнь количества на языкъ русскій. — Третья статья Автора: *о буквахъ согласныхъ*—съ одной стороны, раздѣляетъ съ предъидущею статьею одни и тѣже недостатки—потому что *начало*, изъ котораго выходитъ она такъ же темно и безъотчетно, какъ и начало предъидущей статьи, а *конецъ* теряется въ такойже неопредѣленности какого-то недосказаннаго, *недоведеннаго* результата, какъ и конецъ статьи *объ удареніи;* съ другой же стороны—она имѣетъ нѣкоторыя неотъемлемыя достоинства, которыя поставляютъ ее едва ли не выше всѣхъ прочихъ статей книги Г. Каткова: наблюденіе надъ богатымъ развитіемъ *зубнаго порядка* согласныхъ звуковъ въ языкахъ Славянскихъ—есть открытіе, которымъ съ признательностію

воспользуется русская филологія въ дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ, а нѣкоторыя частныя, случайно и мимоходомъ оброненныя Авторомъ замѣтки служатъ яркими признаками присутствія той новой, самобытной *идеи,* которую носилъ уже въ себѣ Авторъ, но которая была подавлена схоластическими преданіями нашей науки. — На эти двѣ послѣднія стороны какъ на стороны *положительныя* — мы и обратимъ преимущественно вниманіе наше при бѣгломъ обзорѣ этой статьи Г. Каткова. При недостаткѣ *цѣлаго,* проистекающемъ изъ отсутствія *начала (principe)* не сознаннаго Авторомъ съ отчетливостію, при происходящемъ отсюда недостаткѣ методической послѣдовательности въ изложеніи фактовъ и мыслей, идущихъ въ какомъ-то странномъ антилогическомъ порядкѣ, такъ что *слѣдствіе* предшествуетъ своему *основанію,* раздробленные члены мысли — самой мысли, которая выставляется наружу гораздо позже, вовсе не на своемъ мѣстѣ и при томъ въ видѣ какого то случайнаго замѣчанія, безъ связи съ предъидущимъ, — при всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, повторяю, мы не находимъ возможности *прослѣдить* въ третьей статьѣ Г. Каткова даже однихъ *положительныхъ,* выше нами указанныхъ сторонъ въ надлежащемъ *порядкѣ* и раскрыть ихъ съ надлежащею *полнотою и ясностію:* мы принуждены будемъ, по этому самому, *синтезировать* отрывочныя замѣтки Г. Каткова, переставлять нѣкоторыя изъ нихъ съ конца въ начало и ограничиться только легкимъ очертаніемъ тѣхъ понятій, неясный отпечатокъ которыхъ виднѣетъ въ цѣлой статьѣ. Это: 1) понятіе о *двойственной* природѣ согласныхъ звуковъ 2) о соотношеніи согласныхъ съ *небнымъ* и *губнымъ* элементомъ гласныхъ и проистекающемъ изъ онаго развитіи *небнаго* и *губнаго* порядка согласныхъ. 3) о преобладающемъ раскрытіи *зубнаго* порядка согласныхъ, замѣчаемомъ въ нарѣчіяхъ Славянскихъ, или о *смягченіи* согласныхъ, какъ главнѣйшемъ, *историческомъ* фактѣ Славянскаго консонантизма. — Первое понятіе есть *основное* для всѣхъ прочихъ: къ нему только можетъ читатель свести тѣ раздробленныя мысли и замѣтки,

которыя не имѣютъ въ статьѣ Г. Каткова ихъ собственнаго мѣста, ими только можетъ быть удовлетворительно изъясненъ тотъ *процессъ умягченія,* который Авторъ объясняетъ (стр. 35.) поглощеніемъ *іоты,* и между тѣмъ, однакоже, мысль о *двойственности* согласныхъ не выражена Г. Катковымъ нигдѣ, при всемъ томъ, что уже на первомъ шагу, при *тройственномъ* раздѣленіи *согласныхъ* эта мысль *обличаетъ* себя. «Со-«гласныя буквы» — такъ начинаетъ Авторъ статью свою— «веществомъ своимъ имѣютъ или *голосъ* или *дыханіе.* И такъ, «*по веществу* своему, онѣ могутъ быть раздѣлены на три раз-«ряда: 1) *звонкія* или *ясныя,* произносимыя не иначе, какъ «съ помощію голоса свободнаго (г, д, б, з, и проч.); 2) *глухія,* «произносимыя въ элементъ дыханія, шепотомъ (к, т, п, с, и «проч.); 3) *среднія,* произносимыя съ равной легкостію и «ясно, и глухо (какъ л, м, н, р.).»— За симъ первымъ дѣле-«ніемъ согласныхъ по *матеріи* (веществу) слѣдуетъ второе— по *формѣ,* «которую согласныя пріобрѣтаютъ отъ *содѣйствія* «различныхъ органовъ устъ, къ которымъ приражается голосъ «или дыханіе; это — согласныя *небныя, зубныя, губныя* и, «сверхъ того, *язычныя.* За вторымъ дѣленіемъ слѣдуетъ «третье дѣленіе ихъ «по относительной *твердости* или сла-«*бости* ихъ т. е. «по мѣрѣ того *участія,* которое органы «устъ принимаютъ въ ихъ образованіи (1).» Авторъ, выста-вляя это щепетильное, въ высшей степени антилогическое дѣленіе, въ рубрикахъ котораго однѣ и тѣже согласные элементы являются по два и по три раза,—вѣроятно потому самому и не хотѣлъ изчислять при каждомъ дѣленіи тѣхъ согласныхъ элементовъ, которые должны были быть распре-дѣляемы каждый разъ по особымъ разрядамъ, слѣдовательно именуемы вдвойнѣ и втройнѣ: это произвело однакоже за-путанность въ цѣлой статьѣ его, которая, независимо отъ

(1) Желательно было бы знать, какая существенная разница между вторымъ дѣленіемъ согласныхъ, основывающимся на *содѣйствіи* различныхъ органовъ устъ и третьимъ—опирающимся на *участіи* органовъ устъ въ образованіи согласныхъ?

того, повторяю, есть лучшее пріобрѣтеніе для русской филологіи.—Ежели бы Г. Катковъ предоставилъ нашимъ грамматистамъ славу щепетильно-подробной, даже до безтолковости доходящей классификаціи нашихъ согласныхъ буквъ по *органамъ* (зубамъ, языку и проч.), — а самъ держался бы строго своего собственнаго дѣленія оныхъ, основывающагося на *веществѣ* (матеріи) этихъ звуковъ,—то онъ обозначилъ бы *три* слѣдующія ступени или фазы консонантизма: *дыханіе, голосъ* и *звукъ*, которыя сами собою таятся въ связи и отношеніи того, что говоритъ Авторъ въ разныхъ мѣстахъ своей статьи и изъ которыхъ онъ легко могъ бы вывести разнообразныя явленія въ области Славянскаго консонантизма.—*Дыханіе* есть первообразное, безразличное *(indifferent)* начало, служащее вещественною основою какъ *голоса* такъ и звука, слѣдовательно въ двойственной или *двупольной* природѣ своей заключающее уже зародыши—съ одной стороны: *вокализма* (гласныхъ), съ другой—*консонантизма* (согласныхъ); въ этомъ можно убѣдиться изъ собственнаго наблюденія: произнося эти три гортанныя буквы: *г, к, х,* въ одинъ краткій, нераздѣльный пріемъ — мы будемъ слышать при произношеніи каждой, одинаковый, безразличный тонъ подходящій къ слабому, неопредѣленному слогу: *ха;* произнося же ихъ немного медленнѣе, протяжнѣе, въ *полтора пріема* т. е. такъ, чтобы заглушенное дыханіе, изчезающее при полуоткрытомъ ртѣ безъ всякаго отголоска въ воздухѣ — выходя чрезъ немного болѣе растворенный ротъ, преломлялось и давало бы отъ себя отголосокъ, эхо — мы будемъ слышать довольно явственно голосовой тонъ: *а* (¹).—*Звукъ* и *голосъ*—это суть два полюса *дыханія:* густой, твердый, *закрытый (clausum)* и разрѣшенный, мягкій, *открытый (apertum);* выражаясь еще иначе, можно сказать, что послѣдній есть ни что иное какъ *дыханіе* эксцентрированное т. е. продолженное, устремленное *во вне,*

(¹) Сродство дыханія съ чистою гласною *а* допускаетъ и Бюрнуфъ въ Comm. sur le Yaçna.

къ периферіи голосоваго органа, къ *выходу* его (устамъ), первый — есть ни что иное какъ дыханіе концентрированное т. е. прекращенное, задержанное, сгущенное *внутри*, совокупленное, сжатое въ центрѣ голосоваго органа, во *входѣ* его (гортани). Въ этомъ неопредѣленномъ зыбленіи дыханія между *эксцентрическимъ*, голосовымъ и *концентрическимъ*, звуковымъ полюсомъ заключается *вещественная* т. е. общая, элементарная основа или субстратъ какъ гласныхъ такъ и согласныхъ звуковъ; въ перевѣсѣ же или въ склоненіи дыханія къ тому или другому заключается *формальное* т. е. двойственное, противоположное основаніе, на которомъ утверждается образованіе съ одной стороны *гласныхъ* звуковъ, съ другой — *согласныхъ*. Разрѣшаясь или разжижаясь — дыханіе даетъ ясные, чистые, полные голосовые элементы: *a, e, i, o, y*; отвердѣвая или сгущаясь оно даетъ твердые *звуковые* мотивы: *г, к, х* и др. — *Эксцентрированіе* и *концентрированіе* или *разрѣшеніе и отвердѣваніе* въ ихъ безпрерывномъ чередованіи составляютъ, сколько думаю, тотъ общій коренной законъ, который служитъ основаніемъ многосложному и разнообразному процессу *образованія* и *преобразованія* гласныхъ и согласныхъ звуковъ во всѣхъ языкахъ человѣческихъ. Это чередованіе двухъ полярно-противоположныхъ моментовъ отпечатлѣвается не только въ двухъ основныхъ порядкахъ звуковъ: *гласномъ*, проистекающемъ какъ мы видѣли изъ разрѣшенія дыханія, и *согласномъ* — образующемся изъ сгущенія или отвердѣнія онаго; при наблюденіи надъ вокализмомъ и консонантизмомъ языковъ Древнихъ и напр. нашихъ Славянскихъ можно видѣть, что чередованіе моментовъ *эксцентрирующаго* и *концентрирующаго* повторяется и въ каждомъ порознь изъ двухъ основныхъ порядковъ т. е. какъ въ *согласномъ* такъ и *гласномъ*. Безпрерывное чередованіе полярныхъ моментовъ въ первомъ можно видѣть изъ того, что *отвердѣвшее* дыханіе, усматриваемое въ гортанныхъ: *г, к, х* — въ послѣдней изъ нихъ уже *разрѣшается* и въ сродной съ послѣднею согласной буквѣ *с* (которая въ Славянскомъ языкѣ есть

ни что иное какъ смягченное *x*) — становится совершенно мягкимъ, жидкимъ, разрѣшеннымъ. Эта разрѣшенная *c* еще болѣе утончается или эксцентрируется въ Польской ś (сь), Нѣмецкой s (eele)=з и т. д. Съ другой стороны, она снова возвращается къ противоположному полюсу т. е. начинаетъ отвердѣвать—сперва отдаваясь какъ бы удвоенною, постепенно опѣмѣвающею ss (напр. въ нашихъ: сынъ, сычъ=ссынъ, ссычъ), потомъ сливаясь съ новымъ дебелымъ элементомъ: *m*, въ Греческой *θ*, Англiйскомъ th (тс), далѣе—поглощаясь этимъ элементомъ въ чистой согласной: *m*, наконецъ совершенно отвердѣвая въ нормальномъ видѣ этой язычной согласной — буквѣ *д*. — Такимъ образомъ дыханіе *отвердѣвшее* въ *г, к*, посредствомъ буквы *x* начинаетъ склоняться къ полюсу противоположному и путемъ перехода с въ ś (сь), s (з), *эксцентрируется* или разжижается, а нисходя чрезъ *ss, θ, th, т*—въ *д*, снова возвращается къ полюсу *концентрическому* или въ состояніе отвердѣнія. Изъ этаго полюса опять склоняется къ противоположному — разрѣшаясь сперва чрезъ соединеніе съ *з* въ Польскомъ *dz* (дз) напр. ходить—*chodzę*, потомъ въ малороссiйскомъ *дж* (ходжу́), въ русскомъ *ж* (хожу), наконецъ снова *отвердѣвая* въ церковнославянскомъ *жд* (хожду, хожденіе). Такое же чередованіе *отвердѣнія* и *разжиженія* можно видѣть и въ порядкѣ *гласныхъ звуковъ: а* сохраняетъ свой нормальный природный тонъ открытаго, разрѣшеннаго звука въ первыхъ двухъ ступеняхъ своего движенія: верхней *е* и нижней *о;* но на вторыхъ оно уже начинаетъ постепенно отвердѣвать: переходя отъ *е* къ *і*, оно въ дальнѣйшемъ движенiи послѣдняго образуетъ *joty*, которая отвердѣваетъ въ *ж*, во Французскомъ j (Лат. jugum=le joug), въ *дз* или Греческой ζ (*дзетъ*) (Лат. *Jovis*,—Ζεῦς), въ *дж* (въ Англiйскомъ *J*—*Julietta*—Джуліетта), въ Славянской *в* (напр. Чешск. *jetwa*—*вѣтвь*, Судъ Люб.), наконецъ въ *x* (въ Испанской *хотъ*: *Juan* = *Хуанъ* = *Juan*, *Жуанъ*); переходя же отъ *о* къ *у*—въ дальнѣйшемъ движенiи этаго гласнаго элемента оно начинаетъ постепенно отвердѣвать, сперва въ поглощенномъ *ў*,

занимающемъ средину между *у* и *в* (малорос. воўкъ) или *у* и *м*, *у* и *н* (напр. Словац. *hory* = Польск. *górą*, Сербск. *гором*), потомъ въ явственно-слышныхъ согласныхъ: *в*, *л*, *м*, *н*, напр. малор. вовка, рус. волка, *конь* (= коўнь), Польск. kóń (кунь) и стар. комонь и проч. На этомъ *раздвоеніи* дыханія въ *голосъ* и *звукъ* и на этомъ безпрерывномъ чередованіи этихъ двухъ полюсовъ, какъ мнѣ кажется, можно основать удовлетворительное изъясненіе тѣхъ взаимоотношеній между *гласнымъ* и *согласнымъ* порядкомъ звуковъ и тѣхъ безконечно-разнообразныхъ дробленій, преобразованій и переходовъ, которые съ такимъ богатствомъ, съ такою полнотою и роскошью представляются въ *консонантизмѣ* языковъ Славянскихъ. Но Авторъ не позаботился о томъ, чтобы вникнуть въ общую всѣмъ языкамъ, слѣд. натуральную, органическую *причину* этого явленія въ Славянскомъ консонантизмѣ: обозначивъ довольно вѣрными и подробными чертами *умягченіе* согласныхъ, — (слѣдствіе причины) Г. Катковъ, прибѣгая къ помощи школьныхъ, никому не понятныхъ терминовъ, какъ напр. *фонетическія распоряженія языка, экономія языка, небный элементъ* и т. п. ограничивается только тѣмъ, что «процессъ умягченія большею частію состоитъ въ томъ, что «встрѣчаемый согласными (гдѣ? какъ?) небный элементъ «(откуда онъ?) входитъ въ составъ ихъ звука, и тѣмъ видо«измѣняетъ его: *ходить—ход-ѓаше*, отсюда *хождаще*, *хожаше* . . . . (1).» А причина, между прочимъ, открывалась сама

(1) Какъ выгодно для филолога имѣть дѣло съ мертвымъ, письменнымъ составомъ языка а не съ живымъ его организмомъ! Одна буква ѓ объясняетъ, безъ дальнихъ справокъ, все дѣло,—но объясняетъ для одного только Автора а не для читателя, который все таки не пойметъ, отъ чего изъ этого: ход-ѓаше выходитъ *хож-да-ше* а не *ходяше*? Ежели бы Авторъ, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ *губнымъ* и *небнымъ* элементамъ, сдѣлалъ бы прежде табличку или схему постепеннаго *разрѣшенія* и *отвердѣванія* каждаго порядка согласныхъ звуковъ, то нашелъ бы, что дебелое *д* въ словѣ: *ходить* сперва смягчилось въ Польск. *dz* (*chodzę*), потомъ въ Малор. *дж* (ходжу, Рус. *хаджа*=пилигримъ), далѣе въ Рус. *ж* (хожу), наконецъ перестановкою *ж* впереди *д* въ Црквосл. *хожду*, снова воз-

собою даже въ собственныхъ словахъ самаго Автора, изъ которыхъ читателю ясно, что Г. Катковъ различаетъ (хотя и неясно, однакоже) три указанныя нами выше степени въ фонетикѣ языка: *дыханіе, голосъ, звукъ*. Хотя въ самомъ началѣ статьи своей Г. Катковъ роковымъ для него: *или* смѣшиваетъ два первые элемента («согл. буквы веществомъ свонимъ имѣютъ *или* голосъ *или* дыханіе» и еще на стр. 79 въ началѣ), — но что онъ, не смотря на то, считаетъ *дыханіе* чѣмъ-то отличнымъ отъ звука и голоса, то въ этомъ читатель можетъ убѣдиться изъ сличенія многихъ мѣстъ книги Автора. На 14 страницѣ, опровергая *придыханія* Павскаго, Г. Катковъ говоритъ: «если понимать придыханіе въ собственномъ его смыслѣ т. е. какъ *элементъ звука*, противоположный *голосу*, то придыханіе собственно *одно*, видоизмѣняемое только органами устъ, къ которымъ приражается». На стр. 80. Авторъ вдругъ не извѣстно почему и для чего поражаетъ читателя неожиданнымъ положеніемъ: «чистое дыханіе, появляясь самостоятельною буквою, сверхъ того сочетается съ другими согласными. Такъ въ Санскритѣ и звонкая и нѣмая каждаго органа повторяется въ новомъ видѣ, припятомъ отъ придыханія». Здѣсь *дыханіе* смѣшано съ отвергаемымъ придыханіемъ, но явно отлично отъ голоса. На той же страницѣ, внизу, Г. Катковъ говоритъ: «Буква *х* едва ли можетъ быть у насъ выводима изъ б. *к* съ придыханіемъ. Гораздо основательнѣе можно видѣть въ ней болѣе или менѣе *отвердѣвшее дыханіе*. Сверхъ того, въ древнѣйшую эпоху языка, *х* переходитъ очень часто путемъ смягченія въ *с*. Что же до сей послѣдней, то она, какъ физіологически такъ и исторически, является *разрѣ-*

вратилось въ первоначальный дебелый звукъ. Въ этомъ движеніи *д* можно видѣть полный кругъ:

ход—ить . . . . . *д*.
chodzić, chodzę . . . дз.
ходжу, хаджа . . . дж.
хожу, хожалый . . . ж.
хожду, хожденіе . . . ж—*д*.

«*шеніемъ* гортаннаго *дыханія* . . . .» Здѣсь *дыханіе* совершенно отлично отъ *придыханія* и *голоса*. Не буду приводить здѣсь и параллелировать другихъ мѣстъ, но увѣренъ, что читатель, просматривая внимательно эту статью Г. Каткова, самъ найдетъ, что такъ же точно различены у Автора *голосъ* и *звукъ*, хотя въ началѣ своей статьи онъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Вотъ, какъ мнѣ кажется, то первое понятіе Г. Каткова, которое, какъ *основаніе*, заставляютъ предполагать тѣ отрывочныя, безсвязныя *слѣдствія*, которыми Авторъ начинаетъ свою статью. Перейдемъ къ двумъ остальнымъ понятіямъ.

§ 23.

Историческія наблюденія Г. Каткова надъ консонантизмомъ языковъ славянскихъ и индоевропейскихъ. Противорѣчія его выводовъ, колеблющія основу теперешняго сравнительнаго языкознанія.

Перехода отъ перваго понятія ко второму т. е. *соотношенію* согласныхъ съ *небнымъ* и *губнымъ* элементомъ или порядкомъ гласныхъ у Г. Каткова нѣтъ, потому что онъ, представивъ въ самомъ началѣ статьи своей тройственное дѣленіе согласныхъ, отличилъ во второмъ дѣленіи четыре разряда: *небныя, зубныя, губныя* и *язычныя* согласныя—на которые «онѣ удобно *распредѣляются*», — но не сказалъ намъ, принимаетъ ли онъ самъ это распредѣленіе или только говоритъ о немъ мимоходомъ? При этомъ Авторъ не позаботился и о томъ, чтобы поименовать въ частности согласные звуки каждаго разряда порознь; на пятой страницѣ статьи своей (82 стр. книги) онъ говоритъ уже только о *двухъ* порядкахъ согласныхъ звуковъ: *небномъ* (т. е. гортанномъ) *и зубномъ;* третій, котораго не достаетъ—порядокъ *губной* должно предположить самому читателю. Не установивъ напередъ—какъ

бы слѣдовало—раздѣленія согласныхъ на извѣстное число порядковъ (¹),—Г. Катковъ, конечно, не нашелъ основанія, на которомъ можно бы было утвердить соотношеніе порядковъ согласныхъ съ порядками гласными: это совершенное отсутствіе основанія не даетъ мнѣ возможности возстановить даже догадкою или домысломъ то второе понятіе, которое, какъ органическое звѣно, должно соединять мысль *о двойственности* согласныхъ съ явленіемъ *смягченія* ихъ въ языкахъ славянскихъ, такъ вѣрно и глубоко подсмотрѣннымъ Г. Катковымъ. Читая примѣчаніе на стран. 82, въ которомъ Авторъ приводитъ мнѣніе *Гримма*, ставящаго въ основу *небному* порядку согласныхъ букву i, а *губному* — губную гласную *y*, и замѣчая, что для средняго, *зубнаго* порядка Гриммъ не находитъ въ элементахъ голоса основы, прибавляетъ, что *Бюрнуфъ* предлагаетъ въ основу этаго третьяго порядка поставить букву *a* (по сродству дыханія съ зубною *c* и чистою гласною *a*),—читая это примѣчаніе можно думать, что основаніемъ трехъ порядковъ согласныхъ суть порядки или элементы гласные,—но 1) послѣднихъ должно было бы быть такъ же *три*, но Авторъ вездѣ говоритъ только о двухъ гласныхъ элементахъ: *небномъ (i, j) и губномъ (y)*, какъ имѣющихъ вліяніе на порядки согласные въ языкахъ Славянскихъ; 2) согласныхъ порядковъ въ такомъ уже случаѣ должно бы было быть то же *два: небный*—въ соотвѣтствіе небному гласному элементу и *губный* — въ соотвѣтствіе *губному (y)*: между тѣмъ у Автора *коренной* согласный порядокъ только одинъ—*зубной (д, т, с.)* всѣ же прочія согласныя являются производными (см. стр. 82—83). Ежели бы нужно было, придерживаясь строго мыслей Автора представить по нимъ классификацію согласныхъ,—то она получила бы такой видъ: согласныя языковъ Славянскихъ представляютъ два порядка: *одинъ коренной* — это *зубной* порядокъ съ тремя основными его звуками: *с, т, д*, и три *производныхъ:* 1) *гортанно-неб-*

(¹) Сколько ихъ именно? Не знаю. Читатель можетъ видѣть, что у Автора сначала 4, потомъ 2, наконецъ 3 порядка.

ный или смягченно-гортанный: *з, ж,* (= *г*), *ц, ч,* (= *к*), *с, ш,* (= *х*) произшедшій изъ разрѣшенія гортанныхъ *г, к, х,* 2) *смягченный зубной: ć* (польск.), *с* Верхнелуж. *(чь)*, наше *ч, щ* и проч. (отъ зубной: *т.); dz, ж, жд* (отъ *д*), *ś (сь)* Польск., *ш* (отъ *б. с*); 3) *небно-губной* или смягченный губной: Польск. *rz, ś (ш)* и *s (с)* въ обоихъ лужицкихъ нарѣчіяхъ — произшедшія изъ (губной ?) *r (р); ł* — Польск. изъ *л* и проч. Изъ всего этого читатель можетъ видѣть, что классификація согласныхъ у Г. Каткова часъ отъ часу становится все запутаннѣе и запутаннѣе, такъ что нѣтъ никакой возможности уловить въ ней какую-нибудь мысль; но не смотря однакоже ни на эту запутанность, ни на постоянныя сокращенія, какія претерпѣваетъ она, исходя съ четырехъ разрядовъ согласныхъ на три, потомъ на два, наконецъ на одинъ—она все же таки имѣетъ въ себѣ мысль о соотношеніи съ губными элементами и потому мы приведемъ её здѣсь въ подлинномъ ея видѣ, хотя она не имѣетъ непосредственной связи съ систематикою согласныхъ — «Оба элемента, небный и «губный, входя равно, какъ въ систему гласныхъ, такъ и «систему согласныхъ, и находясь между собою въ рѣшитель«ной противоположности, оказываютъ ощутительное дѣйствіе «на цѣлый характеръ діалектовъ. Можно сказать, что пре«обладаніе *небнаго* элемента въ нарѣчіяхъ языка Славянскаго «наводитъ на нихъ *гортанный* характеръ, и на оборотъ, пре«обладаніе противоположнаго элемента губнаго ослабляетъ и «стѣсняетъ, въ цѣлой системѣ звуковъ, дѣйствіе гортаннаго «дыханія. Въ такомъ сильномъ діалектическомъ соотноше«ніи представляются намъ два вида русскаго языка: Велико«русское и Малорусское нарѣчіе. Въ Великорусскомъ преобла«даетъ элементъ губной, въ Малорусскомъ небный; въ пер«вомъ любимая гласная *о;* во второмъ *и;* въ первомъ почти «во все нѣтъ *г (h)* (1), второе доселѣ не рѣшается допустить «губное дыханіе *ф* (2). Нарѣчія цѣлаго Славянскаго языка, «тоже, болѣе или менѣе причастны этому діалектическому «соотношенію. Въ Сербскомъ не только нѣтъ звука *г (h)*,

«какъ и въ общепринятомъ Русскомъ но и буква *х* слышит-«ся только въ нѣкоторыхъ областяхъ. Нынѣшній Чешскій «во все не знаетъ гаммы и вездѣ рѣшительно въ своихъ рѣ-«чепіяхъ оказываетъ *h* и проч.» (стр. 92—93). Третья мысль Г. Каткова, заслуживающая вниманія филологіи—это наблюденіе надъ переворотомъ произшедшимъ въ Славянскомъ консонантизмѣ. Фактъ, замѣченный Г. Катковымъ въ области согласныхъ представляетъ нѣчто аналогическое съ тѣмъ, что замѣтилъ онъ въ области *гласныхъ* (см. 1 статью его). Тамъ, какъ мы видѣли, Авторъ нашелъ ослабленіе *вокализма* т. е. уклоненіе отъ простыхъ, нормальныхъ гласныхъ къ гласнымъ губнымъ и небнымъ, обнаружившееся не только въ языкѣ Славянскомъ но и въ другихъ языкахъ Индоевропейскаго семейства. Здѣсь т. е. въ области Славянскаго консонантизма Г. Катковъ тоже находитъ переворотъ, имѣющій уже только частное значеніе т. е. въ кругу однихъ парѣчій Славянскихъ: Авторъ, правда, обозначаетъ глухо причину этаго переворота и не раскрываетъ намъ удовлетворительно послѣдствій онаго,—но тѣмъ не менѣе открытіе его заслуживаетъ полнаго уваженія науки. По изложеніи тройственнаго дѣленія согласныхъ, Авторъ начинаетъ что то говорить *о чистомъ дыханіи*, появляющемся самостоятельною буквою, намекаетъ слегка на Санскритъ, но минуя боязливо языки Славянскіе, въ которыхъ однакоже онъ находитъ (стр. 80.) *придыхательныя буквы* и упоминаетъ только объ одной изъ нихъ: буквѣ *х*,—Г. Катковъ предлагаетъ намъ на 82 стр. какъ результатъ недосказанной мысли своей слѣдующее замѣчаніе: «въ замѣну «придыхательныхъ элементовъ, а можетъ быть даже и въ «слѣдствіе ихъ утраты, нашъ языкъ такъ богато развилъ «порядокъ зубной. Если взять въ разсчетъ всю систему Сла-«вянскихъ звуковъ, то въ этомъ порядкѣ окажутся всѣ воз-

(1) Великорус. какъ извѣстно, выговариваютъ *г* какъ *g* Латин.

(2) Вмѣсто этаго звука у Малорус. употребляется или *хв* или *п* напр. *Хведоръ* вм. *Федоръ*, *Пилипъ* вм. *Филипъ*, *хвортка* (cf. форточка) = калитка, или одно *х*: *хутро* (Польс. futro) – мѣхъ.

«можные оттѣнки и переходы, чего не найдемъ ни въ одномъ «изъ языковъ Индо-европейскаго семейства, нижѐ въ бога- «тѣйшемъ алфавитѣ деванâгари. Сюда, къ основнымъ звукамъ «этаго органа, Славянинъ перевелъ, путемъ смягченія, все «вещество гортанно-небныхъ элементовъ. Коренными звуками «зубнаго органа должны быть признаны собственно только «три: *с, т, д*. Всѣ прочія могутъ быть названы производ- «ными (1). Буквы *з* и *жс* представляютъ собою разрѣшеніе «небнаго *г; ч, ц* соотвѣтствуютъ б-ѣ *к; с, ш*—б-ѣ *х*. Взаимное «соотношеніе, въ древнемъ Славянскомъ языкѣ, согласныхъ «небнаго и производныхъ согласныхъ зубнаго порядка не- «вольно напоминаетъ призматическое преломленіе лучей, «представляющихъ за призмою то же изображеніе, что и предъ «нею, только въ обратномъ видѣ.—Это начало смягченія со- «гласныхъ простерло далеко власть свою въ нашемъ языкѣ. «Основные зубные элементы должны были подчиниться ему «наравнѣ съ небными. Отъ буквы *т* пошли:

«Сербское . . . . ћ	отъ буквы: *д*.—
«Польское и	Сербское . . . ћ
«Бѣлорусское . . . ć	Польское и
«Верх. Лужиц. ć (чь)	Бѣлорусское dz
«Нижнелужиц. ś (шь)	В.луж. и Малорус. въ
«Общерусское ч, щ.	Галиціи . . . . . dż (дж)
«Цвнос. (Бол.) шт, щ.	Общерусское и
	Нижнелужиц. . . . ж.
	Чешское . . . ž, z
	Цвнослав. . . жд.

Даже самое *с* находитъ соотвѣтную мягкую въ Польской ś (сь), и чрезъ сію послѣднюю граничитъ съ шипящею: *ш*. Точно такое же соотношеніе между буквами *з* и *жс*, чрезъ Польское z (зь).—Далѣе, въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ славянскихъ (именно въ восточной вѣтви), самыя губныя иногда видоизмѣняются особымъ образомъ, при со-

(1) Въ этихъ словахъ, явно, однакоже, противорѣчіе или обоюдность, которую особенно любитъ Авторъ: *всѣ прочія*—значитъ ли *зубныя* согласныя или же вообще всѣ согласныя, кромѣ *д, т, с*? Изъ слѣдующаго за симъ видно, что *з, жс, г, ц*, и проч. суть производныя отъ *г, к, х*: за чѣмъ же не считать и этихъ трехъ звуковъ коренными? Не знаю, какъ понимать Автора? однѣ и тѣже буквы являются у него производными двухъ порядковъ напр. *з* и *жс*—разрѣшеніемъ *г* и потомъ, на 83 стр. разрѣшеніемъ *д; ч*, и ц—разрѣшеніемъ *к* а потомъ—*т*, т. е. производными сперва гортанно-небнаго а потомъ зубнаго порядка.

		четаніи съ небнымъ элементомъ голоса. Не будучи сами способны къ смягченію, онѣ берутъ на помощь мягкую *л*, или лучше, превращаютъ послѣдующую јоту въ эту мягкую согласную. Отсюда эвфоническія группы: *бл, мл, вл*.»

Мы не приводимъ здѣсь того, что Г. Катковъ говоритъ далѣе о полугласныхъ: *небной* и *губной*, — потому что это не находится въ тѣсной логической связи съ обозначеннымъ фактомъ смягченія согласныхъ въ языкахъ Славянскихъ и имѣетъ болѣе примѣненія къ языкамъ Индо-Европейскимъ вообще, нежели къ первымъ.—Между различными примѣрами, которые Авторъ приводитъ въ подтвержденіе разныхъ своихъ догадокъ и мыслей встрѣчаются слѣдующія три *обмолвки*, сдѣланныя Авторомъ не случайно но невольно, обмолвки — опровергающія коренное начало сравнительной системы, которой онъ съ такимъ слѣпымъ вѣрованіемъ придерживается и показывающія, съ одной стороны — правдолюбіе *честнаго ученаго*, готоваго говорить даже противъ себя въ дѣлѣ истины, съ другой стороны—тотъ здравый, независимый взглядъ на языкознаніе, который самъ собою выступаетъ изъ тѣхъ тѣсныхъ схоластическихъ рамокъ теперешней системы, какими Авторъ оковалъ его.—Сказавъ о соотношеніи между небными буквами и разрѣшающими ихъ зубными, которое съ наибольшею чистотою и правильностію раскрывается въ древнѣйшемъ діалектѣ Славянскаго языка—Церковномъ и которое съ теченіемъ времени, особенно въ русскомъ языкѣ, — утерялось, — Авторъ беретъ производныя буквы *з, с, дж, ж* и ищетъ для нихъ въ языкѣ Санскритскомъ и Зендѣ первообразнаго, нормальнаго типа, изъ котораго можно бы было произвести оныя. На стр. 95 Г. Катковъ говоритъ: «здѣсь «кстати и, кажется, можно сличить съ Санскр. *джіѓва*, Зенд. «*ѓізва*, наше рѣченіе *іѧзыкъ* (inserta nasali, какъ въ Латинск. «lingua). Отношеніе Санскр. *грĭдаја* къ нашему *сердце* сюда

«не подходитъ. Санскритское ŕ въ семъ послѣднемъ случаѣ, «можетъ быть произошло въ позднѣйшее время изъ ç, какъ «слѣдовало бы заключить изъ Литовской формы: *szir-dis*, «Греческой: *καρδία*, Латинской *cord(is)*; ибо ç Санскритское «въ Европейскихъ языкахъ является, большею частію, въ «видѣ *к*, а у насъ то въ видѣ *к*, то въ видѣ *с* (въ Литовскомъ «же обыкновенно въ видѣ *sz*). См Боппа, Бюрнуфа и проч.»— И такъ въ Индійскомъ предкѣ нашихъ Индо-Европейскихъ языковъ являются нѣкоторые *производные* элементы, которыхъ *коренные*, нормальные типы существуютъ въ Европейскихъ потомкахъ? Какъ же представить себѣ это обыкновенное въ нынѣшней системѣ сравнительнаго языкознанія отношеніе послѣднихъ къ первому (какъ дѣтей къ отцу), когда въ первомъ оказывается нѣчто такое, что происходитъ или, по крайней мѣрѣ, производится изъ послѣднихъ? — Такое же явленіе замѣчаетъ Авторъ при наблюденіи надъ Санскритскою буквою *дж* (стр. 96): «Санскритской буквѣ *дж* (читай какъ «одну букву), въ Зендѣ, по указанію Боппа и Бюрнуфа, со- «отвѣтствуютъ *з* и *ж*,—у насъ тоже» (слѣдуютъ примѣры, изъ коихъ видно, что Славянскія *з* и *ж* произошли изъ Санскр. *дж*); но на слѣдующей страницѣ Авторъ съ безъотчетнымъ, невольнымъ побужденіемъ высказываетъ опроверженіе коренной, нормальной природѣ этой *дж:* «Въ цельтическихъ язы- «кахъ Санскритское *дж* является, напротивъ, какъ *д*, кото- «рое въ нѣкоторыхъ діалектахъ (именно въ Шотландіи) fere «ut *g'* (дж) sonat, какъ замѣчаетъ Боппъ въ Словарѣ. Это «напоминаетъ намъ о русской буквѣ *ж* другаго рода, про- «изшедшей изъ *д* и проч...» И такъ опять, коренной элементъ предка оказывается производнымъ по отношенію къ элементу его потомковъ? — Г. Катковъ, я думаю, сознавалъ уже здѣсь, хотя не ясно, что дѣлаемыя имъ наблюденія сами собою направляются, какъ удары, во главу ученія о происхожденіи всѣхъ разсматриваемыхъ имъ языковъ изъ Санскрита и потому, чтобы уклониться отъ замѣчанія, которое готовъ ему сдѣлать всякій здравомыслящій читатель: «есть

«кое что въ Санскритѣ, что произошло въ немъ изъ его по-
«томковъ» и чтобы поддержать колеблющееся право его перво-
родства—принужденъ былъ допустить странный, небывалый,
анти-органическій процессъ *изрожденія, черезърожденія, дву-
рожденія* или генеалогическаго *ретрогресса*,—я немогу даже
назвать его точнымъ именемъ,—такъ противу-естественнымъ
кажется мнѣ онъ,—и потому пусть лучше читатель самъ
опредѣлитъ его изъ словъ Автора. «Буква *ч*»—говоритъ онъ
на 98 стр. «изо всѣхъ производныхъ согласныхъ зубнаго ор-
«гана наиболѣе удержала свой природный мягкій характеръ.
«Воспользуемся здѣсь случаемъ, сдѣлать нѣсколько сличеній.
«Санскритскому корню *чар* (manducare) соотвѣчаетъ, можетъ
«быть, наше *чрево* (Церковнослав. *чрѣво*). Боппъ, въ Словарѣ,
«сближаетъ съ происходящимъ отъ Санскритскаго корня *чит*,
«прилагательнымъ *читра* (habilis, dexter, callidus) наше *хит-
«рый* (хытрый). Если допустить это сближеніе, то придется
«предположить, что буква *ч воротилась* въ небный органъ,
«сначала въ видѣ *к* (сл. Литовскую форму: *kytrus*), а потомъ
«ослабѣла въ *х*. На переходѣ *ч* въ *к* основано сродство на-
«шего глагола *копить* съ винословною формою *činajami*, отъ
«корня *чи* (colligere, cumulare)...» Какая странная метемпси-
хоза согласныхъ элементовъ Санскрита! Ни въ Литовскомъ
ни въ Славянскомъ языкахъ не могли явиться коренныя, нор-
мальныя *к* и *х* въ одно время съ производнымъ отъ нихъ—
Санскритскимъ *ч*,—не могли они явиться, въ одно и то же
время, независимо другъ отъ друга—подобно тому, какъ
живородныя сѣмена птицъ, рыбъ, звѣрей, растѣній, по твор-
ческому слову Бога, явились изъ земли и воды на свѣтъ
вдругъ, съ цѣлыми порядками и царствами; нѣтъ,—согласные
элементы языковъ—этихъ первыхъ *органическихъ* функцій
высочайшаго *органическаго* существа не явились на свѣтъ какъ
душа живá (Быт. 1. 20—21): они, по мнѣнію нашихъ лин-
гвистовъ, сперва явились (но неизвѣстно: какъ, откуда)? въ
языкѣ Санскритскомъ, потомъ умирали въ немъ, по смерти
переселялись въ разные языки: иные въ Греческій, Латин-

скій другіе—въ Цельтическій или въ Литовскій, потомъ изъ Литовскаго въ Славянскій и т. д.!! А стремленіе Бопповъ и Бюрнуфовъ выводить все непонятное въ языкознаніи изъ Зенда и Санскрита, видѣть въ измѣненіяхъ вокализма и консонантизма языковъ Европейскихъ—преобразованія или превращенія вокализма и консонатизма Санкрита,— не высказываетъ ли ясно эту давно осмѣянную въ ученомъ мірѣ вѣру въ *метемпсихозисъ*, которая держится въ сравнительномъ языкознаніи только потому, что *вокальные* и *консонантные* элементы не признаются только *душами* а частичками чего-то (Языка — названнаго только недавно, Беккеромъ — *организмомъ* т. е. животнымъ, *живымъ* существомъ)?!!

§ 24.

Идеи Г. Каткова о филологическомъ изученіи языковъ, предметѣ онаго, методѣ и проч.— Заключеніе: мѣсто, занимаемое сочиненіемъ Г. Каткова въ общемъ ходѣ русской филологической системы; двоякое значеніе онаго— какъ реакціи и какъ прогресса. — Оглядка на предварительный очеркъ нашей задачи: переходъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію.

Тутъ оканчиваются или, лучше сказать, *прерываются* изслѣдованія Г. Каткова, который напавши на *умягченіе* согласныхъ, отразившееся во всѣхъ нарѣчіяхъ славянскихъ—какъ на тропу, обнаруживающую слѣдъ какого то древнѣйшаго, всеобщаго переворота, сдвинувшаго цѣлый *консонантизмъ* Славянскій съ *первой* его колеи—съ довѣрчивостію пускается по этой тропѣ впередъ, въ глубину или даль до-историческую, обольщаясь мыслію, что она, быть можетъ, приведетъ его (въ языкѣ Санскритскомъ или другомъ) къ такому единичному, *цѣльному*, первообразному организму консонант-

ныхъ элементовъ, къ которому можно будетъ легко приладить раздробленный, анормальный, уклонившійся отъ первообраза своего организмъ *согласныхъ* языка Славянскаго... Но тамъ, гдѣ Авторъ думалъ уже найти первообразные элементы (какъ мы видѣли выше) и они оказываются только древнѣйшими *производными*, древнѣйшими частями какого то первобытнаго сокрушеннаго цѣлаго. Пересѣченіе или переплетеніе этихъ отрывочныхъ нитей, которыя заставляли Автора отъ Зенда и Санскрита возвращаться назадъ, *противъ теченія рѣки исторической*—къ Литовскому и Цельтическому языкамъ, эти переплетенія, все болѣе и болѣе спутываясь—остановили нашего путешественника, подобно тому, какъ корабль отважнаго мореплавателя останавливается непроходимою стѣною льдовъ полярныхъ, за которою природа скрываетъ—Богъ знаетъ!—или вѣчноюныя селенія первыхъ дней міра или безъутѣшное, печальное ничтожество *первой* своей жизни, на вѣки умершей?...Не находя нигдѣ первобытнаго единства консонантныхъ элементовъ—Авторъ явно сомнѣвается въ томъ: существовало ли оно, въ самомъ дѣлѣ, въ Словѣ человѣческомъ? и видимо наклоняется къ той мысли, что *разъединеніе* въ организмѣ языка совпадаетъ съ его *единствомъ*—первымъ моментомъ его историческаго существованія. «Есть»—говоритъ онъ на стр. 106—«въ языкѣ какая-то сила, враждебная единству. Не назначенъ ли онъ, по своей сущности, «быть сообщителемъ людей, и не выходитъ ли онъ на дѣйствіи своемъ, въ такой же мѣрѣ, ихъ разъобщителемъ?—«*При первомъ началѣ* своего объособленія племя и языкъ *зарождаютъ* въ себѣ сѣмена дальнѣйшихъ объособленій. Исторія рѣшаетъ вопросъ, что сильнѣе, то ли первое и основное «объособленіе племени, или тѣ сѣмена дальнѣйшихъ объособленій?—Іак. Гриммъ, руководясь аналогіею своихъ языковъ, «думаетъ, что особенности Славянскихъ нарѣчій въ древнѣйшую пору еще сильнѣе обозначались, чѣмъ нынѣ... Такъ, «можемъ согласиться съ Гриммомъ, что нарѣчія нашего языка, на первой порѣ своего объособленія, были ощутитель-

«нѣе...» Тамъ, гдѣ прерываются изслѣдованія Г. Каткова—прерываемъ и мы разсмотрѣніе его сочиненія; цѣлую вторую половину его книги: *О формахъ*—мы проходимъ безъ вниманія: довольно сказать, что одна мысль: вывести отъ куда бы то ни было *падежи* именъ и глагольные *изгибы*—эти органическіе останки, предшествовавшіе, по времени, измѣненіямъ въ вокализмѣ и консонантизмѣ Славянскомъ, которыхъ Авторъ *никакъ немогъ* произвести исторически отъкуда нибудь—одна эта мысль даетъ уже приговоръ о достоинствѣ второй части труда Автора: *Физики Кириллицы*.—Въ заключеніи своего Разсужденія Г. Катковъ касается двухъ противоположныхъ мнѣній «касательно «того процесса, какимъ языкъ образуетъ свои рѣченія и фор«мы.»—Въ одномъ изъ нихъ, которое Авторъ обозначаетъ какими то странно-поэтическими чертами можно видѣть, кажется, систему *атомистическую* или *буквенную*—къ которой, къ сожалѣнію, принадлежитъ и самъ Авторъ *элементовъ и формъ* славянорусскаго языка, выводимыхъ изъ Кириллицы; въ другой—описанной такъ же не вѣрными чертами (1), онъ указываетъ намъ систему *органическую*. Вотъ что замѣчаетъ онъ о послѣдней: «Говорится объ организмѣ языка, но гдѣ же «субъектъ организма, гдѣ же самъ языкъ? Ибо за множествомъ «*языковъ—языка*» (разумѣется одного, реальнаго, принадлежащаго какому нибудь народу) «мы не видимъ. Путемъ ли «отвлеченія добыть организмъ языка? Но путемъ отвлеченія «организмъ не добывается. Или строгою логическою мыслію, «которая сама себя добыла всестороннимъ отвлеченіемъ, ис«кать языка какъ единое цѣлое? (2)—Но симъ путемъ пріі-

(1) Авторъ здѣсь смѣшиваетъ старую *мнимо-органическую* школу, которая анализируя слова, добивалась напр. въ словѣ *пона* (пере-повка, попона) значенія перваго слога *по* и втораго *на*—съ новою школою, основанною Беккеромъ, школою собственно—*органическою*, которая анализируетъ только сложныя слова а не *анатомируетъ слоги*, напр. *перепонка* на пере+пон (а)+ка и т. д.

(2) Исключаю за этимъ слѣдующія строки: «Такая мысль, конечно, способна «дать намъ языкъ, какъ органическое цѣлое»—потому что они суть противорѣчіемъ тому что стоитъ сей часъ за ними.

«обрѣтенный организмъ будетъ только схемою. Языкъ толь-«ко мысленный не совершаетъ на самомъ дѣлѣ процесса ор-«ганической жизненности, а потому и не можетъ быть наз-«ванъ организмомъ дѣйствительнымъ.—И такъ гдѣ же тотъ ор-«ганическій языкъ, не какъ простое требованіе» (т. е. мечта философовъ?) «но какъ самая дѣйствительность?—Въ самыхъ «же языкахъ историческихъ, но не какъ полный и цѣльный ор-«ганизмъ, но какъ условный и частный (?), гдѣ помертвѣлый, «гдѣ сохранившій признаки жизни. Изучая языки, мы блужда-«емъ по развалинамъ сокрушеннаго организма.—Не должно ну-«гаться корней и анализа. Изъ однихъ фонетичетких началъ не «всегда можно объяснить строеніе этимологическихъ формъ»... Отдадимъ, отъ имени науки, честь и признательность Автору, который съ чистою, самоотверженною любовію къ истинамъ ея, высказывая эти идеи, вмѣстѣ съ тѣмъ произноситъ приговоръ неумытный собственному труду своему. Дай Богъ, чтобы наука всегда имѣла такихъ благородно-мыслящихъ тружениковъ, которые не обинуются жертвовать ихъ собственнымъ, личнымъ благомъ-ради общаго, святаго блага науки т. е. *истины*! — Разставаясь съ трудомъ Г. Каткова, скажемъ о томъ *значеніи*, которое имѣетъ онъ въ общемъ движеніи нашей филологической системы, которое мы преслѣдуемъ теперь. — Всякое ученое сочиненіе, обнимающее собою извѣстную отрасль знанія или науки въ цѣлости не *компилятивной* (1), но болѣе или менѣе *систематической* имѣетъ двоякое значеніе: 1) по отношеніи къ предъшедшему состоянію или движенію системы науки, 2) по отношенію къ дальнѣйшему ея движенію или развитію. Въ первомъ случаѣ оно имѣетъ значеніе *реакціи* или момента *реактивнаго* т. е. сопротивляясь одностороннему ученію системы предшествующей, оно отталкиваетъ его выводы и результаты, выходящіе уже

(1) Отличать *Компиляцію* ученую т. е. всесторонній сбродъ всего того, что находится въ разныхъ книгахъ, вышедшихъ до нея отъ *систематическаго* труда, обнимающаго собою что-нибудь *одностороннее* въ наукѣ, но *цѣлое*—не считаю нужнымъ.

изъ орбиты науки, черезъ края оной—въ средину, къ центру, слѣд. хотя отрицательно, не вольно, но содѣйствуетъ къ тому, что безсознательныя начала, бродящія въ этомъ односторонемъ ученіи, приводятся къ сознанію. Во второмъ случаѣ оно имѣетъ значеніе *прогресса* или момента *прогрессивнаго* — т. е. выставляя въ замѣну обрушенныхъ имъ результатовъ и выводовъ ученія прежняго, — новыя истины или положенія, оно силится распространить оныя на цѣлую орбиту науки и движется въ безвѣстномъ ея пространствѣ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ какой нибудь *преграды*, которая останавливаетъ дальнѣйшее движеніе мысли. Такимъ образомъ моментъ *прогресса* становится моментомъ *покоя* системы, который, въ свою очередь, долженъ вызвать новую *реакцію, для* новаго и дальнѣйшаго движенія науки. — Сочиненіе Г. Каткова — въ общемъ ходѣ русской филологической системы имѣетъ значеніе и *реакціи* и *прогресса*. Ежели разсматривать оное по отношенію къ сочиненію *Павскаго*—одному изъ позднѣйшихъ ученій, предшествовавшихъ ученію Г. Каткова, то въ сочиненіи нашего Автора можно видѣть *разрѣшеніе* и *уясненіе* филологической системы Павскаго. Она представляетъ, какъ мы видѣли, *хаотическій синтезъ* всѣхъ возможныхъ элементовъ, входящихъ въ область языкознанія: грамматики языка новѣйшаго съ ученіемъ о языкѣ въ древнемъ его видѣ или съ филологіею въ тѣсномъ смыслѣ слова, спеціальнаго сравнительнаго языкознанія (Славянскаго) съ всеобщимъ сравнительнымъ языкознаніемъ (всѣхъ *историческихъ* языковъ міра), грубаго эмпиризма (въ ученіи о *ерахъ*) съ натянутымъ идеализмомъ (въ ученіи о существительныхъ) и проч.—Г. Катковъ *разрѣшилъ* этотъ хаотическій синтезъ и сдѣлалъ болѣе опредѣленными смутныя, бродящія его начала: онъ 1) отдѣлилъ Филологію отъ грамматики и вмѣстѣ съ тѣмъ *стѣснилъ, сжалъ*, опредѣлилъ точнѣе неопредѣленный *объемъ* ея, ограничивъ оную изслѣдованіемъ *языка русскаго* не въ обширномъ, безразличномъ его смыслѣ, но одного древняго русскаго языка или языка *Славянорусскаго;* 2) онъ сжалъ нѣ-

сколько объемъ вспомогательной науки—Сравнительнаго языкознанія—съ одной стороны, давъ голосъ и мѣсто (жаль только, что не первое!) Сравнительному славянскому языкоученію (которое у Павскаго вовсе почти не имѣетъ мѣста), съ другой стороны—ограничившись въ области всеобщаго языкознанія—семействомъ *ближайшихъ* по сродству языковъ индоевропейскихъ (тогда какъ у Павскаго и самые отдаленные, наприм. языки цельтическіе, играютъ одинаковую роль). Въ этомъ заключается, по моему мнѣнію, значеніе сочиненія Г. Каткова какъ *реакціи* въ отношеніи къ *ультра-атомистической* или ультра-эмпирической системѣ нашей филологіи. Значеніе его какъ *прогресса*—мы уже видѣли въ нашемъ обзорѣ: Г. Катковъ *шелъ впередъ* — безъотчетно, но смѣло, достойно труженика науки; но, говоря правду, онъ не *свернулъ* съ прежняго пути на новый *а повернулъ* только въ другую сторону и пришелъ мыслящимъ путемъ все таки къ тому же, къ чему пришелъ и Павскій, сличая грамматическія формы и корни языка русскаго съ формами и корнями всѣхъ ему извѣстныхъ языковъ міра, къ чему, какъ ниже увидимъ, пришелъ и знаменитый нашъ Лингвистъ—*Шишковъ* т. е. что первые органическіе элементы языка русскаго (какъ и каждаго другаго) разбросаны по всѣмъ языкамъ историческимъ . . . . Истиннымъ выигрышемъ для себя въ трудѣ Г. Каткова—наука можетъ считать тѣ *противорѣчія* системы сравнительнаго языкознанія самой себѣ, которыя Авторъ нашъ вынесъ изъ своего далекаго странствованія и которыя, колебля *эмпиризмъ* атомистической, философско-органической и сравнительной системы — обѣщаютъ намъ, со временемъ пролить свѣтъ и свѣжій воздухъ въ темную и душную сферу *буквеннаго языкознанія*.

Припомнимъ себѣ путь, начертанный нами съ самого начала, чтобы не забывать, куда и съ какою цѣлію мы идемъ. Мы ищемъ системы русской филологіи, которая должна быть наукою объ *организмѣ* языка русскаго т. е. о его *ма-*

теріи и *формахъ;* для этого мы начертали себѣ путь, можетъ быть, долгій, трудный, утомительный, слѣпо-недовѣрчивый, но за то самый вѣрный: выступаемъ не отъ начала къ *концу*, но отъ конца къ *началу*, идемъ не отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, впередъ, вверхъ, но отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, назадъ, въ глубь. Мы обозначили этотъ путь, сказавши, что узнаемъ сперва 1) чѣмъ можетъ быть русская филологія, потомъ, 2) чѣмъ она *есть* и наконецъ 3) сравнивши то, чѣмъ она *есть*, съ тѣмъ, чѣмъ она *можетъ быть*—получимъ въ результатѣ—*чѣмъ* она *не есть* еще и потому *чѣмъ должна быть*.— Изъ разсмотрѣнныхъ нами сочиненій Павскаго и Каткова мы можемъ видѣть, что русская филологія *есть* ученіемъ о *формахъ* языка и притомъ ученіемъ эмпирическимъ, безъотчетнымъ, чуждымъ *общихъ началъ* науки. Всякій читатель, припомнивъ наше общее вступительное разсужденіе о *предметѣ*, *методѣ* и *цѣли* филологіи, скажетъ, что филологія должна прежде заняться *матеріею* языка а потомъ уже его *формами*, потому что первая древнѣе, *начальнѣе* послѣднихъ. — Она и занималась *матерію* языка прежде всего, въ самомъ началѣ своего возникновенія въ нашемъ отечествѣ (1802 г.) — при усиліяхъ перваго и единственнаго филолога нашего—вѣчно памятнаго Шишкова, и получила даже нѣкоторую цѣлость въ его *лексикологической системѣ*.—И такъ, отъ *конечнаго*, современнаго состоянія нашей филологіи взойдемъ къ *начальному*, первичному ея состоянію: съ обозрѣніемъ лексикологической системы Шишкова мы получимъ полное понятіе о томъ, *чѣмъ есть* русская филологія. Критическая повѣрка основаній, на которыхъ опирается система Шишкова—сама собою поведетъ насъ къ узнанію того, *чѣмъ* еще *можетъ* быть русская Филологія какъ наука; а оттуда — инстинктъ науки, можетъ быть, поможетъ намъ какъ нибудь придти къ тому, чѣмъ *должна быть* теперь *наша Филологія*, какъ наука въ собственномъ смыслѣ слова.

§ 25.

Нѣсколько словъ въ память Шишкова и эпохи его. Контрастъ и паралель между Шишковымъ и Карамзинымъ. Фазы филологической дѣятельности Шишкова.

Отъ филологическихъ изслѣдованій Павскаго и Каткова мы переходимъ къ обширнымъ, многообъемлющимъ трудамъ, или лучше сказать, *работамъ* въ области русскаго, общеславянскаго и всеобщаго языкознанія—нашего перваго Лингвиста и Филолога: А *Шишкова*. Отъ *современной* намъ эпохи, кипящей разнообразною, хотя безсознательною и эксцентрическою, развлеченною, дѣятельностію *многихъ* Филологовъ—перенесемся почти на полустолѣтіе назадъ, къ той *первоначальной* эпохѣ, въ которую русская филологія, русская литература, русская гражданственность и образованность *сосредоточивались* въ лицѣ *двухъ Филологовъ* (1), въ которую однимъ словомъ, все *Русское*—начинало первые, ясные и веселые дни своей жизни. Это эпоха—безъ преувеличенія можно сказать—*поэтическая*: и по *отдаленности* своей отъ нынѣшняго времени, и по сумраку *неизвѣстности*, до сихъ поръ еще облекающему ее, и по патріархальной сановитости и величавости ея—столь ярко выдающихся изъ за мелко-кудреватаго *рококо* нашего *прогрессивнаго* времени . . . . по, что болѣе всего привлекаетъ душу,—это эпоха, *поэтическая*—по тому благоуханному аромату *юности* и по той животворной

(1) Мы принимаемъ здѣсь это слово въ обширномъ значеніи его, какое имѣло оно у Древнихъ и имѣетъ теперь въ ученомъ мірѣ напр. Нѣмцевъ, т. е. мы понимаемъ подъ филологомъ не *языковѣда*, но любослова, любознателя, *мыслелюба*,—(какъ хотите переводите его) или, просто, ученаго, литератора.

теплотѣ *мужества* Россіи, которыя приносятся оттуда къ душѣ Русскаго—

Какъ прилетѣвшее внезапно дуновенье
Отъ луга родины . . . .

(Жуковскій)

Русскимъ эта эпоха теперь мало извѣстна, потому, что они или забыли ее или не заняты ею — будучи заняты другимъ, но не *Русскимъ*. Но въ нашей наукѣ она вѣчно-памятна и мы воскресили бы хотя очеркъ ея,—ежели бы это не показалось отступленіемъ отъ нашего предмета. Ограничимся, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что скажемъ, что въ эту эпоху *зародилась* русская ученая или лучше сказать, *мыслящая* дѣятельность вообще и что, слѣдоват. въ этой эпохѣ лежитъ первое *начало* и нашего филологическаго изученія. На обширномъ и, можно сказать, безбрежномъ полѣ (1) умственной

(1) Она представляла именно *поле* и поле *безбрежное*—потому, что 1) на немъ не было еще ни цвѣтовъ, ни жатвы: сѣмяна, посѣянныя *Великимъ* и *Великою*, медленно прошибались въ нѣдрахъ глубоко взрытой почвы русскаго быта, но не всходили еще; 2) оно не было уже загромождено ни *Нѣмечиною* ни *Французчиною* (какъ въ XVIII в.), которыя, какъ театральные лѣса и кулисы—выписанныя на время изъ за моря—были убраны со сцены и она *открылась* для Русскихъ—со всѣхъ сторонъ, какъ молодое поле, съ края неба до края. Читатели мои—и особенно ученые, я надѣюсь, примутъ мои слова за чистую а не поддѣльную монету, если они хорошо *знаютъ* эпоху 1800 года: я говорю это, оставаясь съ полнымъ и сердечнымъ уваженіемъ къ *Европейскому* и *Человѣческому*, которымъ или, лучше сказать, введенію которыхъ чрезъ *Великаго* и *Великую*, Россія обязана большею половиною того, что теперь имѣетъ. Называя Французчину и Нѣмечину *кулисами*—я правъ, какъ *человѣкъ*, какъ ученый: я разумѣю здѣсь не образованность и литературу Французскую или Нѣмецкую вообще, но модные и эфемерные костюмы той и другой, которые носили наши Трельяковскіе, Сумароковы, подъ часъ даже Херасковы и Державины, въ которые—какъ въ переплетъ—было оправлено наше высшее общество,—въ которые, какъ въ футляръ, всували молодое русское общество (ученыхъ и литераторовъ) и которые были совершенно чужды нашему среднему классу—имѣвшему *народныя училища*, созданныя *Великою*. Шлецеры и Миллеры, всякій скажетъ, не принадлежали ни къ Французчинѣ ни къ Нѣмечинѣ: они принадлежали къ европеизму или человѣчности, слѣдов. и къ русизму,

человѣческой жизни, какое представлялъ русскій міръ съ началомъ XIX вѣка, пришедшій послѣ медленнаго и упорнаго броженія всѣхъ своихъ стихій, длившагося ровно сто лѣтъ—въ состояніе тихаго, безмятежнаго *покоя*, на этомъ безбрежномъ полѣ, повторяемъ, съ 1800 годомъ появляются, съ двухъ противоположныхъ точекъ горизонта два лица, два образа—

который получилъ на нее законное право съ Екатериною II. Шлецеры и Миллеры, по этому, остались въ Россіи и останутся *вѣчно*: они не *загораживали* сцены русской но, скорѣе, *огораживали* ее, сосредоточивая дѣятельность умственную Россіи—на самой же Россіи. Но эфемерная Французчина и Нѣмечина съ ихъ *педантизмомъ* и *вольтеріанизмомъ* (см. сочин. Фонъ-Визина)—были лѣса и кулисы для потѣшной *комедіи*, разыгрывавшейся на широкомъ лугу Руси къ *наслажденію* Вольтеріанцевъ—сибаритовъ не говорившихъ по русски (изъ стыда слышать свои звуки) и къ *горю* молодаго поколѣнія, которое, будучи заперто въ этомъ театрѣ, задыхалось—но не смѣло выйти изъ него—*прежде* Меценатовъ. Это молодое поколѣніе видѣло за тяжелой драпировкой Парижа и Берлина просвѣты и дали какого-то безбрежнаго неба и—какъ ему думалось—неба русскаго, свѣжій воздухъ котораго оно втягивало полною грудью: но все же оно *томилось*. Екатерина стала одѣвать въ якобинскіе фраки, въ которыхъ щеголяло наше *высшее* поколѣніе въ Лѣтнемъ Саду,—сторожей, выметавшихъ аллеи, и французскіе фраки изчезли того же дня: такъ же скоро изчезали и лѣса и кулисы и къ концу XVIII вѣка русское молодое поколѣніе увидѣло чистое, полное небо—просвѣтами и далями котораго оно любовалось только украдкой. Но это не было *русское* небо: грань родимой почвы, окаймляя его бездонный куполъ—отодвигалась все далѣе, за каждымъ шагомъ, который дѣлало молодое поколѣніе, спѣша къ этой грани, какъ къ завѣтной цѣли, подобно тому, какъ рѣзвушка—дитя, играя на лугу, вдругъ заглядится на яхонтовую синеву изъзагорнаго неба: его беретъ любопытство: что тамъ за горою: есть ли конецъ этому небу?..., оно бѣжитъ, взбирается на вершокъ горы и видитъ тамъ—еще небо .... и думаетъ: а тамъ, за сизою каймою дремучаго лѣса и еще небо, и еще небо, и подъ нимъ все люди и люди .... эта аллегорія лучше всего характеризуетъ эпоху Россіи 1800 года,—эпоху кризиса—для Французчины и Нѣмечины, которыя изчезли со сцены русской какъ декораціи при перемѣнѣ театральной, и для *Русскаго*—которое вдругъ, разомъ выступило на сцену русскаго и европейскаго, или лучше, *человѣческаго* міра, открывшагося передъ нимъ со всѣхъ сторонъ, какъ божественное, вѣчное небо открывается очамъ—на широкой украинской степи или на взгорьи. *Всесторонность* или совмѣщеніе *всего*, что только есть Человѣческаго, съ *Русскимъ*—вотъ,

*

ярко рисующіеся на ткани русскаго полувѣковаго прошедшаго, (хоть не для *всѣхъ* насъ) ярко противоположные другъ другу . . . *Карамзинъ* и *Шишковъ*. Контрастъ между ними самими, между ихъ направленіемъ и результатомъ ихъ исполински-энергической дѣятельности — стоитъ вниманія не только Русскаго но и всякаго человѣка, любящаго смотрѣть взоромъ мыслящимъ на *прошедшее*, на исторію. Одинъ—

что характеризуетъ нашу эпоху 1800 года, вотъ, что составляетъ честь, славу, національный интересъ этой эпохи—въ такомъ случаѣ уже не только *поэтической* но и *исторической*. Возьмите главныхъ представителей этой эпохи и укажите мнѣ хоть *одного* между ними, который бы не былъ вполнѣ *Европеецъ* и въ то же время *Русскій*. *Карамзинъ*—но объ немъ не зачѣмъ и говорить: онъ остался образцемъ Европейца и Русскаго на цѣлые 50 лѣтъ для *насъ* (хотя мы—прогрессисты—уже и не смотримъ на него); *Шишковъ* . . . . «да это закоренѣлый ретрогрессистъ до Петровой эпохи!» скажутъ мнѣ,—повторяя на-слово отзывы современныхъ ему противниковъ сочиненія: «*О старомъ и новомъ слогѣ*»; нѣтъ—ошибаетесь, Гг., вы не читали Шишкова и *не знаете* его, если такъ говорите. Шишковъ не отставалъ ни отъ чего: онъ требовалъ, чтобы мы въ литературѣ *остались* при нашемъ языкѣ, не вводя въ него чужихъ корней—и онъ былъ правъ, ибо а) корни каждаго языка, его *матеріи*—есть нѣчто простое, элементарное, неизмѣнное, и ежели измѣняется иногда, то временемъ и цѣлою *массою* говорящихъ, а не десяткомъ какихъ-нибудь полузнаекъ языка, пишущихъ на чужомъ языкѣ русскими буквами. Въ этомъ случаѣ Шишковъ, защищая языкъ, повторяю, былъ правъ, какъ Филологъ (хоть не вполнѣ, распространяя свое требованіе и на слогъ учености, не одной литературы): ежели онъ твердилъ эту идею, то поступалъ какъ ученый, какъ Европеецъ—не только какъ Русскій; б) языкъ есть храмина идей и жизни народа: Шишковъ, требуя, чтобы мы, оставаясь при своемъ языкѣ,—изучали его *разумъ*,—этимъ самымъ двигалъ *самомыслительность*—единственный рычагъ прогресса; осмѣивая же галлицизмы и германизмы—Шишковъ устранялъ тенета, разставляемыя для здраваго хода юной мысли русской, разъобнажалъ шарлатанизмъ образованности и учености, прикрывавшій себя формами, взятыми на прокатъ,—подобно тому какъ теперь фонарныя тѣни философіи и эстетики гуляютъ у насъ по литературѣ подъ костюмами, сшитыми изъ *идеи, субъекта, художественности, типа, концепціи, нимба, ореола* и проч. И такъ Шишковъ былъ Русскій—прогрессистъ. А ежели мы скажемъ, что изъ всѣхъ филологовъ Европы онъ *одинъ* отозвался со всею энергіею практики на идею о языковѣденіи, какъ *естественной исторіи* слова, *до сихъ поръ* оставшуюся (послѣ *Монбодде*

юноша, пламенный, полножизненный, съ образованіемъ *универсальнымъ* и при томъ чрезвычайно солидпымъ и глубокимъ, *оконченнымъ* вполнѣ въ Россіи и только повѣреннымъ путешествіемъ по образованной Европѣ XVIII вѣка: этотъ *юноша-Европеецъ* стремится, какъ атлетъ, отъ русскаго и славянскаго міра къ европейскому, ведя за собою все молодое поколѣніе, имѣя девизомъ: «Nihil a me humani alienum puto» съ прибавкою: «главное дѣло быть *людьми* а не *Славянами.*» — Другой—*мужъ*, зрѣлый, съ маститымъ видомъ старца, съ образованіемъ *спеціальнымъ* — (достойнымъ Адмирала и Президента Россійской Академіи) по *интенсивностію* его превосходящимъ образованіе перваго, съ дѣятельностію столь же исполинско-энергическою но съ перваго же раза получившею характеръ *практицизма*, положительности: этотъ *мужъ*-Русскій идетъ медленно, отъ европейскаго міра къ русскому и славянскому, идетъ—*одинокій*, не ведя за собою никого, не имѣя ни какого девиза призывнаго, представляясь всѣмъ какъ запоздалый *памятникъ прошедшаго* — тогда, какъ онъ былъ, подобно юношѣ, такимъ же *пророкомъ будущаго*. — Эти два образа: *юноша* и *мужъ*, суть символы двухъ жизненныхъ силъ *новой Руси* (XVIII—XIX в.), противоположныхъ, но *органически*, слѣд. неотъемлемыхъ, нераздѣльно-единыхъ: *Русскаго* и *Человѣческаго* или, точнѣе выражаясь: *Мыслящаго* и *Дѣятель-*

и *Куръ де Жебелена* 1783–86 г.) безъответную и только въ прошломъ году (1847.) воскрешенную однимъ ученымъ Нѣмецкимъ—Шмиттомъ, послѣ 60-лѣтняго ея покоя,—то мы должны признать, что Шишковъ былъ и Европеецъ—прогрессистъ. Въ заключеніе достаточно указать на Державина, поэзія котораго—*Русская* и, между тѣмъ, идеи чистѣйшаго *монизма* (Богознанія) въ ней тогда же привлекли справедливое изумленіе Европы и Востока, слѣд. признаны были духомъ *человѣчества*. И такъ, кого ни возьмете между представителями первой нашей эпохи,—вы увидите что они—вполнѣ Русскіе, будучи въ то же время и вполнѣ Европейцы. А что укажете вы мнѣ въ эпохѣ современной, прогрессивной? . . или *Европейца* (да и то по большей части на-прокатъ) который считаетъ долгомъ быть не-Русскимъ, или Русскаго, который считаетъ стыдомъ или соблазномъ быть Европейцемъ. Смиримся же предъ *прошедшимъ*—оно *выше* насъ, оно—образецъ для насъ! . . .

наго, человѣческаго и гражданскаго.—Карамзинъ и Шишковъ суть именно первые образцовые представители этихъ двухъ жизненныхъ силъ, которыя стали полюсами въ повозданномъ русскомъ мірѣ, равновѣсіемъ которыхъ держался онъ *въ себѣ*, вращался по назначенной ему орбитѣ въ кругу другихъ міровъ человѣческихъ уже полъ вѣка, при равновѣсіи которыхъ онъ будетъ держаться и вращаться и далѣе.... Называя ихъ представителями *двухъ* силъ я высказываю этимъ не то, что одинъ изъ нихъ былъ двигателемъ одного Европеизма, шелъ въ одну сторону, другой—поборникомъ одного Руссизма и шелъ въ другую сторону: нѣтъ—каждый изъ нихъ совмѣщалъ въ себѣ обѣ силы, оба направленія, по крайней мѣрѣ каждый, свободно и сознательно выступая изъ *своей* точки,—съ какою то мимовольною, безъотчетною необходимостію приходилъ въ точку отправленія *другаго*. Это фактъ—достойный мыслящаго взгляда на судьбы, подъ вліяніемъ которыхъ развивается духъ человѣческій и народный въ его историческихъ представителяхъ!—Юноша и мужъ идутъ, по направленію ихъ, *другъ противъ друга* и—между тѣмъ—сходятся *другъ* съ *другомъ*.—Карамзинъ юноша бѣжитъ отъ *Русскаго* и *Славянскаго* къ Европейскому и *выступаетъ* отъ Европейскаго но самъ не знаетъ куда.... Послѣ призыва «главное—быть «людьми а не Славянами,» высказаннаго передъ путешествіемъ по Европѣ—можно замѣтить какую то тоску въ его горячей, энергической душѣ, такъ поэтически имъ высказанную въ письмѣ изъ Кале, гдѣ онъ—съ береговъ Франціи готовясь переѣхать въ романическую (для него) Англію—«какъ дикій «лѣсовъ Канады, чувствуетъ хладъ въ сердцѣ и хотѣлъ бы «возвратиться въ бѣдный шалашъ родины, гдѣ грудь его «согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.» Отъ чего эта тоска?—Отъ пустоты, отъ бездѣлья?.. Карамзинъ не былъ *поэтъ*, не былъ Европеецъ на прокатъ; отъ тоски по родинѣ?.. Карамзинъ уѣхалъ всего на два года и изъ Англіи долженъ былъ воротиться домой.—Отъ чего же?—Отъ чего, спрошу я, мы—смотря въ бездонную синеву вещ-

няго неба или на безбрежную окраину моря — *тоскуемъ*, какъ ни чудно-прекрасно и море и небо?—Отъ того, что не видимъ ни *начала* ни *конца*, не находимъ *центра*, въ которомъ бы могли мы установить взоръ нашъ и уловить, остановить, такъ сказать, эти волны вѣчно-безконечнаго пространства, которыя снуются передъ глазами, равнодушно, невозмущаемо-однообразно, утомляя и глаза и душу. Нѣтъ *центра*—нѣтъ и тяготѣнія нашей души къ чему нибудь, нѣтъ *цѣли* .... Карамзинъ тосковалъ отъ того, что Европа, для него—вполнѣ Европейца, постигавшаго (въ числѣ весьма *немногихъ*) Гердера и Боннета — была безконечною сферою, въ которой юный духъ его парилъ безцѣльно и могъ бы сказать о себѣ словами Державина:

....*жизнь я ощущаю,*
Несытымъ нѣкакимъ летаю....

Но жизнь не есть летаніе или пареніе: жизнь есть дѣятельное, производительное бытіе—у Карамзина для этого не доставало *центра* т. е. исходной точки и *цѣли*: онъ *думалъ*, *мечталъ* но не *дѣлалъ*, и отъ того то такъ глубоко-человѣчески, такъ тепло-сердечно тосковалъ. Пріѣхавъ въ Россію, инстинктомъ нашелъ онъ на центръ, котораго искала его *человѣческая* душа: этотъ центръ—было *дѣло, Россія*.—Она именно и стала точкою поворота (Wendepunkt) его первоначальнаго стремленія. «Для насъ, Русскихъ душею»—писалъ онъ, работая надъ своею Исторіею—«одна Россія самобытна, «одна Россія истинно существуетъ. Все прочее—есть только «отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. *Думать, мечтать*— «можемъ мы во Франціи, Англіи, Германіи; но *дѣло дѣлать*— «единственно въ Россіи; иначе,—нѣтъ *гражданина*, нѣтъ и «*человѣка*.»—Сравните этотъ девизъ съ первымъ: «главное— «быть людьми а не Славянами», вспомните колоссальный памятникъ: *Исторію* Карамзина, которою до сихъ поръ еще живетъ все русско-историческое направленіе,—вы согласитесь, что Карамзинъ вышелъ изъ Европеизма, а пришелъ къ Русизму.—Тоже было и съ Шишковымъ: дѣятельность его мы

будемъ видѣть въ нашей статьѣ подробно и потому обозначимъ здѣсь только фазы ея.—Шишковъ началъ съ защищенія *стараго слога* отъ нападокъ карамзинистовъ. Принужденъ будучи доказывать ученымъ образомъ, что *русскій* языкъ не есть нѣчто особое, отличное отъ языка *Церковнославянскаго*, Шишковъ сперва утверждалъ что онъ есть ни что иное какъ *слогъ*, только видоизмѣненіе послѣдняго,—но потомъ долженъ былъ согласиться, что онъ есть *нарѣчіе;* признавъ русскій языкъ нарѣчіемъ,—Шишковъ, для удержанія тождества, родственности его съ Церковнославянскимъ долженъ былъ признать этотъ послѣдній такъ же *нарѣчіемъ* а не языкомъ (ибо тогда русскій былъ бы все таки нарѣчіемъ, видоизмѣненіемъ Церковнославянскаго); признаніе Русскаго и Церковнославянскаго языка *нарѣчіями*—заставило Шишкова искать *языка*, изъ котораго возникли эти нарѣчія. Это увлекло его въ сферу Славянскаго языкознанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ сферу Славянскаго міра: сочиненія его служатъ лучшими лѣтописями этой дѣятельности его въ послѣднемъ, которая—къ удивленію—и не была помянута даже школою теперешнихъ Панславистовъ нашего отечества.—Но безъотчетная, копотливая работа въ области языкознанія славянскаго не могла остаться долго такою для мужа *мыслящаго:* она требовала *цѣли, началъ*.—Шишковъ въ словахъ языка видѣлъ *разумъ* и сталъ искать питей, связующихъ частицы языка въ одно цѣлое; онъ нашелъ, что основныя нити во всѣхъ языкахъ одни,—но ткань ихъ въ языкахъ *различна,* потому что въ каждомъ онѣ идутъ не по одинакимъ направленіямъ. Шишковъ сталъ отыскивать, разумѣется сперва нити *основныя:* для этого нужно было *сравнивать* сходное языка русскаго или славянскаго съ языками европейскими: онъ получилъ *деревья* или колѣна словъ одного корня: *ст-(ою), st-(are); пин-(аю), pin-(gere)* и др.; такимъ образомъ изъ частнаго сравнительнаго языкознанія—Славянскаго, Шишковъ перешелъ въ *общее сравнительное*—Европейское. Сходство между языками славянскими и европейскими въ *немногихъ* коренныхъ словахъ, навело его

на мысль о сходствѣ всѣхъ языковъ человѣческихъ въ основныхъ корняхъ *(Богъ, отецъ, вода, люблю):* Шишковъ, при помощи Палласова Словаря 200 языковъ,—сталъ сравнивать языки Европы и Востока, древняго и новаго міра и получилъ *семейства словъ*—вмѣсто прежнихъ *деревьевъ*. Такимъ образомъ, изъ области общаго сравнительнаго языкознанія—онъ перешелъ въ область *всеобщаго языкознанія* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очутился—самъ не зная какъ (1)—у подземнаго лабиринта, скрытаго въ глуби всѣхъ языковъ—у *первобытнаго міра*,—хотя еще не *въ* первобытномъ мірѣ. Эти слова: *первобытный міръ* для васъ мало понятны, но они еще не болѣе понятны и для всей нашей эпохи, при всемъ томъ, что она уже около 60 лѣтъ тяготѣетъ къ этому неизвѣстному міру, скрытому гдѣ то въ глуби многовѣчнаго прошедшаго. Но сообразите эти два явленія, которыя вы увидите назади и впереди себя (стоя, разумѣется въ точкѣ времени, совпадающаго съ дѣятельностію Шишкова). — Оглянувшись назадъ— вы увидите, къ концу XVIII вѣка, во Франціи, бредившей о *первомъ* человѣкѣ легко и вѣтрено, колоссальное сочиненіе ученаго Court de Gébelin: *Le Monde Primitif, analysé et comparé avec le Monde Moderne,* 1778, въ которомъ описаны: языки, Религія, Астрономія и проч. какого-то *перваго человѣчества* міра, человѣчества *древнѣйшаго міра*. Это сочиненіе—по его универсальности — Нѣмецкое, по солидности — Англійское, по эмпирической простотѣ, связности, ясности, наглядности — чисто Французское—не имѣетъ, однакоже, главнаго: исторической почвы, *основы;* мы видимъ между самыми разнообразными (по происхожденію, судьбамъ, мѣсту и времени) наро-

(1) Какъ и Карамзинъ, очутившійся вмѣсто Европы—въ мірѣ историческомъ Руси. Шишковъ былъ приведенъ самою наукою, слѣд. путемъ собственнаго, хотя безъотчетнаго, стремленія: по крайней мѣрѣ я не нахожу *нигдѣ* (въ его сочинен.) слѣдовъ, чтобы ему извѣстно было сочиненіе *Куръ де Жебелена:* Le Monde Primitif, которое могло бы не только *привести* но и *повести* его далѣе и *провести* чрезъ лабиринтъ, въ которомъ онъ, не имѣя путеводной нити, потерялся.

дами — нѣчто общее, *единое* въ языкахъ, религіи, наукахъ, письменности — и только. Откуда это общее? мы рѣшительно этого не знаемъ; одно несомнѣнно, — что оно не *сдѣлано* этими народами, ибо иначе — какъ могло оно у всѣхъ быть *единымъ?* И такъ оно *взято* ими: но откуда? — Тоже не знаемъ; но сомнительно, чтобы другъ отъ друга, — ибо мы ни какъ не допскиваемся *перваго* народа, который *бы* не *взялъ* оное отъ другаго, старшаго по времени, но *далъ* бы другому отъ себя. И такъ одно только вѣрно: что *общее, единое* въ языкѣ, религіи, общественной жизни народовъ Древняго міра — взято ими откуда-то: но *кто* далъ имъ оное, *гдѣ* былъ этотъ *кто, когда?* — Мы ровно ничего не знаемъ, кромѣ того, что этотъ *кто* - Человѣкъ — *былъ*. Куръ де Жебеленъ, по этому, назвалъ свое сочиненіе *міромъ первобытнымъ,* ибо онъ видѣлъ *память,* оставленную по себѣ *первыми* его обитателями, но не находилъ слѣда самыхъ обитателей, — *міръ,* но не людей, не народы. Идея Куръ де Жебелена взошла, какъ ранняя звѣзда, на горизонтѣ европейской *человѣчной* жизни (1786) и закатилась: я не находилъ нигдѣ отзыва на эту идею, не находилъ его даже въ одной изъ *очевиднѣйшихъ,* наиболѣе положительныхъ, *историческихъ* отраслей первобытнаго міра — *языкознанія.* — Въ этомъ году только встрѣтилось мнѣ что то похожее въ Архивѣ *Геррика* и *Фигофа,* — но *Шмитту* луше бы было просто развернуть томы *Жебелена* и выписать оттуда старое, уже готовое, нежели кружиться около *чего-то* будтобы новаго и едва, едва еще имъ предчувствуемаго (1). — Вотъ одно явленіе — позади насъ. — Огляпемся впередъ (1830—1848): мы найдемъ почти у всѣхъ народовъ стремленіе *къ древности* или *къ древнему* міру (2). — Это стремленіе сперва *развлекается,* какъ бы

(1) См. статью: Ueber Wortbildung besonders der neueren Sprachen, von Dr. A. Schmitt, — помѣщенную въ Archiv für das Studium der Neueren Sprachen und Litteraturen, herausgeg. von Ludwig Herrig und Heinrich Viehoff. 1847. Elberfeld und Iserlohn.

(2) Я считаю излишнимъ указывать здѣсь подробно на антикварную дѣятельность Правительствъ, ученыхъ обществъ, частныхъ лицъ — въ Англіи,

разбѣгаясь по периферіи центра, рѣя безъотчетно между древностями Востока, Классическаго Міра, Новаго Свѣта, Средневѣковой Европы; по чѣмъ далѣе—оно все болѣе и болѣе собирается въ себя, *сосредоточивается,* и въ послѣднія десятилѣтія можно видѣть, что оно становится уже отчетливымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе опредѣленнымъ — *спеціальнымъ, мѣстнымъ:* такъ у насъ, на примѣръ, весь *древній* русскій міръ, очерченный Карамзинымъ во всемъ широкомъ его *цѣломъ,*— съ возникновеніемъ *Скептической Школы* (1829 г. Каченовскій) началъ мало по малу *разрѣшаться* и *разъясняться*—подъ невидимымъ анализомъ мысли, работавшей изъ за скептицизма, который, какъ казалось ему, *разрушалъ* оный міръ; теперь—этотъ необъятный древній міръ Руси какъ бы уже распался въ изслѣдованіяхъ ученыхъ, сосредоточившихся на его *частяхъ: мѣстныя* антикварныя Общества (на примѣръ Одесское, Московское, Кіевское) изслѣдующія древности *Краевъ* или *Областей,* уже начали распадаться еще болѣе, сосредоточиваясь на древностяхъ *городовъ*.... Что значитъ это стремленіе къ изслѣдованію Древности, къ которому льнетъ всякій и въ которомъ, однакоже, не въ состояніи дать себѣ отчета?— Нѣтъ ли здѣсь какого нибудь соотношенія съ Куръ де Жебеленовымъ *первобытнымъ* міромъ? Не видно ли, что огромный синтезъ этаго міра уясняется, распавшись сперва на древніе міры *народовъ,* потомъ—на болѣе частные міры или сферы, области, пункты въ мірѣ одного и того же *народа,* которые, какъ частныя но особыя цѣлыя группировались *нѣкогда* одни около другихъ и такимъ образомъ составляли болѣе общія, крупныя цѣлыя: какъ наприм., *Сѣверное, Южное, Западное,* связуемыя одною общею почвою *древняго міра Руси?*.... *Не знаю,* какое именно здѣсь соотношеніе, но не сомнѣнно, что оно *есть.*—Шишковъ, какъ я сказалъ, былъ у *первобытнаго міра,* развивая въ своемъ *Собраніи языковъ* и *парѣчій* (Ч. XV)

Франціи, Германіи, Италіи, Даніи: она составляетъ характеръ нашей эпохи и всякому *читающему* (даже одни Русскіе Журналы) должна быть знакома хотя отъ части, по имени, по слуху.

ту идею, что «всѣ языки происходятъ отъ языка первобыт-«наго и суть ни что иное какъ отдаленныя нарѣчія онаго».— Такимъ образомъ, выступивъ отъ русскаго и славянскаго міра,—изъ области *практической*,—Шишковъ пришелъ къ *человѣческому* міру,—какъ Карамзинъ—выступивъ отъ европейскаго—пришелъ къ *русскому*. —Такимъ образомъ оба, идя—повидимому—другъ противъ друга, сошлись другъ съ другомъ—въ одинаковыхъ *полюсахъ* русскаго міра. Они работали не въ настоящемъ—но въ *прошедшемъ;* но работали для *насъ*, работали, по этому, и для *будущаго*, работали равно неутомимо и полезно: признаемъ же имъ ихъ великія заслуги въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ *науки о Русскомъ*,— да будетъ же имъ и *вѣчная память* въ этой наукѣ!

§ 26.

Оправданіе передъ читателемъ въ избраніи пути, ведущаго отъ конца русской филологіи къ ея началу. Начало филологическихъ трудовъ Шишкова.

Перейдемъ теперь къ началу филологическихъ трудовъ Шишкова. «Но почему повели вы насъ такимъ страннымъ, «противоестественнымъ путемъ?»—спроситъ у меня не одинъ читатель; «отъ чего вы думаете, что идя отъ конца къ *на-«чалу*, сверху *внизъ*, отъ передн *назадъ*, —вы ведете насъ отъ «извѣстнаго къ неизвѣстному и ведете путемъ самымъ вѣр-«нымъ? Павскій и Катковъ для большей части насъ не въ «такой же ли степени составляютъ *неизвѣстное* какъ и Шиш-«ковъ? —И такъ, не лучше ли было бы вамъ, предполо-«живъ малоизвѣстность русской филологіи вообще, начать съ «*перваго* неизвѣстнаго и описавъ намъ оное вполнѣ, потомъ «постепенно переходить къ другимъ неизвѣстнымъ, —тѣмъ

«болѣе, что — какъ можно заключать по вашему очерку а-«ргіогі — труды Шишкова, занимавшагося *матеріею* языка «представляютъ настоящее *начало* нашей филологіи, а труды «Павскаго и Каткова, занимавшихся *формами* языка — пред-«ставляютъ *конецъ* ея. Идя отъ начала къ концу — вы бы «шли путемъ болѣе натуральнымъ, путемъ исторической по-«степенности и показали бы намъ все *цѣлое* нашей филоло-«гіи». Какъ ни справедливы вы — повидимому — любезный читатель, — но вы очень и очень ошибаетесь, думая, что путь, противоположный тому, какимъ я слѣдую — былъ бы и болѣе *натуральный* и болѣе согласный съ историческою *постепенностію* и что онъ показалъ бы вамъ *цѣлое* русской филологіи. Я говорю: вы *ошибаетесь,* потому, что ежели бы я шелъ вашимъ путемъ, то велъ бы ваше мыслящее вниманіе *не натурально,* шелъ бы противъ постепенности исторической (въ наукѣ нашей) а главное — не показалъ бы вамъ ни какимъ образомъ *цѣлаго* русской филологіи, для чего собственно я пишу эту книгу. — «Какъ же это?» . . Выслушайте меня — я оправдаюсь передъ вами въ каждомъ моемъ словѣ. Я хочу познакомить васъ съ *филологіею русскою* — наукою, которую вы, не будучи ни ученымъ, ни литераторомъ, ни даже любителемъ литературы, полюбите отъ всей души, — которою вы станете заниматься охотно, потому что она чрезвычайно проста, легка, пріятна, *всякому* безъ исключенія доступна, потому наконецъ, что всѣ матеріалы ея для васъ, читающаго мою книгу — уже готовы у васъ: вы говорите по русски и вѣрно читаете хотя Новый Завѣтъ по церковнославянски.... а для насъ, учениковъ Рус. Фил., не требуется рѣшительно никакого бо́льшаго *приготовленія.* Вотъ цѣль *моя,* — но не забудьте, что *моя* т. е. собственная, личная, скрытая мною отъ васъ, — потому что до сихъ поръ я не говорилъ о томъ ни слова. Не забудьте такъ же, что я пишу не *русскую филологію* но *о русской филологіи,* — о *филологическомъ изученіи* русскаго языка. Отъ чего-же? отъ того, что филологіи русской нѣтъ еще ни въ *одной русской книгѣ:* есть только

изучавшіе и изучающіе русскій языкъ филологически, писавшіе и пишущіе о русскомъ языкѣ, слѣд. есть только собраніе трудовъ, служащихъ къ изученію русскаго языка или— какъ я выражаюсь вездѣ—есть только *филологическое изученіе* языка Славяно-русскаго. Я и самъ принадлежу къ числу *изучающихъ* языкъ отечественный и даже очень не давно (не болѣе четырехъ лѣтъ), но принужденъ будучи посвятить себя на долго этому изученію и не только для себя самаго но и для другихъ,—нашелъ самымъ полезнымъ прежде всего *осмотрѣться* въ этомъ чрезвычайно обширномъ и неопредѣленномъ предметѣ: въ теченіи четырехълѣтняго занятія я успѣлъ оглядѣть для себя все, найти отдѣльныя *части* этаго предмета, замѣтить *порядокъ*, въ какомъ одна изъ нихъ стоитъ подлѣ другой и видѣть, какая стоитъ прежде или впереди, *выше*, какая послѣ или позади, *ниже*. Опредѣливъ *части* и *порядокъ* ихъ,—я легко, при руководствѣ порядка другихъ наукъ, опредѣлилъ для себя и *цѣлое* моей науки и теперь знаю и входъ и выходъ изъ него, знаю и *начало* и *средину* а отъ части и *конецъ*.—Успѣвъ узнать, что мнѣ можно было и удалось узнать, хочу и считаю долгомъ полезнаго гражданина — сообщить это и другимъ, не только ученымъ но и всѣмъ вообще, любящимъ отечественный языкъ: послѣднихъ я долженъ даже болѣе имѣть въ виду нежели первыхъ, между которыми я, какъ изучающій, еще не имѣю мѣста. И такъ я пишу и для *неученыхъ*, слѣдовательно предполагаю, что они знаютъ только то, что написано до сихъ поръ о русскомъ языкѣ *въ филологическомъ отношеніи*. Но написано много и весьма *многими*,—а я говорю въ моей книгѣ только о *трехъ* сочиненіяхъ, — потому что пишу не о филологическихъ сочиненіяхъ, которыя знаетъ или легко можетъ узнать и безъ меня каждый читатель, но о филологическомъ изученіи, *о русской филологіи*, которой хотя нѣтъ еще ни въ одной русской *книгѣ*,—но которая существуетъ уже однако *въ русскихъ книгахъ*, для того, кто захочетъ извлечь ее изъ нихъ, подобно тому, какъ домъ, разобранный при переселеніи съ

одного мѣста на другое *существуетъ,* по разумѣется не въ цѣломъ а въ частяхъ, матеріалахъ, существуетъ для мастера, который эти части поставитъ другъ подлѣ друга, совокупитъ ихъ въ одно *цѣлое.* Я хочу показать вамъ *цѣлое* русской филологіи, предполагая, что оно какъ бы уже *есть,* подобно дому, который вы видите въ готовыхъ уже матеріалахъ и частяхъ: представьте себѣ, что эти части уже поставлены на мѣсто, сплочены, вообразите себѣ что этотъ домъ уже красуется передъ вашими очами и что вы хотите осмотрѣть его, узнать. Прежде всего вы осматриваете его *наружность:* вы не *подходите* къ дому—потому, что глаза ваши будутъ разбѣгаться по его громадной массѣ, не охватятъ всего объема его, голова будетъ задираться вверхъ, поворачиваться на право и на лѣво и шея заболитъ; чтобы видѣть *все* и притомъ *спокойно* т. е. обѣгая одними глазами, а не поворачивая шеи, вы *отходите отъ дома,* становитесь поодаль, но въ такомъ мѣстѣ, изъ котораго ваши глаза могли бы охватить весь силуэтъ зданія съ лицевой его стороны: ежели оно правильно построено, — вамъ не зачѣмъ осматривать другія стороны: заднюю, правую, лѣвую,—потому что съ *переднею* вы видите уже и *цѣлое* зданія; но не забудьте, вы узнали *цѣлое* посредствомъ одной *части* или всѣхъ *частей,* которыя вы осматривали постепенно. Осмотрѣвши наружность, вы осматриваете *внутренность* дома и входите въ него, разумѣется, дверью: идете или изъ середней комнаты и обходите, переходя изъ комнаты въ комнату, одну часть или половину дома, потомъ возвращаетесь снова въ *середнюю* и такъ же точно обходите другую; или же, начиная *отъ* одной комнаты, *первой* отъ передней — идете, переходя изъ однихъ въ другія до тѣхъ поръ, пока не воротитесь снова въ переднюю, *изъ* которой вы начали вашъ осмотръ. Вы узнали внутренность дома или, точнѣе говоря, внутреннее *цѣлое* дома или, еще точнѣе говоря, *части* внутренности дома и положеніе одной изъ нихъ подлѣ другой, припоминая себѣ которое постепенно, а потомъ—представивъ вдругъ, разомъ, вы представляете себѣ и

планъ или *цѣлое* дома. Скажите же мнѣ, любезный читатель, гдѣ это *цѣлое?* «Въ *частяхъ* дома». Какъ вы оное узнали? «Пересмотрѣвъ одну часть послѣ другой». Но гдѣ *начало* и *конецъ* этого цѣлаго?—На это вы не дадите мнѣ отвѣта, потому что оба они — *вмѣстѣ*. Представьте себѣ, что я изъ передней пошелъ на лѣво и обошедши домъ, вышелъ въ ту же переднюю и стою у двери по на правой ея сторонѣ: это— мой *конецъ;* вы идете на право и выходите въ ту самую переднюю но стоите у двери на лѣвой сторонѣ: это будетъ вашъ *конецъ:* и такъ объ двери, правая и лѣвая — будутъ *концы*. Представьте, что мы снова обходимъ домъ, но на оборотъ, я—на право, вы—на лѣво: мы станемъ у дверей противоположныхъ; — правая будетъ *мое начало, лѣвая — ваше начало:* и такъ объ двери, правая и лѣвая, будутъ *начала*. И такъ, ежели въ домѣ—произведеніи человѣка—нѣтъ *начала* въ собственномъ смыслѣ и нѣтъ *конца,* потому что гдѣ для одного *начало*—тамъ для другаго *конецъ* и напротивъ,— то какъ же хотите вы, чтобы въ наукѣ о языкахъ человѣческихъ, которые не суть произведеніе человѣка—можно было указать *начало?* — Въ языкахъ, такъ же точно какъ и въ Божіей природѣ, ни одна частичка (какъ увидимъ далѣе) не *отдѣльна* такъ, какъ листъ въ стопѣ бумаги или въ колодѣ картъ, — которыя мы можемъ отдѣлять одни отъ другихъ и тасовать какъ угодно: въ природѣ малѣйшая частичка *сопредѣльна* съ другими со всѣхъ сторонъ, такъ что гдѣ (какъ намъ думается) *начало* ея — тамъ *конецъ* другой, которая стоитъ выше, впереди ея; а гдѣ *конецъ* ея — тамъ *начало* третей, которая стоитъ ниже или позади ея; гдѣ *правая* сторона первой частички — тамъ *лѣвая* четвертой, гдѣ *лѣвая* ея — тамъ *правая* пятой и т. д. такъ же точно, какъ въ компатахъ дома, въ которыхъ стѣны *одной* служатъ стѣнами трехъ другихъ комнатъ и, кромѣ того, частію одной стѣны цѣлаго дома и т. п. И такъ, чтобы узнать безконечное *цѣлое* языка—нужно начать непремѣнно съ *конца* т. е. съ самой малѣйшей *извѣстной* намъ частички и потомъ приклады-

вая ее къ другимъ смежнымъ или сопредѣльнымъ—получать все бо́льшія и бо́льшія: при этомъ только условіи *неизвѣстное* безпредѣльное цѣлое будетъ открываться нашимъ очамъ все болѣе и болѣе, какъ вѣчно-прекрасное цѣлое неба, котораго частичку мы видимъ изъ за окрапны горы или холма и которое открывается все болѣе, далѣе, шире и шире—чѣмъ выше и выше мы восходимъ .... Это — путь *натуральный*, сообразный съ природою языка, съ постепенностію его частей, лежащею въ самой натурѣ, и потому то имъ я слѣдую, имъ веду и васъ, любезные читатели. Вы могли видѣть этотъ путь въ самомъ началѣ моей книги, когда, желая вамъ дать очеркъ русскаго языка—этого огромнаго цѣлаго, состоящаго изъ многихъ частей или, лучше сказать, отдѣльныхъ цѣлыхъ, я повелъ васъ отъ *конца* т. е. отъ языка, на которомъ *пишутъ* теперь и на которомъ вы *читаете* къ тому, на которомъ вы *говорите* и говорили прежде нежели стали читать; оттуда—къ тому, на которомъ *писали*, хотя теперь не говорятъ; далѣе—къ тому, на которомъ говорили и теперь говорятъ *многіе*, кромѣ васъ и меня, но на которомъ не писали и не пишутъ и т. д. .... и вы видѣли результатъ мой: «предъ«метомъ филологическаго изученія нашего есть русскій языкъ «въ связи съ языками славянскими и другими языками древ«няго и новаго міра, съ нимъ сродными». Такимъ же путемъ я иду и теперь, ведя васъ отъ *сочиненій* занимавшихся *формами* языка (тѣмъ, что вы уже знаете изъ Грамматики) къ сочиненіямъ, занимавшимся *матеріею* языка (тѣмъ, что еще вамъ неизвѣстно: мы увидимъ, при разсмотрѣніи трудовъ Шишкова, что эта часть языка нашего содержитъ въ себѣ другія, новыя и болѣе отдаленныя, части, такъ, что слѣдуя терпѣливо, мы увидимъ, какъ за областію русскаго языка намъ будутъ открываться постепенно другія смежныя съ нею области языковъ, все большія и большія, все высшія и высшія. Такимъ образомъ мы оглянемъ *цѣлое* русской филологіи,—но *у начала* этого цѣлаго найдемъ *конецъ* или предѣлъ другаго новаго и гораздо болѣе обширнаго, ежели

не необъятнаго, цѣлаго: *филологіи человѣческой*, въ отношеніи къ которому *наша* филологія будетъ только *частію*. Ввѣрьтесь мнѣ, любезный читатель, я чувствую себя *не недостойнымъ* вашего довѣрія: я буду вести васъ осторожно, легко и—если только вы захотите слѣдовать за мною — приведу васъ (со временемъ) къ тому, что доставитъ истинное наслажденіе для ума вашего. Не обманывайтесь наружностію ученой системы (за которою у насъ теперь гоняются): она ни къ чему не приводитъ, она чаще морочитъ, нежели проясняетъ нашъ разсудокъ: я самъ принадлежу къ ученымъ и люблю систему, но натуральную, систему предмета а не профессорской тетради или *Руко-водства*, которое скорѣе *заведетъ* васъ Богъ знаетъ куда, нежели приведетъ къ чему нибудь, которое думаетъ, что раздѣленіе книги на части, частей на главы, главъ. на §§, выставленные подъ приличными учеными титлами— есть уже система. Иной ученый, я увѣренъ, раскрывая систему русской филологіи, по сдѣланному мною *очерку* языка т. е. *объема* его и *содержанія*,—непремѣнно такъ же бы шелъ и далѣе, и разсматривалъ бы 1) сперва *цѣлое* филологическаго изученія т. е. *всеобщее* (1) сравнительное языкознаніе (лингвистику европ., восточн., филологію классич.), потомъ перешелъ бы къ *частному* сравнительному языкознанію— славянскому, наконецъ спустился бы отъ цѣлаго къ части т. е. къ *русскому* филологическому изученію; потомъ 2) перешелъ бы отъ объема къ *содержанію* и разсматривалъ бы а) разработку *матеріи* русскаго языка а потомъ б) *формы*,— шелъ бы отъ *Шишкова* къ *Павскому* и *Каткову*, воображая себѣ, что это — путь исторически-послѣдовательный, чего добраго, даже, *разумно-необходимо-послѣдовательный*, т. е. путь, какимъ филологія русская *должна* была развиваться

(1) Чего добраго, онъ *началъ бы съ самаго начала* т. е. съ языкознанія философскаго,—но развѣ только бы *началъ*: изъ этаго омута, могу удостовѣрить моимъ собственнымъ опытомъ, онъ не сдѣлалъ бы ни одного шага впередъ—къ свѣту, къ свѣжей атмосферѣ, къ твердой почвѣ науки.

и иначе *не могла* не развиваться и проч. и проч. Но я иду себѣ путемъ обратно противоположнымъ: *начинаю* съ *содержанія* моего предмета а *оканчиваю* (какъ вы увидите далѣе)—*объемомъ* его; отъ *части—Русскаго* филологическаго изученія, (Павскій) перехожу постепенно къ *Славянорусскому* и *Европейскому* сравнительному языкознанію (Катковъ), наконецъ, къ цѣлому т. е. къ *Всеобщему* сравнительному языкознанію (Шишковъ). При томъ, въ самомъ содержаніи я начинаю не съ первой а со второй его стороны т. е. начинаю съ *формъ* и потомъ перехожу постепенно къ *матеріи* Славянорусскаго языка. Имѣю-ли я право слѣдовать путемъ, обратно-противоположнымъ обыкновенному пути ученыхъ?—Имѣю-ли право вести васъ, добрый читатель?—На первое вы скажете: «пусть это рѣшатъ ученые»! не знаю, что̀ они скажутъ; на второе—не знаю, что вы скажете. Но въ оправданіе мое я скажу на первое: «наука, самый предметъ моего разсмотрѣнія, не «*обязываетъ* меня идти общею тропою ученыхъ; я могу идти «отъ Шишкова къ Павскому и Каткову, такъ же точно какъ «и на оборотъ». По чему же? Потому, что между Шишковымъ и Павскимъ и Катковымъ, кромѣ *видимой,* нѣтъ, собственно говоря, никакой *существенной* внутренно-исторической связи, кромѣ того что первый писалъ въ 1802—1832, послѣдніе — въ 1841—1845, слѣд. одинъ *прежде,* другіе—*послѣ*. Труды того и другихъ суть только *части* нашей науки, *пополняющія,* правда, но при всемъ томъ не *дополняющія* одни другихъ, потому, что разсматриваемыя сами по себѣ они составляютъ отдѣльныя *цѣлыя,* хотя разнообразно сплоченныя т. е. они совмѣщаютъ въ себѣ одинаковое количество сторонъ, такъ что въ каждой части есть то, что есть и въ другихъ: у *Шишкова* находимъ мы и статьи *грамматическія*—разработку *формъ* языка и статьи *лексикологическія*—разработку *матеріи;* но и у Павскаго и у Каткова находили мы элементы какъ этимологіи, такъ и лексикологіи; у Шишкова находимъ мы изученіе русскаго языка въ связи съ славянскими, европейскими и восточными,—и у Павскаго и Кат-

кова то же. Но у Шишкова преобладала *лексикологія,* у послѣднихъ — *этимологія.* Этимологія или изученіе наружной стороны языка намъ извѣстнѣе, нежели лексикологія или изученіе внутренней его стороны: идя всегда самъ отъ того, что знаю къ тому чего не знаю,—я предпочелъ этимъ же путемъ вести моихъ читателей (кто бы они ни были), и иду отъ конца къ *началу* русской филологіи. Вотъ все что могу я сказать въ оправданіе на второе: «имѣю ли право вести «читателей моихъ такимъ путемъ, какимъ иду самъ»,—но не предъ вами, читатель, (я уже принесъ мое оправданіе вамъ въ началѣ этаго §) а предъ тѣми, которые вздумаютъ защищать свои школьныя завѣтныя преданія о *системѣ* изъ за васъ, читатель. Какъ бы то ни было, но теперь *мы* идемъ къ *началу* русской филологіи. Это начало, какъ уже мы знаемъ, положено трудами Шишкова,—потому мы и сдѣлаемъ критическое обозрѣніе оныхъ. Но чтобы быть болѣе вѣрнымъ—требованіямъ исторіи, разсказывающей *начало* какого-нибудь факта, мы, соображаясь съ тѣмъ, что всякому началу предшествуетъ *нѣчто,* укажемъ а) нѣчто такое, что *за долго* предшествовало филологическому изученію нашего языка, что содержало въ себѣ его *основаніе, причину,*—б) нѣчто такое, что совпадало почти въ *одно время* съ началомъ этого изученія, что служило поводомъ, возбужденіемъ къ нему: такимъ образомъ мы опишемъ *происхожденіе* филологическаго изученія русскаго языка въ нашемъ отечествѣ. Потомъ, сдѣлаемъ очеркъ постепеннаго развитія онаго въ трудахъ нашего *единственнаго* Филолога, покажемъ, отъ чего оно сосредоточилось на *матеріи* или лексической сторонѣ языка русскаго, наконецъ—представимъ критическое разсмотрѣніе корнесловной системы русскаго языка въ отношеніи къ тремъ основнымъ пунктамъ нашего изслѣдованія: *предмету, методу* и *цѣли* филологическаго изученія славянорусскаго языка. Начнемъ съ происхожденія филологическаго изученія у насъ.

§ 27.

Происхожденіе русскаго филологическаго изученія: время онаго, поводъ, причина.

Обозрѣніе наше мы начнемъ съ самого возникновенія филологическаго изученія (études philologiques) въ нашемъ отечествѣ. Когда же возникло это изученіе? что было *поводомъ* къ возбужденію онаго? что было *причиною* филологическаго изученія у насъ?—Оно возникло съ первыми годами XIX столѣтія, съ выходомъ въ свѣтъ сочиненія: *О старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка*, изданнаго Шишковымъ въ 1802 году. *Поводомъ* къ возбужденію филологическихъ изслѣдованій о русскомъ языкѣ былъ споръ Карамзина съ Шишковымъ о языкѣ литературномъ, начавшійся съ первыми годами XIX вѣка, и открытіе пѣсни Игорю. Но *причина* или лучше сказать, основаніе этихъ изслѣдованій таилось во времени болѣе отдаленномъ, въ двухъ фактахъ нашей литературы, относящихся къ половинѣ XVIII вѣка,—именно: 1) въ пробудившейся потребности исторической критики для отечественной исторіи, высказанной *Шлецеромъ* и 2) въ преобразованіи литературнаго языка, совершенномъ *Ломоносовымъ*. И такъ, ежели литературная полемика Шишкова съ Карамзинымъ и Карамзинистами послужила поводомъ или *началомъ* русской филологіи, — то критическія изслѣдованія *Шлецера* въ области русской исторіи и грамматическое преобразованіе русскаго языка Ломоносовымъ были основаніемъ или *причиною* русской филологіи. Потребность исторической критики, сознанная ученымъ *Шлецеромъ*, заставила справляться съ источниками русской исторіи — лѣтописями трудолюбивыхъ нашихъ монаховъ, которыя представляли и древнѣйшіе памятники нашего языка. Эта справка обнаружила противорѣчія и невѣрность въ фактахъ, невѣрность фактовъ повела къ заклю-

ченію о невѣрностяхъ сказаній, невѣрностяхъ самаго текста. И такъ, повѣрка фактовъ повела къ повѣркѣ сказаній, повѣркѣ самаго текста,—къ ученому, филологическому его разсмотрѣнію. Этою критическою обработкою древнихъ литературныхъ памятниковъ, которая давно уже существовала въ европейскомъ ученомъ мірѣ и съ которою однакоже мы, схватывая только вершки европейской *образованности* (но не *учености*)—совершенно не были знакомы, о которой не имѣли даже понятія — мы обязаны трудолюбивому и ученому Шлецеру. Онъ первый у насъ обратилъ вниманіе на важность древнѣйшей лѣтописи русской — *Повѣсти временныхъ лѣтъ* преподобнаго Нестора, служащей богатымъ, драгоцѣннымъ источникомъ извѣстій о древнѣйшемъ славянскомъ и русскомъ мірѣ, преимущественно же о неизвѣстномъ *и открытомъ*, такъ сказать, Несторомъ мірѣ верхняго Сѣвера; онъ первый созналъ необходимость издать Нестора *критически* т. е. такъ, какъ были издаваемы всѣ вообще важныя историческія книги, какъ то: Библія, Геродотъ, Діодоръ, Ливій, Тацитъ и др.; онъ первый примѣнилъ къ обработкѣ текста Несторовой лѣтописи три извѣстные въ ученой филологіи пріема: *критическій* (очищеніе текста, отдѣленіе въ немъ того, что принадлежитъ Нестору, отъ того, что внесено переписчиками), *герменевтическій* (истолкованіе выраженій, изъясненіе текста) и *высшій критическій* (повѣрка фактовъ, критика дѣлъ); наконецъ Шлецеръ завершилъ свой ученo-филологическій методъ колоссальнымъ изданіемъ Нестора — плодомъ неусыпныхъ *сорокалѣтнихъ* трудовъ! — И такъ, при всемъ томъ, что древніе литературные памятники наши для Шлецера были не *цѣлію* но *средствомъ* для историческихъ изслѣдованій его, не смотря на то, что примѣръ его остался и до сихъ поръ еще остается безъ послѣдователей, что колоссальный трудъ его стоитъ въ величіи одинокомъ и, по временамъ, не признаваемомъ мелочнымъ самолюбіемъ ученыхъ, которые пользуясь готовыми, очищенными въ кровавомъ потѣ труда изслѣдованіями—не хотятъ признать въ ущербъ само-

любію русскому великой заслуги Нѣмца для Русскихъ,—долгъ безпристрастія историческаго заставляетъ все таки сказать, что Шлецеръ положилъ у насъ первую и прочную основу русскому филологическому изученію,—что онъ есть *первая* причина русскихъ филологическихъ изслѣдованій (1). Вторая причина, изъ которой потомъ проистекъ *поводъ* или возбужденіе *собственно-филологическихъ* изслѣдованій, было преобразованіе совершенное Ломоносовымъ въ русскомъ языкѣ. Ломоносовъ, какъ извѣстно, отдѣлилъ церковный языкъ (книжный) отъ языка живаго, народнаго и сплавивши двѣ стихіи его: 1) языкъ, которымъ говорила масса народа и 2) языкъ употребляемый въ обществѣ образованномъ или, выражаясь точнѣе, ближе къ идеямъ Ломоносова—языкъ общества *грамотнаго* (читающей публики) (2), *образовалъ* языкъ *гражданскій* (средній между народнымъ и книжнымъ, разговорнымъ и письменнымъ) или *литературный*. Неопредѣленность состава этаго новаго языка обнаруживается уже въ классификаціи (см. помянутое Разсужденіе) всѣхъ словъ русскаго языка на три разряда, образующіе три рода слога: *высокій* (слова вовсе вышедшія изъ употребленія и сохранив-

(1) Читатель видитъ, что я принимаю въ этомъ мѣстѣ слово: *филологичес. изслѣдованія* въ *обширномъ* его значеніи,—въ томъ именно, какое имѣетъ оно въ классической *филологіи*, которая есть наука о Древнемъ Мірѣ (Грековъ и Римлянъ) во всѣхъ его отношеніяхъ, слѣд. совмѣщаетъ въ себѣ не одно *древнее языкознаніе*, но и Миѳологію, и Исторію, и Географію, и Литературу и Искуства (археологію и нумизматику) Грековъ и Римлянъ,—однимъ словомъ, все то, что служитъ къ *познанію* какой бы то ни было стороны въ образованной *(человѣчной)* жизни этихъ народовъ. *Филологія* въ *тѣсномъ* или, правильнѣе, въ *частномъ* значеніи, усвоивается у насъ и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ (напр. Французовъ) одному *древнему языкознанію* (Грековъ и Римлянъ). Въ этомъ же смыслѣ я усвоиваю это названіе и *древнему русскому языкознанію*. Но въ этомъ случаѣ—не будемъ забывать того—филологія все таки будетъ только *часть* своего *цѣлаго*—науки о *древнемъ мірѣ* жизни русскаго народа, изслѣдованія о которомъ такъ же должны быть названы филологическими.

(2) См. его *Разсужденіе о пользѣ чтенія книгъ церковныхъ*.

шіяся только въ книгахъ церковныхъ), *средній* (слова неупотребительныя въ живой рѣчи *по грамотнымъ* людямъ извѣстныя) и *низкій* (слова, употребляемыя только въ живой, народной рѣчи); и такъ русскій языкъ представлялъ у Ломоносова три стихіи: 1) языкъ книжный *древній* или *мертвый* — который *читали,* но которымъ не говорили и не писали, 2) *языкъ книжный новый,* которымъ то писали, то говорили люди грамотные, и наконецъ 3) языкъ *народный.*— Ежели бы мы спросили, какой же это языкъ литературный, на которомъ вы сочиняете, пишете?—Намъ не дали бы, конечно, на это удовлетворительнаго отвѣта. И понятно: въ то время, — время первыхъ, зыбкихъ шаговъ нашей литературы у насъ были два рѣзко противоположные класса: *общество ученыхъ* (они же были и литераторами) и *масса неученыхъ,* публика въ обширномъ, безразличномъ значеніи этого слова; слѣд. было и два языка: языкъ, которымъ писали *грамотные люди* и языкъ, которымъ *говорили.* Не было между этими двумя *крайними* сословіями: ученыхъ и неученыхъ, *средняго* сословія, общества *образованнаго,* публики читающей, литературной, слѣд. не было и языка *средняго,* образованнаго-разговорнаго языка, который бы примирялъ разговорную *житейскую* рѣчь (выражавшую слишкомъ исключительныя, чувственныя, ежедневныя потребности) съ книжною ученою рѣчью (выражавшею слишкомъ исключительныя умственныя понятія и потребности). Когда ученость съ книжною литературою перешла въ *свѣтъ,* въ общество образованное Французскою литературою, то и тяжелый книжный языкъ сталъ мало по малу сбрасывать свой педантизмъ, угловатость и шероховатость рѣчи, получалъ мягкость, округленность, легкость, отъ утонченности свѣтскаго вкуса, отъ простоты и наглядности языка Французскаго и эмпирической живости впечатлѣній и идей, которыя они получаютъ въ кругу живаго свѣтскаго общества, и которыя они, конечно, могли терять въ уединенной, стоячей, неподвижной сферѣ ученаго быта. И такъ, къ концу XVIII вѣка—сколько можно судить

по языку фонъ-Визина, Подшивалова, Княжнина и даже Хераскова—у насъ было уже *среднее* общество, которое *говорило* уже языкомъ такимъ, которымъ не всѣ еще *писали*. Когда явился Карамзинъ,—онъ нашелъ уже этотъ новый, *средній* языкъ, который былъ уже въ *устахъ* общества, въ живой рѣчи, но который не существовалъ еще въ *книгахъ*, въ литературныхъ произведеніяхъ (1). Карамзинъ рѣшился на смѣлый шагъ, который уже былъ подготовленъ, т. е. *писать такъ какъ говорятъ* (разумѣется въ образованномъ обществѣ, не только *ученомъ* но и *учащемся*, такъ сказать,— не только въ публикѣ *пишущей* но и *читающей*). Но постановивши такое правило и опредѣливши сущность языка *литературнаго* тѣмъ, что этотъ языкъ долженъ приближаться къ тому, которымъ *говорятъ*,—Карамзинъ 1) отдѣлилъ оный отъ того языка, которымъ не говорятъ, но которымъ прежде *писали*, отъ языка книжнаго (2); 2) призналъ этотъ языкъ «*бѣднымъ и необразованнымъ*, представляющимъ одно матері«альное богатство, не имѣющимъ еще литературной обработки, «не могущимъ выражать пріятно нѣкоторыхъ самыхъ обык«новенныхъ мыслей»; 3) для образованія новаго языка литературнаго полагалъ необходимымъ обратиться къ живому употребленію языка въ обществѣ и оставить *старый* книжный языкъ. Эти нововведенія молодаго литератора сильно задѣли благородную привязанность къ старинѣ роднаго слова въ А. *Шишковѣ*,—лучшемъ представителѣ нашей литературы прежней эпохи и нашего прежняго литературнаго языка. Вопреки Карамзину, который признавалъ два языка: языкъ русскій, литературный, языкъ которымъ *говорили* и языкъ, на которомъ *писали* или *сочиняли*, языкъ книжный, *Церковно-славянскій*, Шишковъ утверждалъ, что нѣтъ языка русскаго и

(1) У поименованныхъ нами писателей, онъ все еще былъ соединенъ съ значительною и большею долею того языка, которымъ не говорили, но только *сочиняли, писали*.

(2) См. статью Карамзина: *Отъ чего въ Россіи мало авторскихъ талантовъ?* 1803.

церковно-славянскаго, что есть одинъ языкъ русскій, языкъ нашихъ Священныхъ книгъ, языкъ въ сочиненіяхъ Ѳ. Прокоповича, Ломоносова, Державина и т. д., что новый языкъ Карамзина есть только *слогъ, нарѣчіе* русскаго языка а не языкъ особый и т. п. Но такъ какъ система *двойственности* языка русскаго у Карамзина опиралась на различіи русскаго народнаго языка отъ книжнаго, церковнославянскаго,—различіи выраженномъ еще безъ отчетливаго сознанія,—то стремленіе Шишкова доказать ихъ безразличіе и заставило его вникнуть поглубже, ученымъ образомъ, въ оба языка и разсмотрѣть, на чемъ основывается у Карамзина раздѣленіе того отъ другаго, что такое именно церковно-славянскій языкъ и въ какомъ отношеніи находится онъ къ языку русскому? Рѣшеніемъ этаго вопроса и начинается русское филологическое изслѣдованіе; съ этой же эпохи (1800 г.) начнемъ и мы очеркъ постепеннаго развитія онаго въ трудахъ нашего перваго Филолога.

§ 28.

Очеркъ филологическихъ трудовъ Шишкова въ постепенномъ развитіи основной его идеи о языкѣ и нарѣчіи. — Отраженіе этой идеи въ понятіи о корнѣ и вѣтви. Вліяніе синтетической идеи о языкѣ — какъ совокупности всѣхъ нарѣчій — на предметъ филологическихъ изслѣдованій Шишкова.

Пересматривая статьи, помѣщенныя въ полномъ собраніи Сочиненій Шишкова, XVI ч. 1818—1832 год., — мы *могли бы* сказать, что тридцатилѣтняя филологическая работа Шишкова (начавшаяся съ 1802 г.) представляетъ слѣдующія *четыре* ступени или, лучше сказать, *момента:* 1) *полемику* съ Карам-

зпнымъ и Карамзинистами или первоначальную, предварительную разработку въ области какъ языка такъ и литературы, служившую вступленіемъ и путемъ перехода къ работѣ въ области одного языка, къ работѣ собственно филологической; 2) *смѣшенную разработку* — въ области русскаго языка древняго и новаго, въ нѣкоторыхъ частяхъ грамматики и лексикологіи; 3) *частную лексикологическую разработку* — сосредоточенную на матеріи или корняхъ языка русскаго, языковъ славянскихъ и нѣкоторыхъ языковъ европейскихъ (Латинскаго, Нѣмецкаго и др.) 4) *общую лексическую разработку*— въ области всеобщаго или сравнительнаго языкознанія. — Этимъ группамъ филологическихъ трудовъ Шишкова мы предпочли дать названіе *моментовъ* вмѣсто названія: *ступени*,— потому, что изъ него читатели вывели бы заключеніе, которое, съ одной стороны не оправдывалось бы историческими *данными*, съ другой стороны — противорѣчило бы общимъ законамъ, опредѣляющимъ *ходъ* и *развитіе* мыслящей дѣятельности, сосредоточенной на какой нибудь наукѣ. — Читатель очень бы ошибался, смотря на обозначенные нами четыре отдѣла въ филологической работѣ Шишкова, какъ на ея *ступени* въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ на такія *историческія*, послѣдовательныя движенія ея, изъ которыхъ каждое, въ извѣстное, опредѣленное время — предшествовало одному и слѣдовало за другимъ: это, повторяемъ, не оправдывается *данными* хронологическими; мы знаемъ на вѣрное только то, что *полемическія* статьи были *первыя* по времени, что ими Шишковъ *началъ* (1) свою филологическую работу, — а *общія лексикологическія* были *послѣднія*, что ими Шишковъ заключилъ, *окончилъ* свою разработку въ области филологіи. Что же касается статей *смѣшенныхъ* (относящихся какъ къ грамматикѣ такъ и къ лексикологіи) и статей, относящихся собственно къ лексикологіи русской и славянской, — то онѣ идутъ, такъ сказать, паралельными рядами

(1) Книга его: *О старомъ и новомъ Слогѣ Россійскаго языка* вышла въ 1802 г.

въ промежуткѣ времени отъ 1824—1829 годовъ, кое-гдѣ совпадая другъ съ другомъ, кое гдѣ опережая однѣ другія.— Вотъ почему и предпочли мы назвать ихъ *моментами* филологической дѣятельности Шишкова, понимая подъ этимъ названіемъ главныя *стороны* или *точки отправленія* (points de départ), въ которыхъ зародилась, началась эта дѣятельность и изъ которыхъ она вытекала совмѣстно, *одновременно* въ продолженіи всей второй половины ея 1818—1832 г.—Такой взглядъ на *ходъ* и *развитіе* филологическихъ трудовъ Шишкова сообразнѣе, я думаю, какъ съ самою исторіею ихъ такъ и съ природою мыслящей дѣятельности, которая развивается по тѣмъ же законамъ, по которымъ развивается и все живое, *органическое*.—Ученые наши систематики, правда, не такъ смотрятъ на этотъ предметъ: по примѣру философовъ Нѣмецкихъ, которые представляли себѣ развитіе всякой идеи подъ какимъ то завѣтнымъ типомъ то *двойственности*, то *тройственности*, такъ, что прежде будто появляется *одинъ* полюсъ идеи (Thesis), потомъ *другой* (Antithesis) а наконецъ сліяніе или примиреніе оныхъ (Synthesis), — они любили и любятъ еще подводить или, лучше сказать, *подтягивать* всякое развитіе подъ эту формулу тройственности или двойственности а гдѣ не достаетъ ихъ,—то подъ какую бы то ни было формулу постепенности, *воображая* себѣ, что *развитіе*—есть непремѣнно *постепенное* раскрытіе какого нибудь *цѣлаго* по *частямъ*.—Но они воображаютъ ошибочно,—какъ это воображали и воображаютъ до сихъ поръ ошибочно и философы Нѣмецкіе. — Въ природѣ органической — *развитіе*, въ глуби его не уловимое для взора, совершается во всемъ *цѣломъ* или во всѣхъ *частяхъ*, входящихъ въ *цѣлое* а не въ каждой отдѣльно-образующейся *части* порознь,—такъ, что съ первымъ моментомъ онаго даны уже всѣ *точки*, изъ которыхъ начинаетъ дѣйствовать образующая сила, разширяющаяся изъ *невидимаго* центра ко внѣшности предмета, развиваемаго ею; развитое органическою силою природы появляется на свѣтъ или *цѣлымъ* готовымъ, оконченнымъ (какъ напр. животное

и минералъ) или раскрывающимся постепенно, но *во всѣхъ частяхъ* своихъ одновременно совмѣстно (напр. растѣніе).— Такъ же точно раскрывается и всякая идея, возникающая въ *мыслящемъ* духѣ человѣка: чуть только зародилась она,—то вмѣстѣ съ тѣмъ быцаютъ даны всѣ тѣ точки или всѣ тѣ стороны, которыя входятъ въ составъ ея, такъ, что въ первомъ моментѣ развитія мы видимъ уже идею въ *цѣломъ* ея, только, разумѣется, еще не вполнѣ, не рѣзко-опредѣленномъ.— Развитіе идеи есть не что иное, какъ *постепенное* опредѣленіе этого цѣлаго или большее и большее обозначеніе тѣхъ существенныхъ ея сторонъ, которыя обнаружились въ ней съ самаго ея начала, но которыя не были тогда еще совершенно отдѣлены отъ другихъ частей, съ ними смежныхъ и потому не обозначались явственно.—И такъ, ежели развитіе есть ни что иное какъ *обозначеніе* (1) идеи или—выражаясь точнѣе—*обозначеніе* органическихъ ея *полюсовъ*, сторонъ,— то смотря съ этой точки зрѣнія на филологическіе труды Шишкова, мы въ указанныхъ нами четырехъ группахъ этихъ трудовъ будемъ видѣть не четыре ступени или стороны его идеи, но четыре вида или четыре формы одной и той же идеи, которая, явившись съ самого начала въ ея *цѣломъ* и въ каждой изъ этихъ формъ оставаясь при этомъ *цѣломъ* т. е. при одномъ и томъ же *содержаніи*, измѣняла только свой *объемъ*, т. е. повременно разширялась, распространяясь изъ области языка славянорусскаго на языки славянскіе, потомъ на языки европейскіе, наконецъ на языки человѣческіе вообще. Находя, такимъ образомъ, въ каждой изъ этихъ группъ одну и ту же основную идею,—мы 1) обозначимъ слегка *виды* или *формы*, въ которыхъ проявлялось *цѣлое* идеи, постепенно уяснявшейся въ сознаніи Автора, потомъ 2) сосредоточимъ вниманіе наше на ея *частяхъ* или органическихъ полюсахъ и

(1) Я не виноватъ что въ Русскомъ языкѣ изъ глаголовъ возвратныхъ: *опредѣляться, обозначаться* нельзя составить и существительныхъ *опредѣленіе ся* и проч., подобно тому какъ въ Польскомъ напр. *odznaczenie się*, въ Нѣмецкомъ—*das sich Vernehmenmachen*.

представимъ съ надлежащею подробностію *объозначеніе* каждаго полюса порознь, которое хотя и происходило—повторимъ еще разъ—не *послѣдовательно,* но почти совмѣстно съ обозначеніемъ другаго полюса,—но во взаимномъ соотношеніи этихъ полюсовъ представляетъ намъ постепенное развитіе *цѣлой идеи* Шишкова. — Первый пунктъ нашего разсмотрѣнія покажетъ намъ *предметъ* филологическихъ изслѣдованій Шишкова, второй—*методъ* оныхъ или *лексикологическую его систему.*—Начнемъ съ перваго пункта. Основная идея всѣхъ филологическихъ изслѣдованій Шишкова есть идея о *языкѣ,* возникшая, какъ мы уже знаемъ отчасти, среди спора съ Карамзинымъ и не вдругъ получившая видъ сознательнаго, отчетливаго понятія.—Первый, самый простой видъ, въ которомъ является эта идея Шишкова—можно указать еще въ большомъ полемическомъ сочиненіи его: *О старомъ и новомъ слогѣ,* въ которомъ Шишковъ, нападая на карамзинистовъ за отдѣленіе *Русскаго* языка отъ *Славянскаго,* основываемое на разности ихъ, говоритъ, что эта разность есть только *разность слога* а не языка т. е. что одно слово употребляется въ высокомъ *слогѣ,* а другое въ низкомъ, одно—въ общественномъ *разговорѣ,* другое—въ *книгахъ.* Здѣсь можно уже видѣть ту мысль, что сущность языка состоитъ не въ *употребленіи* словъ: живомъ, разговорномъ или письменномъ,—но въ *самыхъ словахъ,* что языкъ есть не *частная* какая нибудь *совокупность* словъ извѣстнаго рода (разговорныхъ или книжныхъ) но *цѣлая* масса, вся совокупность словъ, *существующихъ* въ языкѣ.—Съ большею подробностію и отчетливостію эта мысль о языкѣ изложена въ одномъ изъ сочиненій *смѣшеннаго* рода—*Разсужденіи о Краснорѣчіи Священныхъ Писаній,* написанномъ въ отвѣтъ на задачу, предложенную Россійскою Академіею.—Въ 3-й статьѣ этого Разсужденія: *О средствахъ обогащенія нашей Словесности и причинахъ ея упадка,* Шишковъ, предлагая вопросъ о разности Славянскаго и Русскаго языка, ищетъ удовлетворительнаго основанія для этого мнѣнія и говоритъ слѣдующее: «Откуда родилась мысль, что Славен-

«скій и Русскій языки отличны другъ отъ друга?—Ежели «слово: *языкъ* возьмемъ въ смыслѣ нарѣчія и слога, то най-«демъ много разностей: *Слово о полку Игоревѣ, Четьи-Минеи,* «*Несторова Лѣтопись, Рѣчи Ѳеофана Прокоповича, Сочиненія* «*Кантеміра, Оды Ломоносова*—писаны разными *нарѣчіями* «или слогами, но *языкъ* одинъ и тотъ же: Славенскій или «Русскій (?).—Подъ именемъ языка собственно разумѣются «корни словъ и вѣтви, отъ нихъ произшедшія: когда они «различны въ двухъ языкахъ, то и языки различны; но когда «знаменованія словъ и вѣтвей оныхъ находятся въ самомъ «языкѣ (??), тогда оныя всякому нарѣчію общи, выключая «развѣ такое, которое совсѣмъ отъ корней языка своего уда-«лилось,—тогда оно не есть нарѣчіе, но совсѣмъ иной языкъ.— «Чѣмъ же доказываютъ противники наши различіе между «Славенскимъ и Русскимъ языкомъ? 1) *Двойственнымъ чи-«сломъ,* которое есть въ Славенскомъ и котораго нѣтъ въ Рус-«скомъ языкѣ: *ядоста, идоста, ногама,* вмѣсто чего мы го-«воримъ: *ядятъ, идутъ, ногами?*—Мы у тѣхъ же словъ из-«мѣнили только окончаніе, слѣд. разность заключается не въ «*языкѣ* а въ *нарѣчіи,* которое чрезъ это нисколько не укло-«нилось отъ свойствъ языка. 2) *Двойственностію словъ,* изъ «которыхъ одни употребляются въ Славенскомъ, другія— «въ Русскомъ языкѣ: *глазъ, лобъ, щеки, плечи—и око, чело,* «*ланиты, плещи?*—Но чѣмъ докажутъ, что то—Русскія, это— «Славенскія слова?—Ихъ нѣтъ въ Св: Писаніяхъ?—это не «доказательство: а.) *синонимы* (?) есть во всѣхъ языкахъ, «слѣд. и въ нашемъ; б.) нѣкоторыя слова русскія находятся «и въ Свящ. Писаніяхъ напр. *плещи;* в.) Св. книги пишутся «высокимъ слогомъ: ежели въ нихъ нѣтъ *нѣкоторыхъ* словъ,— «не значитъ, что они *не существуютъ* въ Славенскомъ языкѣ. «Въ народномъ языкѣ нѣтъ *воздоенія, добледушія, древодѣлія:* «въ Библіи нѣтъ *голубчика, удалаго до́бра мо́лодца:* но изъ «сего различія нельзя заключать о разности языковъ.—3) *Упо-«требленіемъ* т. е. тѣмъ, что Славенскія слова употребляются «только въ книгахъ, Русскія—въ языкѣ?—Но, ежели *воронъ,*

«*корова, воробей, молоко*—Русскія, *а врань, крава, врабій,* «*млеко*—Славенскія,—то за чѣмъ говоримъ мы: *врагъ, правъ,* «*владѣть, награда*,—а не *ворогъ, поровъ, володѣть, нагорода*— «какъ читаемъ въ лѣтописяхъ и слышимъ въ простонародномъ «нарѣчіи?—Ежели *льпота*—Славенское слово, *красота*— «Русское,—то куда отнесемъ мы *великолѣпіе?*.... Лучшіе пи- «сатели Русскіе—*Державинъ, Ломоносовъ*, не дѣлали различія «между Славенскими словами и Русскими подъ предлогомъ, «что вкусъ не дозволяетъ употреблять ничего Славенскаго: «такъ *Державинъ* употреблялъ: *ошую, одесную; Ломоносовъ*— «*ударяючи, ликуйте, щедрыя, оной, трясучись, подвилась,* «*седмь, соблещетъ*. И такъ безъ Славенскаго языка ничего «важнаго и краснорѣчиваго написать не можемъ: подъ Славен- «скимъ языкомъ разумѣемъ мы тотъ языкъ, который выше «разговорнаго и которому не иначе можемъ научиться какъ «изъ *чтенія книгъ*.—Какое иное опредѣленіе сдѣлаемъ мы «Славенскому языку?—Когда же сіе есть истинное и един- «ственное опредѣленіе его, то само по себѣ явствуетъ, что «онъ есть *высокій, ученый языкъ*.»—Изъ этого мѣста читатель можетъ видѣть, что понятіе Шишкова *о языкѣ* съ одной стороны—представляетъ *фактическую основательность*,—но съ другой стороны—чрезвычайную *неопредѣленность и зыбкость*.— Что сущности языка не составляетъ отдѣльная какая нибудь совокупность словъ, совокупность словъ *такъ-то, тамъ-то, тѣми-то* употребляемыхъ т. е. употребляемыхъ въ книгахъ или разговорѣ, въ массѣ народа или въ одномъ его сословіи, одномъ какомъ нибудь его классѣ—это всякій читатель сочтетъ неоспоримымъ; иначе—всякое областное нарѣчіе, даже нарѣчіе города, села—мы должны были бы признать *языкомъ*, тогда какъ все отличіе его отъ общеупотребительнаго языка народа состоитъ иногда въ перемѣнѣ какого нибудь окончанія грамматическаго (напр. *любиті* Малрс. и *любить* Врс.), по большей же части во *вставкѣ и выговорѣ* одной какой нибудь буквы (напр. *солодкій* Млр. и *сладкій, Хведоръ* и *Федоръ*).— *Мы будемъ имѣть нарѣчія но не будемъ имѣть языка*.—И такъ,

сущности языка должно искать не въ *формахъ* но въ матеріи словъ,—въ той элементарной части ихъ, которая останется въ словахъ тогда, когда мы отнимемъ *окончанія* грамматическія, вѣтви, приросты корней,—примѣты разности?—Но тогда всѣ слова сольются въ одну безразличную массу: *солод*-(ъ) Врс. не будетъ отличаться отъ *солод*-(кій) Млрс.; *печ*-(ь), *печ*-(етъ), отъ *печ*-(еня) (жаркое). *Мы будемъ имѣть языкъ, но не извѣстно: чей, какой?* т. е. будемъ имѣть только *основу* языка но не самый языкъ, потому что языкъ не можетъ быть представленъ безъ его *парѣчій*.—И такъ нужно искать языка не въ *формальныхъ* (этимологическихъ) и *элементарныхъ* (корневыхъ) *частяхъ* словъ, но въ совокупности тѣхъ и другихъ, въ ихъ *цѣломъ?* но это *цѣлое*—суть *слова;* слѣд. нужно искать языка въ *словахъ элементарныхъ?* это—*корни,* положимъ. Ища словъ-*корней,* нужно отдѣлять ихъ отъ словъ *не-корней:* Это—*вѣтви,* положимъ. Попытаемся же отдѣлять въ массѣ словъ, представляемыхъ намъ языкомъ народа, *слова-корни* отъ *словъ-вѣтвей.*—Тутъ на первомъ же шагу представляется затрудненіе: какъ разъузнать, гдѣ *корень,* гдѣ *вѣтвь,* чѣмъ отличить *корни* отъ *вѣтвей?*—Тѣмъ, что *корень* есть такое слово, *отъ котораго* другое слово происходитъ,—а *вѣтвь*—такое, *которое* происходитъ отъ другаго?—Но въ этомъ опредѣленіи корня и вѣтви,—какъ ни натуральнымъ кажется оно здравому смыслу—содержится *тождесловіе,* т. е. игра словъ и едва ли не безсмысленная, пустая, подобно тому, какъ въ выраженіяхъ: «*свѣтъ* есть отсутствіе тьмы,» «*тьма*—есть отсутствіе свѣта» и т. п.—Но положимъ, что иное опредѣленіе, лучшее—для нашей науки пока еще не возможно; положимъ, что оставивъ въ сторонѣ точность, сознательность, отчетливость опредѣленія *теоретическаго,* которое и въ большей части *наукъ точныхъ* есть еще нѣчто недостижимое,—мы станемъ руководиться *инстинктомъ практики* и, вмѣсто того, чтобы искать *корней* (нѣчто совершенно намъ непзвѣстное) и отдѣлять *языкъ* отъ *парѣчій,*—начнемъ съ *вѣтвей* (какъ менѣе непзвѣстнаго) и будемъ отдѣлять, такимъ образомъ,

нарѣчія отъ *языка*. Но чтобы отдѣлить *нарѣчія* отъ языка—нужно, прежде всего, отдѣлить одно нарѣчіе отъ другаго, т. е. *опредѣлить* каждое *нарѣчіе* порознь изъ всѣхъ тѣхъ, какія входятъ въ составъ языка.—Спрашивается: какъ же мы станемъ опредѣлять *нарѣчіе* въ *языкѣ* какого нибудь народа?—Скажемъ-ли, что *нарѣчіе* есть совокупность такихъ-то именно *корней* и такихъ-то *вѣтвей*, которыя произошли отъ первыхъ? Но на дѣлѣ, на самой-то практикѣ и увидимъ совершенно тому противное: ни въ одномъ нарѣчіи нельзя отыскать корней для всѣхъ тѣхъ производныхъ словъ, которыя въ немъ употребляются, ни вѣтвей для всѣхъ тѣхъ первообразныхъ словъ, какія мы въ немъ находимъ. Природа распредѣлила въ какомъ-то чудномъ, фантастически-прихотливомъ порядкѣ корни и вѣтви въ нарѣчіяхъ одного и того же языка, такъ, что взявши самыя крупныя, *главныя*, или самыя *противоположныя* нарѣчія одного какого нибудь языка, мы найдемъ, что въ одномъ нарѣчіи существуютъ *корни* одной группы словъ, въ другомъ—являются только *производныя* этихъ корней; въ первомъ попадаются *вѣтви* только, а во второмъ—*корни* этихъ вѣтвей и т. д. Возьмемъ, на примѣръ, корень Цвсл. *полъ* (половина вещи вообще и половина органическая существа человѣческаго т. е. мужеская или женская): не оспоримо, что это—*корень;* но въ Церковнославянскомъ нарѣчіи онъ не имѣетъ *чистыхъ* вѣтвей (1) т. е. вѣтвей въ собственномъ смыслѣ, потому, что слова: 1) *полъ* (сторона, берегъ (2), 2) *по́лы*—попадающееся, однако же не въ чистомъ его видѣ, но въ соединеніи съ прилагательнымъ: *оба*,—*обаполы* (обѣ стороны, съ обѣихъ сторонъ, Слов. Акад. 1848 г.), 3) *полъма* (на двое)—суть ни что иное, какъ экземпляры одного и того же (по смыслу и звуку) корня, съ незначитель-

(1) Въ этимологическомъ Словарѣ Академіи (Спб. 1793. стр. 985—987.) между производными корня: *полъ* (половина), стоитъ только нарѣчіе *полма* (полъма). *Претешетъ его полма.* Матѳ. XXIV. 51. (т. е. на двѣ равныя части).

(2) Оно стоитъ въ Слов. Акад. 1793 г. какъ особый корень.

ными грамматическими разностями онаго, которыя высказываются, собственно говоря, даже *одномъ* только экземплярѣ—второмъ (оба по̀лы), въ которомъ типъ множеств. числа: *ы*, смѣняетъ собою *ъ*—признакъ числа единственнаго. Въ третьемъ частица: *ма* нисколько не принадлежитъ къ корню, какъ можно заключать изъ сличенія другихъ нарѣчій: весь*ма*, боль*ма* (стар. Цвс.), *ларма* (Млр.=даромъ, напрасно), въ которыхъ она соединена съ словами: *весь*, *боль* (=болій), *даръ*, подобно тому, какъ въ *полма*—съ словомъ: *полъ*.—Обратитесь къ народному Русскому нарѣчію: вы тамъ находите, *по звуку* какъ бы видоизмѣненія Цсл. корня: *полъ*, въ слѣдующихъ четырехъ генетическихъ типахъ или слогахъ: I) *пол'а*) *пола̀*—одна изъ двухъ частей платья и опускная доска у стола, б) *полъ*—помостъ досчатый, в) *по̀лка*—доска у стѣны, г) *оба̀полки*—двѣ первыя доски, отпиленныя отъ ствола дерева съ обѣихъ сторонъ его, слѣд. снаружи имѣющія округленную поверхность.—II) *полов'а*) *полòвье*—половина разбитаго на двое кирпича, б) *половѝкъ*—то же и, при томъ, половина, равная часть вещи вообще, в) *половица*—доска въ полу̀, г) *половина* ($\frac{1}{2}$), д) *половникъ*—крестьянинъ, работающій съ половины, е) *полòва*—плевелы и др.—III) *полот'а*) *полòтье*—полотье, (заставляющее предполагать, что въ глаголѣ: *полòть* передъ *ть* поглощена буква *и*, такъ что *полòть=полоить* т. е. отдѣлять годную траву (одну половину) отъ негодной (другой половины)—что видно изъ сличенія съ слѣдующимъ—б) *полони́ти́*—Млрс., брать въ плѣнъ, брать изъ одной половины (сражающихся) въ другую, ей противостоящую, в) Врс. *полòнъ* (плѣнъ), *полоняникъ* (плѣнникъ). IV) *полот'а*) *полть*, *по̀лоть* (лтя)—половина свиной туши вдоль разрѣзанной, б) *полото̀къ*—часть вдоль по поламъ разрѣзаннаго гуся или утки в) *полтина*—часть древняго серебрянаго рубля и др.—Что̀ такое эти 4 видоизмѣненія: *вѣтви?*—Но гдѣ же ихъ *корень?*—Въ словѣ: *полъ* (Црксл.) нельзя найти его, потому, что для перваго видоизмѣненія въ словѣ: *пола̀*, хотя и можно найти въ немъ корень, но въ словѣ: *полъ* (помостъ) рѣшительно не льзя видѣть вѣтви

корня *полъ* (половина); въ словѣ же *обàполки* скорѣе можно видѣть корень для нарѣчія *обапòлы*, какъ вѣтви его, нежели самую вѣтвь, потому что первое происходитъ отъ *полъ*, *пòлка* (доска), *обàполки*—доски по обѣ стороны, доски прямопротивоположныя: откуда выводъ *обапòлы*—обѣ стороны вообще, стор. противоположныя (чего бы то ни было), для всякаго очевиденъ.—Для втораго видоизмѣненія не находимъ рѣшительно въ Цвсл. *корня:* есть только *преполове́ніе, преполовляю* (достигаю до половины), но оно, явно, есть вѣтвь народнаго: *половина, половникъ* и др.—Для третьяго такъ же нѣтъ въ Цвсл. корня: напротивъ того, оно содержитъ въ себѣ корни для Церковнославянскихъ: *плънъ, плънити,* въ которыхъ генетическая идея (половина), безъ посредства первыхъ, совершенно остается закрытою.—Остаются слова 4-го видоизмѣненія: здѣсь *ть* завершающее собою корень: *полъ* такъ обоюдно, что эту частичку можно считать и *приростомъ* корня и *паростомъ* т. е. просто грамматическимъ окончаніемъ.—Положимъ, что оно есть окончаніе: въ такомъ случаѣ *пòлоть* будетъ вѣтвію корня: *полъ*. Нужно же произвести эту вѣтвь изъ корня удовлетворительнымъ образомъ, безъ натяжки. Попробуйте.—Произведете-ли вы мнѣ ее изъ *полъ, пóлы (объ онъ полъ, оба-полы)?*—Буквы *т* входящей въ составъ этого слова и другихъ смежныхъ съ нимъ словъ народныхъ, вы ни какъ не выведете изъ Цвсл. *полъ,* да и едва-ли сочтете эту букву въ вѣтвяхъ случайною или *производственною* (какъ назвалъ бы ее Павскій),—потому что она *постоянна* и придаетъ яркую, живую характеристику блѣдной, неопредѣленной, отвлеченной идеѣ: *полъ* ($\frac{1}{2}$).—Но, не смотря на то, вы не захотите признать этихъ вѣтвей *корнями* и будете искать все таки въ Церковнославянскомъ языкѣ какой нибудь *вѣтвенной* формы корня *полъ,* въ которой вы нашли бы хотя элементы формъ народныхъ. Вы найдете напр. *плоть,* которое смежно по смыслу съ *полъ* (мужескій, женскій), потому что означаетъ въ собственномъ его значеніи *тѣло,* мясо человѣческое;—но, чтобы найти даже эту смежность, не забудьте, вы дол-

жны будете прибѣгнуть къ посредству народныхъ формъ: *полть, пдлоть* (мясная половина животнаго) *и оттуда* (а не прямо изъ *полъ*) произвести эту вѣтвенную форму вашего мнимаго корня. И такъ, между Церковнославянскими: *полъ* и *плоть*, изъ которыхъ первое есть, положимъ, *корень*, второе — *вѣтвь* опаго, — органическая природа языка вставила народное: *пдлоть*, которое разрываетъ собою прямую генеалогическую линію *корня* и *вѣтви*, становясь для послѣдней корнемъ, (слѣд. обращаетъ оную въ вѣтвь вѣтви или въ *отрасль*) и переставая быть для перваго *вѣтвію* (потому что изъ *пдлоть* скорѣе можно произвести *полъ*, нежели на оборотъ), слѣд. при этомъ или а) само восходитъ со степени вѣтви на степень корня смежнаго, паралельнаго съ корнемъ: *полъ*, или же, такъ какъ послѣдній не имѣетъ у себя *вѣтвей*, то б) оно низводитъ оный со степени корня на степень *вѣтви* — смежной, паралельной съ собою. Что же оказывается при этомъ сличеніи *парѣчій* во взятыхъ нами словахъ? — Что въ нихъ есть *вѣтви* — у которыхъ нѣтъ *корня*, — или есть *корень* (полъ) у котораго нѣтъ *вѣтви*.... Но вы, читатель, не согласитесь со мною съ перваго раза (быть можетъ), защищая Церковнославянское парѣчіе — по вашему мнѣнію — древнѣйшее народнаго, слѣд. *корневое:* согласившись со мною въ томъ, что *полъ* и *пдлоть* суть паралельные корни или вѣтви, вы скажете: почему же *пдлоть* и *плоть* (Цвисл.) не могутъ быть тоже словами паралельными а послѣднее должно быть вѣтвію перваго, какъ своего корня? Не отрицаю того, — но пойдемте далѣе, къ практикѣ. — Положимъ, опираясь на томъ, что *плоть* означаетъ тѣло человѣческое вообще, тѣлесную природу (но по моему — это переносное, искуственное а не *натуральное* его значеніе), вы захотите таки отстоять самобытность этого слова: я вамъ помогу даже, указавъ на Цвслов. форму *полоть* въ значеніи половины вообще, — форму, совершенно тождественную съ *полъ* (половина, – часть, – другая, противоположная сторона). У *Глаголева* (Основ. Слов. Ч. II.) приводится изъ старинаго Евангелія фраза: *и растешетъ* (разсѣчетъ) *и* (его) *полотьма*

вм. *полъма* (Матѳ. XXIV. 51.) т. е. на *пѡлы*, на двое, на двѣ половины.—И такъ вы имѣете *полоть* (хотя и сомнительно, чтобы эта форма была чисто-*книжная* а не вставленная переписчикомъ въ книгу съ живаго выговора!); оттуда, чрезъ сокращеніе, вы получаете *плоть*.—Но и у меня въ русскомъ языкѣ найдется *плоть*—но не въ смыслѣ тѣла человѣческаго, а матеріи осѣмененія (semen germin., pollutio). Слова по звуку—*одни;* что же признать здѣсь *корнемъ*, что *вѣтвію?* Чѣмъ рѣшить споръ о старшинствѣ? не временемъ-ли существованія слова?—Мое, по этому, древнѣе, потому что языкъ народный, живой былъ прежде языка книжнаго. Не лучше-ли значеніемъ?—Какое же *первое?* Ваше означаетъ и тѣло вообще, т. е. всякое тѣло *животное (и узритъ всяка плоть спасеніе)*, и тѣло человѣческое, и тѣлесность, чувственную природу человѣка; мое—означаетъ зародышъ тѣла человѣческаго, *матерію* его, первую, простѣйшую, элементарную основу его! Ваше, однимъ словомъ, означаетъ—*половину, часть*, мое—*цѣлое*. И такъ мое—*первое?* слѣд. *и корень?* А гдѣ же вѣтви его?—Не уже ли Цвносл. *плоть?*—Но *плоть* означаетъ *мясо*, тѣлесную оболочку человѣка, слѣд. *часть* его организованной матеріи: не лучше ли первою, ближайшею *вѣтвію* русскаго слова: *плоть* счесть такое слово, которое выражаетъ идею *о цѣломъ* тѣлесномъ?—Вы находите въ народномъ языкѣ: *плотить* (сплачивать) т. е. тѣсно соединять, соединять въ одно *цѣлое*,—но что? *доски* или *бревна; плодить*—размножать—*растѣніл, овощи*.... Странно: по звуку слова: *плотить, плотина, сплачивать, плотный* и др.,—суть вѣтви корня (какъ бы): *плоть;* но по смыслу—они скорѣе вѣтви выше приведенныхъ: *полть, полоть*, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ *плоть* они суть такіе же паралельные корни, какъ *пѡлоть* въ отношеніи къ *полъ* (Цвносл.).—Въ Церковнославянскомъ, правда, вы находите *плодъ*—«младенецъ въ утробѣ:» но здѣсь буква *д*, какъ болѣе твердая, не происходящая изъ *т* (которое скорѣе можетъ быть сочтено смягченіемъ первой), заставляетъ васъ признать это слово *первообразнымъ*. Странно: по *смыслу*, Врс.

плоть—корень, Цвсл. *плодъ*,—вѣтвь его; по звуку, *плодъ*—корень, *плоть*—вѣтвь его! Загляните въ славянскія нарѣчія: въ Польскомъ вы найдете: płeć (=плэть?), которое означаетъ 1) кожу на тѣлѣ человѣческомъ, 2) самое тѣло—*плоть*, 3) полъ, родъ мужескій или женскій (см. Linde, T. IV).—Но чѣмъ будетъ это польское слово: вѣтвію или корнемъ нашего: *плоть?*—По смыслу, оно скорѣе корень, нежели вѣтвь, потому что совмѣщаетъ въ себѣ значеніе Церковнославянскихъ: *полъ* (sèxe) и *плоть*, и народнаго: *плоть*, такъ какъ матерія осѣмененія содержится въ индивидумѣ осѣменяющемъ. По крайней мѣрѣ *płeć* будетъ такая же вѣтвь какъ и народн. *плоть*. Но по звуку—выходитъ другое: въ польскомъ гласная: *e* и окончаніе *ć* (ць), явно, суть производныя; опять странность: по смыслу, *płeć*—корень для нашего Врс. *плоть*; по звуку—этотъ корень—*вѣтвь!*—Поищемъ еще въ какомъ нибудь славянскомъ нарѣчіи слова болѣе видоваго (вѣтвеннаго) или болѣе корневаго, первообразнаго; въ Богемскомъ есть *plť, pleť*.—здѣсь буква *t* тождественна съ нашимъ: *ть*, только вмѣсто первообразнаго: *о* (плоть) опять стоитъ производное *e (pleť)*. Это бы—ничего, да то бѣда, что Богемское *plť, pleť*—означаетъ только *кожу* на тѣлѣ а не самое тѣло,—и такъ есть одна изъ вѣтвей или Польскаго: *płeć*, или нашего народнаго: *плоть* или же Цвнаго *плоть*, которые сами, въ свою очередь, суть *вѣтви* какого-то неизвѣстнаго *корня*.—Этаго примѣра, я думаю, будетъ достаточно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что *корни* и *вѣтви* словъ суть нѣчто непостижимое, по крайней мѣрѣ *неуловимое* въ природѣ языка,—потому, что чуть только остановимся мы на какомъ-нибудь простомъ, первообразномъ видѣ слова, который примемъ *за корень* и станемъ отыскивать ближайшія его *кольна*, при помощи которыхъ мы могли бы составить себѣ полное или по крайней мѣрѣ постепенное *развѣтвленіе* его,—то эти колѣна начнутъ насъ такъ перебрасывать изъ одного нарѣчія языка (напр. русскаго) въ другое, изъ одного языка въ другой, сродный съ нимъ, и по-

ведутъ насъ при этомъ такими зигзагами, что мы непремѣнно спутаемся и завязнемъ—въ собственныхъ нашихъ силкахъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ?—Объ этомъ то я и пишу мою книгу; отвѣтъ мой на этотъ вопросъ былъ бы коротокъ: бросить *буквенный*, бездушный, безмысленный взглядъ на языкъ, не трогать буквъ ни на волосъ—не позволяя себѣ произвольнаго обрѣза ни въ одномъ атомѣ слова и заниматься въ словахъ не буквами а *разумомъ*, но искать въ словахъ не разума нашей головы, не разума народа, даже не разума какого то Генія-покровителя, до сихъ поръ еще сидящаго внутри языка каждаго народа,—но *разума натуры*, разума вещей натуры, который всегда наведетъ насъ на путь истинный. Но этого я еще не *сдѣлалъ*, потому не смѣю и говорить какъ *нужно дѣлать?* Я самъ учусь и потому разсматриваю какъ *дѣлали* другіе: узнавши это мы можетъ быть найдемъ, какъ лучше, *какъ должно это дѣлать;* но это будетъ послѣ,—а теперь посмотримъ, какъ *дѣлалъ* Шишковъ. Мы можемъ видѣть, почему онъ, угадавъ инстинктомъ непостижимую природу языка, призналъ, что сущность его заключается не въ *буквахъ* (окончаніяхъ, формальной сторонѣ) и не въ корняхъ *словъ* (матеріи) но въ совокупности того и другого. По этому онъ и сказалъ, что подъ именемъ языка разумѣются корни словъ и вѣтви отъ нихъ произшедшія. Но корни и вѣтви существуютъ не въ одномъ какомъ-нибудь нарѣчіи языка, но распредѣлены по всѣмъ, слѣд. языкъ есть совокупность всѣхъ словъ, существующихъ въ нарѣчіяхъ *какого-нибудь народа*. Но доискиваясь источнаго начала какихъ нибудь корней, мы очень часто (какъ видѣли уже изъ приведеннаго нами примѣра) находимъ, что болѣе первообразные виды этихъ корней существуютъ въ другомъ языкѣ сопленномъ, болѣе чистыя и близкія *вѣтви* оныхъ—сохраняются въ третьемъ языкѣ и т. д. слѣд. Языкъ будетъ совокупностію корней и вѣтвей существующихъ *во всѣхъ* нарѣчіяхъ или языкахъ *какого-нибудь племени*. Къ такой огромной, синтетической идеѣ о языкѣ пришелъ и Шишковъ.

Въ *Замѣчаніяхъ на предполагаемое вновь сочиненіе Россійскаго Словаря* (Ч. V. 1825.)—Шишковъ такъ развиваетъ опредѣленіе понятія: *языкъ*. «Ежели скажемъ: *языкъ есть совокуп-*«*ность всѣхъ извѣстныхъ въ немъ словъ*,—то тотчасъ пред-«ставится вопросъ: *кому извѣстныхъ?* Ученому? . . . но сюда «не войдутъ многія слова непзвѣстныя ученому и употреб-«ляемыя у плотника, ткача и т. д. Скажемъ-ли, поправляя «это опредѣленіе: *языкъ есть совокупность словъ всѣми вообще* «*людьми употребляемыхъ?* . . Но иныя изъ словъ вышли изъ «употребленія, но остались въ книгахъ и слѣдовательно все «таки принадлежатъ языку народа. Распространимъ ли это «опредѣленіе еще болѣе, выразивъ его такъ: *языкъ есть со-*«*вокупность всѣхъ извѣстныхъ намъ словъ, всѣми вообще люд-*«*ми нынѣ и прежде въ разговорахъ употребляемыхъ и въ кни-*«*гахъ находимыхъ*? . . . Но и это опредѣленіе еще недоста-«точно, потому что Славенскимъ языкомъ говорятъ многіе «народы внѣ Россіи: Сербы, Поляки, Богемцы и др. Хотя «*нарѣчія* ихъ различны съ нашимъ, но *языкъ* у нихъ одинъ. «Не ужели внести въ языкъ и совокупность словъ другими «Славенскими народами употребляемыхъ?—Безъ сомнѣнія. «Но мы не понимаемъ этихъ словъ?—Ничего,—слóва: *языкъ* «нельзя, какъ уже сказано, опредѣлять тѣми словами, кото-«рыя намъ извѣстны или которыя *мы понимаемъ*. Ежели корни «или вѣтви ихъ есть въ нашемъ языкѣ, — то они тотчасъ «станутъ для насъ понятными. Богемецъ, напр., дорожку «называетъ *пѣшникомъ*, жаркое—*печениною*, деревенскаго жи-«теля—*весникомъ*, молнію—*блискомъ*. Эти слова развѣ не «принадлежатъ нашему языку, наравнѣ съ Богемскимъ? Развѣ «мы не имѣемъ у себя *пѣшъ*, *печь*, *весь*, *блевкъ*? Почему же «*пустынникъ* (отъ пустыня) Славенское а *весникъ* (отъ весь) «не Славенское? Почему *жаркое* (отъ жарить) Славенское, «а *печенина* (отъ печь) не Славенское?—И такъ слово: Сла-«венскій языкъ я смѣло простираю на всѣ его нарѣчія . . .» Понятіе, повидимому, основательное, по крайней мѣрѣ совер-шенно сообразное съ самою сущностію предмета т. е. *кор-*

ней и *вѣтвей,* которыя такъ распредѣлены непостижимою природою въ нарѣчіяхъ и языкахъ, что для того, дабы составить полное цѣлое Славянскихъ *корней*—необходимо взять всѣ безъ исключенія *вѣтви* Славянскихъ нарѣчій. Но между тѣмъ всякій читатель чувствуетъ при этомъ, что это ученое, *теоретическое* понятіе о языкѣ, отметающее самостоятельную разность не только въ нарѣчіи языка, но даже въ каждомъ изъ языковъ племени—какъ-то пусто, мертво и ничтожно; здравый смыслъ читателя невольно остановится на недоумѣніи: есть ли языкъ *что нибудь*—разумѣется, цѣлое, опредѣленное, существующее, — тогда, какъ ни въ одномъ изъ нарѣчій онъ не имѣетъ своего собственнаго *начала* и *предѣла,* но есть или *продолженіемъ* началъ существующихъ въ другомъ, постороннемъ нарѣчіи (вѣтвь корня) или *началомъ* развѣтвленій, продолжающихся въ третьемъ, особомъ нарѣчіи (корень вѣтви)? Но отъ этого недоумѣнія: есть-ли языкъ что нибудь? недалекъ переходъ и къ тому: *есть*-ли языкъ? *существуетъ* ли языкъ?—Ибо мы ни какъ не можемъ указать: *гдѣ, у кого* именно онъ существуетъ? одна часть этого необъятнаго цѣлаго существуетъ *здѣсь* (у Русскихъ), другая, дополняющая ее—*тамъ* (у Поляковъ), третья еще далѣе (у Чеховъ, Сербовъ) и т. д.,—такъ, что *весь* языкъ, языкъ въ собственномъ смыслѣ, существуетъ *вездѣ* и *нигдѣ,* есть *все* и *ничто.* Шишковъ чувствовалъ это и въ статьѣ: *Опытъ о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ* (Ч. V. 294.) сказалъ: «слово *языкъ,* есть едва ли не *мнимое существо;* ибо «хотя мы и говоримъ опредѣлительно: *Славенскій языкъ:* но «что такое онъ? сего мы ни какъ опредѣлить не можемъ. «Возмемъ ли одного и того же языка разныхъ вѣковъ книги, «мы ихъ почти не понимаемъ; возмемъ ли одного и того же «языка разныя нарѣчія, какъ-то: Русское, Польское, Богем- «ское, Сербское, Краинское и другихъ многихъ народовъ: «всѣ оныя суть нарѣчія Славенскаго языка, но столь раз- «личныя между собою, что говорящіе ими народы съ трудъ «постію или во вся другъ друга не разумѣютъ. Чтожъ такое

«собственно *языкъ Славенскій?* не иное что, какъ совокуп-«ность всѣхъ сихъ нарѣчій . . . .» Читатель, стоя предъ этимъ опредѣленіемъ языка съ живою *практикою* и инстинктомъ *здраваго смысла,* которые даютъ ему возможность составить себѣ довольно ясное понятіе не только о языкѣ *великорусскомъ* или *южнорусскомъ,* но даже о языкѣ *Державина, Гоголя, Жуковскаго*—какъ о чемъ то особомъ, отличномъ другъ отъ друга,—читатель, повторяю, будетъ изумленъ этою странною невозможностію, какую встрѣчаетъ *ученая теорія* въ отличеніи одного нарѣчія отъ другого и въ составленіи точнаго понятія о *языкѣ* какого-нибудь народа. Читатель, разумѣется, не станетъ этому вѣрить (и хорошо сдѣлаетъ)! и припишетъ эту невозможность — безсилію нашего перваго Филолога: но это будетъ несправедливо,—лучше всего, справедливѣе всего, приписать эту невозможность безсилію нашей филологіи, или, точнѣе выражаясь, безсилію, ничтожеству *буквеннаго* взгляда, какимъ смотритъ наша филологія до сихъ поръ на языкъ вообще слѣд. и на нарѣчія языка. Вотъ самое лучшее, *современное* доказательство этому. Языки: Чешскій, Сербскій, Польскій, Русскій и др.—суть особые языки, отличные одинъ отъ другаго; доказывать это не зачѣмъ: это—*аксіома* опыта: Чехъ, Сербъ, Полякъ, Русскій, даже Русскій сѣверной и южной Руси, *не понимаютъ* другъ друга. Казалось бы, что филологія должна указать намъ бездну признаковъ отличія между этими языками: но въ *наукѣ* выходитъ совсѣмъ иное!—Г. *Максимовичъ,* ученый, съ давняго времени посвятившій себя филологическимъ занятіямъ, разсматривая примѣты, которыми славянскіе филологи (Добровскій и Шафарикъ) старались опредѣлить различіе между *двумя* разрядами, на которые дѣлятъ всѣ славянскія нарѣчія,—Г. Максимовичъ, со всею основательностію и правдою, доказалъ, что единственными существенными, рѣзкими признаками отличія между языками двухъ разрядовъ, могутъ служить только *двѣ черты:* 1) мѣстоименіе *той, тъ* (цвносл.) употребляемое въ первомъ разрядѣ (куда принадлежатъ языки:

Русскій, Церковнославянскій, Сербскій и др. 1) *и тонъ, тенъ*— употребляемое во второмъ—(куда принадлежатъ языки: Польскій, Чешскій и др.); 2) буквы: *п* и *м* въ глаголѣ *'отрити* (смотрѣть), который въ первомъ разрядѣ принимаетъ букву *м—мотрити* (въ простонарод. Врус. *мотрѣть*), *смотрѣть*,— а во второмъ букву *п: патрити*, patrzyć—(1). «Какъ??» воскликнете вы «вся разница между Польскимъ и Русскимъ «языкомъ ограничивается тѣмъ только, что Полякъ говоритъ: «*тен, патржиць*,—*я—той, смотрѣть?* Да не смѣшно-ли это? «Да не есть ли это явная нелѣпость, неправда, вопіющая «противъ здравой логики и патуры?» .... Согласенъ съ вами, читатель: для здраваго смысла это и смѣшно и нелѣпо,—но Г. Максимовичъ не выдумалъ этого: онъ *послѣдовалъ* (2) примѣру знаменитѣйшихъ Филологовъ Славянскихъ и сдѣлалъ только то, что въ самомъ дѣлѣ, кажется самымъ основательнымъ и истиннымъ въ теперешней филологической системѣ—системѣ *буквенности*. Не вините же, любезный читатель, и нашего Шишкова: онъ дѣлалъ такъ, какъ дѣлали и дѣлаютъ

---

(1) Начатки Русской филологіи, соч. М. Максимовича, Кіевъ, 1848 стр. 160.

(2) По *неволѣ*, или—лучше сказать—*не по волѣ своей*.—Читающій его прекрасную книжку можетъ видѣть, что Г. Максимовичъ, какъ *Филологъ-органицистъ* (см. § 16. стр. 90.), давно отвергшійся отъ преданій школы атомистической, дѣлаетъ разборъ примѣтъ Добровскаго и Шафарика съ чрезвычайною глубиною, отчетливостію и тщательностію,—какъ бы желая *сохранить нѣчто* изъ разрушаемой его критическимъ анализомъ старой системы,—для новой системы нашей филологіи. Но это происходило отъ *скромности* (я думаю) нашего Филолога и отъ уваженія къ наукѣ, какъ въ *лицѣ* ея представителей (Добровскаго и Шафарика) такъ и въ *мнѣніяхъ* оныхъ, которыя—какъ всякій истый ученый знаетъ—могутъ быть разрушены въ ошибочныхъ результатахъ, выводахъ своихъ, но останутся *вѣчно въ наукѣ*. Но изъ за этой *скромности* Филолога—тѣмъ не менѣе—вездѣ выказывается та *сократическая иронія*, съ которою Г. Максимовичъ смотритъ на теперешнюю *діагностику* Славянскихъ нарѣчій, *въ душѣ* считая ее неправдою противъ логики и особенно натуры—съ которою онъ, какъ Naturforscher (до 1834 г.) хорошо знакомъ. Пусть бы поучились этому *аттицизму критики* русскіе журналисты—хотя тѣ, которые разбирали ученыя сочиненія Максимовича, *не понявъ* ихъ!

до сихъ поръ въ языкѣ всѣ ученые европейскіе, съ тою разницею, что онъ дѣлалъ не *то,* что они т. е. онъ своею неутомимою работою приготовилъ много богатыхъ матеріаловъ не для одного языка русскаго и славянскаго но и для разработки филологической всѣхъ языковъ вообще. Послѣдуемъ же теперь за ходомъ его филологической работы. Воодушевленный мыслію (которой чужды были почти всѣ современные ему Филологи), что языкъ каждаго народа составился не произволомъ людей, выдумывавшихъ звуки, но «*разумомъ* «человѣческимъ, который, размышляя о вещахъ, чрезъ со- «ображеніе ихъ другъ съ другомъ, давалъ имъ имена»,— Шишковъ сдѣлалъ себѣ задачею: отыскивать связь или нити этого *разумнаго соображенія* въ словахъ языка: отъ того то онъ и сосредоточилъ свою дѣятельность на корняхъ или *лексической сторонѣ языка,* оставивъ формальную, грамматическую сторону (т. е. буквы), потому что въ ней нельзя найти ничего опредѣленнаго, цѣлаго, предметнаго. Что разработка корней была неудачна,—это читатель можетъ знать впередъ, познакомившись съ понятіемъ Шишкова о *языкѣ.* Ежели языка Славянскаго Шишковъ не могъ найти нигдѣ, ни въ одномъ опредѣленномъ *нарѣчіи* какого-нибудь народа, и чтобы не счесть его пустымъ призракомъ—долженъ былъ искать его *во всѣхъ нарѣчіяхъ,*—то ясно, что и *корня* онъ не могъ найти ни въ одномъ словѣ а долженъ былъ искать его во всѣхъ одинаковыхъ словахъ какого-нибудь языка. Но что останется во множествѣ *словъ* по отнятіи отъ нихъ разнообразныхъ окончаній, вставныхъ гласныхъ буквъ, разнообразныхъ, предметныхъ значеній и проч. ?—Согласныя буквы или *нѣкоторый звукъ* и *нѣкоторый смыслъ* . . . Такимъ образомъ *корень* Шишкова съ *вѣтвію* есть тотъ же *языкъ* съ его *нарѣчіями*—въ миніатюрѣ. Подобно тому какъ *языкъ* у него есть мнимое существо, которое есть во всѣхъ нарѣчіяхъ и не находится ни въ одномъ изъ нихъ,—такъ *корень* есть такое же мнимое слово, которое *есть* во всѣхъ словахъ и ни въ одномъ изъ нихъ, есть *все* и *ничто.* Такимъ образомъ изъ

синтетической идеи о языкѣ возникъ *синтетизмъ* самаго *предмета* филологическихъ изслѣдованій Шишкова т. е. чрезмѣрная обширность его объема. Неизбѣжными послѣдствіями этой обширности были—неопредѣленность и смѣшенность лексическихъ изысканій Шишкова, которыя не имѣя твердой почвы, *материка* (terrain solide) развлекались всегда, не *сосредоточиваясь* ни на чемъ. Такимъ образомъ мы находимъ въ трудахъ Шишкова начала разработки въ области славянорусской лексикологіи, славяно-европейской и общей сравнительной: но это только начала или *начатки* — не болѣе. Правда, исторія-критика науки, съ одной стороны, не должна признавать этого случайнымъ, зависѣвшимъ отъ мыслящей личности Автора и ставить ему оное въ укоръ: каждая начинающаяся наука *зарождается* въ *синтезѣ*—въ безразличномъ смѣшеніи всѣхъ *частей*, находящихся въ близкомъ или отдаленномъ отношеніи къ ней; мысль Шишкова, обѣгая въ новосозидавшемся *знаніи* славянорусскаго языка всю обширную его орбиту, *всего* касаясь, во всемъ *начиная*, нигдѣ не сосредоточиваясь—выполняла общія, необходимыя требованія, развитіемъ мыслящей идеи предъустановленныя. Такъ,—съ этой стороны Шишковъ правъ; но съ другой стороны критика науки все таки поставитъ ему въ укоръ *синтетизмъ* предмета. Наука не требовала, правда, чтобы Шишковъ *сосредоточивался* на какой-нибудь одной отрасли языкознанія исключительно, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія: но она требовала отъ него, какъ и требуетъ отъ всякаго всегда, чтобы самый *предметъ* ученыхъ изслѣдованій (какъ бы произвольно-спеціаленъ онъ ни былъ) *былъ сосредоточенъ, опредѣленъ* т. е. чтобы ученый, занимаясь какою нибудь отраслію науки своей, имѣлъ бы въпереди и позади себя извѣстные предѣлы, границы, доходя до которыхъ, онъ *останавливался бы*. При этомъ только условіи онъ не будетъ *выходить* изъ своего предмета и *заходить* въ чужую область, слѣд. при этомъ только условіи избѣгнетъ онъ того *хаотическаго смѣшенія*, которое опутывая мыслящую идею науки, вмѣстѣ съ тѣмъ,

затрудняетъ и мыслящую ея работу а часто *извращаетъ* и *останавливаетъ* оную. Въ этомъ случаѣ Шишковъ не можетъ оправдаться предъ наукою: *синтетизмъ предмета* распространился у него отъ *цѣлаго* и на самыя *части*. Занимаясь лексическимъ изслѣдованіемъ языка славянорусскаго т. е. *древнерусскаго*,—Шишковъ не придерживался твердо своей основной почвы (Grundboden) и заходилъ то слишкомъ далеко *впередъ*, *за конецъ* ея, то слишкомъ далеко *назадъ*, *за начало* ея; при этомъ конецъ становился у него *началомъ*, а начало — *концемъ*. Не опредѣливъ области *древнерусскаго* языка (куда должно было отнести 1) народныя русскія нарѣчія—какъ древнѣйшія 2) церковносл. нарѣчіе), Шишковъ внесъ въ нее *весь* книжный языкъ отъ Кирилла до Словаря Академіи (XI—XIX вѣк.) и почти изключилъ изъ нея *народный;* при томъ, принимая въ основаніе *формы* и *значенія* словъ книжныя (и преимущественно новѣйшія)—Шишковъ изъ нихъ выводилъ всѣ прочія: такимъ образомъ *вѣтви*—становились *корнями*, то, что *произошло* въ языкѣ въ позднѣйшее время, обращалось въ то, что *производило*, а произведшее (начальное) въ произведенное (конечное). Мы увидимъ далѣе (при разборѣ *метода* Шишкова) какъ онъ, съ другой стороны, идя назадъ, въ глубь языка древнерусскаго, *заходилъ за* его начало до того, что изъ этого *начала* выводилъ языкъ Нѣмецкій . . . . Вотъ первое вліяніе синтетической идеи Шишкова о *языкѣ* на *предметъ* его изслѣдованій. Чтобы видѣть второе вліяніе оной: на *методъ* этихъ изслѣдованій—мы послѣдуемъ теперь за приложеніемъ идей Шишкова о *языкѣ*, *корнѣ* и *вѣтвяхъ* онаго—къ практикѣ и прежде всего, къ языку русскому. Разсмотримъ критически всю корнесловную систему Шишкова, не столько для того, чтобы видѣть кромѣ достоинствъ и самыя ошибки перваго нашего Филолога, сколько для того, чтобы воспользоваться этими ошибками, какъ предъостереженіемъ опыта, для опредѣленія искомыхъ нами понятій: настоящаго *предмета*, *метода* и *цѣли* при изученіи нашего языка.

§ 29.

Идеи Шишкова о корнѣ и вѣтви. Двойственность корня въ содержаніи его и формѣ: корень — какъ элементъ консонантный, — какъ элементъ вокальный. Вліяніе первой, синтетической идеи о корнѣ — какъ совокупности согласныхъ буквъ, одинаковыхъ во всѣхъ вѣтвяхъ, на первое направленіе въ лексическомъ методѣ Шишкова — синтетическое. Причина онаго, заключавшаяся въ идеѣ о языкѣ, господствовавшей въ системѣ языкознанія, современной Шишкову.

Система Шишкова въ приложеніи своемъ, т. е. въ различныхъ корнесловныхъ или *словопроизводныхъ деревьяхъ* (1) представляетъ много несообразностей и противорѣчій. Чтобы видѣть оныя, стоитъ только обратить вниманіе на главные пункты этой системы, составляющіе такъ сказать точку ея опора или на ея *основанія* и *слѣдствія*. I. *Основаніе словопроизводной системы Шишкова* составляетъ понятіе о *корнѣ* и его отношеніи къ *вѣтви*, происходящей изъ корня. Опредѣленіе какъ того, такъ и другого, какъ можно это видѣть изъ многихъ мѣстъ разныхъ статей Шишкова, столь зыбко и неточно, что содержитъ въ самомъ себѣ уже тѣ логическія противорѣчія, которыя болѣе явственнымъ уже образомъ выступаютъ наружу въ практическомъ примѣненіи этого систематическаго начала и обличаются безпрерывными натяжками и неестественностями въ словопроизводствахъ. По-

(1) Деревья стоящія на корняхъ: Мал, МР, ГР, КР, ХР, Вѣщ. *Шиш* и др.

смотримъ, какъ опредѣлятъ Шишковъ, *что такое корень?* Корень или, лучше сказать, понятіе о корнѣ у Шишкова заключаетъ въ себѣ какую-то *двойственность,* какъ въ *содержаніи* такъ *и въ формѣ;* одинъ разъ Шишковъ говоритъ, что корень есть совокупность *буквъ,* слѣд. чуждый живаго организма, безъсложный *звукъ,* другой разъ—что корень есть *слогъ* слѣд. организованный, живой звукъ человѣческой рѣчи; разъ утверждаетъ онъ, что корень самъ по себѣ или въ чистомъ своемъ элементѣ (безъ опредѣленнаго грамматическаго окончанія) имѣетъ какое-то *значеніе,* называемое Шишковымъ *общимъ, главнымъ, первоначальнымъ;* другой разъ—что онъ внѣ окончаній словъ не имѣетъ никакого значенія. Такъ напр. въ VI части своихъ сочиненій, стр. 2. (корень *мал*) онъ говоритъ: «*корень* или *коренныя* въ какомъ-нибудь словѣ «*буквы* остаются, когда мы отъ сего слова отнимемъ окон«чаніе и предлогъ». Въ XI части сочиненій стр. 157. онъ говоритъ: «корень состоитъ изъ малаго числа буквъ (часто «изъ одной токмо)» (1). Изъ этихъ двухъ мѣстъ можно видѣть, что подъ корнемъ Шишковъ понимаетъ совокупность буквъ или вообще *буквы* т. е. звукъ безразличный, а не опредѣленный, органическій звукъ, который составлялъ бы нѣчто *цѣлое* или *слогъ.* Потомъ, въ тѣхъ же мѣстахъ какія мы привели выше, онъ говоритъ: «сколькобъ мы не взяли «единокорненныхъ словъ, напр. *мало-важный, у-мал-яюся,* во «всѣхъ оныхъ найдемъ тотъ же самый *слогъ* или цѣльный «или нѣсколько измѣнившійся (мал-)». (Ч. VI. стр. 2.). На слѣдующей страницѣ той же статьи: «такимъ образомъ мо«жно о корнѣ сказать, что онъ не есть *слово,* но слово безъ него не можетъ имѣть значенія....» Изъ этихъ мѣстъ видно, что корень по мнѣнію Шишкова есть не безразличный, неопредѣленный звукъ, но звукъ органическій или *слогъ,* не

(1) Ср. съ этимъ то что говоритъ онъ въ V части своихъ сочиненій въ Разсужденіи: О первоначаліи, единствѣ и разности языковъ (ст. 3, корень *вѣщ.*) стр. 361, 367 и 522, (замѣчанія на предполагаемое вновь составленіе Россійскаго Словаря) и въ первой статьѣ о предлогахъ (ibid. Ч. V.)

буквы или одна *буква*, но совокупность согласныхъ звуковъ по крайней мѣрѣ съ одною гласною (1). Изъ всего этого мы видимъ *двойственность* въ понятіи *о формѣ* корня, изъ которой проистекло самое вредное послѣдствіе для словопроизводнаго *метода*, какое мы обозначимъ ниже.—То же самое находимъ мы и въ понятіи *о значеніи* корня или логическомъ *содержаніи* его. Сказавъ, что корень состоитъ изъ буквъ (Ч. XI. 157 стр. и проч.), Шишковъ присовокупляетъ: «первоначальное значеніе ихъ по большей части почерпается отъ звукоподражанія природѣ, т. е. она сама даетъ человѣку и звукъ и мысль». Въ статьѣ же, въ которой онъ называетъ корнемъ *слогъ* (Ч. VI.), Шишковъ говоритъ: «сей слогъ *самъ собою*, «т. е. вынятый изъ нихъ» (многихъ единокорненныхъ словъ сравниваемыхъ между собою) «кажется не имѣющимъ никакого значенія; но получаетъ оное тотчасъ, какъ скоро приложится къ нему окончаніе; ибо производитъ слова: *мало*, «*малый, маленькій* и проч., въ которыхъ содержится понятіе «противное тому, какое разумѣется подъ словами *много* или «*велико* или *огромно*». Здѣсь всякому, кажется, ясно, что корень или *слогъ* коренной самъ по себѣ, взятый отдѣльно отъ какого нибудь окончанія грамматическаго (части рѣчи), не имѣетъ ни какого значенія, но получаетъ оное уже въ связи съ нимъ т. е. ставши изъ слога (чистаго корня) опредѣленнымъ какимъ нибудь *словомъ*. Какъ же сообразить съ симъ положеніемъ то, что Шишковъ тотчасъ же говоритъ за симъ: «получа единожды сіе *главное* и *общее* значеніе онъ (корень) удерживаетъ «уже всегда оное, не взирая на перемѣны производимыя въ

(1) Еще яснѣе можно видѣть это понятіе о корнѣ изъ статьи: «Объясненіе первоначальнаго дерева для словопроизводнаго Словаря». Ч. XIII. стр. 86, въ которой сопряженія коренныхъ гласныхъ съ согласными (слѣд. простые элементарные *слоги*) указываются какъ первобытные зародыши или основы словъ.—См. Ч. VI стр. 146. Опытъ изслѣдованія словопроизводства (Аббата Мореллета, Члена Французской Академіи).—Странно, почему Шишковъ, переведшій эту статью, не держался болѣе точныхъ и здравыхъ теоретическихъ началъ словопроизводства, изложенныхъ въ ней.

«немъ посредствомъ измѣненія или потрясенія его и прикла-«дыванія къ нему окончаній и предлоговъ». Это значитъ: корень или слогъ, слившись съ *окончаніемъ* или ставъ какимъ нибудь опредѣленнымъ словомъ, получаетъ отъ него смыслъ или значеніе и удерживаетъ это опредѣленное (единожды полученное имъ) значеніе всегда, съ какими бы другими окончаніями онъ ни сливался или какими бы другими словами онъ ни дѣлался, въ какія бы другія слова онъ ни развѣтвлялся. Спрашивается, откуда же явилось въ немъ *главное, общее* (т. е. отвлеченное, *логическое)* значеніе, когда онъ слился только съ *однимъ* какимъ нибудь опредѣленнымъ окончаніемъ? Не ужели онъ получилъ оное отъ одного окончанія? Ежели это такъ (а иначе и объяснять себѣ нельзя), то это самое предположеніе скрываетъ подъ собою другое, что окончанія *о* (мал-о), *ый* (мал-ый), *енькій* (мал-енькій) имѣютъ сами по себѣ какой-то главный, общій, отвлеченный смыслъ, изъ котораго извлекается *самъ же собою* и смыслъ предметовъ или точнѣе говоря, извѣстнаго рода совокупности, массы, категоріи предметовъ, который эти окончанія изображаютъ намъ или на который они намъ по крайней мѣрѣ указываютъ. Но простой, здравый смыслъ тотчасъ же можетъ опровергнуть это предположеніе самымъ простымъ наблюденіемъ; взявъ напр. разные корни *мал, черн, свѣтл*— и приложивъ ихъ къ окончаніямъ, онъ получаетъ: *мало, малый, маленькій, черно, черный, черненькій, свѣтло, свѣтлый, свѣтленькій;* въ этихъ слившихся съ окончаніями слогахъ или *словахъ* онъ видитъ, что каждое изъ этихъ словъ имѣетъ свое опредѣленное, частное значеніе, указывая: 1) на опредѣленную категорію предметовъ (вещей, имѣющихъ тѣлесный объемъ, плотную поверхность, подверженныхъ дѣйствію стихіи свѣта), 2) на опредѣленный признакъ предмета т. е. или его объемъ тѣлесный (малый) или качество поверхности (черный) или вліяніе на него стихіи свѣта (свѣтлый); въ окончаніяхъ же, отдѣленныхъ отъ корней, онъ находитъ какой то неясный намекъ на свойство, принадлежность, качество или признакъ, но не извѣстно *чей* и

какой (т. е. признакъ ли предметовъ вещественныхъ или существъ духовныхъ, признакъ ли формы или сущности предмета)? Ясно, по этому, что ежели *окончанія* сами по себѣ могутъ заключать *формальную,* логическую или категорическую характеристику предметовъ—общія указанія на предметъ взятый отдѣльно или въ массѣ (число единственное, множественное), на признакъ (имя прилат.), дѣйствіе, страданіе (глаголъ), отношенія (предлоги, частицы) и т. п.,—то корни сами въ себѣ (внѣ окончаній) должны уже заключать *матеріальную* или частную характеристику предметовъ т. е. должны указывать на извѣстную опредѣленную *матерію* предметовъ.—Такимъ образомъ Шишковъ утверждаетъ два противорѣчащія положенія: разъ, что корень указываетъ на какіе нибудь предметы и самъ по себѣ имѣетъ значеніе, которое и называетъ онъ *первоначальнымъ* (для большей точности лучше бы назвать его *элементарнымъ* т. е. извлекаемымъ изъ наблюденія предметовъ природы, которая «сама даетъ чело«вѣку звукъ и мысль»), другой—что корень самъ по себѣ не имѣетъ значенія, не указываетъ ни на какой предметъ, ибо «если слово означаетъ особенно какую нибудь вещь, то оно «не есть уже корень, но произведенная отъ него вѣтвь.»—И такъ и въ понятіи Шишкова о *содержаніи* корня мы находимъ такую же *двойственность* и слѣд. такое же логическое противорѣчіе какъ и въ понятіи о *формѣ* онаго. II. *Слѣдствія словопроизводной системы Шишкова,* проистекающія изъ отношенія *корня къ вѣтви и колѣнамъ.*—Чтобы видѣть несообразности и противорѣчія въ самомъ словопроизводствѣ или въ практическомъ примѣненіи словопроизводной системы Шишкова—нужно открыть ихъ прежде всего въ методѣ, служившемъ основаніемъ этому словопроизводству; а чтобы открыть несообразности и противорѣчія въ методѣ словопроизводства, нужно опредѣлить себѣ напередъ существенныя требованія самаго метода: тогда, имѣя въ виду то, что Шишковъ долженъ былъ дѣлать и сравнивъ съ тѣмъ, что онъ дѣлалъ—мы легче можемъ видѣть чего онъ не сдѣлалъ и почему именно не

сдѣлалъ или не могъ сдѣлать.—Филологъ, избравши предметомъ своихъ занятій *лексическое* изслѣдованіе языка, конечно, долженъ имѣть въ виду изслѣдованіе *матеріи* языка, а не его грамматическихъ *формъ*. Самая природа предмета опредѣляетъ уже и *методъ*, которому филологъ долженъ слѣдовать при своихъ изысканіяхъ: корни словъ или *матерія* словъ и самаго языка есть нѣчто простое, слитное, единичное напр. корень *пол(ъ)*, который, какъ мы видѣли, въ цѣлыхъ десяткахъ словъ остается *однимъ* и тѣмъ же звукомъ,—слѣд. для того, чтобы изучить *матерію* языка нужно *различать* т. е. въ *сходномъ* искать *разнаго*, *цѣлое* раздроблять на *части* или слѣдить раздробленіе *цѣлаго* въ *частяхъ*, однимъ словомъ, нужно *анализировать;* грамматическія окончанія словъ или *формы* языка суть нѣчто раздробленное, множественное, разнообразное напр. *—ъ,—а,—окъ,—ка,—отъ,—онъ* являющіяся при одномъ и томъ же слогѣ: *пол (полъ, пола, полокъ* и проч.),—слѣд. чтобы изучить, узнать *формы* языка—нужно *сличать* т. е. въ *разномъ* искать *сходнаго* (напр. въ словахъ: *полъ, дружокъ, жена, столъ, пола, катокъ*—наблюдать окончанія: *ъ, а, окъ* и проч.), слѣд. уловлять *части* въ *цѣломъ*, или—множественное, разнообразное, непостоянное совокуплять, приводить къ единству, однимъ словомъ, нужно *синтезировать*.—И такъ, ежели при изслѣдованіи *грамматической* стороны языка нужно идти путемъ *синтеза*, то при изслѣдованіи *лексической* его стороны необходимо слѣдовать путемъ *анализа*. — Это есть первое, самое существенное *основаніе* при изслѣдованіи корней языка. Посмотримъ теперь, далѣе, къ какому результату приводитъ *анализъ* языка и какую *цѣль*, по этому, предполагаетъ изслѣдованіе *лексической* стороны онаго. Анализъ языка имѣетъ *предметомъ* своимъ *матерію* языка: матерія языка состоитъ изъ однородныхъ и неизмѣнныхъ частицъ, которыя входятъ въ организмъ отдѣльныхъ словъ и которыя узнаются по тому, что они имѣютъ одинакій, постоянный или, по крайней мѣрѣ, мало измѣняющійся звукъ и одинакій, постоянный, мало измѣняющійся смыслъ во множествѣ словъ, различныхъ по

окончаніямъ грамматическимъ (въ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголахъ и проч.). И такъ, анализъ матеріи языка состоитъ, какъ всякій, сколько нибудь знакомый съ ученымъ методомъ легко увидитъ, въ слѣдующихъ двухъ пріемахъ: *первоначальномъ* или матеріальномъ анализѣ и въ *окончательномъ* или чисто-систематическомъ анализѣ. Пояснимъ подробнѣе тотъ и другой. Анализъ, мы сказали, долженъ раздробить *матерію* языка. Но что значитъ раздробить это огромное цѣлое? — Разложить его на самыя малыя простыя или *элементарныя* части. Но это разложеніе совершается не вдругъ а путемъ многихъ, постепенно-производимыхъ разложеній, при которыхъ открываются болѣе и болѣе частныя цѣлыя, которыя снова дробятся на еще болѣе частныя или, лучше сказать, менѣе сложныя, простѣйшія цѣлыя до тѣхъ поръ, пока дробленіе не остановится на совершенно-простомъ, далѣе уже не дѣлимомъ цѣломъ или *элементѣ*.—Такъ точно и естествоиспытатель долженъ разложить цѣлое природы: оно представляетъ, подобно тому какъ и языкъ,—*матерію и форму*. Онъ сперва дробитъ *матерію* природы и получаетъ двѣ, такъ сказать, природы: *органическую* и *неорганическую;* потомъ, принимая во вниманіе кромѣ матеріи еще и *форму*,— разлагаетъ эти двѣ природы на области и получаетъ три отдѣльныя цѣлыя: *животную, растительную и минеральную* природу. Изъ нихъ беретъ какую-нибудь одну напр. животную и дробитъ уже не матерію—ибо она вездѣ почти одна, но *форму* т. е. наблюдая различные *признаки* этой матеріи, получаетъ различныя, такъ сказать, степени въ органической формаціи этой матеріи, и основываясь на этомъ, дѣлитъ это цѣлое на болѣе частныя цѣлыя (классы) напр. животныя млекопитающія, птицы, рыбы, и проч; классы—на *порядки* (млекопитающія: bimana, quadrimana, bestiæ, feræ;) порядки—на *семейства* (или племена напр. въ порядкѣ bimana: Кавказское, Малайское и проч.), семейства—на *роды*, роды—на *виды*, виды—на *индивидумы*. Это дѣленіе имѣетъ основаніемъ своимъ отысканіе существенныхъ, коренныхъ признаковъ,

такихъ, которые принадлежали бы не многимъ но *однимъ* какимъ нибудь индивидумамъ и которые были бы въ нихъ *постоянны*. — Въ этихъ-то признакахъ естествоиспытатель изслѣдуетъ, изучаетъ природу. — Получивъ эти признаки— естествоиспытатель изображаетъ намъ какое-нибудь отдѣльное цѣлое природы въ постепенномъ его *развитіи* т. е. въ постепенномъ восхожденіи его съ низшихъ ступеней къ болѣе и болѣе совершеннымъ формамъ. Раскрытіе этого *постепеннаго* развитія одной и той же матеріи въ разнообразныхъ формахъ ея есть изображеніе развитія *историческое*, есть исторія этихъ формъ; потому-то *естествознаніе* и называется Naturgeschichte, Histoire Naturelle, Естесвенною Исторіею (1). — Это второй, окончательный пріемъ, задачею котораго есть: получивъ простыя элементарныя части или начала *матеріи*—представить потомъ историческое развитіе ихъ въ формахъ (2). И такъ, въ анализѣ *матеріи* русскаго языка нужно было бы

---

(1) Я сравниваю съ системою Естествознавія систему Филологическаго знанія или Языкознанія, не только потому, что первою поясняется вторая, но и потому, что методъ филологическаго изслѣдованія языка имѣетъ ближайшее сродство съ методомъ наукъ точныхъ (естественныхъ) нежели съ методомъ наукъ теоретическихъ или философскихъ. Ибо 1) языкъ въ *органическомъ* его составѣ—до грамматическаго или литературнаго образованія—принадлежитъ къ области *Природы* а не *Человѣка*, слѣд. къ естествовѣдѣнію а не къ философіи Человѣка; 2) дѣло ученаго, изслѣдующаго органическій (самою Природою образованный) составъ языка— есть *описать* элементарныя части языка (корни) т. е. систематически обозрѣть то, *что есть* (или окажется на лице) и *какъ есть*, не дозволяя себѣ ни какихъ теоретическихъ умствованій, произвольныхъ соединеній, раздѣленій, дополненій и выводовъ, которые не подтверждаются точнымъ наблюденіемъ, фактами. Ежели бы Филологи наши, оставивъ въ сторонѣ теоретическую систему, придерживались строго *точнаго* систематическаго метода наукъ естественныхъ и описали бы намъ всѣ корни древняго Русскаго языка въ ихъ натуральномъ видѣ, со всѣми ихъ аномаліями— мы давно уже имѣли бы Филологическую грамматику и Исторію языка. Впрочемъ оправданіе этаго метода будетъ предложено ниже.

(2) Въ XVIII ст. этотъ методъ естествознанія примѣненъ былъ однимъ изъ ученыхъ и къ Филологіи. Court de Gebelin назвалъ свои изслѣдованія о Словѣ или языкѣ вообще Histoire Naturelle de la Parole.

сдѣлать слѣдующее: *во первыхъ*—разложить ее на два отдѣла: массу словъ древнихъ и новыхъ, или 1) слова народнаго+церковнаго языка и 2) сл. яз. гражданскаго (ибо изъ первыхъ образовались послѣднія, слѣд. народ. и церк. не должно было изучать изъ гражданскихъ, какъ, по образованію ихъ, позднѣйшихъ); *во вторыхъ*—сосредоточивъ изслѣдованія на массѣ словъ древняго языка должно было раздѣлить эту массу на группы, т. е. отдѣльныя массы словъ, имѣющія одинакій *типъ* корня (звукъ и смыслъ), группы—на *порядки* или *семейства* словъ, семейства—на *роды* или колѣна, роды на *виды*, а виды наконецъ привести къ первоначальнымъ элементарнымъ словамъ или первообразнымъ *корнямъ*, выражающимъ первоначальныя, элементарныя понятія или идеи народа. Послѣ этого первоначальнаго *матеріальнаго* разложенія массы словъ мы могли бы уже разложить ихъ разнородную матерію, сплавившуюся при различныхъ переворотахъ языка (смѣшеніи его, при разныхъ вліяніяхъ, съ другими инородными языками) на органическія начала, входившія въ періодическое образованіе этой массы: тогда получили бы мы разнородные пласты языка подобно геологическимъ пластамъ земли, образованнымъ различными переворотами, на ея поверхности происходившими и служащими почвою разнаго рода минеральныхъ формацій. Получивъ эти *пласты* языка, мы получили бы *періоды* его постепеннаго образованія въ цѣломъ его составѣ или исторію нашего языка, но только исторію внутреннюю, *органическую* т. е. исторію матеріи или состава языка. Тогда уже отъ матеріи языка мы перешли бы къ *формамъ* его, и наблюдая ихъ развитіе или движеніе въ литературныхъ произведеніяхъ—могли бы видѣть переходъ ихъ отъ разнообразныхъ, непостоянныхъ чертъ, съ какими они являются въ натуральномъ, простомъ, неустановившемся составѣ языка—къ постояннымъ, одинакимъ и правильнымъ чертамъ, съ какими языкъ является въ литературѣ. Тогда мы получили бы *внѣшнюю*, грамматическую исторію нашего языка или исторію не одной *матеріи* но и *формы* языка, исторію языка въ собствен-

номъ смыслѣ этого слова.—Вотъ цѣль анализа языка или изслѣдованія лексической его стороны. Главныя требованія онаго, будемъ помнить, два: *во первыхъ*—найти правильнымъ образомъ элементарныя (далѣе уже не дѣлимыя) слова или *корни,* во *вторыхъ*—представить съ возможною правильностію и точностію ихъ постепенное, историческое развитіе въ болѣе и болѣе сложныя цѣлыя (виды, роды, семейства или группы словъ). Зная, что *долженъ былъ* сдѣлать Шишковъ, посмотримъ теперь, что *онъ сдѣлалъ?* I.) Первая ошибка Шишкова состояла въ томъ, что онъ не опредѣлилъ съ точностію, какъ мы видѣли уже въ предыдущемъ §-ѣ, *предмета* своихъ лексикологическихъ изслѣдованій. Отвергая различіе между Церковнославянскимъ языкомъ и Русскимъ, какъ между двумя особыми языками, Шишковъ, вопреки послѣдовательности логической, вопреки собственнымъ своимъ понятіямъ о *корнѣ* и *вѣтви* (которыя, какъ мы видѣли, полагаютъ рѣзкія черты разграниченія между нарѣчіями одного и того же языка)—призналъ Русскій и Церковно-славянскій языкъ,—два особыя *нарѣчія*—однимъ и тѣмъ же языкомъ.—Такимъ образомъ онъ *слилъ* два совершенно отдѣльные по историческому образованію ихъ языки въ одинъ языкъ. Это уже приготовило тотъ синтетическій хаосъ, который мѣшалъ *аналитической,* болѣе глубокой и точной разработкѣ матеріи языка.—При томъ же еще, ограничивъ свой лексическій анализъ однимъ языкомъ литературнымъ или *книжнымъ,* Шишковъ, какъ мы сказали (§ 28.) почти изключилъ изъ области филологіи языкъ *народный,*—который 1) по *времени* образованія своего (предшествовавшаго, безъ всякаго сомнѣнія, образованію языка книжнаго), 2) по богатому, роскошному его *разнообразію,* представляющемуся въ мѣстныхъ *нарѣчіяхъ,* наконецъ 3) по неизмѣнности *лексическаго* и *этимологическаго* организма, который, какъ вѣчный типъ Натуры, сохраняется въ первородной чистотѣ его въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій съ самыми поколѣніями людей—во всякомъ случаѣ съ большею историческою достовѣрностію могъ бы служить для Филолога *первообразомъ языка,* нежели

нарѣчіе Церковнославянское. Ибо оно а) въ *первобытномъ* своемъ видѣ (въ Кирилловскихъ формахъ, IX—XI в) совершенно для насъ утраченное, б) въ *древнѣйшемъ* періодѣ его у насъ (XI—XII в.) бывшее уже языкомъ *мертвымъ*, которому *учились* — но не по грамматикѣ и лексикону а по преданіямъ, по старой памяти, отъ доморощеныхъ филологовъ-самоучекъ и при томъ изъ плохихъ кодексовъ (какъ мы видѣли), слѣд. котораго не *знали* хорошо, а не зная — *плохо* или *на обумъ* употребляли въ книгахъ, в) въ *древнемъ* періодѣ его у насъ (XII—XIII.) изчезало уже въ смѣшеніи съ народными нарѣчіями, особенности которыхъ, частію по малопонятности или непонятности Кирилловскихъ *словъ* и *формъ* (см. Добровскаго Грамм. Слав. — Описаніе корней и преимущ. 3-го Разр.), требовавшихъ замѣны оныхъ болѣе вразумительными, частію же по мѣсту рожденія нашихъ литераторовъ, свободно вносившихъ ихъ народную рѣчь въ рѣчь книжную — вторгались мало по малу по отовсюду (изъ южнаго, сѣвернаго и даже западнаго нарѣчій Руси) въ основной текстъ полу-Кирилловскаго книжнаго языка; г) въ *среднемъ* періодѣ его (XIII—XVI в.) «помраченное облакомъ мудрости еллинскаго языка» — какъ выразился нашъ Митроп. Кириллъ II (1274), загроможденное переводами Сербскими и Болгарскими — изъ нарѣчія *Славянорусскаго* превратилось въ Славяно-Болгаро-Сербо-русское; д) въ *новомъ* періодѣ его (XVI—XVIII) получило значительное приращеніе въ *формахъ* этимологическихъ языка *гражданскаго* (Ломоносовскаго), которыя приставши къ давно обветшалому лексическому составу его — поддержали, продолжили его упадавшее бытіе но ни сколько не оживили его, такъ что *древній* книжный языкъ до сихъ поръ еще остается языкомъ ежели не *мертвымъ*, то по крайней мѣрѣ *непонятнымъ* для массы читающихъ, понятнымъ для одного филолога и то при весьма тщательномъ и глубокомъ анализѣ каждаго слова, дѣлаемомъ сравнительно со всѣми книжными и народными нарѣчіями славянскими. — Этотъ то языкъ вошелъ, какъ главная, основная часть, въ составъ перваго Сло-

варя Академіи, о которомъ Карамзинъ съ полною правдою сказалъ, что «двѣ трети словъ нашего словаря остаются безъ «употребленія,» ибо они представляютъ уму читателя блѣдныя, догадочныя, туманно-рѣющія предъ нимъ *очертанія* рѣченій, вмѣсто яркой, живой, натуральной *характеристики* ихъ, съ первымъ звукомъ пластически рисующей вещь, подобно тому, какъ какія нибудь *Myosotis palustris, Adonis vernalis, Taraxacum officinale,* которыя я затверживаю на засушенномъ экземплярѣ ихъ, лѣпиво вбиваются въ мою память,—а *незабудка, ноготокъ, одуванчикъ* съ первой наглядкой становятся ея собственностію навсегда.—Этотъ языкъ Словаря Академіи Шишковъ принялъ за единицу, за норму при своемъ лексическомъ анализѣ.—Оставивъ *простонародныя* слова (помѣщенныя однако же въ Словарѣ), какъ бы совершенно ненужныя, Шишковъ болѣе отвлеченнымъ, болѣе неопредѣленнымъ словамъ (позднѣйшаго образованія) далъ преимущество предъ словами древнѣйшаго образованія, но имѣвшими *частное* значеніе, потому что объемъ первыхъ—казалось ему—*обширнѣе,* слѣд. представляется *корнемъ* для послѣднихъ.—Выводя изъ первыхъ всѣ остальныя,—онъ заключалъ отъ *искуства* къ *натурѣ* языка, изъ *вѣтви*—и самой отдаленной—выводилъ *корень* языка. Вотъ первая ошибка нашего Лексиколога. II.) Вторая ошибка Шишкова состояла въ избраніи синтетическаго метода вмѣсто аналитическаго: оно было, какъ читатель можетъ легко самъ видѣть, неизбѣжнымъ результатомъ основныхъ понятій Шишкова о *корнѣ* и *вѣтви.* Корень у Шишкова представляетъ двойственность какъ въ содержаніи своемъ (смыслѣ) такъ и въ формѣ своей (звукѣ). По *звуку* корень есть и 1) *слогъ*—вѣтви котораго при *одинакомъ* (буквахъ согласныхъ вездѣ остающихся неизмѣнными) должны непремѣнно представлять и *разное* (образуемое буквами гласными: начальными, вставными, наконечными) и 2) *безъсложный звукъ (мр, гр)* вѣтви котораго въ цѣлыхъ сотняхъ словъ представляютъ одно только одинакое, *сходное.* По *смыслу* (содержанію) корень у Шишкова есть и 1) понятіе *натураль-*

ное (1), взятое отъ *предмета,* слѣд. имѣющее живую, опредѣленную характеристику, слѣд. представляющее въ раздробленіяхъ своихъ (въ понятіяхъ вѣтвей или словъ производныхъ) съ одной стороны нѣчто *одинакое,* общее всѣмъ имъ, съ другой стороны—нѣчто *разное,* свойственное одному только какому нибудь слову или же немногимъ словамъ одной и той же вѣтви; тотъ же корень по смыслу есть 2) и понятіе отвлеченное, *собирательное* (collectivum), полученное чрезъ поверхностное сближеніе всѣхъ возможныхъ вѣтвей одного и того же *согласнаго звука (мр, гр,)* слѣд. во всѣхъ раздробленіяхъ своихъ представляющее только одно *сходное.* Отъ чего же Шишковъ изъ этихъ двухъ корней: *вокальнаго* и *консонантнаго, органическаго* и *атомистическаго,* не предпочелъ перваго второму, но остановился на послѣднемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избралъ путь *синтетическій,* совершенно противный сущности анализа лексическаго, вмѣсто того дабы слѣдовать путемъ *аналитическимъ?* Можно предполагать при этомъ слѣдующія причины: 1) синтезъ гораздо легче для мысли нежели анализъ, потому что сходное въ природѣ, само по себѣ, бываетъ *простое*

(1) Натуральное понятіе — это понятіе, составляемое при непосредственномъ *наглядномъ* воззрѣніи на предметъ соединяющемся со вниканіемъ здраваго смысла, но чуждомъ *логическаго* (болѣе тонкаго, искуственнаго) соображенія.—Натуральный предметъ—это всякій предметъ, предполагаемый въ первоначальномъ, природномъ быту народа: земледѣльческомъ, пастушескомъ и даже патріархально-общественномъ.—Все прочее, что выходитъ изъ сферы этаго натуральнаго быта — относится къ позднѣйшему, *искуственному* быту народа, т. е. къ его состоянію гражданственному или цивилизованному.—Первый бытъ остается для историка по большей части темнымъ,—ибо онъ не сохраняется ни въ какихъ памятникахъ; второй—дѣлается иногда извѣстнымъ по памятникамъ этой цивилизованной жизни (произведеніямъ искуствъ), которые принадлежатъ народу или заимствованы имъ у другаго, и по которымъ мы можемъ связать неопредѣленную эпоху этаго быта съ какою нибудь историческою эпохою быта другаго народа. Языкъ хранитъ въ себѣ памятники того и другого быта—ибо народъ всегда *говоритъ;* по корнямъ языка, выражающимъ предметы и понятія натуральнаго и искуственнаго быта можно опредѣлять и эпоху образованія этихъ корней, слѣд. проникнуть сколько нибудь въ исторію образованія состава языка.

и *немногое,* слѣд. въ самой обширной массѣ предметовъ оно легко обхватывается мыслію, которая останавливаясь на какихъ нибудь двухъ, трехъ пунктахъ, *скоро* и *часто* можетъ переходить отъ одного къ другому. Напротивъ того анализъ гораздо болѣе затрудняетъ мысль, потому что несходное или разное есть нѣчто *дробящееся* и *множественное:* эти свойства доходятъ въ природѣ вещей до того, что чѣмъ *ниже, менѣе* вещь—тѣмъ рѣзче, ярче и крупнѣе становятся разностныя или характеристическія черты оной, такъ что оттѣнки *разнаго* становятся наконецъ неуловимыми для мысли (1). 2) Синтезъ гораздо пріятнѣе, привлекательнѣе для мысли: сближая самое разнородное по существу, самое отдаленное по времени, происхожденію, судьбамъ историческимъ, составляя изъ всего этого одно цѣлое—онъ созидаетъ какой-то неопредѣленный, необъятный міръ, который при сумракѣ *неизвѣстности,* лежащемъ на немъ, представляетъ намъ особенный, *поэтическій* интересъ. Мысль наша, по природѣ своей—неопредѣленной, любитъ сферу *неопредѣленнаго* (l'infini): потому то она любитъ и синтезъ и міръ синтеза—хотя воздушный и призрачный, но не останавливающій ея полета иногда смѣлаго, по большей же части младенчески-прихотливаго. Анализъ—напротивъ того—не имѣетъ ничего пріятнаго, ничего привлекательнаго для мысли; при первой работѣ онъ даже противенъ ей такъ точно, какъ грезамъ и мечтамъ юноши невыносимы образы опыта, которые вѣютъ на него суровымъ холодомъ и заставляютъ пробуждаться отъ сладкаго сна къ дѣйствительности. При томъ, синтезъ во всемъ находитъ согласіе, гармонію, примиреніе и даетъ мысли возможность лелѣять себя въ постоянномъ покоѣ (бездѣятельности). Анализъ (въ первой его работѣ) всюду видитъ дисгармонію, противорѣчія, сомнѣнія,

(1) Въ языкахъ особенно: чѣмъ совершеннѣе, богаче языкъ народа — тѣмъ менѣе онъ представляетъ разностей (напр. древній Греческій, Латинскій); чѣмъ грубѣе, бѣднѣе — тѣмъ разностей болѣе: въ языкѣ *Гуроновъ* (Сѣв. Амер.) они доходятъ до того, что *двѣ семьи* одного и того же села не говорятъ одинакимъ нарѣчіемъ (Монбоддо—О происх. языка).

не даетъ мысли ни на чемъ остановиться, отдохнуть и поддерживаетъ въ ней безпрерывную тревогу (дѣятельность). Въ Шишковѣ нельзя предположить прямаго вліянія этихъ причинъ, потому что мысль его была слишкомъ зрѣла и крѣпка для того, чтобы работа анализа могла пугать ее, а лѣнивое раздумье синтеза могло ее привлекать: тридцатилѣтняя его дѣятельность на поприщѣ Русской Науки служитъ лучшимъ опроверженіемъ послѣдняго, — а цѣлая половина этой дѣятельности (1818—1833) представляющая непрерывавшіеся труды его въ области славяноруской и всеобщей лексикологіи, которые, чѣмъ далѣе подвигался старецъ къ поприщу своей жизни — тѣмъ болѣе получали характеръ точнаго и глубокаго *анализа* — служатъ лучшимъ опроверженіемъ перваго предположенія. Справедливѣе всего будетъ, ежели мы припишемъ это странное уклоненіе нашего Филолога съ прямаго, положительнаго пути науки на ложный, отрицательный ея путь — младенчеству *Языкознанія,* которое во время Шишкова безпечно, беззаботно доживало свои младенческіе годы: оно покоилось еще на наивныхъ вѣрованіяхъ въ то, что языки человѣческіе были не произведеніемъ Творящей Природы, которая скрыла въ нихъ отъ вѣка предъмысленный, всюду единый и между тѣмъ всюду разнообразный типъ, въ *цѣломъ* своемъ вѣчно для человѣческой мысли непостижимый, но произведеніемъ Человѣка, который составлялъ языкъ свой чрезъ подражаніе звукамъ природы и передавалъ оный какъ наслѣдственное достояніе безпрерывно смѣнявшимся поколѣніямъ: эти поколѣнія мало по малу приумножая это наслѣдственное достояніе, разнообразили оное до того, что одинъ и тотъ же языкъ раздробился потомъ на множество нарѣчій, ставшихъ наконецъ отдѣльными, совершенно несходными другъ съ другомъ языками. Этому языку-праотцу нужно было дать *реальность:* его назвали *первобытнымъ* (lingua primaeva, Ursprache) и стали искать его прежде всего въ древнѣйшихъ языкахъ міра (XVI и XVII в.).—Выбрасывая изъ словъ *гласныя,* ученые получали такія сходства между корнями, что

(какъ удостовѣряетъ ученый Монбоддо) всѣ корни Еврейскаго языка были приводимы къ *тремъ* только различнымъ согласнымъ разнообразно сочетаваемымъ. Такимъ образомъ языкъ первобытный находили въ Еврейскомъ языкѣ и изъ него производили прочіе. Къ концу XVIII вѣка праотчество Еврейскаго смѣнилось такимъ же праотчествомъ Греческаго и Латинскаго и проч., Однимъ словомъ языкознаніе искало во всѣхъ языкахъ и въ каждомъ порознь только *сходнаго,* т. е. *синтезировало,* потому что искало реальности для своей основной идеи о языкѣ—языка *единаго, первобытнаго.* Хотя Шишковъ былъ совершенно иного мнѣнія о происхожденіи языка но не могъ не заплатить *на первыхъ порахъ* дани вѣку своему и принимая, согласно съ господствующею теоріею, за корень согласныя буквы—началъ *синтезировать*, вмѣсто того чтобы *анализировать* т. е. во множествѣ какихъ нибудь словъ, онъ не обращалъ вниманія какъ на то, что въ звукахъ и смыслѣ ихъ есть одинакаго, *общаго* такъ и на то, что въ тѣхъ и другихъ есть различнаго, *неодинакаго,* но останавливался на томъ только что въ *звукахъ* цѣлаго ряда словъ было одинаковаго. Такимъ образомъ для цѣлаго ряда словъ онъ получалъ *одинъ* корень и желая вывести изъ него все *множество* производныхъ словъ не могъ избѣжать искуственныхъ и по большей части натянутыхъ сближеній, при которыхъ слова, вмѣсто того, чтобы *распредѣляться* на многія группы или породы въ постепенномъ ихъ образованіи—слились въ одну нестройную, хаотическую громаду, въ которой мы ни какъ не можемъ отличить древнѣйшихъ словъ отъ позднѣйшихъ, первообразныхъ – отъ производныхъ. Взглянемъ поближе на этотъ синтетическій методъ, который Шишковъ ошибочно примѣнилъ къ изслѣдованію корней. Укажемъ сперва лексикологическія статьи въ полномъ собраніи сочиненій Шишкова (Спб. 1818—1832.) въ которыхъ можно изучать этотъ первый—*синтетическій* методъ лексическаго изслѣдованія языка. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ суть: 1) Нѣкоторыя замѣчанія на предполагаемое вновь сочиненіе Рос-

сійскаго Словаря (Ч. V. 1825 стр. 1—35.); 2) *Опытъ Словенскаго Словаря* или объясненіе силы и знаменованія коренныхъ и пропзводныхъ русскихъ словъ и проч. *Абіе-чрево*,—разсмотрѣніе до 300 словъ (Ч. V. 37—261.); 3) Изслѣдованіе корней *мал* и *пин* (Ч. VI. 1826. 1—127.) 4) Объясненіе колѣнъ дерева, коего корень есть *мр*, объясненіе корней: *кр, гр, хр*,—объясненіе корня *тр* (Ч. XI. 1827. 160—263.); 5) Нѣчто о словопроизводномъ Словарѣ: эта статья заключаетъ въ себѣ поправки Академическаго Словаря и новое распредѣленіе словъ корня *пл* (пол, Ч. XIII. 1829. 86—149.); 6) *Словопроизводство* — отрывки изъ словаря: *било-щурить* (Ч. XIV. 1831. 78—130). Мы не будемъ, конечно, заниматься критическою повѣркою каждой статьи, но придерживаясь цѣли нашей: узнать на дѣлѣ несообразности лексикологическаго метода Шишкова, обратимъ вниманіе на третію и четвертую статьи, въ которыхъ выводятся слова изъ корней *кр, гр, хр, тр, мр* и *пин;* займемся теперь разсмотрѣніемъ перваго дерева, а потомъ перейдемъ къ разсмотрѣнію двухъ послѣднихъ корней: *мр* и *пин*.

§ 30.

Первое направленіе въ лексикологическомъ методѣ Шишкова — синтетическое. Разсмотрѣніе словопроизводнаго дерева стоящаго на корнѣ: кр.

Съ перваго взгляда уже поражаетъ насъ объемъ этого корнесловнаго дерева: оно состоитъ изъ 132 колѣнъ (*кр*—74 Кол; *гр*-45, *хр*-13 кол.) и эти 132 коренныя слова разрастаются изъ одного *корня*, состоящаго изъ двухъ и собственно даже изъ одной буквы *(р)*, которая будучи чистымъ звукоподражаніемъ природѣ (*безмысленнымъ* звукомъ),—не имѣетъ

въ себѣ ни логическаго, ни предметнаго содержанія! Какъ же изъ такого безсодержательнаго (inhaltlos), пустаго элемента народъ могъ извлечь столько словъ? Посмотримъ, какъ объясняетъ это филологъ. — Выпишемъ сперва колѣна перваго видоизмѣненія корня *р* — въ деревѣ: *кр* для того, чтобы критическая повѣрка наша могла бы быть повѣряема самими читателями.

1 Крякаю	*20 Кряжъ*	*39 Крупно*	*58 Корочу*
2 Кряква	*21 Крыжъ*	*40 Крою*	*59 Крата*
3 Каркаю	*22 Крестъ*	*41 Кровь*	*60 Кротость*
4 Крячу	*23 Крестьянинъ*	*42 Крыло*	*61 Кротъ*
5 Кречетъ	*24 Корзина*	*43 Крыльцо*	*62 Край*
6 Курлычу	*25 Коробъ*	*44 Корыто*	*63 Кроѝ*
7 Кропочу	*26 Карабкаюсь*	*45 Корчагъ*	*64 Кайма*
8 Кричу	*27 Коробить*	*46 Корчма*	*65 Курчавый*
9 Скребу	*28 Корабль*	*47 Кравчей*	*66 Кудри*
10 Скрежещу	*29 Скорбну*	*48 Кормлю*	*67 Куръ (курица)*
11 Скрыплю	*30 Скорблю*	*49 Корма*	*68 Куръ (корот.)*
12 Кора	*31 Корю*	*50 Курю*	*69 Курдкъ*
13 Скора	*32 Караю*	*51 Кручу*	*70 Крома*
14 Скорлупа	*33 Крушу*	*52 Корчу*	*71 Кромъ*
15 Кожа	*34 Крошу*	*53 Крючу*	*72 Скромный*
16 Корь	*35 Крухъ*	*54 Кривлю*	*73 Кремень*
17 Короста	*36 Крущецъ*	*55 Кругъ*	*74 Крѣпость.*
18 Корысть	*37 Кручина*	*56 Кружка*	
19 Корень	*38 Крупа*	*57 Кружево*	

Всѣ эти колѣна происходятъ изъ одного корня, который опредѣляется Шишковымъ такъ: «звуки состоящіе изъ буквъ «*кр, гр, хр,* слышимые въ преломленіи сухихъ вещей, въ «ударепіи другъ о друга твердыхъ тѣлъ, въ воздушныхъ «трепіяхъ, въ голосѣ животныхъ и проч. подали человѣку «поводъ къ составленію изъ нихъ словъ, означающихъ раз- «личные гласы или шумы. Главное дѣйствіе въ семъ звуко- «подражаніи природѣ производитъ буква *р;* она какъ сама,

«такъ и съ приставленіемъ къ ней, сзади или спереди, дру-«гихъ буквъ, вмѣстѣ съ ними служитъ къ изъявленію самыхъ «*шумовъ* или *шумныхъ дѣйствій* или *относящихся къ нимъ* «*понятій* (предметовъ производящихъ шумы?). Она произво-«дитъ сіе не съ одними токмо буквами *к, г, х,* но и со мно-«гими другими» (приводится выписка словъ). «Изъ сего весьма «еще неполнаго собранія словъ, вмѣщающихъ въ себѣ букву «*р* и означающихъ шумы, каждое, аки колѣно пускаетъ «собственныя свои вѣтьви, и при томъ раждаетъ мысль къ «составленію чрезъ уподобленіе съ ними новыхъ колѣнъ и «вѣтвей. Отселѣ можно себѣ представить, коликимъ числомъ «словъ, изъ сего единаго понятія истекшихъ, языкъ обога-«тился»! Взявъ это *единое понятіе,* какъ общую основу всѣхъ словъ корня *кр* и прилагая его къ изчисленнымъ нами выше 74 колѣнамъ, читатель найдетъ еще возможнымъ или вѣроятнымъ произхожденіе изъ этаго корня первыхъ одинадцати (1—11) потому, что слышимый въ названіи ихъ звукоподражательный слогъ *кр* имѣетъ, точно, нѣкоторый предметный смыслъ и довольно характеристически обозначаетъ нѣкоторыхъ животныхъ (*кряква*—утка, *кречетъ*) и дѣйствія нѣкоторыхъ предметовъ природы. Но при дальнѣйшемъ примѣненіи корневаго звука и понятія—читатель невольно изумится: какимъ образомъ изъ *кр,* выражающаго различные *гласы, шумы* или *шумныя дѣйствія*—могли произойти слова: *корысть, крыжъ, крестъ, скорблю, корю, караю, кровь, крыло, кругъ, кротость?* Ежели мы всмотримся въ объясненіе Филолога нашего, то найдемъ, что у него вмѣсто одного корня есть цѣлыхъ *девять,* которые онъ хотя и выводитъ или, лучше сказать, старается привести къ слову *кора,* но которые при всемъ томъ имѣютъ значеніе отдѣльныхъ самостоятельныхъ корней. Эти корни: 1 кора, 2 корень, 3 крошу, 4 крою (скрываю, покрываю) 5 корыто+корчагъ, 6 кормъ, 7 корма, 8 кручу+кручу+кругъ, 9 край+кроію (рѣжу).— Колѣна отъ 12—18 производятся изъ слова *кора:* это натурально; но корысть производится отъ того же слова по ана-

логіи обнаженія убитыхъ непріятелей съ обнаженіемъ дерева или сдираніемъ коры съ дерева и кожи со звѣря—слишкомъ натянутой!—*Кряжъ* (что означаетъ собственно пластъ, слой земли и преимущественно возвышенной=хребетъ горъ) произведенъ отъ *корень*, какъ «часть ближайшая къ корню», такъ же неестественно, какъ и *крыжъ* (отъ переплетенія корней) и крестъ (отъ крыжа).—Колѣна 24—30 снова обращаются къ первому корню *кора*. Два послѣднія 20 и 30 *скорбну* и *скорблю* истолкованы слишкомъ эмпирически; «дѣлаться подобно корѣ жосткимъ, сухимъ», «чувствовать непріятность, страданіе, подобное тому, какое приключаетъ кора, когда гладятъ по ней рукою.» 31—32 *корю* «подобно корѣ чорствостію при«нуждаю чувствовать непріятное» и *караю* «приключаю такую «боль, какъ бы корою вожу по чувствительному мѣсту»—истолкованы такъ же натянуто, ненатурально. 33—39 натуральнѣе выводятся изъ слова *крух*'—или *крушить* нежели изъ *кора*. 40—43 должны бы быть приведены къ двумъ различнымъ корнямъ: *кровъ* (крыть, крыша) и *кровь*, а не выводимы изъ *кора*.—Произведеніе *крою* и *крыша* изъ *кора* еще вѣроятно; но выводъ слова *кровь* изъ *крою* (потому что она скрывается подъ кожею) и *кора*, (потому что она появляется по разрѣзаніи *скоры* или кожи)—совершенно неосновательенъ. 44—48 должны бы быть выведены изъ двухъ особыхъ корней: *корякъ* (сосудъ изъ древесной коры) или *корчагъ* и *кра̀ять*. Въ колѣнахъ 48—74 смѣшаны разнородные корни: *кормъ* (пища), *корма̀*, или правильнѣе *крома* (о-крома̀, за-кромъ), *кругъ*, *кромъ*, *кра̀та* и др. которые рѣшительно не находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ *кора̀*. Ежели бы читатель вникнулъ въ реестръ 74 колѣнъ корня *кр* онъ нашелъ бы въ немъ слишкомъ правильную, такъ сказать, геометрическую постепенность, въ какой они расположены и которая съ перваго раза заставляетъ уже подозрѣвать искуственность, натяжку, произволъ въ построеніи систематическомъ цѣлаго. Мы не видимъ здѣсь *натуры*, которая имѣетъ не строгую, математически-послѣдовательную систему частностей въ цѣломъ

но живую, фантастически-прихотливую, въ которой внутреннее единство всегда бываетъ облечено плѣнительнымъ наружнымъ разнообразіемъ, сливающимъ, такъ, сказать, полярныя противуположности. Искуственное распредѣленіе словъ въ корнесловномъ деревѣ Шишкова можно сравнить съ расположеніемъ въ библіотекѣ книгъ по форматамъ а не по содержанію ихъ или еще лучше, съ разстановкою произрастеній въ какой нибудь бѣдной оранжереѣ, въ одномъ углу которой стоятъ и пальма и ель и кактусъ—раздѣленные въ самой природѣ неизмѣримымъ пространствомъ земли, на которой они вырастаютъ. Шишковъ въ классификаціи словъ придерживался отъ части порядка алфавитнаго и располагалъ ихъ по звукамъ корня, упуская изъ виду какъ самостоятельныя видоизмѣненія или отдѣльные типы этихъ звуковъ (корни), такъ и *логическое* и *предметное* содержаніе самыхъ словъ смыслъ ихъ). Ежели бы онъ избралъ эти двѣ стороны точками опоры при своей классификаціи, то цѣлая масса словъ распалась бы на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, въ которыхъ мы увидѣли бы нѣсколько отдѣльныхъ категорій, или областей предметовъ, выражаемыхъ словами и натуральный, безъискуственный переходъ понятій и словъ отъ одной категоріи къ другой, ей противоположной. Попробуемъ исправить его классификацію или дать ей болѣе натуральную форму.

Прежде всего нужно было бы изключить изъ дерева *кр* многія чуждыя ему слова, частію 1) потому что нѣкоторыя изъ нихъ не происходятъ прямо отъ корней, слѣд. не суть чистыя, настоящія *вѣтви,* т. е. не имѣютъ прямаго, натуральнаго, органическаго отношенія *кольнъ* къ словопроизводному *дереву,* а представляютъ собою отдаленные, случайные отпрыски корневыхъ вѣтвей или—если можно такъ выразиться—*плеоназмы* оныхъ, искуственные экземпляры, fac-simile натуры, таковы напр. *курдкъ* (куръ = кривой, куръ = пѣтухъ ?), *кручина* (кручу, крутъ), *кружка, кружево* (кругъ) *скорлупа* (скора+лупить), *крыльцо* (крыло), *крестьянинъ* и др.; частію

же потому, что 2) нѣкоторыя между этими словами вовсе не происходятъ отъ корней дерева *кр*, слѣд. суть не вѣтви но *корни* и притомъ особые, самостоятельные корни, не имѣющіе ничего общаго съ основнымъ корнемъ этого дерева у Шишкова: *кора*, такъ напр. *курю, кровь, кудри, корысть, крѣпость* и др.; частію—наконецъ—потому, что 3) нѣкоторыя между ними хотя и *не происходятъ* отъ корней дерева *кр*, но за то и *не производятъ* изъ себя ничего, слѣд. не могутъ быть отнесены, въ строгомъ смыслѣ, ни къ *вѣтвямъ* ни къ *корнямъ*, какого бы то ни было дерева, семейства словъ,—таковы напр. *кречетъ, кротъ, куръ* (пѣтухъ), *клюква*. Разсмотрѣніе словъ перваго рода—въ лексическомъ анализѣ языка ничтожно, какъ *плеоназмы;* разсмотрѣніе словъ втораго рода—должно имѣть мѣсто не здѣсь (въ описаніи семейства или дерева *кр*) но тамъ, куда точное изслѣдованіе туземности или иноземности этихъ корней отнесетъ оные (т. е. при разсмотрѣніи другого, особаго дерева или семейства словъ); разсмотрѣніе же такихъ словъ, весь объемъ которыхъ ограничивается однимъ звукомъ и однимъ предметомъ—безполезно, *на первыхъ порахъ*, для лексиколога, изслѣдующаго *логическій* составъ языка,—подобно тому какъ безполезно было бы для него изслѣдованіе значенія собственныхъ именъ: *Днѣпръ, Волга* и т. д. Такому изключенію должны бы подвергнуться напр. колѣна: 2. 5. 14—18, 23. 26. 36. 37. 39. 41. 43. 46. 47. 50. 51. 53. 54. 56. 57. 61. 64—67. 69. 73. 74. Очистивъ корневыя слова нашего дерева отъ не-корневыхъ мы получимъ 44 колѣна или корневыя слова изъ 74. Но и въ этой массѣ есть еще много словъ, которыя могутъ быть сведены къ одному корню: такъ первыя слова (1—11), какъ слова звукоподражательныя, могутъ быть сведены безъ натяжки къ тремъ только корнямъ *кряг, кроб* и *курлык*, изъ которыхъ первый и третій выражаютъ рѣзкій гортанный звукъ, издаваемый птицами и человѣкомъ, второй — звукъ издаваемый сухою, упругою поверхностію тѣла. Переходъ согласныхъ и гласныхъ буквъ въ этихъ кор-

няхъ,—замѣчаемый въ изчисленныхъ выше колѣнахъ—читатель легко увидитъ самъ. За исключеніемъ этихъ *девяти* словъ, которыя производятся изъ звукоподражательнаго корня—остается 35 словъ,—половина цѣлаго словопроизводнаго дерева!—Присоединивъ къ этимъ корневымъ словамъ нѣкоторыя болѣе близкія развѣтвленія ихъ (не вошедшія въ описаніе Шишкова) мы получимъ довольно обширное семейство словъ, которое можно бы раздѣлить на три *класса;* первый изъ нихъ обнимаетъ категорію предметовъ *матеріальныхъ,* второй—категорію понятій *психологическихъ* или нравственныхъ,—третій выражаетъ *отвлеченныя* представленія мѣста или пространства. Каждый классъ состоитъ изъ трехъ корней, которые разрастаясь, образуютъ изъ себя разнообразныя группы словъ (').

I. Первый классъ выходитъ изъ трехъ корней: *кора, кроха, крыло.* Первый корень имѣетъ опредѣленное, но вмѣстѣ съ тѣмъ *собирательное* значеніе, которое, какъ увидимъ, составляетъ родовую (генетическую) черту, проходящую по всѣмъ словамъ, образовавшимся изъ этого корня. *Кора* означаетъ твердую, сухую поверхность растительныхъ и минеральныхъ веществъ отстающую или отдѣлимую отъ массы

(') Представляя здѣсь поправку словопроизводства Шишкова или, лучше сказать, собственную классификацію корней этого семейства, дѣлаю это не *для себя* (чтобы показать, что могу анализировать безошибочнѣе) но для читателя, котораго вниманіе я хочу незамѣтно приготовить къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ отвлеченностей, неизбѣжныхъ въ основныхъ понятіяхъ науки, къ какимъ мы все болѣе и болѣе близимся въ нашемъ разсужденіи. Но при этомъ прошу читателя, однакоже, смотрѣть на мою лексикологическую *критику* какъ на поправку лексическаго анализа Шишкова и не составлять по ней понятія о томъ анализѣ, которому я слѣдую и съ которымъ, конечно, познакомлю читателя но еще не скоро. Мой лексическій анализъ—есть приложеніе теоріи къ практикѣ, слѣд. пока я не буду имѣть всѣхъ основаній для теоріи, до тѣхъ поръ и не позволю себѣ говорить о самой практикѣ; здѣсь я высказываю кое-что, но въ той мѣрѣ, въ какой это требуется самымъ *предметомъ* критики моей: недосказанное прошу не ставить мнѣ въ укоръ; я не имѣю права теперь говорить все то, что бы хотѣлъ, я разсматриваю лексич. анализъ Шишкова, а не мой собственный.

(толщи) тѣла. По аналогіи ея съ такою же поверхностію тѣлъ животныхъ изъ этого корня произошли слова: *скорà* (кожа звѣрей)—въ польскомъ *skóra* (кожа на тѣлѣ человѣческомъ), *скорнякъ* и *кожа* (человѣка). Эти слова—какъ можно видѣть—суть ни что иное, какъ переносныя значенія корня, при которыхъ онъ почти не подвергается измѣненіямъ. Видоизмѣненія его, собственно, происходятъ отъ согласныхъ буквъ *б, г, к,* которыя этотъ корень принимаетъ въ своемъ окончаніи. Изъ соединенія его съ буквою *б* происходятъ слова *ко́робъ*—древесная *кора* (лубъ) согнутая въ четырестороннюю фигуру, *кордбить* гнуть листы коры и переносно: мять, гнуть, нарушать правильную фигуру сложенной или склееной поверхности какого нибудь вещества, наконецъ—*корабль,* по польски *korab,* въ русск. *(карабль)*—сшитое изъ древесныхъ досокъ судно. Изъ соединенія съ буквою *г* изъ корня *кора* происходятъ: *корà,* значеніе котораго переносное (такъ называютъ старуху), но сравнивая это слово съ *коржъ* (Млрск.) и *коржавѣть* (покрываться твердою корою), можно думать, оно выражаетъ понятіе о согнутой, искривленной отъ времени или недостатка соковъ поверхности (высохшей),—тѣмъ болѣе, что оно означаетъ въ областныхъ нарѣчіяхъ отлогій берегъ покрытый мелкимъ камышникомъ, каменистую возвышенность, открывающуюся при отливѣ и надводный камень въ морѣ; *коржъ* (Млрск.) выпеченная изъ хлѣба тонкая пластинка круглой, овальной или продолговатой формы, *крига* (Млр.)—пластъ льда, отдѣляющійся при вскрытіи рѣки, *кряжъ*—хребетъ горы, толстый слой земли однороднаго вещества, материкъ земли, церковнославянское *скрижаль*—доска, переплетъ каменный или металлическій, на которомъ изображали письмена (скрижали закона, заповѣдей Моисеевыхъ), наконецъ чрезъ измѣненіе *г* въ *з*,—*корзно* (по Словарю Акад. *епанча,* по Шишкову (Ч. V. 183 стр.) мѣхъ или попона,—а мнѣ кажется—коверъ, связаный изъ войлочныхъ плетенокъ,) и *корзина,*—коробъ плетеный изъ нитей коры или изъ гибкихъ прутьевъ. Изъ соединенія *корà* съ буквою *к* происходятъ

слова *коре́цъ* (ковшикъ) и *ко́рецъ* (польск. korżec — хлѣбная мѣра), *корыто, коря́къ* и *корчагъ* (ковшъ). Во всѣхъ сихъ словахъ корень *корá* имѣетъ прямое значеніе, выражая вездѣ твердую *поверхность* растительныхъ, животныхъ и минеральныхъ веществъ. Въ другомъ корнѣ: *кроха* это значеніе становится уже переноснымъ, такъ что этого корня нельзя считать видоизмѣненіемъ перваго, но только *смежнымъ* съ нимъ *корнемъ*. Этотъ корень имѣетъ три видоизмѣненія, которыя можно изобразить тремя слогами: *крох+ крух, кром, круп;*— всѣ эти видоизмѣненія означаютъ частицы твердой поверхности растительнаго или животнаго вещества, масса котораго, посредствомъ тепла или влаги будучи приведена изъ сыраго состоянія въ снѣдомое, дѣлается мягкою, раздробляющеюся удобно на мелкія частички или нити (напр. говядина) при малѣйшемъ внѣшнемъ давленіи. Отъ слога *крох+ крух* происходятъ: церковнославянское *оукрухъ* (ломоть хлѣба), *крушить, крошка* и т. д. Отъ слога *кром — кромà, кро́мка* (польск. krómka) и оттуда *кромсать, кормъ* и *кормить* — давать пищу животнымъ и дѣтямъ, раздробляя на мелкія частицы питательное вещество (хлѣбъ, мясо). Отъ слога *круп—крупа, крупица* и проч. Во всѣхъ сихъ словахъ корень ограничивается категоріею веществъ растительныхъ и преимущественно употребляемыхъ въ пищу. Въ третьемъ корнѣ: *крыло* значеніе слова какъ бы возвращается къ первоначальному типу—выражая, правда, *поверхность,* но за то въ слишкомъ тѣсномъ ея значеніи: оно обозначаетъ именно *часть* наружной стороны тѣла одного рода животныхъ—*птицъ,* слѣд. такъ же можетъ быть признано корнемъ отдѣльнымъ, *смежнымъ* только съ корнемъ перваго класса. Я считаю *крыло* корнемъ, а не производнымъ отъ слова *крою,* потому что наглядное понятіе всегда предшествуетъ отвлеченному и имя существительное, особенно же съ типомъ *ило* всегда можетъ быть признано предшествовавшимъ глаголу. *Крыло* можно почесть отпрыскомъ второй вѣтви перваго корня (корг), который образовался въ самостоятельный корень. Стоитъ прибѣгнуть къ сравненію

слѣдующихъ словъ, которые восполняютъ собою эти *аномаліи* (разстояніе между *крыло* и *корг*) — самымъ очевиднымъ образомъ. Возьмемъ *крыло* и съ другой стороны Богемск. křidla, skřidla, (Dachziegel, черепица), křidla—покрышка,—*skrzydło* (польс.), *скрижаль, кряжъ, крыжъ* и *krzyże* (польс. спина, крестецъ). *Крыло, křidla,* и *skrzydło* тождественны; *skrzydło* и *скрижаль* хотя означаютъ разные предметы: одно—крыло птицы, другое—каменную доску или створъ, половинку *книги,* но имѣютъ весьма близкую аналогію, которая явственнѣе обозначается при сличеніи съ ними Чешскаго: *skridla,* которое имѣетъ значеніе (въ уменьшит. škřidlice) *каменнаго* пласта (Schiefer); *кряжъ* и *крыжъ* означающіе одинъ изъ боковъ или пластовъ возвышающейся земли (горнаго хребта), наконецъ *krzyże* (крестецъ) — бока идущіе по обѣ стороны спинной кости — выражаютъ туже аналогію. По этому *крыло* стало выражать покрытую перьями подвижную поверхность (створъ, половинку), находящуюся на той и другой сторонѣ спины у птицы. По такой же аналогіи изъ *крыло* сдѣлалось *крыша:* двѣ поверхности или два створа, идущіе по обѣ стороны продольнаго бревна, которое служитъ имъ связью. И такъ во всѣхъ этихъ словахъ: скрижаль, кряжъ, крыжъ, крыло, крыша,—мы видимъ чрезвычайно близкую аналогію, ибо каждое слово указываетъ на однѣ и тѣ же черты: два пласта, двѣ одинакія поверхности и линію, которая служитъ имъ связью или опорою. При изслѣдованіи коренпаго смысла словъ въ языкѣ Русскомъ непремѣнно нужно переноситься въ *аналогію* предметовъ различныхъ категорій, на которой основывается развѣтвленіе корня: эта аналогія всегда бываетъ *натуральна,* осязательна и воображеніе народа всегда остается ей вѣрною; въ какихъ бы разнородныхъ предметахъ онъ ни усматривалъ ее—она никогда не будетъ искуственною, натянутою, но открывается съ перваго взгляда, ежели мы только попадемъ прямо на существенныя, характеристическія черты въ значеніи слова и не будемъ блуждать въ отдаленныхъ, логическихъ или отвле-

ченныхъ сближеніяхъ. А чтобы избѣжать этого—нужно держаться, при анализѣ корней, *предметовъ* къ которымъ они относятся: это дастъ намъ опредѣленную почву и точку опора. Изъ крыши образовалось *кровъ* (часть за цѣлое) т. е. то, что подъ крышею—домъ, жилище человѣка, а изъ кровъ,—крою, скрываю и т. д.

II. Второй классъ словъ выходитъ изъ трехъ корней: *скорб, коръ* = *корг* (у-коръ, коризна, у-коризна) и *круш*-ить; всѣ они могутъ быть разсматриваемы только какъ отдаленные отпрыски вѣтвей перваго класса: *корб'*-, *корг'*- и *крох'*, метафорическое значеніе которыхъ перешло еще одну степень и стало такъ сказать уже прямымъ, собственнымъ значеніемъ предметовъ совершенно особой категоріи, а корневые элементы (звуки) сдѣлались самостоятельными корнями. Послѣднее можно видѣть изъ того, какъ трудно корни этаго класса привести въ связь съ корнями перваго: характеристическія черты послѣднихъ едва показываются въ первомъ корнѣ этого класса, въ третьемъ — они затемняются, а во второмъ совсѣмъ изчезаютъ. Взглянемъ на развѣтвленіе этихъ корней. Первый *скорб* образуетъ слова: *скорбѣть, скорбный, скорбь,* которыя выражаютъ состояніе души, пораженной глубокимъ и продолжительнымъ непріятнымъ ощущеніемъ. Спрашивается: какая аналогія между печалію души и *корою*—откуда мы должны произвести слово *скорбь?* Для возстановленія этой прерванной цѣпи аналогій нужно опять прибѣгнуть къ сравненію словъ корней смежныхъ. Возьмемъ не корень *кора* но вѣтви: *коробъ* и *коробить;* послѣднее значитъ гнуть, кривить, мять правильно устроенную поверхность или фигуру тѣла; сравнимъ съ ними съ одной стороны *горбъ,* съ другой—*корга* (искривленіе фигуры человѣческой),—мы найдемъ возможнымъ, что умъ народа могъ назвать *скорбнымъ* человѣка преклонныхъ лѣтъ, потерявшаго нормальную организацію членовъ тѣла, полноту, сочность его и свѣжій, натуральный цвѣтъ кожи,—основываясь на аналогіи съ расти-

тельнымъ царствомъ, въ которомъ сухая черствая кора и искривленный стволъ обнаруживаютъ отсутствіе свѣжихъ соковъ, убыль жизни, упадокъ, старость произрастеній. Это оправдывается и другими словами, обозначающими старость, которыя взяты по такой же аналогіи отъ растительнаго царства природы, напр. *дряхлый* (cf. трухлый) *старецъ* (сухой, какъ дерево, не имѣющее соковъ) или польс. *zgrzybiały starzec* (отъ грибъ) или простонародныя: *старый хрѣнъ, хрычъ*. И такъ *скорбный*—значитъ собственно, по смыслу корня—потерявшій жизненную полноту, остановившійся въ жизненномъ возрастаніи, движеніи и т. п. или просто, *переставшій расти, жить*. Примѣненіемъ этого слова къ душевному состоянію логика народа превосходно выразила ощущеніе *печали*, въ которой душа прекращаетъ на время свою жизнь, отрывается отъ окружающей ее сферы, не принимаетъ никакого участія въ общихъ интересахъ, погружаясь въ самое-себя, въ какое то *бездѣйствіе*. Такъ же точно изъ *дряхлый* (старый) въ церковнославянскомъ языкѣ произошло *дряхлый*—печальный («что стязаетася о словеси и еста дряхла»; о чемъ вы спорите между собою и такъ печальны? Еванг. Луки). Во второмъ корнѣ *коръ, корить* еще труднѣе найти аналогію съ корнями перваго класса. *Корить* имѣетъ два значенія: *упрекать*, говорить что нибудь непріятное и *усмирять* (по-корять); какимъ образомъ то и другое вывести изъ корня *кора́* или его видоизмѣненій? Ежели возьмемъ производныя слова: у-кориз-на, польс. *skarga* (жалоба) *skarzyc się* (жаловаться—то найдемъ въ нихъ слѣды измѣненнаго типа *корг*, выступающаго въ словахъ *корга, корз-но, корзина*. Тутъ заключается смыслъ глагола *гнуть*, сгибать прямыя вѣтви или прямую, твердую поверхность (кору), раздѣляя оную на нити, дѣлать гибкою.—Этотъ же смыслъ долженъ заключаться и въ словахъ *укоризна, укоръ, корить*. Точно,—между корнями: *кора* и *корйть* мы находимъ большую отдаленность по значенію; промежутокъ между ними не восполняется словами, которые бы служили путемъ или звѣньями постепеннаго перехода перваго во второй. Но при-

бѣгнувъ къ сравненію формъ производныхъ того и другого корня—мы можемъ восполнить *аномаліи* (формы корня, которыхъ въ натурѣ нѣтъ). Въ словахъ *корзно*, *корзина*—*но* и *на* суть окончанія; и такъ чистый корень будетъ *корз*. Здѣсь буква *з*, которая есть измѣненіе буквы *г* (въ отрасляхъ: корг–а, коржъ, коржавѣть,—должна выражать новый оттѣнокъ понятія, должна обозначать не твердую поверхность, согнутую теплоmъ или сухостію, но поверхность, очищенную отъ твердыхъ частицъ, обнаженную отъ коры и потому мягкую, гибкую (корзно=плетенка); слѣдоват. ежели предположить глаголъ: *корзить*, то онъ долженъ бы былъ имѣть смыслъ не *средняго*, но *дѣйствительнаго* глагола, т. е. долженъ бы значить: не становиться корою или жесткимъ, твердымъ, кривымъ подобно корѣ—но снимать кору, обнажать тѣло растительное отъ коры, а такъ какъ чрезъ это самое оно дѣлается мягкимъ, гибкимъ—то *корзить*—значило бы: дѣлать гибкимъ, способнымъ для полученія той формы, какую хотятъ ему дать, дѣлать удобосгибаемымъ. И такъ *корзно*, *корзина* предполагаютъ или *корза*, *корзень* (1) (плетенка, нить тонкой коры cf. *корень*, *korzeń*) или *корзить*—(снимать кору, обнажать дерево отъ коры).—Сравнимъ теперь съ этими формами слова: *корзина*, *у-кориз-на*, *s-karga*, *skarżyć się*; что значитъ послѣднее? жаловаться; а жаловаться? обвинять кого нибудь; а обвинять кого нибудь? обличать въ проступкѣ; *а обличать?* открывать наружу, выставлять на лицо, къ свѣту, сокровенное или *обнажать*.—И такъ прямое, собственное, корневое значеніе искомыхъ словъ—не говорить что нибудь непріятное, досадное, но *обнажать* и *склонять*, *сгибать* человѣка. Этою образною, пластическою чертою превосходно выражается нравственное дѣйствіе словъ правды на душу гордую, непреклонную или же находящуюся въ заблужденіи, въ самообольщеніи, въ *самоневѣденіи*. Слова правды, обличающія проступки и пороки чело-

(1) Въ польскомъ языкѣ, точно, есть слово kierz (керж=керзъ), которое значитъ тоже что *krzak* (кустъ) и слѣд. значитъ тонкую вѣтвь.

вѣка, выставляютъ ему сокровенное въ немъ самомъ предъ лице его совѣсти *(съвѣсти)*, и заставляютъ его сознавать оное, потомъ пробуждаютъ въ немъ сожалѣніе, раскаяніе, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ ему чувствовать добро, нравственность и наконецъ заставляютъ его *преклоняться* на сторону добра и закона нравственнаго. И такъ, два эти видоизмѣненія одного и того же корня: *корить* 1) *у-корять*, и 2) *по-корять*, которыя въ теперешнемъ языкѣ нашемъ получили смыслъ двухъ особыхъ глаголовъ, въ *натуральномъ* организмѣ ихъ какъ по звуку такъ и по смыслу составляютъ оттѣнки одного и того же корня, выражая не только результатъ дѣйствія, но и причину его или обстоятельства, предшествующія ему: говорить, обличать, пробуждать раскаяніе, сознаніе, голосъ совѣсти. *Укоръ, укоризна* и оттуда *укорять* (говорить досадное, непріятное)—и *карать*, какъ всякій видитъ, имѣютъ значеніе односторонее, произведенное изъ перваго, прямаго.— Такую же аналогію съ растительнымъ веществомъ выражаетъ третій корень со-*крушать, сокрушеніе* и Польс. *skrucha* (умиленіе) т. е. дѣлать душу *мягкою*, уступающею малѣйшему впечатлѣнію, не оказывающею никакого противодѣйствія— подобно мякоти хлѣба (оукрухъ), которая отъ малѣйшаго давленія разсыпается.

III. Третій классъ, какъ мы уже сказали, заключаетъ въ себѣ корни, выражающіе собою отвлеченныя представленія *о пространствѣ* или геометрическія воззрѣнія.—Этотъ классъ словъ выходитъ изъ трехъ корней: *крокъ, крата* и *край*.— Въ основаніи словъ, развѣтвляющихся изъ этихъ трехъ корней лежитъ идея двухъ геометрическихъ фигуръ, во 1-хъ *прямолинейной, угольной*, во 2-хъ идея *круга;*—послѣдняя выведена изъ первой: намъ интересно будетъ взглянуть на эту *натуральную* Геометрію народа, построеваемую не изъ апріорнаго (отвлеченнаго) но изъ эмпирическаго воззрѣнія (a-posteriori).— Станемъ разсматривать развѣтвленіе перваго корня—*крокъ*.— Что значитъ это слово или какое его прямое, первообразное

значеніе—опредѣлить трудно; въ Польскомъ языкѣ оно значитъ шагъ (krok=Schritt), въ Церковнославянскомъ *Миклосичъ* нашелъ подобное слово въ хроникѣ Georgii Monachi (1) *крькъ* (*αὐχήν*, cervix) (2), которое ближе, я думаю, перевести нашимъ: *крестецъ*; въ русскомъ языкѣ этаго корня нѣтъ.—Возьмемъ производныя формы, въ которыхъ яснѣе выступаетъ этотъ корень и будемъ, чрезъ сравненіе однихъ съ другими доискиваться болѣе первообразнаго значенія этаго корня.—Миклосичъ въ той же хроникѣ находитъ слово *окрочити* (*κυκλοῦν*-cingere)—окружать; сравнимъ съ этимъ словомъ парѣчіе *окрьстъ* (около, circum) и *о-кругъ* (во кругъ); всѣ они находятся въ весьма близкомъ сродствѣ между собою, какъ по значенію такъ и по корнямъ, такъ что мы должны признать *крок* (о-крочити), *кругъ* (во-кругъ) и *крестъ* (о-крестъ) тождественными корнями, въ *первообразномъ* значеніи которыхъ заключается одна и та же идея. Какая же это идея? Что собственно значатъ эти три корня?—Мнѣ кажется, они всѣ значатъ *крестъ* т. е. фигуру, образуемую двумя равными прямыми линіями, которыя *перпендикулярно* пересѣкая одна другую въ серединѣ, *раздѣляются* на четыре такъже равныя линіи, выходящія изъ одной точки (середины) на одинаковомъ отъ нея разстояніи.—Возьмите *крькъ* и сравните съ Польскимъ *kark*; первое значитъ, положимъ *шею*, или заднюю часть шеи (Nacken, Hals, cervix): но это значеніе—переносное; второе означаетъ собственно заднюю позвоночную кость, которая расходится на четыре стороны (вверхъ къ головѣ, внизъ по спинѣ, на правую и лѣвую сторону раменъ): она называется еще иначе *krzyże* а у насъ крестецъ (3). И такъ

(1) Radices linguæ Slovenicæ veteris dialecti—scripsit Franciscus Miclosich. Lipsiæ, M.DCCCXLV (1845) стр. 40.

(2) Какъ читать его? *коркъ* (подобно какъ *плькъ*=полкъ а не плокъ) или *крокъ*? въ Польскомъ языкѣ есть слово: *kark* (крестецъ); но *плть* читается *плоть* а не *полть*.

(3) Это слово (по Словарю Академіи «связь *нижняго* позвонка съ крестцовою костію») въ народномъ нашемъ языкѣ, я полагаю, имѣетъ то же значеніе,

словами *крѣкъ* и *kark* названа задняя часть *шеи*, по крестообразному разположенію костей; слѣд. прямое, первоначальное значеніе слова *крокъ*—крестъ.—Теперь яснѣе для насъ сродство между *о-крочити* и *о-крестъ* (предположимъ аномалію: *о-крокъ*). Но какъ *окрочити, о-крокъ,*—перешли въ *окружити, о-кру́гъ?* Поищемъ сродства между *о-крестъ,* которое составляетъ звѣно перехода къ слову *о-кру́гъ.*—*О-крестъ* есть нарѣчіе; оно состоитъ изъ двухъ словъ: *о* и *крестъ.*—Предлогъ *о* значитъ: *по сторону чего нибудь;* и такъ *о-крестъ* значитъ: по сторонамъ креста; этихъ сторонъ четыре, слѣд.—по правой, лѣвой, передней и задней сторонѣ отъ одного какого нибудь мѣста (точки, средины, центра); эти стороны *равны,* слѣд. *о-крестъ*—по всѣмъ сторонамъ, въ равномъ разстояніи отъ одного мѣста.—Въ этомъ эмпирическомъ представленіи народа о пространствѣ, находящемся со всѣхъ сторонъ въ равномъ разстояніи, отъ одной точки—заключается уже фигура геометрическая—*кругъ.*—Она выведена не изъ отвлеченнаго геометрическаго воззрѣнія: радіуса движущагося около одной постоянной точки, но изъ пересѣченія двухъ діаметровъ подъ прямыми углами въ срединѣ, несовершенное подобіе котораго народъ видѣлъ въ расположеніи спинной кости или можетъ быть въ хребтахъ горъ (кряжъ = крыжъ) (1) и которое потомъ онъ могъ развить, сдѣлать болѣе точнымъ въ практикѣ (напр. столярномъ или плотничьемъ дѣлѣ). И точно,—ежели предположить это чисто-эмпирическое образованіе идеи круга, такъ какъ народъ его себѣ выводилъ (изъ

что въ Польскомъ *krzyże*—крестообразная связь *верхнихъ* костей спины, составляющаяся изъ шейныхъ позвонковъ, раменъ и спинной кости.—Мнѣ случалось слышить слово *вязы* (Мярск.) тождественное съ Польскимъ *kark* и *krzyże*; сравнивая же съ симъ значеніемъ обыкновенное употребленіе онаго въ нашемъ народномъ языкѣ—можно думать, оно означаетъ весь спинной столбъ, какъ у человѣка такъ и у животнаго потому что нижняя связь спиннаго столба тоже имѣетъ крестообразное расположеніе костей. Кромѣ этого значенія *крестецъ* у поселянъ значитъ еще копну сноповъ (числомъ 25) крестообразно сложенныхъ.

(1) *Крыжъ* значитъ кромѣ *креста—звѣздочку* (asterisque).

прямыхъ линій, діаметровъ) то нельзя отрицать и дальнѣйшаго, хотя эмпирическаго, несовершеннаго развитія этой идеи въ самой практикѣ: полагая кресты на кресты т. е. пересѣкая въ постепенности діаметры діаметрами, можно бы наконецъ до такой степени раздробить четыре угла креста радіусами, что окончности ихъ показали бы круговую линію. — Какъ бы то ни было, но для насъ важно то, что въ эмпирическихъ, натуральныхъ понятіяхъ народа представленіе *креста* отождествлено съ представленіемъ *круга* (1), потому-то и *о-крестъ* значило тоже, что *во-кругъ*, а *окрочити* тоже что *окружить*. — Изъ этого же корня *крокъ*, выражающаго *крестъ* и *кругъ* произошли слова: *крюкъ-прямая* ломаная и неправильная *круговая* линія, cf. *крючекъ*, сдѣлали *крюкъ* (о дорогѣ окольной) и дали *кругу* (2), — *кроква* — (Млрск.) стропила: двѣ прямыя линіи, подъ острымъ угломъ пересѣкающія другъ друга, *krok*-шагъ: двѣ ноги, которыя какъ два радіуса безпрерывно пересѣкаютъ одна другую, наконецъ *крѣкыга* (крокыга): колесница — слово, находимое Миклошичемъ въ Славянскомъ переводѣ поученій Іоанна Златоустаго, (Mch. R. L. Sl. Additam. 117.) которое Филологъ объясняетъ Латинскимъ словомъ среднихъ вѣковъ *carcare* (onus vehere) везти тяжесть, но которое, какъ видитъ читатель, можно объяснить или польимкъ значеніемъ корня *крокъ* = шагъ = перекрещиваніе радіусовъ (ногъ)-съ чѣмъ наблюденіе катящихся колесъ, въ которыхъ глазъ видитъ безпрерывно поднимающіяся и упадающія спицы — представляетъ чрезвычайно живое подобіе, или значеніемъ *крокъ*=крестъ, по крестообразному расположенію спицъ въ колесахъ, или же наконецъ, — что натуральнѣе всего — значеніемъ *крокъ* = кругъ, koło (Польск.) (cf. *о-крочити*), такъ что *крокыга* = *колы* (ма)-*га*, *кол-яска*,

(1) Оно видно и въ Нѣмецкомъ языкѣ cf. *Kreuz* и *Kreis*.

(2) Дали *крюку* т. е. промахъ, или собственно: вмѣсто того чтобы ѣхать *прямо* поѣхали безъ нужды *кругомъ* (cf. *околесная*, повесъ *околесную*, *окольный* путь). У Грибоѣдова (Г. отъ У. Д. 1. Яв. 10.) Фамусовъ говоритъ: «Ну виноватъ: какого жъ далъ я *крюку!*» (промахъ).

кол-есница. — Теперь легко объяснить развѣтвленія двухъ послѣднихъ корней: — *крата* и *край.*

Крата — въ Польскомъ *krata* (рѣшетка), *kratka* (маленькіе четыреугольники, клѣточки, изъ которыхъ состоитъ она) есть одна изъ четырехъ равныхъ частей *креста,* когда онъ будетъ обведенъ четырестороннею фигурою. Въ нашемъ языкѣ *крата* значитъ *разъ,-жды* (едино-жды, два-жды): отъ чего же понятіе геометрическое перенесено на понятіе ариѳметическое? Это можно объяснить сравненіемъ съ Польскимъ словомъ *kroć.* Оно теперь большею частію употребляется при сложныхъ числахъ или большихъ ариѳметическихъ суммахъ напр. вмѣсто двѣстѣ тысячъ Поляки говорятъ *dwa kroć sto tysięcy* т. е. два раза сто тысячъ,—но взятое само по себѣ значитъ *разъ,* одинъ пріемъ, единицу. Сравнивъ *kroć* съ *krok* (шагъ) мы можемъ видѣть, что наглядное представленіе шага человѣческаго могло быть перенесено на ариѳметическую единицу, потому что шаги человѣческіе представляютъ повтореніе одного равнаго момента движенія или одной, равной, одинакой *мѣры* пространства. Такимъ образомъ *krok* (шагъ земли) и *kratka, krata* (клѣтка — одна изъ многихъ совершенно равныхъ частей пространства или одинъ изъ мелкихъ, взаимно равныхъ четыреугольниковъ большаго четыреугольника) — какъ *единица геометрическая* или единица пространства легко могла быть взята для выраженія единицы времени, дѣйствія, или единицы ариѳметической. Къ этому же корню можно отнести и *краткій* съ разными его отраслями т. е. уменьшенный въ длинѣ, или прямая линія котораго согнута, раздроблена на части (сдѣлана *кратою, kratką*), *пересѣчена* (разумѣется другою прямою линіею), отсѣчена и т. д. Остается послѣдній корень *край,* который нужно брать въ совокупности съ *кромѣ* (нарѣчіе: *внѣ*) и *кормà* (задняя часть лодки), для объясненія всѣхъ видоизмѣненій онаго. — *Край* — значитъ: предѣлъ, рубежъ, конецъ вещи; но такъ какъ они происходятъ *отъ раздѣленія* между вещами, производимаго пространствомъ, въ ко-

торомъ вещи находятся или же отъ раздѣленія самой вещи или цѣлаго на части, то *край* (отъ *краять, рѣзать,* пересѣкать прямою линіею, такъ сказать—*кратить*) означаетъ какъ внутреннюю сторону предѣла вещи, такъ и наружную сторону т. е. какъ то, что находится на самомъ концѣ ея, такъ и то что находится за этимъ концемъ.—*Край* тождественъ съ *кромѣ, kroma,* (Mch. 39 extrema pars rei) потому, что отношеніе предѣловъ какой нибудь части предмета къ внутреннему объему ея или содержанію и ко внѣшнему пространству возникаетъ изъ понятія о *раздѣленіи* предмета на части, а часть чрезъ раздѣленіе полученная называется *крѣма,* (*krótka* Польс.).—Отъ того-то *крѣма* въ переносномъ смыслѣ значитъ не только часть цѣлаго (кусокъ) но и *отдѣленіе:* оттуда у насъ слова: *закромъ, закромы*—клѣтки, треугольныя и четыреугольныя перегородки, дѣлаемыя по краямъ житницъ, для храненія хлѣбныхъ зерепъ,—*корма* часть накопечная, уголъ лодки, *отдѣляющій* рулеваго отъ прочихъ плавающихъ, *укромный, скромный*—тихій, удаленный, отдѣленный отъ общаго движенія (1), разъобщенный съ цѣлымъ, съ массою, наконецъ *кромѣ* т. е. по ту сторону рубежа вещи, за рубежемъ вещи, по наружной сторонѣ ея или *внѣ.* Въ основѣ этихъ словъ можно усмотрѣть идею геометрической фигуры, наглядпымъ воззрѣніемъ которой народъ выразилъ эти различные оттѣнки одного и того же понятія объ *отдѣльности* предмета и отношеніяхъ, возникающихъ изъ оной. Всѣ слова, разсмотрѣнныя нами сейчасъ выходятъ изъ корня *край;* оно значитъ рубежъ, предѣлъ, оконечность; окопечность, которою одна вещь *совершенно отдѣляется* отъ другой вещи происходитъ отъ раздѣленія цѣлаго на взаимно одна другую исключающія части, а это раздѣленіе отъ пересѣченія двухъ линій, образующихъ *уголъ.* Что находится *въ срединѣ* пространства,

(1) Шишковъ толкуетъ *скромность* такъ: «такая же тишина и молчаливость въ насъ съ какою въ кромахъ т. е. въ сундукахъ, (въ заперти) лежатъ хранимыя вещи.

то, хотя бы было на *оконечностяхъ* вещи, не находятся еще на самомъ *краю* ея, то не отдѣлено еще отъ массы, отъ *цѣлаго* этой части и не разъобщено съ сопредѣльными вещами, окружающими эту вещь—потому что сторонами своими можетъ еще примыкать къ нимъ; но что находится въ *углу*, то совершенно отдѣлено или находится внѣ соприкосновенія съ тѣмъ и другимъ.—Такимъ образомъ *край* и *кромà*, можно думать, (противополагая ихъ словамъ *krùta, krùtka*) значили первоначально *уголъ*, половину клѣтки четыреугольника, разрѣзаннаго на крестъ. Сравнимъ съ этою идеею—Польск. *krótka*, Ц. *оукрухъ*—кусокъ хлѣба, отрѣзанный отъ *эллиптическаго* круга, какой имѣетъ хлѣбная масса, фигуру *кормы, закромовъ*—мы вездѣ увидимъ въ основаніи ихъ одну и ту же фигуру *угла*.—Вотъ почти всѣ корневыя слова, развѣтвляющіяся изъ слова *кора*. Мы изобразимъ ихъ въ слѣдующей таблицѣ или схемѣ:

Первый классъ

1. *Корень:* корà, скорà вѣтви: б, г, к,
   - а) вѣтвь *корб*—кóробъ, коробить корàбль
   - б) вѣтвь *корг*—коргà, кригa, коржъ, кряжъ, скрижаль, крыжъ, корзно, корзина
   - в) вѣтвь *корк*—корѐцъ, корыто, корякъ, корчагъ.

2. Корень: *крохà*
   - вѣтви:
   - крома, кромка, кромсать, кормить, кормъ
   - оукрухъ, крушить, крошить, крошка
   - крупа, крупица и т. д.

3. Корень: *крыло*
   - вѣтви:
   - крыша, кровъ, крыть.

Второй Классъ

1. Корень: *скорб* { скорбный, скорбь,
2. Корень:—*коръ* { корить, у-коръ, коризна, у-коризна, *(skarga, skarżyć się)* кара и т. д.
3. Корень: круш { сокрушать, *(s-krucha,)* кручина и т. д.

Третій Классъ

1. Корень: крокъ
   - вѣтви:
   - крькъ, (крокъ) *kark*, о-крочити, о-крьстъ (о крестъ)
   - во-кругъ, крестъ, кругъ, крюкъ, кроква, *krok*, крькыга (крокыга).

2. Корень: *крàта*
   - вѣтви:
   - *kràta, krùtka, kroć*, крàта, краткій.

3. Корень: *край*
   - вѣтви:
   - кромà, кромѣ, кормà, закрòмъ, укромный, скромный и т. л.

Въ этой схемѣ можно видѣть не искуственно построенное, но живое, органическое цѣлое словъ, въ которыхъ отдѣльные корни, дробясь въ многообразныхъ вѣтвяхъ своихъ остаются вѣрными какъ генетическому типу своей *формы*, такъ и генетическому типу своего *содержанія*, т. е. при всѣхъ видоизмѣненіяхъ органическаго звука и первообразнаго *значенія* всегда удерживаютъ характеристическія, родовыя черты того и другаго.—Отъ того въ разнообразныхъ группахъ и семействахъ словъ (1), которыя разрастаются изъ вѣтвей каждаго класса можно усматривать не только внѣшнюю, органическую связь (по звуку) но и внутреннее, логическое соотношеніе или *генетическое сродство*, которое возникаетъ изъ того, что каждый корень держится постоянно одной какой нибудь опредѣленной категоріи предметовъ и ежели выходитъ изъ ея предѣловъ, то по законамъ аналогіи живой, наглядной—сближающей предметы одной категоріи съ предметами другой, противоположной.—Эта аналогія наглядна, чувственно-осязательна, а не отвлеченна: потому-то при всей отдаленности ея мы тотчасъ угадываемъ ее, ежели только поставимъ себя или *нашъ* разсудокъ на ту точку натуральнаго,

(1) Мы не изчисляли ихъ, ограничиваясь, для краткости, перечнемъ однихъ вѣтвей.

эмпирическаго воззрѣнія на вещи, съ какой смотритъ на нихъ разсудокъ простаго народа.—Такъ напр. взявъ слова *корà* и *кругъ* мы съ перваго раза не найдемъ между ними никакого соотношенія, но ежели станемъ восходить постепенно отъ послѣдняго къ первому, то найдемъ, что *кругъ* (геометрическая фигура) произошелъ отъ *крокъ* (крестъ), *крокъ* въ переносномъ значеніи отъ прямаго, натуральнаго своего значенія: *крькъ* — шея, спина, хребетъ человѣка; это значеніе отъ *кряжъ*, — пластъ, материкъ земли и *крыжъ* — спина, хребетъ горъ или возвышенность, образуемая двумя пластами земли, пересѣкающими другъ друга; кряжъ, крыжъ отъ *кригa* — пластъ льда или *коржъ:* то и другое отъ *корга*, твердая поверхность животнаго тѣла, отъ недостатка жизненныхъ соковъ высохшая и потому искривленная, согнутая; *корга* отъ кора — твердая поверхность растительныхъ и минеральныхъ тѣлъ вообще.—Такимъ образомъ мы во всѣхъ почти вѣтвяхъ двухъ послѣднихъ классовъ можемъ возстановить отдаленную ихъ связь съ основными корнями перваго класса, которыя выходятъ изъ раздробленія одного и того же слога *кор*(а); но это однакожъ ни сколько не даетъ намъ права производить ихъ прямо изъ этого одного слова; напротивъ того—вѣтви каждаго порознь класса имѣютъ свои собственные корни, изъ которыхъ онѣ непосредственно образуются: эти корни *какъ бы* развиваются изъ отпрысковъ, на которые *какъ бы* раздробился основной коренной слогъ *кор (корб, корг, корк)* но усвоившись извѣстной категоріи предметовъ, они получили и опредѣленное, собственное имъ *содержаніе* (характеристику) такъ, что мы должны ихъ признать отдѣльными, самостоятельными корнями. То, что есть *общаго* во всѣхъ этихъ корняхъ и вѣтвяхъ, это одинъ и тотъ же *объемъ*—представленіе о *поверхности* растительнаго, минеральнаго и животнаго тѣла, которое лежитъ въ основѣ корней всѣхъ трехъ классовъ; но это представленіе, не будемъ забывать, составляетъ только орбиту, кругъ, *объемъ* понятій, выражаемыхъ сими корнями, но не *содержаніе,* не характеристику, не значеніе ихъ: само

по себѣ, безъ приложенія къ извѣстному предмету (растенію или животному тѣлу) оно такъ общо, скудно и ничтожно — что изъ него натуральнымъ, удовлетворительнымъ для разсудка путемъ, безъ скачковъ и натяжекъ, мы не произведемъ ни одного слова; возьмемъ ли на прим. слово — *скорбѣть* (печалиться) — мы не выведемъ его ни какъ изъ общаго представленія о *поверхности* безъ посредства *скорблый* — имѣющій жесткую, твердую поверхность; значенія этого слова не опредѣлимъ безъ посредничества словъ: *коробъ, коробить, скорбнуть*, т. е. безъ представленія о *растительномъ* тѣлѣ, которое отъ недостатка жизненныхъ соковъ высохло и покрылось твердою, жесткою поверхностію; недостатокъ, убыль соковъ предполагаетъ прекращеніе, остановленіе, замираніе жизни: такимъ только образомъ *скорблый* (дряхлый=трухлый=засохшій=увядшій, zaskorupiały) приведемъ мы въ связь съ *скорбный* — печальный. — Возьмемъ ли вышеприведенный нами примѣръ — слово *крокъ = кругъ*, то при всемъ томъ, что оно выражаетъ отвлеченное геометрическое представленіе о фигурѣ, которое эмпирически выводится изъ представленія двухъ пересѣкающихся діаметровъ (креста) а это послѣднее изъ представленія двухъ взаимнопересѣкающихся поверхностей, — его все таки нельзя вывести прямо изъ корня *кора* или лучше сказать изъ общаго, логическаго представленія о *поверхности*, а необходимо прежде всего отыскать посредствующіе члены или звѣнья этой аналогической цѣпи представленій, которыя служатъ путемъ постепеннаго перехода представленія эмпирическаго въ представленіе отвлеченное, частнаго, конкретнаго — въ общее т. е. *крокъ* (кругъ) нужно вывести изъ крокъ (крестъ), это изъ *крѣкъ* (задняя часть шеи или крестообразная связка костей), *крѣкъ* — изъ *кряжъ* (горные или скалистые пласты, образующіе при взаимномъ пересѣченіи возвышенность, подобную связкѣ спинныхъ или позвоночныхъ костей) и т. д. Такимъ образомъ *крокъ* мы выведемъ окончательнымъ образомъ не изъ *кора* = поверхность, но изъ сличенія словъ *кряжъ, крыжъ, коржъ, кригa, коргa*, представляющихъ раздробленіе

слога *корг*, который составляетъ вторую вѣтвь корня *кора;* въ этихъ раздробленіяхъ слога *корг*'—вездѣ выказывается единая, общая генетическая черта т. е. представленіе о поверхности, но не въ чистомъ, отвлеченномъ ея видѣ, а въ сліяніи (in concreto) съ особенными, частными признаками матеріальныхъ предметовъ, которые болѣе или менѣе видоизмѣняютъ общій ея типъ своею особенною характеристикою: такъ *кряжъ*—это цѣпь, линія образуемая возвышенными, подъ тупымъ угломъ пересѣкающимися боками или боковыми *поверхностями* земли; крыжъ—поперегъ или перекрестно тянущіяся цѣпи поверхностей земли или *кряжи; коржъ*—поверхность высушеннаго или выпеченнаго тѣста, *кригa*—пластъ или *поверхность* замерзшей воды, *корга*—искривленная *поверхность* животнаго тѣла и т. д. Однимъ словомъ, какъ въ природѣ общій, отвлеченный типъ *рода* существуетъ въ видахъ и недѣлимыхъ, въ которыхъ общіе признаки *индивидуализируются* т. е. сливаются съ частными, особенными признаками, характеризующими такое или иное растеніе, животное и т. п., такъ точно общій родовой типъ корня существуетъ не въ одномъ какомъ нибудь общемъ, *собирательномъ* (по значенію его) звукѣ, но во многихъ отдѣльныхъ органическихъ звукахъ или словахъ, въ опредѣленномъ, конкретномъ, частномъ значеніи которыхъ содержится завитое въ нихъ, сліянное съ ними значеніе общее, родовое; съ другой стороны, подобно тому, какъ въ системѣ существъ или типическихъ формъ природы (въ Естественной Исторіи животныхъ, растеній, минераловъ) общій типъ или *родъ*, какъ отвлеченная, мысленная, нигдѣ реальнымъ образомъ не существующая форма, получается только чрезъ *сличеніе* и *различеніе* индивидуальностей и признаковъ ихъ и является какъ *результатъ* (конецъ) аналитическаго разсмотрѣнія послѣднихъ, а потомъ уже образуетъ *начало* (основу), на которой утверждается схема или классификація недѣлимыхъ,—такъ точно и въ систематическомъ описаніи корней языка общій, родовой типъ корней (напр. кора = поверхность), который мы по-

лучаемъ чрезъ сличеніе и отвлеченіе многихъ отдѣльныхъ корней—можетъ служить только *началомъ* систематическимъ (условнымъ) или основаніемъ распредѣленія этихъ корней по классамъ или порядкамъ, обозначая только *объемъ* или область *такихъ-то* предметовъ выражаемыхъ этими корнями, но ни сколько не можетъ и не долженъ служить *началомъ лексическимъ* т. е. началомъ, изъ котораго можно было бы производить содержаніе самыхъ корней или первообразнымъ, *источнымъ корнемъ:* такой корень—подобно тому, какъ *родъ*—повторяемъ—есть чистая отвлеченность, слѣд. нелѣпость въ глазахъ натуралиста—филолога или точнаго словоизыскателя, который кромѣ ясныхъ, въ самой природѣ существующихъ звуковъ съ яснымъ, опредѣленнымъ ихъ значеніемъ не допускаетъ ничего, а потому не дозволяетъ себѣ при помощи мудрящей фантазіи сочинять отвлеченные, безсмысленные звуки (кр, мр, тр,) съ отвлеченнымъ же, химерическимъ ихъ значеніемъ.

Просмотримъ теперь бѣгло объясненіе двухъ корней *мр* и *пин* для того, чтобы составить себѣ полное понятіе о недостаткахъ лексическаго метода Шишкова, проистекающихъ, какъ мы видѣли, изъ неправильнаго понятія о корнѣ, въ отвлеченномъ элементѣ котораго Шишковъ находилъ синтезъ всѣхъ возможныхъ частныхъ значеній; потомъ по разсмотрѣніи положительной стороны легксикологическаго метода въ трудахъ нашего Филолога,—метода *аналитическаго* или *органическаго,* къ которому Шишковъ возвратился въ дальнѣйшихъ своихъ изысканіяхъ, (въ области сравнительнаго языкознанія Славянскаго и всеобщаго)—мы перейдемъ къ обозначенію цѣли и результатовъ филологическихъ трудовъ Шишкова, чѣмъ и заключимъ наше разсмотрѣніе.

§ 31.

Первое направленіе въ лексикологическомъ методѣ Шишкова — синтетическое. Окончаніе: разсмотрѣніе словопроизводныхъ деревъ, стоящихъ на корняхъ: мр и пин.

Объясненіе колѣнъ дерева, коего корень есть мр. «Корень мр»—говоритъ Шишковъ—«т. е. звукъ, состоящій изъ сихъ «двухъ буквъ, кажется естественъ чувствамъ нашимъ, когда «мы голосомъ нашимъ изъявляемъ что нибудь противное имъ «или непріятное. Гораздо свойственнѣе произнести оный съ «пасмурнымъ, нежели съ веселымъ лицомъ. Онъ потрясая «губы и языкъ нашъ, кажется приводитъ и душу или чув- «ства наши въ такое потрясеніе, какое ощущаемъ при нѣко- «торой *боязни* или *отвращеніи*. Взглядъ на камень, на де- «рево, на цвѣтокъ, на ручей и т. п., не производитъ надъ «душею нашею такого сильнаго дѣйствія, какое производитъ «взглядъ на мертваго человѣка или животное. Здѣсь *ужасъ*, «соединенный съ *отвращеніемъ*, потрясая чувства наши и «сообщая сіе потрясеніе языку, понуждаетъ его произнести «звукъ *мр*, отъ котораго произошли потомъ вѣтви: *мру, уми- «раю, мертвый, смерть* и проч. Соединяя *единожды* съ симъ «корнемъ понятіе объ ужасѣ, вселяемомъ погасаніемъ жизни, «человѣкъ началъ всѣмъ прочимъ подобнымъ же явленіямъ «давать почерпаемыя изъ сего первоначальнаго понятія на «томъ же корнѣ основанныя имена». Установивъ этотъ идеальный корень *мр* съ неопредѣленнымъ, синтетическимъ его значеніемъ (потрясеніе чувствъ? ужасъ съ отвращеніемъ? непріятное ощущеніе при видѣ мертваго)? Шишковъ такъ выводитъ изъ этаго корня 25 колѣнъ, на которыя онъ развѣтвляется:

1.) *Мру* «ощущеніе ужаса» .... Настоящее, прямое значеніе его не опредѣлено Шишковымъ; вѣтви: *мру, умираю, мертвый, смерть* поставлены Лексикологомъ безъ всякаго объясненія подлѣ этаго корня; по отъ чего эти вѣтви значатъ не *ощущеніе* живаго при видѣ смерти, но самую смерть,— ежели *мр* выражаетъ именно *потрясеніе* чувствъ или *ужасъ* вселяемый погасаніемъ жизни? Смерть въ человѣкѣ умирающемъ сопровождается не потрясеніемъ но *потерею* чувствъ; и такъ характеристическая черта значенія въ колѣнѣ *мру* уже выходитъ изъ круга значенія корня *мр*, или по крайней-мѣрѣ *не входитъ* въ него. Прочіе колѣна производятся отъ *мру*—не выведеннаго непосредственно изъ корня, слѣд. не составляютъ, собственно говоря, развѣтвленій корня *мр*.— 2) *Мерлуха*—мѣхи изъ умершихъ или уморенныхъ ягнятъ, прежде нежели они родятся. 3) *Смрадъ*—непріятный запахъ отъ согнивающаго, мертваго тѣла (1). 4) *Смердъ*—чернорабочій (отъ смрадъ). 5) *Смородина*—ягода, имѣющая хотя не противный, но сильный духъ или смородъ. 6) *Мерзость*— чувство раждающееся въ насъ посредствомъ зрѣнія—отъ вида смерти, посредствомъ же обонянія—отъ смрада. 7) *Мракъ*—незримость вещей (по аналогіи съ *мертвымъ*, не видящимъ предметовъ), 8) *Смерчіе*—можжевеловый кустъ и тромбы,—отъ *мрака*. 9) *Морщу и морщусь* = отъ старости покрываюсь морщинами,—отъ *мру* (приближаюсь къ смерти) и *мракъ* (дѣлаюсь печальнымъ). 10) *Сморчокъ*—грибъ въ *морщинахъ*. 11) *Морошка*—ягода (отъ подобія *морщинамъ* на выпуклыхъ ея частицахъ). 12) *Смурый*—темный, отъ *мракъ*. 13) *Хмурю*— отъ *мракъ*. 14) *Мравій*—насѣкомое *темнаго* цвѣта (отъ мракъ). 15) *Мурава*—отъ мракъ; «вѣроятно названа такъ по сравне-«нію цвѣта ея съ другими прозрачнѣйшими цвѣтами». 16) *Мурлычу* — сурово, непріятно ворчу,—отъ *мракъ*, означающаго ту же *мрачность* (грубость, угрюмость, свирѣпость) какъ и

(1) И отъ всякаго даже не согнивающаго или не умирающаго но живаго тѣла.

слова: *пасмурно, жмуриться* и проч. 17) *Моргаю* — отъ *мракъ*, ибо чрезъ частое смыканіе рѣсницъ глаза не такъ ясно видятъ и чрезъ это дѣлается въ нихъ нѣкоторый мракъ. 18) *Мараю*—привожу какой-нибудь ясный или свѣтлый видъ въ мрачный. 19) *Морковь*—отъ мараю (ибо багряный сокъ ея можетъ, особливо на одеждѣ *бѣлаго цвѣта, дѣлать красныя* пятна). 20) *Мразъ*—отъ *мру*, ибо стужа приключаетъ *моръ, умираніе*. 21) *Море*—отъ *мр*, звука, выражающаго удивленіе, какимъ поражаетъ видъ необозримаго моря, или отъ *мр* = смерть—потому что на морѣ нѣтъ никакого обитанія и жизни. 22) *Моржъ*—(можетъ быть сперва *морежъ*), 23) *Мрежа*—(сперва *морежа*) отъ море. 24) *Міръ*—отъ *мр* = удивленіе, какимъ поражаетъ пространство воздуха (образовано по аналогіи съ словомъ: море). 25) *Миръ*—спокойствіе,—отъ *мру, моръ* потому что съ смертію неразрывно сопрягается понятіе о тишинѣ (1). Изъ этого бѣглаго обозрѣнія, мы можемъ ясно видѣть что 1) вмѣсто одного корня *мр* самъ Шишковъ принимаетъ *шесть* отдѣльныхъ корней, которые ему необходимо было допустить для того, чтобы вывести изъ нихъ болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ остальныя колѣна; это корни: *мру, мракъ, морщу, мараю, море, міръ;* 2) Хотя Шишковъ эти особые, частные корни и усиливается выводить изъ одного корня *мр*,—но синтетическое содержаніе его такъ неопредѣленно и пусто, что этотъ корень иногда представляется слишкомъ *обширнымъ* или многообъемнымъ, такъ что значеніе многихъ словъ ни какъ не входитъ въ него, иногда же слишкомъ тѣснымъ, такъ что значеніе многихъ словъ *выходитъ* изъ его предѣловъ. Это можно видѣть всякому легко. Значеніе перваго колѣна *мру* (собственное: разрушаюсь въ жизненномъ составѣ и перепосное: теряю чувства, сознаніе внѣшнее,—что предшествуетъ разрушенію) ни

(1) Мы не разсматриваемъ здѣсь *Словопроизводнаго Словаря*, стоящаго на деревѣ *мр* (Спб. 1833), въ которомъ этотъ корень разсмотрѣнъ во всей подробности: предѣлы разсужденія и безъ того разширяющіеся заставляютъ насъ ограничиться разсмотрѣніемъ однихъ *колѣнъ* корня *мр*.

какъ не выводится изъ *мр*—ощущаю сильное потрясеніе въ чувствахъ, ужасъ, соединенный съ отвращеніемъ: слѣдов. это значеніе *выходитъ* изъ общаго, родоваго значенія корня *мр*. Значеніе словъ *море* и *міръ*, равнымъ образомъ, выходитъ изъ предѣловъ первоначальнаго корня и Шишковъ долженъ былъ оговорить этотъ случай, сказавъ: «человѣкъ не «однимъ сопряженнымъ съ отвращеніемъ ужасомъ поражает«ся; его *изумляютъ* и смущаютъ (?) такъ же великія раз«стоянія, неизмѣримыя пространства». *Мракъ* — незримость вещей не входитъ въ слишкомъ обширный объемъ корня *мр*, потому что незримость происходитъ отъ ослабленія чувства зрѣнія, а *мр* выражаетъ потрясеніе чувствъ, ужасъ; *мо́рщу* и *морщусь*—значатъ собственно: покрываюсь складками на лицѣ и кожѣ тѣла и сжимаю кожу чела въ складки; *морщусь* = дѣлаюсь старымъ, печальнымъ—происходитъ отъ *морщу* или *морщина* (признакъ предмета за самый предметъ): и такъ, чтобы произвести его изъ корня *мр* — нужно бы было сперва вывести оный изъ словъ: *морщина, морщу*, а не на оборотъ. *Мараю*—привожу ясный цвѣтъ въ *мрачный:* а *морковь* производится отъ *мараю*—дѣлаю на бѣломъ платьѣ багряные или *красные* пятна? Гораздо натуральнѣе и вѣрнѣе лексически Шишковъ произвелъ и объяснилъ бы всѣ эти колѣна, ежели бы вмѣсто одного корня съ отвлеченнымъ, собирательнымъ значеніемъ, произвольно ему навязаннымъ, принялъ бы за корни нѣсколько словъ и взялъ бы въ основу лексическаго вывода первообразное, конкретное, а не переносное, отвлеченное значеніе ихъ; онъ могъ бы найти даже и въ значеніи *одного* корневаго *слова* синтезъ или совокупность почти всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя раскрываются порознь въ массѣ остальныхъ словъ. Такимъ словомъ могъ бы онъ признать *морокъ* (мракъ) къ которому безъ всякой натяжки можно присоединить четыре корня: *смерть* (=су-мерть, cf. су-мракъ, об-морокъ), *смрадъ* (смородъ, smród), *хмара* Млрск. (chmara польск.) и *морозъ* (1), кото-

(1) Колѣна 16, 17, какъ звукоподражательные глаголы, 19, 22, 23, 24, 25,— какъ вовсе не корневыя слова (ни происходящія отъ извѣстнаго корня,

рые ежели и не происходятъ всѣ изъ одного этого слова, то по значеніямъ своимъ (содержанію) примыкаютъ къ *объему* слова *морокъ*. *Морокъ*—значитъ въ народномъ русскомъ языкѣ не темноту, какъ *мракъ* въ церковнославянскомъ, но *пелену тумана*, образующуюся изъ сгущенныхъ, влажныхъ испареній, выходящихъ изъ земли или опускающихся изъ атмосферы. Отсюда: *сморокъ* или *смерчь* (въ П. Игорю *смерци*)—водяныя тромбы, *zmrok* = *сумракъ*, примракъ, *меркну*, *смеркаю* (мерцаю), *моргаю*, *морщу*, и т. п. Представленіе темноты, потери цвѣтовъ и очерковъ въ предметахъ, смѣшеніе ихъ въ какую то неопредѣленную, безцвѣтную и безжизненную массу подъ пеленой тумана—могло весьма натурально перейти изъ слова *морокъ* въ *объ-морокъ* (временная потеря чувствъ, помраченіе, смѣшеніе предметовъ въ сознаніи), которое почти буквально переведено словомъ *смерть* (семерт) (1),—ибо оно состоитъ изъ *с* и *мерть* (s-mierć—польск.); здѣсь буква *с* не есть *съ*=*со*, но заглушенная частица *су*, которая подобночастицѣ *па* (па-еркъ, па-возокъ, па-сынокъ) означаетъ одну изъ частей цѣлаго, нѣчто, подобное цѣлому предмету и т. д. такъ напр. *супругъ*,= *су*+*пругъ* (=пара, cf. у-пругъ); су-пругъ одно лицо изъ двухъ, образующихъ пару (мужъ или жена), *су-гробъ* (cf. Grab=холмъ)—подобіе холма, кургана, могилы, *су-понь*—ремень или веревка на одномъ изъ концовъ хомута (клещей), слѣд. одна изъ двухъ оконечностей *поны* (обтягивающей шею лошади кожаной пелены). Что въ словѣ *смерть* точно есть частица *су*, хотя заглушенная,—въ этомъ можно убѣдиться, сличивъ Польскія s-mierć, *zmrok* (cf. смерк-лось, су-мерки, смерци) и наше *сумракъ*=полумракъ, полутѣнь. И такъ *съ-мерть*=*су-мерть* (по-

ни производящія изъ себя другихъ словъ),—21—*море*—какъ общее всѣмъ языкамъ,—мы исключаемъ изъ лексическаго вывода.

(1) Въ Глаголитскихъ рукописяхъ; въ Верхнерусскомъ нарѣчіи: *семерётка*, *семерёточка*; см. Истор. древ. рус. Слов. Максимовича, Кіевъ, 1839, стр. 141 прим. 12. у Старообрядцевъ въ Иркутск. Губерн. употребляется прилагат. *смерётный*—къ смерти приготовленный, напр. *смерётное платье*, *бѣлье*. (Изъ Словаря сообщеннаго мнѣ бывшимъ Директоромъ Иркутской Гимназіи Статск. Совѣтн. М. А. Линденомъ).

добіе морока или полу-морокъ, помраченіе чувствъ) тоже что *обморокъ* (1). Дальнѣйшіе выводы словъ изъ корня *смерть* (моръ, морить, мру) оставимъ читателямъ. Представленіе сильнаго ощущенія въ обоняніи, производимаго густыми испареніями, выходящими изъ растительныхъ или животныхъ тѣлъ, весьма натурально могло привести къ образованію слова *смородъ*, по аналогіи съ словомъ *морокъ*, потому что представленіе сильнаго, густаго запаха, заглушающаго обоняніе, смежно съ представленіемъ *дыма* или, такъ сказать, густой пелены испареній, носящихся въ воздухѣ: отъ *смородъ*—смердъ, смородина и друг. слова. Отъ слова *морокъ*—самымъ натуральнымъ образомъ произошли и слова: *хмара* (дождевая туча и темпота атмосферы, происходящая отъ сгущенія воздушныхъ влажныхъ испареній), *хмуриться* (темнѣть), *сму-*

(1) Народъ воспользовался признакомъ, предшествующимъ смерти (потери чувствъ, сознанія) для обозначенія самой смерти, т. е. потери жизни, разрушенія организма; такимъ эмпирическимъ, конкретнымъ понятіемъ замѣнилъ онъ—какъ это обыкновенно бываетъ,—*отвлеченное*, гадательное понятіе о смерти, которое ни какъ не можетъ быть выведено ни изъ наблюденія надъ самимъ собою, ни надъ другими. Можно для лучшаго объясненія этого слова сличить съ нимъ *марà* (Малор.), *mára* (польс.)= видѣніе, призракъ, безтѣлесное существо, *тѣнь;* при всемъ томъ однакоже что такое объясненіе, предполагающее представленіе о переходѣ умершаго существа въ другое состояніе—покажется многимъ нѣсколько отдаленнымъ,—нельзя не признать, по крайней мѣрѣ, того, что лексическій составъ нашего слова: *смерть* не заключаетъ въ себѣ идеи *уничтоженія* или *разрушенія* существа человѣческаго. Ссылаюсь здѣсь на аналогію другихъ языковъ: 1) въ Нѣмецкомъ *Tod* (смерть)—у Ульфилы *Dauths*, въ Нижнесакс. *Dood*, въ Англосакс. и Англ. *Death*, въ Шведск. *Död*, въ Исландск. *Daud*, производятся у Аделунга отъ Нижесакс. еще и теперь употребит. глагола: *doen*, *abdoen*—высыхать, чезнуть (vertrocknen, sterben); 2) въ Греческ. *Θανατος*—отъ корня *Than*—простертый (étendu)—«parceque on est étendu dans le tombeau et que le mort y couche les mortels (*Court de Géb.*, Monde primit., Dict. étymol. de la l. Gr. M. DCC. LXXXII. p. 358); 3) въ Лат. *mors*—отъ Цельтскаго: «*mar, mor*» —noir, sans lumière»—cf. наше: *мòрокъ* (C. de Géb. Dict. étymol. de la lan. Lat. M. DCC. LXXX. 1191). 4) въ Цельтскомъ—*mort* отъ корня *mar*, который, по противоположности корню *mar*: свѣтъ, рѣчь (jour et parler), означаетъ: *сонъ*, «état où l'on ne *voit* et ne *parle* pas (C. de Géb. Dict. étymol. de l. L. Franç. M. DCC. LXXVIII. p. 712).

рый, мурава (темная зелень на глиняной посудѣ), *муравей* и друг. въ которыхъ можно видѣть смежность корня *мор* съ *мур*—слившимся съ нѣмецкимъ *mohr* (cf. польс. murzyn—черный, мавръ,—morwa, шелковичная ягода). Отъ корня же *морокъ* можно произвести *морозъ*—стужу происходящую отъ еще большаго сгущенія влаги или холода и *мерзость*—дрожь, ощущеніе холода—въ собственномъ его значеніи, и въ переносномъ—дрожь въ нервахъ или утробѣ, производимыя видомъ, вкусомъ или запахомъ непріятнаго предмета, подобно тому, какъ *стыдъ* = *студъ* (церковнослав.) происходитъ отъ *стыну* и выражаетъ непріятное потрясеніе или раздраженіе органа вкуса, производимое охлажденіемъ теплаго, сваренаго питательнаго вещества, (постыло, опостылѣть).

2. *Корень Пин.* Какъ въ предыдущемъ объясненіи корня *мр* такъ и при объясненіи корня *пин* Шишковъ старается сперва открыть въ немъ *первоначальное* понятіе и потомъ разсматриваетъ, какимъ образомъ это понятіе переходило въ другія, смежныя съ нимъ. Взявъ вѣтви: *пинаю, пнуть, пхаю, пихаю, пихнуть* и др. Шишковъ находитъ, что «всѣ онѣ, не «взирая на измѣненіе въ нихъ корня, показываютъ, что перво«начальное ихъ понятіе не измѣняется; ибо всѣ означаютъ «нѣкоторый ударъ, толчокъ, *прикосновеніе движущейся вещи* «(или тѣла) *къ неподвижной или пребывающей въ покоѣ*. Вотъ «первая мысль, содержащаяся въ корнѣ *пин*, который пу«скаетъ отъ себя слѣдующія вѣтви: 1) *Пинаю*,—толкаю, сую, «ударяю ногою, рукою или инымъ чѣмъ; 2) *воспинаю* или «болѣе употребительное *воспящаю*—поставляю преграду или «препону, мѣшаю, не допускаю, сопротивляюсь, прекословлю; «3) *впинаю* и *допинаю* или употребительнѣе *впихиваю, допи«хиваю;* 4) *запинаю*—пинаю за себя или отъ себя т. е. тол«каю прочь, останавливаю, мѣшаю, не допускаю, сопротив«ляюсь. Этотъ глаголъ *пинаю* или *пихаю*—замѣчаетъ Шиш«ковъ — доселѣ единозначащій, начинаетъ, сочиняемый съ «предлогомъ *за*, производить двоякія вѣтви: однѣ отъ непо-

«вреженнаго корня *пин*, другіе отъ поврежденнаго *пих*, «такъ что сіи вѣтви имѣютъ уже не малое въ смыслѣ раз- «личіе; ибо *запинаю* есть не то, что *запихиваю*. Однако хотя «сіи два глагола въ частныхъ значеніяхъ своихъ и разнятся, «но первоначальной мысли оба, яко отъ одного и того же «корня (1) происходящіе, не теряютъ: оба значатъ *толканіе*, «но толканіе различное: *запинаніе* представляетъ мнѣ поня- «тіе о нѣкоемъ толканіи, останавливающемъ мое движеніе; «*запихиваніе*, напротивъ, есть такое толканіе, которое не оста- «навливаетъ меня, но гонитъ, принуждаетъ двигаться въ ка- «кое нибудь нѣдро или внутренность. Изъ этихъ вѣтвей про- «исходятъ слѣдующія слова: а) *запона*, завѣса, занавѣсъ—отъ «*запинаю*, потому что запинаетъ (препятствуетъ) намъ видѣть «б) *за́понъ* — кожаный передникъ, употребляемый рабочими «людьми—тоже отъ запинаю, ибо *запинаетъ*, препятствуетъ нижнему платью мараться отъ сажи, пыли; в) *за́понь*—за- града поперекъ рѣки, для предохраненія плотины отъ на- пора льда и проч., г) *внезапно*,—что нибудь случившееся безъ всякаго запинанія, неожиданно, вдругъ; а оно принадлежитъ— мнѣ кажется—совершенно другому корню, который выказы- вается въ глаголѣ у-*пов*-ать (чаять) и польск. pew-ny (вѣр- ный)=на котораго можно надѣяться, полагаться; *внезапно*—или *внезапу*=въ-неза-пу (=*пов*) совершенно тождественно съ сло- вомъ *невзначай* (не-въ-за-чай: *н* между *з* и *а* прибавлена для благозвучія) «д) *за́понка* — потому что *запинаетъ* т. е. пре- «пятствуетъ двумъ стянутымъ ею петлямъ расходиться; е) *на- «пинаю*—натыка́ю, насовываю, наталкиваю и отселѣ, по сбли- «женію понятій, натягиваю, напрягаю (?); «этотъ глаголъ,» за- мѣчаетъ Шишковъ — «измѣненный въ корнѣ и сочиненный «съ тѣмъ же предлогомъ—*напнуть* (2) иногда можетъ равно

(1) Какого же? ежели пихаю, запихаю отъ *пин*, то *пин* отъ какого же?

(2) Наткнуть, натолкнуть кого на пень, камень и т. п.—объясняетъ Шишковъ, но такого глагола нѣтъ: есть *запнуться* (зацѣпиться ногою, обо что нибудь), вмѣсто котораго неправильно употребляютъ *напнуться на* ..... а *напнуть* (натолкнуть) просто одна произвольная выдумка почтеннаго

«съ симъ употребляться, иногда не можетъ: вмѣсто *напнуть* «говорится иногда *напхнуть* или *напихнуть*, но вмѣсто: *я «нечаянно на него напнулся* (т. е. встрѣтился съ нимъ) стран«но было бы сказать: *напхнулся*». Такимъ образомъ одно и то же понятіе дробится въ вѣтвяхъ своихъ на самыя тонкія различія. Впрочемъ глаголъ *напинать* (по смежности понятій *пинать* и *тянуть:* ибо тянуть какую нибудь вещь къ себѣ есть то же, какъ бы пихать или толкать ее съ противной стороны) — значитъ натягивать, напрягать. ж) *Опинаю* не употребит. но долженъ значить—ограждаю, ограждаюсь,—откуда *опóна*—покровъ, чехолъ на что либо (ограда, не допускающая ложиться копоти, пыли на скинію); з) *попóна*,—покрывало для одѣванія лошадей (ограда ихъ отъ пыли, грязи и проч.) и *препинаю* — предлежа или предстоя *пинаю* т. е. толкаю прочь, препятствую, не допускаю идти далѣе; і) *препона*—недопусканіе, прегражденіе; к) *перепонка*—оболочка, которая ограждаетъ, не допускаетъ окруженной ею части повреждаться отъ прикосновенія внѣшнихъ частицъ или воздуха; л) *препятствую:* здѣсь корень *пин* переходитъ въ *пят* и *пящ; пинаю* (многократ. видъ) въ однократномъ видѣ—*пять* (неупотребит.), что можно замѣтить въ предложныхъ глаголахъ: *распять, запять, препять;* переходъ изъ *пят* въ *пящ* видѣнъ въ будущ. и настоящемъ: *воспятить* (воспящу, воспящаю); м) *пята*—часть ноги, которая *пятитъ* (мѣшаетъ) ходить т. е. двигаться необыкновеннымъ образомъ, назадъ, не обращаясь лицомъ въ ту сторону, куда человѣкъ идетъ (предполагается, что человѣкъ безъ помѣхи ходитъ, двигаясь впередъ, а съ трудомъ,—двигаясь назадъ, пятою?); н) *претить* — возбранять, не дозволять, изъ *препятить*; о) *пропинаю* — проталкиваю, пробиваю, проколачиваю, протыкаю, пронзаю, *распинаю* — расталкиваю, раскидываю (?); п) *спинаю* — 1) сталкиваю, спихиваю. свергаю 2) (*oppos.* распинать)

Филолога, которому нужна была натяжка для подтвержденія миѳическаго корня *пин*.

со-талкивать, стягивать, сопрягать (тіи *спяти* (?) *быша* и падоша, Псал. XIX. 9.); р) *спина*—сопряженіе хребтовой кости съ ребрами; с) *спенекъ*—вещь, служащая къ *спинанію* двухъ другихъ вещей; т) *спóна* — препона, препятствіе; у) *супонь*—ремень или веревка у хомутныхъ клещей, служащая для стягиванія ихъ; ф) *упинаю*—пинаю, толкаю, упираю чѣмъ нибудь во что нибудь. Вотъ 20 вѣтвей близкихъ; слѣдуютъ вѣтви болѣе отдаленныя того же корня *пин: пя́лю, пелена, пень, пенька́, пѣшкомъ* (т. е. движеніе, совершаемое при пиханіи себя ногами), *блоха* (польск. pchła = «пихалка»), изъясненіе сродства которыхъ съ корнемъ мы оставляемъ. Нѣчего распространяться о несообразностяхъ этой корнесловной схемы, которыя открываются всякому еще скорѣе нежели натяжки въ словопроизводномъ деревѣ *мр:* тамъ еще кое гдѣ видѣнъ былъ натуральный лексическій выводъ, но здѣсь читатель на каждомъ почти шагу, въ каждомъ почти словѣ замѣчаетъ натянутое, невѣрное истолкованіе смысла, который произвольно навязывается ему Филологомъ. Ошибка Шишкова состояла въ томъ, что 1) онъ избралъ или, лучше сказать, изобрѣлъ корень совершенно *миѳическій*, отвлеченный имъ отъ многократнаго вида глагола *пять* + *пнуть:* пинать: въ элементахъ этаго корня *пин* есть только одна постоянно сохраняющаяся буква *п*, *и* по большей части переходитъ въ *о* или *е* (спона, спенекъ), буква же *н* иногда выпадаетъ (пять—ріąć); и такъ для болѣе вѣрнаго изображенія корневаго типа Шишкову нужно бы уже было употребить буквы *пн* или *пт* (пнуть, пять, пятить); 2) Шишковъ навязалъ этому миѳическому корню *пин*—значеніе совершенно ему чуждое, несвойственное (толкаю, сую, ударяю) и притомъ столь отвлеченно-общее, безъсодержательное (inhaltlos), что подъ него можно подвести всѣ возможные глаголы: потому, что «при-«косновеніе движущейся вещи къ неподвижной или пребы-«вающей въ покоѣ» можно находить не только въ глаголахъ *пинаю, запинаю,* но и въ глаголахъ: *бью, треплю, рѣжу, колю, стругаю* и т. п. Это чуждое, произвольно этому корню на-

вязанное значеніе (толкаю, сую) привело Филолога къ тѣмъ страннымъ, мудренымъ, ненатуральнымъ толкованіямъ, которыя заставляютъ его выводить простой смыслъ слова, означающаго матеріальную вещь, изъ отвлеченныхъ понятій, которыя иногда забавно даже видѣть соединенными съ такими вещами, какъ напр. *попона—огражденіе* лошадей отъ пыли, грязи; 3) Шишковъ, смѣшавши въ безразличномъ, произвольномъ синтезѣ миѳическаго корня многіе разнородные корни, самъ принужденъ былъ прибѣгать къ оговоркамъ, безъ которыхъ невозможно было ему изъ тѣснаго объема, какъ звука (пин) такъ и значенія главнаго корня (толкать) вывести звуки и значенія такихъ словъ, которыя превышали первыя: такъ онъ самъ долженъ былъ признать двойственность своего корня, выводя *пинаю* и прочія вѣтви изъ *неповрежденнаго* корня *пин,* а *пихаю* и др. вѣтви изъ поврежденнаго корня *пих* и т. п. И такъ о корнѣ *пин* можно сказать тоже, что о корнѣ *мр:* содержаніе его представляется то слишкомъ обширнымъ, *многообъемнымъ,* такъ что значеніе многихъ словъ не входитъ въ него напр. *попона, запона, перепонка,* то слишкомъ тѣснымъ, такъ, что значеніе многихъ словъ *выходитъ* изъ его предѣловъ напр. *напинаю* (напрягаю), *запятая, пята* и др. Ежели бы Шишковъ взялъ за основную точку всего корнесловнаго вывода слогъ *пон* а не *пин* или слово *пона,* то онъ самымъ натуральнымъ образомъ вывелъ бы изъ него всѣ слова, и даже безъ всякой натяжки могъ бы присоединить къ нему тѣ отдаленныя вѣтви *пялить, пятить, пхнуть,* которыя у него для вывода ихъ изъ корня *пин* потребовали двухъ корней: поврежденнаго и неповрежденнаго. Попробуемъ сдѣлать этотъ болѣе натуральный и безъискуственный выводъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что корень словъ есть не синтетическій *звукъ,* но органическій *слогъ* съ опредѣленнымъ значеніемъ (конкретнымъ) или такое *слово,* которое богаче, полнѣе, разнообразнѣе всѣхъ прочихъ словъ по своему значенію (содержанію), или чрезъ послѣдовательный анализъ значенія котораго мы можемъ получить всѣ тѣ

отдѣльныя черты характеристики, которыя входятъ въ составъ производныхъ словъ. Какое же слово примемъ мы за основную точку при лексическомъ выводѣ корней дерева *пи?*— Подобно тому, какъ въ царствѣ животныхъ — родовой, общій типъ усматривается часто не въ такихъ недѣлимыхъ, въ организаціи которыхъ характеристика онаго достигаетъ большихъ размѣровъ и высшей полноты и совершенства (напр. во львѣ, тигрѣ, леопардѣ) но въ такомъ недѣлимомъ, (напр. въ кошкѣ) которое въ сравненіи съ первыми какъ бы *изчезаетъ* въ нашемъ вниманіи,—такъ точно и въ царствѣ органическихъ звуковъ родовой типъ корня часто находимъ мы не въ первообразномъ (по составу своему) словѣ, въ которомъ корневой слогъ выставляется въ чистомъ, цѣльномъ и полномъ его видѣ, но въ производномъ словѣ, въ которомъ корневой слогъ является уже въ смѣшеніи съ другими грамматическими элементами. Такъ и въ этомъ случаѣ слога *пон* будемъ мы искать не въ словахъ *запона, спона, супонь*—при всемъ томъ, что онъ здѣсь выступаетъ наружу во всей цѣлости своей, безъ всякаго измѣненія, но поищемъ его въ словѣ *перепонка,* въ которомъ корневой слогъ сдѣлался слишкомъ сложнымъ, допустивъ измѣненія: уменьшительный суфиксъ *ка* въ окончаніи и предлогъ *пере* въ началѣ своемъ: первыя три слова, какъ увидимъ, произошли отъ послѣдняго, а не на оборотъ. *Перепонка* значитъ тонкую, упругую, мясистую поверхность или пелену, приросшую или протяженную между пальцами у нѣкоторыхъ птицъ (гусей, утокъ) и вообще соединяющую извѣстныя части и члены организма въ тѣлѣ животныхъ. Это слово состоитъ изъ предлога *пере* «между или въ промежуткѣ двухъ или многихъ противуположныхъ точекъ, сторонъ» и *понка*—плева, пелена мясистая, тонкая, упругая, тѣлесная ткань; слѣд. *логически* анализируя или выводя смыслъ этого слова изъ его элементовъ, мы должны оное опредѣлить такъ: упругая пелена, растянутая между двумя или многими противуположными сторонами, къ которымъ прикрѣплены края оной или на которыхъ края оной утвержда-

ются (¹). Вникая въ содержаніе этого понятія, мы найдемъ слѣдующія характеристическія черты, которыя можно извлечь или вывести изъ него при дальнѣйшемъ анализѣ и которыя совмѣстятся въ значеніи *предполагаемаго* цѣльнаго корня *пона:* 1) *пелена* или тонкая поверхность *упругая,* слѣд. 2) *растягиваемая:* но растягивать ее можно только тогда, когда края оной будутъ утверждены на двухъ противуположныхъ сторонахъ или точкахъ, раздѣленныхъ какимъ нибудь пространствомъ, промежуткомъ, слѣд. 3) *пона*—поверхность растяженная между двумя какими нибудь сторонами, служащими для нея точками опора; но упругая пелена, разширяющаяся въ промежуткѣ двухъ противуположныхъ или многихъ сторонъ, образуетъ собою непрерывное, плотное пространство или сплошную ткань, которая по законамъ упругости, уступая всякому внѣшнему давленію или дѣйствію, въ тоже время, по законамъ той же упругости противодѣйствуетъ оному, останавливаетъ его,—слѣд. *пона* – упругая поверхность, растяженная въ промежуткѣ или между нѣсколькихъ сторонъ (точекъ), закрывающая собою цѣлый промежутокъ и останавливающая всякое внѣшнее дѣйствіе. Изъ слова *пона* — нужно было образовать глаголъ; для этого къ слогу *пон* нужно было присовокупить окончанія *ать* или *нуть* или *ить* и выразить ими два различныя значенія дѣйствія, проистекающія изъ двухъ моментовъ: 1) *растягивать* упругую поверхность или утверждать края оной между двумя противуположными точками, сторонами, 2) *противудѣйствовать*, останавливать внѣшнее дѣйствіе плотною, упругою поверхностію, утвержденною поперегъ какого нибудь мѣста, промежутка. Для

(¹) «*Перепона*» по изъясненію Слов. Акад. 1848 «оболочка изъ сухожильныхъ волоконъ, окружающая какую-либо часть въ тѣлѣ животномъ.» Въ этомъ опредѣленіи термины: *оболочка* (поверхность облекающая толщу тѣла=Gehäuse) и *окружающая*—совершенно несвойственны значенію этого слова; такая поверхность прямѣе выражается словами *блóна*, *пелена*, *болонá*, а не словомъ *перепонка*—поверхность или кожица идущая между боками полости тѣлесной, или пальцами лапъ у животныхъ и вообще между сочленяющимися частями.

выраженія перваго русскій и польскій языкъ употребилъ окончаніе однократнаго вида *нуть:* по соединеніе слога *пон,* оканчивающагося тою же согласною (н), которою начинается и форма однократнаго вида (*нуть*=поннуть),—дѣлало слово слишкомъ протяженнымъ,—что было неудобнымъ для слуха, и потому русскій языкъ выбросилъ характеристическую гласную *о,* а такъ какъ два *н* были уже неумѣстны, то изъ *п(о) нуть* и вышло *пнуть;* польскій языкъ, не терпя *н* передъ носовою ą въ формѣ однократнаго вида ąć, выбросилъ тоже *о*—ponnąć=pnąć,—замѣнилъ *н* буквою гласною *i* (какъ и въ глаголахъ гнуть=gnąć=giąć, мять=мнуть=mnąć=miąć) и образовалъ *piąć=spannen,* (—się=тянутся, напрягать силы). Отсюда произошли двѣ формы въ русскомъ языкѣ: *пять* (пну)—растягивать и *пинать* (препинать запинать) — противодѣйствовать, останавливать, преграждать (1). Одинъ малороссійскій языкъ, кажется, сохранилъ только подлинный видъ корня *пон,* образовавъ изъ него глаголъ съ присоединеніемъ формы неопредѣленнаго вида *ить: спонить* (спинить)—остановить напр. скорый бѣгъ воловъ (cf. спона=препятствіе, церковнослав (2). Зная теперь, что *пнуть*+*пять* значитъ не толкать, совать, ударять—но *растягивать,* утверждать въ промежуткѣ какую нибудь упругую поверхность и метафор. — останавливать, преграждать протяженною поперегъ какого нибудь мѣста или пространства поверхностію внѣшнее дѣйствіе и т. д., — мы легко поясним

(1) Въ первомъ Словарѣ Акад. (1793 г.) стоитъ только глаголъ: *пинать, пнуть*= толкать что ногою; глагола: *пять* (piąć) вовсе нѣтъ; производныя же отого: *пяло, пяльцы* и др. поставлены подъ особымъ корнемъ: *пялить* (IV. 1259). Въ новомъ Слов. Акад. 1848. *пнуть* поставлено какъ особый видъ (однократный) глагола *пинать* (толкать ногою) III. 233. — Въ Корнесловѣ Шимкевича *пнуть, пять* и *пинать* отнесены къ новооткрытому корню: *педу, пести,* означающему: 1) *жму,* 2) *толкаю,* 3) *тку,* 4) *тяну* !?!... Странная судьба этого неуловимаго глагола, который такъ явственно, однакоже, выказывается въ сложныхъ своихъ формахъ: *распять, распинать, запинать* (=*запонка*), *препинать* (=*препона*)!—

(2) Да не спону сотворитъ Митяеву, постановленіемъ на Митрополію. Никон. Лът. VI. 82.

смыслъ вѣтвей, такъ натянуто опредѣленныхъ Шишковымъ. Такимъ образомъ *запóна* изъяснится не *запинаніемъ* (препятствованіемъ зрѣнію) но *пóною* или *пнутіемъ*—растяженіемъ пелены въ какомъ нибудь промежуткѣ; *зáпонъ*—не ограждениемъ одежды отъ сажи, пыли, но такимъ же протяженіемъ поверхности (кожи), обтягивающей переднюю часть тѣла человѣческаго и утвержденной на двухъ концахъ или крючкахъ; *попона*—не огражденіемъ лошадей отъ пыли, грязи, но растяженіемъ такой же тонкой поверхности (шерстяной или льняной) по бокамъ лошади; *опинаюсь* будетъ значить не ограждаю, ограждаюсь (что совершенно чуждо этому глаголу) но какъ Академическій Словарь 1789 г. изъясняетъ: «упираюсь во что нибудь ногами», слѣд. утверждаю свой корпусъ въ какомъ нибудь мѣстѣ, *растягивая* его, такъ сказать, между двумя точками опоры, образуемыми спиною или руками и ногами *вытянутыми*, напряженными и т. д. Остается пояснить корни: *пялить, пятить* и *пхнуть*. Они не произошли прямо отъ *пона* и *пнуть*, но *смежились* съ ними чрезъ производныя отъ нихъ вѣтви, частію по тождественности звуковъ, большею же частію по тождественности значенія своего съ первыми корнями. *Пялить* — можно полагать — образовалось изъ *пять;* сличимъ *пяло* (у сыромятниковъ—деревянный снарядъ для снимания кожи) (1): здѣсь *ло*—окончаніе (cf. би-ло, мы-ло, прави́ло), слившееся съ половиннымъ составомъ корня пять (пнуть), потерявшаго характеристическую букву *н*(=ią); но въ глаголѣ эта буква *л* сдѣлалась характеристическою: *пялить*—растягивать кожу, упругую ткань и т. д. *Пхать* значитъ собственно не толкать (пихать) но начинять упругое, растягиваемое влагалище (cf. Млрск. напхать=набить напр. мѣшокъ, перину, подушку—соломою, пухомъ, Польск. *pycha*—надутость, метафор. гордость, Церковнослав. *распыхахуся);* слѣд переносное значеніе *пхать* — растягивать излишнимъ наполненіемъ какую

(1) Или для *распинанія* зарѣзаннаго животнаго, которое вѣшаютъ головою внизъ, распиная ноги вверху на двухъ оконечностяхъ коромысла, которыя продѣваютъ въ разрѣзанныя около копытъ мясистыя части ногъ.

нибудь упругую или тонкую, со всѣхъ сторонъ заключенную *оболочку*; оттуда уже *пхать, пихать*=толкать, совать начинку въ эту оболочку и наконецъ *пхать, пихнуть*=толкать, двинуть съ напряженнымъ усиліемъ съ мѣста какую нибудь вещь; ежели принять за корень *пхать-пахъ*, Польск. *pacha* (подмышечникъ), промежутокъ между соединеніемъ рукъ и ногъ съ составомъ животнаго тѣла,—то можно видѣть еще болѣе близкое сродство этого слова съ корнемъ *пона* и *пнуть, пять*(1).—*Пятить* самымъ натуральнымъ образомъ смежилось съ *пять*, (piąć) какъ по тождеству звуковъ *(пятить* и *пять)*, такъ и по тождеству самаго смысла, ибо, происходя отъ *пята*—задняя часть ноги, служащая точкою опоры, утвержденія, установленія корпуса,—*пятить* могло получить значеніе: останавливать твердо-стоящею, неподвижно-упирающеюся массою тѣла внѣшній напоръ,—что равносильно значенію словъ: *препинать, за-пинать, спинать* и т. п.

Этихъ примѣровъ, я полагаю, достаточно для того, чтобы составить себѣ полное понятіе о первоначальномъ лексикологическомъ методѣ Шишкова и убѣдиться въ тѣхъ его недостаткахъ, которые мы старались раскрыть съ возможнымъ безпристрастіемъ и подробностію и которыя теперь выразимъ однимъ словомъ, сказавъ, что Шишковъ усиливался для цѣлаго класса словъ самыхъ разнородныхъ (словопроизводнаго дерева) найти *одинъ* отвлеченно-сложный, неопредѣленный корень, которымъ онъ *синтезировалъ* ихъ до безразличія и смысломъ котораго старался онъ прояснять всѣ прочіе корни,—тогда какъ сущность лексическаго изслѣдованія языка требуетъ отысканія *нѣсколькихъ* корней, для того, чтобы какъ можно глубже, вѣрнѣе, точнѣе *анализировать* составъ языка, приводя его къ самымъ простымъ, наиболѣе опредѣленнымъ, элементарнымъ началамъ. Приведемъ для подтвержденія окончательнаго замѣчанія нашего объ этомъ методѣ Шишкова соб-

(1) Разница будетъ небольшая: *пнуть*—растягивать пелену въ промежуткѣ или перегораживать промежутокъ пеленой, а *пхать*—наполнять по сторонамъ пеленою обтянутый промежутокъ какою нибудь мягкою массою.

ственныя слова незабвеннаго нашего Филолога. — Критикуя противуположный методъ словоизслѣдованія, признанный Академіею (въ статьѣ своей: О недостаткахъ и погрѣшностяхъ Академическаго словопроизводнаго словаря, ч. VI. стр. 124.), Шишковъ дѣлаетъ въ подтвержденіе своей мысли нѣсколько выписокъ изъ Академическаго словаря и послѣ первой, въ которой помѣщены *девять* особыхъ корней, отнесенныхъ въ деревѣ Шишкова къ одному и тому же корню *пин*,—говоритъ слѣдующее: «Здѣсь видимъ мы девять корней или словъ, «взятыхъ за коренныя, изъ которыхъ отъ каждаго произве- «дены вѣтви. — Слѣдовательно намѣреніе Словаря есть то, «чтобы при каждомъ коренномъ словѣ показать происходя- «щія отъ него слова. — Для чего Словарь сей составляется «такимъ порядкомъ? Не для того ли, чтобы видѣть, какимъ «образомъ умъ человѣческій сперва къ корню присоединяетъ «мысль, а потомъ отъ сей мысли, соображаясь съ нею, ра- «ждаетъ другія, подобно желудю, испускающему изъ себя «многовѣтвенный дубъ? Намѣреніе самое полезнѣйшее для «языка; ибо симъ средствомъ открывается составъ онаго и «обнаруживается теченіе мысли человѣческой; но сохранится «ли сіе намѣреніе показать связь и цѣпь между словами, «когда цѣпь сія, по природѣ своей непрерывная, разорвется «на многія части? не то ли самое находимъ мы здѣсь, видя, «что поставлено девять корней, съ произведенными отъ ка- «ждаго вѣтьвями тогда, когда всѣ сіи корни составляютъ «одинъ и тотъ же, заключающійся въ словѣ *пинаю*, изъ ко- «тораго мысль течетъ во всѣ прочія вѣтьви? Возьмемъ кого «нибудь за праотца и поведемъ отъ него родословную, мы «будемъ ясно видѣть всѣ въ ней поколѣнія и союзы; но «прервемъ ее, взявъ вмѣсто одного девять праотцевъ, и по- «ведемъ отъ каждаго изъ нихъ собственныхъ его потомковъ: «можемъ ли мы въ сихъ девяти родословныхъ видѣть ту жъ «самую между лицами связь, какую видѣли въ прежней од- «ной и непрерывной родословной? Сверхъ сего, препинающаго «умъ нашъ и не существующаго въ языкѣ, раздѣленія, про-

«истекаютъ изъ того еще и другія запутанности, смѣшиваю-«щія порядокъ мыслей, какъ напр. глаголъ *воспящаю* поста-«вленъ подъ корнемъ *пята:* слѣдовательно (поелику вѣтвь «всегда происходитъ отъ корня) полагается, что отъ понятія «о *пять* произошло понятіе о *воспященіи;* но можетъ ли сіе «быть? слово *пята* собственно въ себѣ не заключаетъ ни «какой мысли: оно само произошло отъ мысли, содержащей-«ся въ глаголѣ воспящаю или препятствую.—И такъ выхо-«дитъ здѣсь со всѣмъ неестественное въ природѣ, т. е. что «корень произведенъ отъ вѣтви».

§ 32.

Второе направленіе въ лексикологическомъ методѣ Шишкова—аналитическое. Перечень статей, относящихся къ оному. Первый моментъ аналитическаго направленія: начатки органическаго анализа языковъ въ статьѣ: Сравненіе Крайнскаго нарѣчія съ Россійскимъ.

Отъ синтетическаго направленія въ лексикологическомъ методѣ Шишкова мы переходимъ ко второму направленію въ оному — *аналитическому*. Мы разсмотримъ оное съ бо́льшею подробностію, нежели первое, потому что въ немъ именно обнаруживается та прямая, *положительная* сторона идей Шишкова, которая долгое время (по неизбѣжнымъ судьбамъ ума мыслящаго въ *новой* наукѣ) скрываясь за стороною ложною, *отрицательною, мало по малу* выступала наружу, на свѣтъ, и—что всего замѣчательнѣе — выступала сама собою, двигаемая *инстинктомъ* ума и хотя не избѣжала роковыхъ *поворотовъ* и *своротовъ* (détours), но по крайней мѣрѣ дала намъ въ окончательномъ результатѣ своемъ *зародышъ* Естествен-

ной Исторіи Языковъ—той формы, которой до сихъ поръ еще не имѣетъ языкознаніе, но необходимость которой такъ вѣрно и глубоко постигалъ незабвенный нашъ Филологъ уже въ то время! — Сдѣлаемъ прежде всего перечень статей Шишкова, относящихся къ Сравнительной Лексикологіи и потомъ уже будемъ разсматривать тѣ *формы* и *направленія*, какія принимала здѣсь лингвистическая разработка нашего Филолога, которая, съ одной стороны, какъ по обширности своего предмета, такъ и по новости ея въ то время, съ другой стороны—по недостатку *точныхъ понятій* (о языкѣ, корнѣ и проч.) въ самой наукѣ языкознанія (ощущаемому даже до сихъ поръ),—не могла, конечно, получить формы связной и цѣлой, формы строго-систематической. Въ V части сочиненій Шишкова (1825) помѣщенъ: *Опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ, основанный на изслѣдованіи оныхъ*. На это Разсужденіе можно отъ части смотрѣть какъ на зародышъ послѣдующихъ лексикологическихъ трудовъ Шишкова, потому что въ немъ мы находимъ всѣ элементы сравнительнаго изслѣдованія: и *частное* (сравн. языка русскаго съ славянскими и нѣкоторыми европейскими) и *общее* (–со всѣми европейскими язык.) и *всеобщее* (сравненіе всѣхъ языковъ, въ извѣстныхъ, разумѣется, корняхъ). Въ VI части (1826) подъ заглавіемъ: *Продолженіе изслѣдованія корней* (1—127 стр.) помѣщены два словопроизводныя дерева, стоящія на корняхъ *мал.* и *пин*: въ этихъ статьяхъ каждое дерево языка русскаго разсматривается въ параллели съ сродными ему развѣтвленіями языковъ европейскихъ: Латинскаго, Италіянскаго, Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго. Въ XI части (1827), на стр. 28—155 помѣщено продолженіе перваго трактата: *Опытъ разсужденія о первонач.* и проч.; это не что иное, какъ болѣе подробное развитіе изложенныхъ прежде мыслей о сродствѣ языковъ и о способахъ изслѣдывать оное,—которыя подкрѣплены сравненіемъ корней *бить* и *ст*-st (стоять) и въ особенности XV словами языка Нѣмецкаго, которыя признаны туземными корнями языковъ славян-

скихъ (¹). Въ трехъ остальныхъ частяхъ: XIII (1829), XIV (1831) и XV (1832) помѣщены статьи, относящіяся изключительно ко всеобщему сравнительному изслѣдованію языковъ. Въ XIII-ой—статья подъ заглавіемъ: *Опытъ всеобщаго Словаря или собраніе на разныхъ языкахъ, имѣющихъ одинакій корень* и проч. (150—297 стр.), составляетъ переходъ отъ *общаго* сравнительнаго языкоизслѣдованія къ *всеобщему:* по прежнему Шишковъ разсматриваетъ здѣсь извѣстные корни по деревьямъ или колѣнамъ, но кругъ языковъ, входящихъ въ это разсмотрѣніе, гораздо шире: кромѣ языковъ: Шведскаго, Датскаго, Голландскаго, присоединенныхъ къ входившимъ прежде въ оное Англійскому и Нѣмецкому и дополняющихъ собою семейство сѣверныхъ языковъ Европы, здѣсь принимаются въ соображеніе еще языки: Испанскій и Греческій,—дополняющія собою семейство южныхъ языковъ Европы. Въ XIV части, въ статьѣ: *Собранія языковъ и нарѣчій съ примѣчаніями на оныя* (стр. 1—78) помѣщены первые *десять корней,* извлеченныхъ, при пособіи Палласова Сравнит. Словаря, изъ двухъ сотъ языковъ человѣческихъ и представленныхъ въ видѣ *семействъ;* это — корни: *Богъ, небо, отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, мужъ, человѣкъ.* Въ XV части подъ тѣмъ же заглавіемъ: *Собраніе языковъ и нарѣчій,* помѣщены 90 корней, разсмотрѣнныхъ такимъ же точно образомъ (въ видѣ семействъ); эти два собранія составляютъ болѣе трети корней языковъ человѣческихъ извѣстныхъ намъ изъ Палласова Словаря, содержащаго въ себѣ 273 слова на двухъ стахъ языкахъ. Работа Шишкова невольно изумляетъ всякаго ея колоссальностію!.. Первая изъ поименованныхъ нами статей: *Опытъ разсужд.* и проч. (Ч. V.), какъ мы сказали, можетъ быть разсматриваема отчасти какъ зародышъ послѣдующихъ лексикологическихъ трудовъ Шишкова: она заслуживала бы подробнаго разсмотрѣнія,

(¹) Продолженіе онаго, заключающее разсмотрѣніе еще девяти корней (XVI—XXIV) помѣщено въ XIV части на стр. 306—331.

ежели бы была *зародышемъ* въ полномъ смыслѣ слова, т. е. ежели бы превосходные *начатки органическаго* анализа языковъ, обнаруживающіеся въ этой статьѣ, упрочились потомъ въ дальнѣйшей филологической работѣ Шишкова и вытѣснили бы собою тѣ *атомистическія начала,* которыя были усвоены нашимъ Филологомъ и отъ которыхъ онъ не могъ уже отстать. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не обратить вниманія на тѣ новыя стороны, съ какими является извѣстный уже намъ лексическій методъ Шишкова въ двухъ статьяхъ этого *опыта:* 2-й—*Сравненіе Краинскаго наръчія съ Россійскимъ* и 3-й—*Разсмотрѣніе корня Вѣщ—въ произведенныхъ отъ него вѣтвяхъ;* эти новыя стороны или, лучше сказать, новые пріемы метода Шишкова показываютъ, что Филологъ нашъ, чувствуя недостаточность *атомистической* системы, которую прилагали къ изслѣдованію наръчій Славянскихъ и Линде и Добровскій,—сознавалъ потребность лучшей, болѣе положительной, болѣе натуральной и здравомыслящей системы. Давалъ ли онъ при томъ себѣ отчетъ въ томъ, что́ понималъ онъ подъ *языкомъ* народа и *наръчіемъ,* какъ представлялъ онъ себѣ происхожденіе каждаго изъ нихъ и взаимное ихъ отношеніе?—я не знаю; но изъ филологической *практики* его, какую нахожу въ поименованныхъ мною двухъ статьяхъ, вижу, что *теорія* филологическая, служившая для первой основою безсознательно, мимо вѣдома и воли Филолога — находится въ діаметральной противоположности съ тою теоріею атомистическою, какой слѣдовали не только Шишковъ, Добровскій, Линде,—но и всѣ европейскіе филологи того времени. Эта новая теорія, безсознательно (statu latente) таящаяся въ *практикѣ,* содержитъ въ себѣ начатки *органицизма* или *органической* системы въ славянорусской филологіи, и потому именно мы должны указать на нее, какъ на зародышъ *прогрессивнаго* момента, — хотя онъ, къ сожалѣнію, остался безъ окончательнаго развитія, безъ рѣшительныхъ послѣдствій — въ остальной филологической работѣ Шишкова. Чтобы видѣть эту оригинальную сторону въ лексическомъ методѣ Шиш-

кова, стоитъ только просмотрѣть первую изъ двухъ приведенныхъ нами выше статей *Опыта о первонач. единствѣ и разности языковъ:* въ ней находимъ мы лучшее подтвержденіе того, какъ часто ложная теорія опровергается здравою практикою. Шишковъ поставлялъ сущность словъ въ *корнѣ*, а сущность корня въ какихъ то *отвлеченныхъ* звукахъ (гр, хр, мр.) съ какимъ то отвлеченнымъ, всеобщимъ значеніемъ: отъ того *лексическая* особенность словъ потерялась у него въ общности *вѣтвей* нарѣчія (словопроизводныхъ деревъ), особенность *нарѣчій*, вмѣстѣ съ тѣмъ, изчезла въ безразличной общности цѣлаго *языка* — который представился какимъ то «мнимымъ существомъ»—по собственному признанію Филолога. Все это было непосредственнымъ результатомъ *атомистической* идеи языка,—послѣднюю, самую крайнюю степень которой мы видѣли въ систематическомъ различеніи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, приведенномъ Г. Максимовичемъ къ двумъ только существеннымъ признакамъ: мѣстоимѣнію: *той, тенъ* и глаголу: *патрити*, (с)мотрѣть,– слѣдов. уничтоженному почти до *безразличія*. Но тотъ же Филологическій *атомизмъ*, который, какъ мы видѣли, уничтожалъ различіе *нарѣчій*, подобно тому, какъ уничтожалъ различіе *вѣтвей*—совершенно обличилъ себя въ превосходномъ, но къ сожалѣнію, единственномъ, опытѣ Шишкова: *Сравненіи Крайнскаго нарѣчія съ Россійскимъ, взятымъ собственно за Славенскій языкъ*. Вмѣсто того, чтобы изъ массы разнороднѣйшихъ словъ извлекать *сходныя согласныя буквы*, изъ этихъ *частичекъ* составлять миѳическіе, *идеальные* корни и давъ имъ отъ себя какое-то отвлеченно-собирательное, нигилистически – общее значеніе—*производить* множество вѣтвей изъ *одного* корня.— Шишковъ взялся 1) въ каждомъ нарѣчіи *за цѣлыя слова*, 2) за предметное, *реальное* ихъ значеніе. Стѣснивши прежній безпредѣльный объемъ *корня* (гр, кр, мр.), простиравшагося на цѣлыя сотни словъ, до того, что онъ ограничился звуками отдѣльныхъ *словъ*, Шишковъ тотчасъ же принужденъ былъ повести свою лексикологическую работу путемъ діаметрально-

противоположнымъ съ тѣмъ, какимъ онъ велъ ее прежде: вмѣсто того чтобы *синтезировать*, — отыскивая въ самыхъ различныхъ словахъ одни *отдаленно-сходные* звуки, — онъ началъ *анализировать*—находить въ самыхъ сходныхъ словахъ *различные* звуки; и результатъ этаго анализа былъ совершенно противоположенъ съ результатами всѣхъ прежнихъ лексикологическихъ изслѣдованій: вмѣсто того, чтобы прійти къ сходству или лексическому тождеству всѣхъ нарѣчій языка Славянскаго,—Шишковъ нашелъ, что *два* только нарѣчія одного и того же разряда, будучи сравниваемы между собою въ словахъ, представляютъ *одну* группу *аналогическую* (словъ, совершенно сходныхъ какъ звуками такъ и значеніемъ) и *семнадцать разностей* или семнадцать группъ, въ которыхъ слова одного нарѣчія уклоняются отъ словъ другого, то буквами гласными, то согласными, то окончаніями грамматическими, то значеніемъ—до того, что на послѣдней ступени дѣлаются наконецъ совершенно непонятными, несходными. Вотъ, для большей наглядности, примѣры или образчики этаго лексическаго анализа:

1. *Группа аналогическая.*

Краинск.	Русск.	Краинск.	Русск.	Краинск.	Русск.
Baba	Баба	Gluhota	Глухота	Kluzhar	— Ключарь
Brasda	Бразда	Gonenie	Гоненіе	Kniga	— Книга
Vezher	Вечеръ	Desniza	Десница	Prasnost	— Праздность
Vosduh	Воздухъ	Dremota	Дремота	Schumeti	—Шумѣть.

Въ этой группѣ, состоящей изъ 250 словъ, начинающихся съ буквъ Б, В, Г, Д, Ж, З, И, К, Л, М, Н, О, П, Р, С, Т, У, Х, Ц, Ч, Ш,—заключаются слова, не представляющія никакой разности ни въ звукахъ, ни въ значеніи, слѣд. *буквально-сходныя* въ Краинскомъ и Русскомъ нарѣчіяхъ. За нею слѣдуютъ слова, уклоняющіяся различнымъ образомъ въ каждомъ нарѣчіи: они образуютъ—

2. *Группы разностныя или разности.* (Anomalien).

I. Разность.

Краинская буква *i*—въ Русскомъ—*ы*.
Bik—Быкъ.
Bivol—Буйволъ.
Posabiti—Позабыть.
Sir—Сыръ.
Sit—Сытъ и проч.

II. Разность.

Краинск. бук. *и* въ окончаніи,—въ Русскомъ—*о*.
Blagu—Благо.
Bedru—Бедро.
Nebu—Небо.
Czelu—Чело и проч.

III. Разность.

а) непостоянно-соотвѣтственное измѣненіе гласныхъ:
Pet—Пять (е—я).
Rezglas—Разгласъ (е—а).
Lash—Ложь (а—о).
Tast—Тесть (а—е).
Pajk—Паукъ (j—у).
Vajvoda — Воевода (j—е).

б) Постоянно-соотвѣтственное измѣненіе гласныхъ:
о вмѣсто *у*.
Ogl—Уголь.
Sob—Зубъ.
Soditi — Судить и проч.

IV. Разность.

Измѣненіе гласныхъ буквъ съ согласными и послѣднихъ между собою:
а) У вмѣсто *в* (v).
Uhod—Входъ
Ulaga—Влага.
б) *в* вмѣсто *у*.
Vosk—Узокъ.
Votl—Утлъ.
в) *в* вмѣсто *б*.
Wogat—Богатъ.
Woj,—Бой, битва.
Wreg — Брегъ (берегъ).
г) *в* вмѣсто *л*.
Vovk—Волкъ.
Vovna-Во́лна(шерст)
д) *л* вмѣсто *в*.
Treslost—Тревость.
Treslivost — Трезвость.

V. Разность.

Сокращеніе слова чрезъ потерю одного звука:

Въ началѣ:
Tiza—Птица.
Las—Власъ.
She—Уже.

Въ срединѣ:
Sulza—Сулица.
Tank—Тонокъ.
Terd—Твердъ.
Srota—Сирота.

Въ концѣ:
Nauk—Наука.
Vedr—Ведро.
Porok—Порука.

VI. Разность.

Краинск. глагольное окончаніе *м* въ 1-мъ лицѣ,—Русск. *ю, у*.
Dam—Даю.
Delim—Дѣлю
Ishem—Ишу.
Tekam—Теку.

VII. Разность.

Измѣненіе предлоговъ — *одъ* вмѣсто *отъ*

Odtek—Оттекъ.
Odkop—Откупъ.
Odstop—Отступъ.

da вмѣсто *до*

Datod—Дотуда.
Datikam — Дотыкаюсь.

per вмѣсто *при*, пре

Persega—Присяга.
Perpotje—Перепутье.
Perpovednem Проповѣдаю.

res вмѣсто *раз*

Reswoj, Разбой.
Resdir—Раздоръ и проч.

VIII. Разность.

Замѣна буквы *б* въ предлогѣ *объ* начальною буквою слова:

Ommetam — Обметаю.
Ollupiti—Облупить.
Oggledam — Обглядываю.
Otteralo — Обтирало (полотенце).
Okkowati—Оковать.

IX. Разность.

Разность въ сочиненіи слова съ предлогами:

Podglavje — Возглавіе.
Pokus—Вкусъ.
Pogled—Взглядъ.
Nakluzhenje, Приключеніе.
Pogovar—Уговоръ.
Prebytk-Избытокъ.

X. Разность.

Безпредложное употребленіе нѣкоторыхъ словъ, употребляемыхъ съ предлогами въ другомъ нарѣчіи.

Vodnik — Проводникъ.
Vest—Совѣсть.
Pokliz—Кличъ.
Potrês Трусъ (землетрясеніе).

XI. Разность.

Разность окончаній въ одинаковыхъ словахъ:

Babeza—Бабушка.
Bled—Блѣдность.
Plesar—Плясунъ.
Kapus—Капуста.
Gniloba—Гнилость.
Gnusoba-Гнусность.

XII. Разность.

Анаграмма — перестановка буквъ и сокращеніе слова отъ выпуска одной изъ гласныхъ буквъ:

Derva—Дрова.
Kerpke—Крѣпко.
Jermen—Ремень.
Bersda—Бразда.
Solsa—Слеза.
Slegatt—Солгать.

XIII. Разность.

Разность въ словосоставѣ *сложныхъ* рѣченій:

Terdoglawnost Упрямство (твердоглавость).
Ranozelnik—Лекарь (цѣлитель ранъ).
Svjetavednost—Знаніе свѣта.
Kratkozhasnost-Кратковременность.

XIV. Разность.

Разность метафоризма словъ:
Smetene—Сливки.
Stan—Состояніе.
Sodba (судба) Судъ.
Strezha Щастіе (добрая встрѣча? добрый *случай*)?
Trud—Усталость.
Odgovor—Отвѣтъ.
Resgled (разглядъ) зеркало.

XV. Разность.

Разность смысла отъ измѣненія предловъ, сочиняемыхъ съ словами:
Perdevk (придавокъ) прозвище.
Perludn (прилюденъ) учтивъ.
Perpadnos (припадность) приключеніе.
Perljetn (прелѣтный) многолѣтній, старецъ и проч.

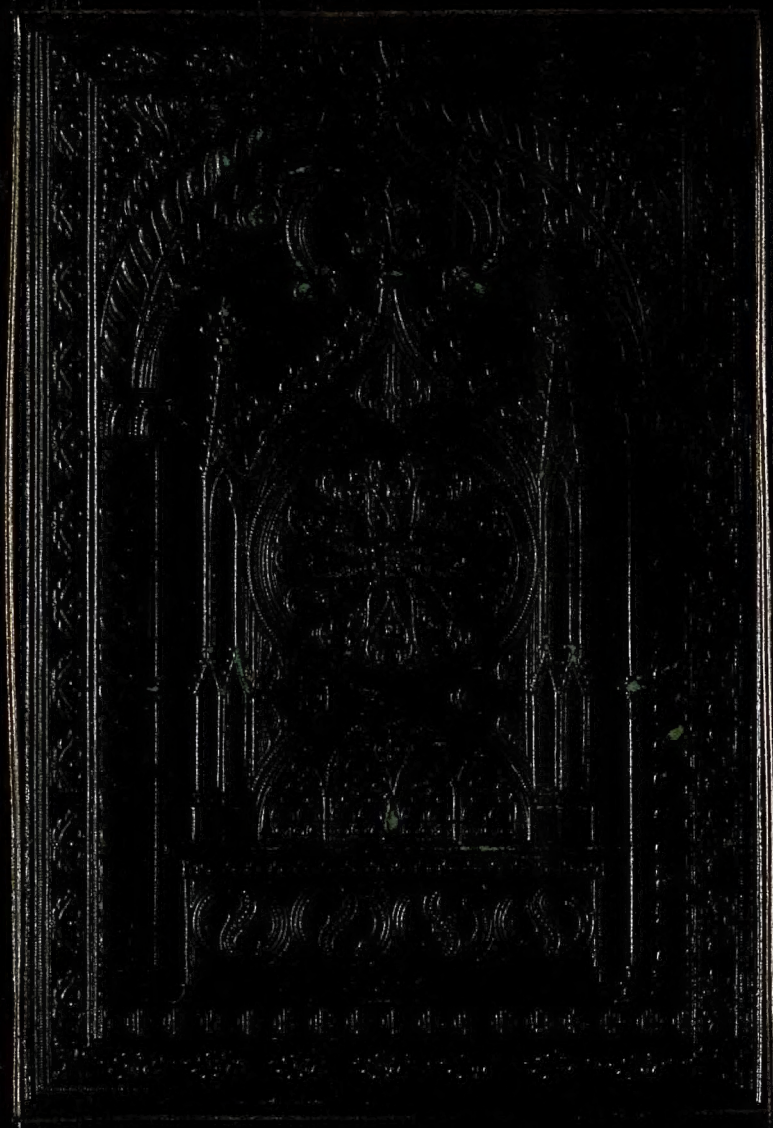
XVI и XVII. Разности.

Слова совершенно несходныя, частію иноязычныя, частію неизвѣстнаго происхожденія:
Arznya — Arzney (Нѣмц).
Aid—Heide (язычникъ).
Tolh—Dolch (кинжалъ) и друг.
Smuga—Черта (есть въ Млрск.)
Strâmor(?)Великанъ.
Biba (?) Гадъ.
Presha (??) комедія.
Trora (turba?) толпа народа и проч.

Вотъ *образчикъ* лексическаго анализа нарѣчій Славянскихъ, образчикъ—до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, *единственный* въ своемъ родѣ; онъ можетъ, однакоже, служить *первообразомъ*, нетолько для Славянорусскихъ филологовъ, но и для филологовъ Славянскихъ вообще, показывая имъ, какимъ путемъ могутъ быть приготовлены тѣ матеріалы, которые должны послужить основою для Филологической Славянской Грамматики, т. е. для Сравнительной Грамматики нарѣчій Славянскихъ.—Въ опытѣ Шишкова находятся *матеріальные* элементы для обѣихъ существенныхъ частей этой Грамматики: *Лексикологіи* и *Этимологіи*.—Грамматика каждаго нарѣчія должна *опредѣлить* лексическій составъ—*матерію нарѣчія* и этимологическую особенность, словообразованіе—*форму* его: въ этомъ заключается вся ея задача.—Но *опредѣлить* составъ нарѣчія значитъ *отдѣлить*, отграничить оное, какъ *цѣлое*, отъ другихъ нарѣчій, съ которыми оно *сме-*

жается; отдѣлить же это нарѣчіе отъ другихъ рѣзкими, прочными и твердыми чертами можно тогда только, когда 1) мы будемъ сравнивать не элементы, *части* словъ (при чемъ всегда будемъ *разное* опускать и останавливаться только на *сходномъ*) но *цѣлыя* слова (при чемъ будемъ останавливаться какъ на сходномъ такъ и на разномъ); но чуть только мы сосредоточимъ нашъ сравнительный анализъ на *цѣлыхъ* словахъ,— то должны будемъ непремѣнно 2) ограничить, сжать и сдѣлать болѣе опредѣленными и самые предметы сравненія, т. е. мы должны будемъ сравнивать одно нарѣчіе не съ многими вдругъ, но съ однимъ какимъ-нибудь нарѣчіемъ или съ каждымъ изъ многихъ нарѣчій *порознь:* и такъ сосредоточенность, сжатость, спеціальность *предмета* въ сравнительномъ анализѣ нарѣчій языка Славянскаго — есть первое условіе, обезпечивающее ту глубину, ту тонкость анализа, безъ которыхъ выводы его не будутъ имѣть достоинства твердыхъ, несомнѣнныхъ, *точныхъ* данныхъ. Превосходный примѣръ въ выполненіи этого перваго условія представляетъ *опытъ* Шишкова, сравнивавшаго два только нарѣчія, и при томъ нарѣчія принадлежащія не къ двумъ противоположнымъ разрядамъ языковъ Славянскихъ, но къ *одному* и *тому же* разряду, слѣдов. находящіяся въ отношеніи ближайшаго, непосредственнаго *сродства.* — Отдѣляя, отграничивая одно нарѣчіе отъ другого съ тѣмъ, чтобы обозначить *составъ* каждаго,—мы, какъ уже сказано выше, должны отдѣлить ихъ совершенно другъ отъ друга, такъ чтобы каждое представилось *цѣлымъ:* но обозначить цѣлое нарѣчія мы можемъ тогда только, когда обозначимъ *начало* его и *конецъ;* но *начало* въ двухъ нарѣчіяхъ, смежныхъ между собою, будетъ тамъ, гдѣ въ нихъ появляется *совершенно-сходное* (общее),— *конецъ* каждаго нарѣчія будетъ тамъ, гдѣ начнутся слова *совершенно—разныя* (въ каждомъ особенныя); такимъ образомъ съ той черты, на которой станетъ оканчиваться совершенно-сходное въ обоихъ нарѣчіяхъ (межа общей основы, проходящей подъ всѣми нарѣчіями языка Славянскаго) бу-

детъ начинаться каждое *нарѣчіе,* или укажется свое особенное начало въ каждомъ нарѣчіи,—а на той чертѣ, съ которой начнется совершенно-разное въ каждомъ нарѣчіи—укажется конецъ каждаго нарѣчія порознь. И эти два полюса, необходимые для того, чтобы опредѣлить составъ каждаго нарѣчія рѣзкими, прочными, твердыми гранями—обозначены въ опытѣ Шишкова: въ *аналогической группѣ* мы видимъ общее начало, или—лучше сказать—общую основу, почву, къ которой примыкаютъ оба нарѣчія равно; съ *I*-й разности до *XV* мы видимъ начало того постепеннаго уклоненія въ каждомъ нарѣчіи, которое обнаруживается сперва разностію *одной* буквы гласной въ одномъ и томъ же лексическомъ составѣ слова, потомъ—разностію *гласныхъ* и *согласныхъ* звуковъ, далѣе—*начальныхъ слоговъ* (различныхъ предлоговъ при одномъ и томъ же корнѣ), потомъ—слоговъ *наконечныхъ* (окончаній), слоговъ *срединныхъ,* наконецъ—разностію въ *составѣ* или *сложеніи* цѣлыхъ словъ (впрочемъ сходныхъ между собою порознь), разностію переноснаго значенія *созвучныхъ* и *сродныхъ* по прямому смыслу словъ, наконецъ—совершенною разностію и *звука* и *смысла.* XVI и XVII Разности обмежевываютъ *конецъ* какъ Краинскаго такъ и Русскаго нарѣчія; вѣтви перваго (представляющія слова иноязычныя или непзвѣстныя) проростаютъ какъ бы въ почву другихъ языковъ, съ которыми это нарѣчіе было когда то *смежно.* Изъ этаго маленькаго опыта можно видѣть, что *точный* лексическій анализъ можетъ съ точностію опредѣлить частное различіе нарѣчія (отъ одного какого нибудь съ нимъ смежнаго): и ежели бы Филологъ, взявъ въ основаніе одно какое нибудь нарѣчіе, наприм. Русское,—сдѣлалъ бы такое же тщательное сравненіе со всѣми нарѣчіями Славянскими порознь, то—можно думать—онъ получилъ бы прочныя *данныя* и для *общаго* взаимнаго различія нарѣчій Славянскихъ; по крайней мѣрѣ можно быть увѣрену, что результаты его были бы гораздо положительнѣе и плодотворнѣе, нежели результаты теперешней сравнительной системы нарѣчій Славянскихъ,

которая изъ сравненія языковъ обоихъ разрядовъ вынесла на свѣтъ только двѣ черты различія существеннаго: *тенъ, той* и *патрити, (с)мотрѣть* !!!.... Какой превосходный образецъ представляетъ *Опытъ Шишкова* для приготовленія *матеріальныхъ* элементовъ Сравнительной Славянской Этимологіи—говорить объ этомъ считаю излишнимъ; наблюденія надъ соотвѣтствіемъ каждой порознь *гласной* и *согласной* буквы, производимыя съ точностію, т. е. не надъ тремя, четыремя словами, но надъ цѣлыми группами ихъ—доставили бы надежную основу для сравнительной Фонетики или Тоники (Lautlehre) языковъ Славянскихъ, а наблюденія надъ соотвѣтствіемъ начальныхъ и окончныхъ слоговъ для сравнительнаго словоизмѣненія (Flexionslehre) и словопроизводства (Ableitung und Zusammensetzung.) Къ сожалѣнію превосходные начатки этаго органическаго анализа остались безъ прогрессивнаго развитія въ послѣдующихъ трудахъ Шишкова. Перейдемъ теперь ко второму моменту направленія аналитическаго, обнаруживающемуся уже во 2-й статьѣ того же Разсужденія: здѣсь мы увидимъ роковую точку поворота или, лучше сказать, *сворота* (détour) съ пути *органическаго* анализа, какимъ шелъ уже Шишковъ—къ *атомизму*,—поворота, который сдѣлала мысль нашего Филолога по необходимости неизбѣжной, который она должна была сдѣлать для того, чтобы довести заблужденія *атомизма* Филологіи XVIII вѣка до послѣднихъ его крайностей и послѣ котораго она прямо ступила на почву Естественной Исторіи Слова т. е. на почву органической системы языкознанія.

Конецъ перваго семестра.